

Э.П. Утлик

ВОИН РОССИИ: ЛИЧНОСТЬ И СЛУЖЕНИЕ

ЗАЩИТНИКАМ
ЗЕМЛИ
РОССИЙСКОЙ

ВОЕННЫЙ УНИВЕРСИТЕТ

75-летию Великой Победы посвящается

Э. П. УТЛИК,
доктор психологических наук, профессор

ВОИН РОССИИ:
ВОЕННО-
ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ
ИССЛЕДОВАНИЕ

МОНОГРАФИЯ

МОСКВА – 2020

Рецензенты:

С. П. Поляков, доктор педагогических наук, профессор;
Л. П. Казакова, кандидат психологических наук, доцент;
А. С. Черепанов, кандидат психологических наук, доцент

У 84 Утлик, Э. П.
Воин России: военно-психологическое исследование : монография. – М. : ВУ, 2020. – 400 с.

В монографии представлены результаты теоретического, историко-психологического и эмпирического исследования личности воина Вооруженных сил России. Дана целостная научная характеристика личности и процесса становления личностных особенностей воина на различных этапах развития военного дела в России. Изложены в комплексном виде боевые качества воина («боевая десятка») и процесс их формирования в ходе боевой и политической (военно-политической) подготовки. Аргументируется тезис о развитии и уточнении индивидуальной концепции личности воина каждым военным руководителем, а также о достижении реализма и единства взглядов среди офицерского и сержантского состава подразделения, части и соединения на личность современного военнослужащего.

Монография рекомендуется командирам подразделений и частей, заместителям командиров по военно-политической работе и другим должностным лицам. Она будет полезна для руководящего и научно-педагогического состава военно-учебных заведений Министерства обороны, должностных лиц федерального учебно-методического объединения военных образовательных учреждений высшего образования Министерства обороны РФ, докторантов, адъюнктов, а также для всех военнослужащих, вовлеченных в процесс психологической подготовки, военно-политической работы в войсках и самовоспитания.

ББК –

© Военный университет, 2020 г.

© Утлик Э. П., 2020 г.

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие	5
Личность – Воин – Бой – Победа!	7
Введение	11
Глава 1. Общепсихологические предпосылки познания личности воина	21
1.1. Элементы психологической персонологии	21
1.2. Социальная психология личности	40
1.3. Основные свойства личности	51
1.4. Профессионально-личностные особенности человека	54
1.5. «Рабочий» образ воина	57
1.6. Эмпирическая военно-профессиональная типология личности	66
Глава 2. Образ воина в истории военного дела в России	76
2.1. Филогенез боевых качеств: образ воина на ранних этапах зарождения и развития военного дела в России	76
2.2. Суворовский взгляд на личность воина	96
2.3. М. И. Драгомиров: личность воина самоотверженного	110
2.4. Эволюционная концепция личности воина И. П. Маслова	121
2.5. Н. Д. Бутовский: романтический взгляд на личность воина	143
2.6. Н. Н. Головин. Социально-психологическая концепция бойца в структуре военной науки	162
2.7. Личностный проект переустройства русской армии Д. П. Парского	173
2.8. Е. М. Герасимов: взгляд на личность воина со стороны добровольческой армии	184
2.9. Ф. Е. Огородников: теория личного достоинства воина	196
2.10. Г. Д. Хаханьян. Воин – человек борющийся	204
2.11. А. А. Таланкин. Идеино-политическая личность воина	209
2.12. Образ воина в боевой практике Маршала К. К. Рокоссовского: личностные истоки служебного общения и взаимоотношений	215

2.13. Проблема личности воина в научной школе Н. Ф. Феденко	225
Глава 3. Личность воина. Вопросы истории и теории	236
3.1. Боевые качества воина: вопросы истории	237
3.2. Боевые качества воина: вопросы теории	251
3.3. Развитие боевых качеств воина (психологическая подготовка)	293
3.4. Военно-профессиональная идентичность на начальном этапе службы	306
3.5. Личностный подход к уставным отношениям и боевому взаимодействию	321
3.6. Адаптация к оружию	330
Заключение	337
Литература	339
Приложение: Краткая хрестоматия по психологии личности воина	346

ПРЕДИСЛОВИЕ

Уважаемый читатель!

Автор книги, которую вы держите в руках, – представитель военного и послевоенного поколения. Великую Победу 1945 г. встречал в 8-летнем возрасте. Детскими глазами наблюдал бегство оккупантов и победное шествие освободителей – войск Центрального фронта.

Затем – учеба в артиллерийском училище, служба в качестве командира взвода, комсомольская работа, Военно-политическая академия им. В.И. Ленина и вновь на протяжении 35 лет офицерская служба. Все это время автор проявлял неугасающий интерес к военной психологии, особенно к личности военного человека. Это нашло отражение в результатах его научной и педагогической деятельности.

Представляемая книга имеет длительную историю: многочисленные предварительные публикации, войсковые исследования, работа в архивах, живое, непосредственное общение с офицерами, курсантами и солдатами, дискуссии на кафедре психологии, в диссертационных советах и на теоретических конференциях.

Личность современного российского воина несет в себе многовековой военный опыт Российского государства. Нынешние поколения военнослужащих усваивают этот опыт, высокие нравственные военно-профессиональные стандарты, военную культуру и этику, традиции офицерского корпуса. Все это проявилось в Афганистане, в боевых действиях на Северном Кавказе в защиту целостности России, в войне против мирового терроризма в Сирии.

Но опыт прошлого – это дело сложное. Без изучения и обобщения боевой опыт и забывается, и недооценивается, и, к сожалению, иногда искажается.

Книга профессора Э. П. Утлика является средоточием исторически накопленных опытных и научных представлений о становлении образа воина России, о его боевых и морально-политических качествах. Особое место занимает в ней военно-психологический опыт Великой Отечественной войны, взгляды выдающихся полководцев Г. К. Жукова, К. К. Рокоссовского, И. С. Конева, А. Г. Го-

лованова, П. И. Батова, В. И. Казакова, А. В. Горбатова и др., стиль командования которых отличался глубоким пониманием души человека. В книге автор отдал дань уважения нашим университетским ученым – профессорам А. В. Барабанщикову, М. И. Дьяченко, Н. Ф. Феденко, Л. Ф. Железняку, много сделавшим для развития теории личности воина.

Выражаю уверенность в том, что книга профессора Э. П. Утлика явится полезным пособием для всех воинов России и тем примером, которому последуют ученые университета, специалисты гуманитарных и военных наук.

Начальник Военного университета

генерал-лейтенант

И. Мишуткин

Личность – Воин – Бой – Победа!

Выход в свет монографии Э. П. Утлика «Воин России: военно-психологическое исследование» – событие поистине знаковое. Оно свидетельствует о том, что российская военная психология не просто жива, но и обладает мощным созидательным потенциалом.

Чтобы человек стал воином, прежде он должен быть личностью. Эта мысль на протяжении веков главенствовала в российском военно-психологическом знании. «Личностный» подход к воину культивировали выдающиеся российские военные деятели – полководцы, военачальники и ученые-исследователи, достигшие военно-психологического понимания войны и боя¹. Среди них А. В. Суворов, М. И. Драгомиров, И. П. Маслов, Н. Д. Бутовский, Н. Н. Головин, Г. Е. Шумков, Г. Д. Хаханьян, К. К. Рокоссовский и др., которые стремились познать и целенаправленно использовать те стороны личностных проявлений, которые реализуются в одной из самых экстремальных областей человеческого бытия – в войне и военном деле.

В период зарождения и становления отечественной военной психологии она жадно открывала, впитывала и систематизировала знания о личности воина. Первые военные психологи, будучи по духу романтиками, искренне верили в то, что в познании личности воина лежит ключ к победам над противником.

По мере развития военной психологии ключевые направления военной практики, такие как профессиональный отбор, психологическая подготовка военнослужащих, психокоррекция и психологическая помощь, функционирование и развитие системы высшего военного образования, управление карьерой офицеров и кадровая работа в целом, управленческая деятельность и др., становились все более личностно ориентированными, основывались на индивидуальном подходе к каждому человеку.

К сожалению, в советское время военная персонология «рассредоточилась», затерялась среди военно-психологической про-

---

¹ См.: Дьяченко М. И., Кандыбович С. Л., Караяни А. Г. История отечественной военной психологии : учебник. М., 2009.

блематики и, по существу, утратила роль авангарда военной психологии.

Сегодня, по словам автора монографии, мы вынуждены констатировать, что «личностная тематика отстает как от потребностей военной практики, так и от динамики военно-психологического знания. Значимые исследования и публикации по психологии личности воина относятся к прошлому и почти забыты. Персонологическая проблематика военной психологии еще не стала востребованной и не получает поддержки для своего развития. Научные данные по психологии личности воина часто игнорируются: военная педагогика, практика военно-профессионального отбора, военная наука, прежде всего тактика, кадровая работа и другие области военного управления обходятся устаревшими, а нередко и примитивными представлениями о человеке на службе».

Монография Эрнста Платоновича Утлика возвращает военную персонологию на лидирующие позиции в структуре военной психологии. Это становится возможным потому, что представляемый военному читателю научный труд обладает безусловными достоинствами. Прежде всего, это первая в отечественной военной психологии научная работа, в которой масштабно обобщен теоретический и эмпирический опыт познания психологии военного человека на протяжении нескольких столетий развития военного дела в России. Автор бережно, по крупницам собирает разбросанные по наукам, научным школам и по векам военно-персонологические идеи, формируя своеобразную энциклопедию военной персонологии. Во-вторых, «сформировавшаяся в боях» модель личности воина накладывается автором на теоретико-методологические конструкции известных научных подходов к пониманию личности. Все военно-психологические проблемы решаются на основе современной общепсихологической теории. В-третьих, в монографии личность воина рассматривается в системе координат войны и боя. В качестве своеобразного ядра личности воина автор выделяет комплекс боевых качеств («боевая десятка»), каждое из которых детально и всесторонне охарактеризовано. В этом комплексе все нацелено на бой, вооруженное противоборство, победу над противником. Другими словами, боевой комплекс личности пред-

ставляет собой своеобразный ресурс воина, социально-психологический инструмент, позволяющий ему осуществлять целеполагание, создавать необходимое волевое напряжение, поддерживать боевую активность, сохранять свою идентичность в системе ценно-нравственных ориентиров, эффективно решать боевые задачи и выживать на поле боя. Говоря словами автора, в его работе «функциональная линия в отношении к военному человеку характеризуется стремлением выявить и мобилизовать его духовные и физические ресурсы, подчинив их решаемым задачам».

Еще одним достоинством работы является то, что она содержит прикладной раздел, представляющий собой исследование процесса развития личности воина в ходе приобретения высшего военного образования, психологической подготовки и военной службы в целом.

Центральной идеей монографии является необходимость возвращения личности (конкретных, научно обоснованных моделей личности воина) в значимые для военного дела области практики, такие как профессиональный психологический отбор, формирование личности военного руководителя, психологическая подготовка военнослужащих к действиям в сложных условиях войны и боя, психологическая реабилитация воинов после боевой психической травмы, построение и совершенствование психологически адекватной системы военно-политической работы и воспитания в Вооруженных силах России.

Научный труд Э. П. Утлика – это благоприятная предпосылка для планирования и широкого развертывания личностно-психологических исследований в интересах видов Вооруженных сил, родов войск и специальных войск. Преподаватели психологических дисциплин высшей военной школы, психологи в войсках, научных учреждениях и других структурах могли бы, следуя примеру, существенно продвинуть теоретическое и практически-прикладное познание психологических особенностей различных категорий военнослужащих, личностно-профессиональных требований, специфических для конкретных военных специальностей, условий службы и боевой работы.

Реализовать данные идеи призваны те, кому адресована эта работа: командиры подразделений и частей, заместители командиров по военно-политической работе, руководящий и научно-педагогический состав военно-учебных заведений Министерства обороны, должностные лица федерального учебно-методического объединения военных образовательных организаций высшего образования Министерства обороны РФ, докторанты, адъюнкты, а также все военнослужащие, вовлекаемые в процесс психологической подготовки, военно-политической работы в войсках. Особое место в этом ряду принадлежит военным психологам. Именно в их совокупной и индивидуальной профессиональной деятельности должна быть реализована психолого-педагогическая линия «Личность – Воин – Бой – Победа!». А монография Э. П. Утлика «Воин России: военно-психологическое исследование» явится для них надежным путеводителем.

**Главный научный сотрудник ФГКУ
«ВНИИ МВД России»,
член-корреспондент РАО,
заслуженный деятель науки РФ,
доктор психологических наук, профессор
А. Г. Караяни**

ВВЕДЕНИЕ

Эта книга о теории и истории формирования личности российского воина. Сегодня, в первые десятилетия XXI в. мы видим результаты многовекового пути развития военного дела в нашей стране и его важнейшей – человеческой составляющей. Боевые подвиги, совершенные солдатами и офицерами в годы после Великой Отечественной войны: в Афганистане, на Кавказе, в Сирии, – везде, где безопасности России появляется угроза, подготовлены историческим прошлым наших Вооруженных сил.

Сегодня российский офицер старший лейтенант Александр Прохоренко ведет себя в бою так же, как в годы Великой Отечественной войны поступали советские воины: он в районе Пальмиры в тылу противника, в окружении террористов, как говорили фронтовики, «вызывает огонь на себя»: он указывает свои личные координаты для нанесения авиаудара. Это было его последнее решение по корректировке действий российской авиации... Террористы уничтожены. Старший лейтенант А. Прохоренко честно и самоотверженно выполнил воинский долг.

Боевые качества народов России, олицетворением которых являются военнотруженики, закреплены в традициях частей и соединений, в военном искусстве (прежде всего, в тактике), в системе боевой, моральной, психологической и политической подготовки. Эти качества отражены в литературе, музыке, изобразительном искусстве, в народном художественном творчестве. Каждое новое поколение защитников отечества находит боевые воинские качества в живых образах ветеранов прошлых войн и вооруженных конфликтов, в основах изучаемого военного дела, в общественном мнении и мировоззрении патриотов России.

Сержант Андрей Тимошенко в Сирийской провинции Хомс проявил настоящий боевой интеллект – высокую бдительность, оперативность и решительность. Он отважно стал на пути начиненного взрывчаткой автомобиля, который террорист-смертник направил на местных жителей, получающих гуманитарную помощь. Огнем своего оружия он остановил эту бешено несущуюся

бомбу и спас жизни мирных сирийцев. При взрыве автомобиля сержант А. Тимошенко получил смертельное ранение...

Сержант А. Тимошенко настоящий воин России. Бесконечно жаль, что человек с выдающимися боевыми качествами ушел из жизни.

О боевых офицерах, сержантах и рядовых президент России В. В. Путин сказал: «Вы сражались за Россию, за свой дом, за справедливое и правое дело, и потому вместе с вами был весь наш народ. Уверен, вы чувствовали эту гражданскую, патриотическую сплоченность, и это единство армии и народа придавало вам сил. Люди следили за ежедневными событиями, как за сводками. Верили в вас, гордились вашими успехами, нашими Вооруженными силами, искренне, с болью, как свою, переживали каждую невосполнимую утрату»¹. Президент подчеркнул: в Сирии уничтожен враг, который угрожал всему миру.

Ситуацию в Сирии, где воин России встретился с сильным, коварным и всесторонне вооруженным противником, исчерпывающе охарактеризовал министр обороны генерал армии С. К. Шойгу:

«Те, кому кажется, что в Сирии мы воевали с кучкой фанатичных и примитивных боевиков, сильно ошибаются. Мы воевали с крупнейшей многотысячной террористической организацией, точнее сказать – системой. У террористов на вооружении были сотни танков, реактивные системы залпового огня, бронемшины и сотни тысяч тонн боеприпасов, которые в прежние годы были захвачены у армий Ирака и Сирии, были сотни подготовленных джихадистов-смертников. Была самая современная техника, включая аппаратуру связи и оборудование для разведки. У них была отлаженная международная система эвакуации раненых, работающий механизм сбора налогов на захваченных территориях, работал свой «черный рынок» торговли артефактами»².

Можно быть уверенным, что российские военнослужащие, которые сегодня на сирийской земле заслоняют мир от угрозы со

---

¹ Речь президента России в Кремле во время вручения боевых наград 28 декабря 2019 г.

² Московский комсомолец. 2019. 23 сентября.

стороны террористических формирований, – это умелые, высоко мотивированные, отважные, стойкие бойцы, нацеленные на победу над любым противником.

Россия гордится воинами-афганцами, участниками боевых действий и локальных конфликтов на территории России и за ее пределами так же, как победителями в Великой Отечественной войне, и в войне 1812 г., и героическими защитниками Севастополя в Крымскую войну позапрошлого века.

Замысел настоящей работы состоит в том, чтобы на основе теоретического, историко-психологического и эмпирического исследования личности воина Вооруженных сил России дать целостную научную характеристику личности и процесса становления личностных особенностей воина на различных этапах развития военного дела в России. Акцент делается на комплексном представлении боевых качеств воина («боевая десятка») и процессе их формирования в ходе боевой и политической подготовки. Подчеркивается необходимость создания, развития и непрерывного уточнения индивидуальной концепции личности воина каждым военным руководителем, а также достижения реализма и единства взглядов среди офицерского и сержантского состава подразделения, части и соединения на личность современного военнослужащего и актуальные задачи его воспитания.

Монография содержит три главы и приложение, представляющее собой краткую хрестоматию по психологии военного человека. В первой главе сосредоточены общепсихологические основы, необходимые для построения теории личности воина: элементы психологической персонологии, социально-психологический подход к личности, понятие о свойствах личности и профессиональных особенностях человека. Здесь же представлен и практический («рабочий») образ воина и очерк военно-профессиональной типологии. Вторая глава – историко-психологическая, в ней представлены взгляды на личность военного человека, принадлежащие известным военным деятелям. Эти взгляды имеют как теоретическую значимость, так и практическую полезность. Кроме того, они поучительны, они убеждают: военный руководитель нуждается в том, чтобы иметь свою личную теорию военного человека. Третья гла-

ва является теоретической. Ее основу образует теория боевых качеств воина и путей их развития.

Все социальные (социологические, экономические, психологические, военные, политологические и др.) теории, а также им соответствующие области общественной практики нуждаются в рабочем образе (модели) человека, и фактически создают их, если даже не очень четко это артикулируют. Есть, как известно, философия личности¹, социология личности², педагогика личности и т. д. Одни из этих дисциплин полагают, что именно они создают общую (всеохватывающую) теорию личности, другие реализуют свой специфический (дисциплинарный) подход, а третьи скромно заявляют о необходимости «внутренней» модели человека для развития собственной науки и практики. Видимо, последняя – реалистическая точка зрения имеет место в экономике. «Никакая экономическая теория не может обойтись без рабочей модели человека, т. е. определенных допущений относительно детерминантов и способов его экономического поведения»³, – справедливо написал В. С. Автономов. Это положение уместно было бы принять и в других сферах человеческой практики, которые являются не только потребителями персоналогической информации, но и ее творцами.

Военная наука и военное дело в целом также имеют свою модель человека – воина, которая в разные времена имела разное содержание. Военная мысль разных стран проявляет определенный интерес к личности военного человека⁴, что, вероятно, находит

---

¹ См.: *Арсеньев А. С.* Философские основания понимания личности. М., 2001.

² См.: *Клементьев Д. С., Маслова А. Т.* Социология личности. М., 2017.

³ *Автономов В. С.* Человек в зеркале экономической теории. М., 1993. С. 78.

⁴ *Janowitz M.* The Professional Soldier. A social and Political portrait. Free Press, USA, 1961; *Найтцель З., Вельцер Х.* Солдаты вермахта. Подлинные свидетельства боев, страданий и смерти : пер. с англ. М., 2013 ; *Stouffer S. et al.* The American Soldier. Studies in Social Psychology of World War II. V. I. & 2. V. 1. Adjustment during Army Life. V 2. Combat and Aftermath. Princeton: Princeton Univ. Press, 1949 ; *Moskos Ch.* The American Enlisted Man. New York : Russell Sage Foundation, 1974.

отражение и в практике управления, обучения и повседневного общения.

Психологи Военного университета (Военно-политической академии) под руководством А. В. Барабанщикова и Н. Ф. Феденко целенаправленно создавали школу военной персонологии (Н. Ф. Феденко¹, Л. Ф. Железняк², В. И. Варваров³, Г. А. Давыдов, Э. П. Утлик и др.).

На современном этапе психология личности воина (военного специалиста) расширяет свое содержание: она разрабатывается по таким направлениям, как концепция личностного ресурса (А. Г. Караяни⁴), личность как системообразующее звено психологической модели боя⁵, теория и методика адаптационного потенциала воина (А. Г. Маклаков⁶), теория социального интеллекта (И. Ф. Баширов⁷), коллективистского самоутверждения личности (В. П. Каширин⁸), военно-профессиональной идентичности (Л. П. Казакова)⁹ и др.

---

¹ См.: Феденко Н. Ф. Очерки по психологии личности советского воина. М. : ВПА, 1965.

² См.: Железняк Л. Ф. Военно-профессиональная направленность личности советского офицера. М. : ВПА, 1979.

³ См.: Варваров В. И. Психология личности советского воина. М. : ВПА, 1974.

⁴ См.: Караяни А. Г. Психологическое обеспечение боевых действий личного состава частей сухопутных войск в локальных военных конфликтах : дис. ... докт. психол. наук. М. : ВУ, 1998.

⁵ См.: Караяни А. Г. Военная психология. Ч. 2. Учебник и практикум для вузов. М., 2016. С. 35–61.

⁶ См.: Маклаков А. Г. Основы психологического обеспечения профессионального здоровья военнослужащих : дис. ... докт. психол. наук. СПб., 1996.

⁷ См.: Баширов И. Ф. Социальный интеллект как фактор успешности профессиональной деятельности военного психолога : дис. ... канд. психол. наук. М. : ВУ, 2006.

⁸ См.: Каширин В. П. Психология самоутверждения личности в военном-морском курсантском коллективе. М. : ВПА, 1979.

⁹ См.: Военно-профессиональная идентичность: актуальные направления исследования: материалы межрегиональной научно-практической

Специфическим отделом военной персонологии является психологическая подготовка, рассматриваемая как теория боевых качеств человека и практика их формирования¹.

Много полезного сделано и делается авиационной психологией² и военно-морской психологией³.

За всеми современными знаниями находится богатая история трудных попыток подойти к адекватному пониманию личности военного человека и научиться правильно относиться к нему в практике боевого управления, в боевой учебе и повседневной службе.

Отечественная военная психология располагает значительным объемом знаний о личности воина. Обобщение накопленного за несколько столетий материала по военной персонологии показывает, что психологическая картина личности была бы намного беднее, если бы мы не располагали идеями (теоретическими и практическими) А. В. Суворова, М. И. Драгомирова, И. П. Маслова, Н. Д. Бутовского, Н. Н. Головина, Г. Е. Шумкова, Г. Д. Ханыяна и других военных мыслителей и психологов.

Поэтому интегрирование военно-персонологических материалов является важным направлением развития психологической теории личности. В свою очередь, задача военной психологии – полнее осваивать достижения в области познания личности таких

конференции психологов силовых структур / под ред. С. И. Данилова, Л. П. Казаковой. М. : ВУ, 2018.

¹ См.: *Феденко Н. Ф.* Некоторые пути повышения эффективности психологической подготовки личного состава к активным боевым действиям в условиях современной войны. М. : ВПА, 1984 ; *Караяни А. Г., Корчемный П. А., Марченков В. И.* Психологическая подготовка боевых действий войск. М. : ВУ, 2011 ; *Дьяченко М. И.* Психологическая подготовка советских воинов к боевым действиям в условиях современной войны. М. : ВПА, 1966.

² См.: *Пономаренко В. А.* Психология жизни и труда летчика. М. : Воениздат, 1992 ; *Корчемный П. А.* Психологическая подготовка летного состава ВВС к ведению активных боевых действий в условиях современной войны : дис. ... докт. психол. наук. М., 1990.

³ См.: *Столяренко А. М., Броневицкий Г. А., Зуев Ю. П., Коркин В. Я.* Введение в военно-морскую психологию. М., 1970.

мировых психологических школ, как глубинная психология, бихевиоризм, когнитивная психология, гуманистическая психология.

Далеко не всегда рабочая модель воина представляется в военно-теоретических работах и руководящих документах, включая уставы, в явном виде. Чтобы ее описать, приходится прибегать к исследованию. Но рабочая модель воина есть всегда, в том числе там, где речь идет преимущественно о требованиях, предъявляемых к воину. Конечно, порой отсутствует четкое понимание того, что существуют различия между тем, каким воин является на самом деле и каким он должен быть. Формулируя цели и задачи психологического отбора, воинского воспитания и психологической подготовки, нельзя игнорировать то, каким воин является фактически и как он меняется на разных этапах военной службы.

Теория, предназначенная для познания реальности, поможет внести необходимую ясность: дать два ряда данных: каким воин является и каков его «портрет», имидж у различных категорий должностных лиц и в обществе.

На разных этапах развития отечественной военной психологии переплетались две персонологические линии, которые можно назвать гуманистической (максималистской) и функциональной (реалистической). Гуманистическая линия более выражена во взглядах и практике М. И. Драгомирова, Н. Д. Бутовского, Д. П. Парского и ряда других психологически мыслящих авторов военных работ. Согласно М. И. Драгомирову, все в теории и практике военного дела должно быть подчинено личностному принципу. Д. П. Парский предложил личностный проект переустройства Российской армии. Н. Д. Бутовский, в частности, утверждал: личность воина имеет свои профессиональные особенности, но при этом остается личностью в полном смысле слова, поэтому правило должно быть таким: «Сначала «просто человек», а затем «человек военный».

Функциональная линия в отношении к военному человеку характеризуется стремлением выявить и мобилизовать его духовные и физические ресурсы, подчинив их решаемым задачам. Наиболее просто сформулировал этот подход Г. Е. Шумков: «Для полководца как практика особенно важным является не самое знание душевных перемен и настроений бойца: чувствует ли он себя хоро-

шо или настроение его начинает быть неприятным, какие мысли пробегают в голове у бойца, например, во время атаки, какие появляются желания, какая борьба мотивов для того или другого поступка, в состоянии ли полного здоровья боец или уже переходит в состояние болезненное, – нет; для полководца важным является знание того, насколько сохранены силы или работоспособность бойцов в те или другие моменты ведения боя»¹.

В целом психология личности воина является базой для решения множества практических вопросов, начиная от военно-профессионального отбора, формирования личности военного руководителя, психологической подготовки военнослужащих к действиям в сложных условиях войны и боя, реабилитации после боевой психической травмы и заканчивая построением и совершенствованием психологически адекватной системы воспитательной работы в Вооруженных силах России. Все перечисленные направления деятельности будут намного эффективнее при условии их ориентации на личность как на высшую ценность.

Теории личности военного человека принадлежит весомое место в психологической персонологии и в военной психологии в особенности. Эта теория имеет свою историю и ряд специальных исследований².

Хорошо известно, что ключевые направления военной практики: профессиональный отбор, психологическая подготовка военнослужащих, психокоррекция и психологическая помощь, функционирование и развитие системы высшего военного образования, управление карьерой офицеров и кадровая работа в целом, управленческая деятельность и т. д. – становятся во многих странах мира все более личностно ориентированными или, другими словами, базируются на индивидуальном подходе к каждому человеку.

Между тем в настоящее время личностная тематика отстает как от потребностей военной практики, так и от динамики военно-

---

¹ Шумков Г. Е. Психика бойцов во время сражений // Общество ревнителей военных знаний. 1908. Кн. 3. С. 17.

² См.: Утлик Э. П. Психология личности: личность в общей и военной психологии. М. : ВУ, 2006.

психологического знания. Значимые исследования и публикации по психологии личности воина относятся к прошлому и почти забыты. Персонологическая проблематика военной психологии еще не стала востребованной и не получает поддержки для своего развития. Научные данные по психологии личности воина часто игнорируются: военная педагогика, практика военно-профессионального отбора, военная наука, прежде всего тактика, кадровая работа и другие области военного управления обходятся устаревшими, а нередко и примитивными представлениями о человеке на службе.

Два примера

Первый. В одном учебнике военной педагогики есть, кажется, все: принципы, методы, средства, организационные формы обучения и воспитания, но нет человека, того самого воина, которого намерены обучать и воспитывать, с которым надо иметь дело, когда речь идет о профилактике нарушений уставных правил взаимоотношений и преодолении уклонений от воинской службы, педагогической профилактике наркомании, токсикомании и алкоголизма, предупреждении суицидальных явлений.

Второй пример. В материалах по военно-профессиональному отбору личность воина, которая могла бы служить ориентиром для отбора людей на военную службу, обычно либо не представляется, либо не связывается с задачами отбора. В одной из известных в прошлом работ по отбору военных специалистов¹ многообещающе озаглавленный раздел «Личностный подход к оценке профессиональной пригодности» не содержит каких-либо данных по военной персонологии и в нем даже не ставится вопрос о личности воина. В другой работе² тема личности воина подменена общими вопросами психологии личности.

Тем не менее военная история и практика не могли не сформировать свой образ человека. Две составляющие этого образа: каким

---

¹ См.: Основы профессионального психофизиологического отбора военных специалистов / под ред. В. А. Пухова. М., 1981.

² См.: Основы военного профессионального психологического отбора : учеб. пособие. М., 2005.

должен быть человек на войне и на военной службе и каким он является фактически – систематизировано и в явном виде не представлены. Конечно же, традиционный набор воинских (боевых) качеств в общем-то известен. Это самоотверженность, твердость, решимость, отвага, дисциплина. Эти и другие качества составляют также стереотипы военного человека, существующие в различных кругах общества и воспроизводимые в литературе. Некоторые из этих стереотипов не являются положительными и не способствуют улучшению имиджа человека на военной службе. Но не все здесь просто и однозначно.

Например, полковник Скалозуб А. С. Грибоедова уже два столетия воспринимается общественным мнением (школьными учебниками по литературе, театром) мало привлекательным персонажем. Правда, Грибоедов не повинен в том, что этот его герой превратился в «солдафона». В действительности Грибоедов создал образ офицера, воевавшего и с французами, и с кавказскими горцами. Командовал егерями – отборными подразделениями русской армии. Так что перед нами не плац-парадный службист, а боевой офицер, честно заслуживший свою «знаков тьму отличья» и к тому же вполне скромный и посмеивающийся над московским «высшим светом». И «Фельдфебеля в Волтеры» он готов дать не системе образования, а компании кутил и болтунов, собирающихся у «князь-Григория».

Глава 1

ОБЩЕПСИХОЛОГИЧЕСКИЕ ПРЕДПОСЫЛКИ ПОЗНАНИЯ ЛИЧНОСТИ ВОИНА

1.1. Элементы психологической персонологии

Развитие научных взглядов на личность воина опирается на общепсихологические теории личности, которые охватывают возрастные, гендерные, национально-культурные, профессиональные и иные особенности людей. Психология личности воина входит изначально в группу профессиональных особенностей человека. Но вместе с тем личность воина содержит в себе и те характеристики, которые зависят от возраста, пола и от этнокультурных факторов, равно как и от биологии человека.

Психология личности – это раздел психологии, который изучает индивидуальность человека, а в своем развитом состоянии – самостоятельная отрасль психологической науки. Личность признается наиболее сложной областью психологического познания и, к сожалению, наименее изученной. Возможно, по этой причине понятие личности воспринимается как теоретический конструкт, или инструмент познания гипотетических центральных (высших) образований психики, выполняющих интегрирующие и регулирующие функции.

Гипотеза.

Личность образуется эволюционно-исторически, в процессе развития психики, на этапе перехода от инстинктивной психики к сознательной – к самосознанию.

Там, где психика представляет собой совокупность инстинктов, она не нуждается в особом высшем регуляторе, поскольку инстинкты – это самодостаточные, саморегулирующиеся механизмы. Взаимодействие между ними также запрограммировано: как известно, существует иерархия инстинктов (по силе, времени, возрасту и сезону). Кроме того, на инстинктивную активность распространяется закон доминанты.

Эволюция инстинкта шла, вероятно, по двум направлениям: по линии совершенствования самой его структуры и по линии отно-

сительно самостоятельного развития составляющих инстинкта – познавательных, эмоциональных и регулятивных компонентов. Первая эволюционная линия, приведшая к исключительно совершенному инстинкту, оказалась тупиковой (насекомые). Вторая линия привела к развитию познавательных функций и богатой картины мира, созданию эмоционального мира и к появлению произвольной саморегуляции, связанной с самосознанием и сознанием. Инстинкт как единое целое распадается теперь на самостоятельные психические функции. Для организации поведения с участием «свободных» функций требуется высший интегратор и регулятор, который и получил ряд названий, в том числе «личность».

Психология личности концентрирует знания, полученные другими областями психологии, стремясь к тому, чтобы понять человека как единое целое. Военно-психологические знания о личности входят в число тех источников, из которых образуется целостная (транспрофессиональная) теория личности.

В свою очередь, психология личности служит теоретико-методологической базой личностного принципа, согласно которому личность – это логический центр, вокруг которого выстраиваются все остальные категории психологии и система психологических наук в целом.

Словосочетание «психология личности» нуждается в небольшом разъяснении. Оно исключает, во-первых, отождествление понятий «психика» и «личность» и, во-вторых, указывает на то, что понятие психики шире понятия личности. В те далекие времена, когда понятия личности еще не было, когда предметом психологии была душа человека (психика), этих различий не было. Оно появилось первоначально еще в неявном виде тогда, когда в обиход вошли такие категории, как темперамент и характер. Думается, что во все времена люди пользовались такими личностными атрибутами, как мужество, смелость, преданность, патриотизм, способности и др.

В-третьих, выражение «психология личности» принимает во внимание тот факт, что объект личности является общим для ряда общественных наук и есть много непсихологических концепций личности: философских, социологических, культурологических,

антропологических, юридических, экономических и др. В этом смысле психология личности – это совокупность психологических теорий и концепций личностных особенностей человеческой психики. На этом основании вполне допустима замена слова «личность» словом «человек». Тем более что в обиходном общении слово «личность» почти не употребляется.

Как ни странно, понятие «личность» родилось за пределами психологии. При этом оно имело оценочный оттенок.

Возможно, наибольшее влияние на формирование данного понятия имела философия Д. Локка (1632–1704). Ясная логика этого мыслителя позволяет свести его выводы к следующим положениям.

Личность знаменует переход человека из «естественного состояния» в общественное. Два фактора явились решающими в этом переходе: (1) восхождение общественного разума до уровня понимания роли закона и власти в защите индивидуальной свободы и (2) созревание индивидуального разума (и воли) до степени самоуправления индивида согласно законам природы и общества.

Д. Локк разъясняет далее:

«Я думаю, личность есть разумное мыслящее существо, которое имеет разум и рефлексию и может рассматривать себя как себя, как то же самое мыслящее существо, в разное время и в различных местах только благодаря тому сознанию, которое неотделимо от мышления и, на мой взгляд, существенно для мышления, ибо невозможно, чтобы кто-нибудь воспринимал, не воспринимая, что он воспринимает. Когда мы видим, слышим, обоняем, пробуем, осязаем, обдумываем или хотим что-нибудь, мы знаем, что мы это делаем. Так бывает всегда с нашими настоящими ощущениями и восприятиями; благодаря этому каждый бывает для себя «самим собой», тем, что он называет *Я*, причем в этом случае не принимается во внимание, продолжается ли то же самое *Я* в той же самой или в различных субстанциях. Ибо поскольку сознание всегда сопутствует мышлению и именно оно определяет в каждом его *Я* и этим отличает его от всех других мыслящих существ, то именно в [сознании] и состоит *тождество личности*, т. е. тождество разумного существа. И насколько это

сознание может быть направлено назад, к какому-нибудь прошлому действию или мысли, настолько простирается тождество этой личности, эта личность есть теперь то же самое Я, что и тогда, и действие было совершено индивидуальностью, тождественной с теперешним Я и в настоящее время размышляющей об этом действии»¹.

Задолго до Дж. Локка Хуан Уарте (1530–1592), автор книги «Исследования способностей к наукам», часто употребляет слово «личность». В том числе в следующем высказывании: «Человек, благодаря своей хорошей голове и шпаге, может совершить такие деяния, что его личность будет иметь такую же ценность, как благородство дворянина»². Как видно, здесь «личность имеет два значения: это и индивидуальное достижение, и нечто наследственное.

Понимание личности как вектора и результата здорового развития человека, является распространенным. Например, Н. А. Добролюбов писал: «Сила природы, которой нет возможности развиваться деятельно, выражается и пассивно – терпением, сдержанностью. Но только не смешивайте этого терпения с тем, которое происходит от слабого развития личности в человеке и которое кончает тем, что привыкает к оскорблениям и тягостям всякого рода. Нет, Катерина не привыкнет к ним никогда...»³

В словаре Даля нет особого акцента на слове «личность»: «Личность – лицо, самостоятельное, отдельное существо»; «Особа – лицо, личность, всякий человек по себе». Намного больше пишет В. Даль о человеке: «Нередко человек значит существо, достойное этого имени». Личности сопутствует понятие особы, особенности. «Особенность сознательной личности дана лишь человеку» – читаем у В. Даля. Есть здесь и юмор, который позволяет лучше понять оттенки обыденного словоупотребления:

«Это что за особа? кто такой?

---

¹ Локк Дж. Соч. : в 3 т. М., 1985. Т. 1. С. 387.

² Уарте Х. Исследование способностей к наукам. М., 1960. С. 258–259.

³ Добролюбов Н. А. Луч света в темном царстве // Собр. соч. : в 9 т. М., 1963. Т. 6. С. 348.

Особа знатная. Я не человек, а лицо, – отвечал квартальный, – а губернатор – особа»¹.

О лингвистических неопределенностях, связанных с употреблением слова «личность» во второй половине XIX в., с сарказмом писал К. Д. Ушинский в своем наброске «Личность»².

О юридических корнях понятия личности можно судить по современному источнику: «Личность – человек, обладающий комплексом прав, свобод и обязанностей, которые придают ему независимый, признанный и защищенный обществом статус, особое автономное положение в обществе. Необходимо различать три статуса индивида в обществе: 1) человек, т. е. живое разумное психофизическое существо, продукт природы; 2) гражданин, т. е. человек, взятый в его соотношении с государством, политикой, властью и законом и являющийся носителем субъективных прав и юридических обязанностей; 3) личность, т. е. человек как член конкретной социальной группы, класса, участвующий в какой-либо сфере социального бытия и обладающий особым статусом в обществе. Понятие "человек", "гражданин", "личность", отражая и характеризую различные аспекты одного целого – отдельного индивида, находятся в тесной взаимосвязи и дополняют друг друга»³.

В психологии существует много определений личности. В большинстве этих определений содержатся такие признаки, как «совокупность» или «организация», «система» черт (свойств), «единство», «стабильность», «социальность», «идентичность», «индивидуальность» (целостность, неповторимость, обособленность), наличие внутреннего Я, автономность, творчество). Часто личность раскрывается через сознание и самосознание.

Самое простое, ориентировочное определение личности сводится к указанию на совокупность духовных свойств, присущих

---

¹ *Даль В.* Толковый словарь великорусского живого языка : в 4 т. СПб., 1883. Т. 2. С. 258, 259, 701.

² См.: *Ушинский К. Д.* Личность. Очерк из «феноменологии» // Собр. соч. : в 12 т. М., 1950. Т. 10. С. 625–630.

³ *Общая теория права : учебник для юридических вузов / под общ. ред. А. С. Пиголкина.* 2-е изд., испр. и доп. М., 1996. С. 129–130.

человеку и составляющих его индивидуальность. Швейцарский психолог Р. Мейли пишет: «Под термином «личность» мы понимаем ту совокупность психологических качеств, которая характеризует каждого отдельного человека. В широком смысле термин «личность» включает в себя такие понятия, как характер, темперамент и способности, соответствующие трем ее частным аспектам»¹.

Но личность – это не просто совокупность или ансамбль свойств. Речь идет о таких свойствах, которые в своем взаимодействии порождают своеобразный психологический центр, особое качество психики, чувство Я, сознание собственной индивидуальности, или, как утверждали такие психологи, как А. Маслоу, Э. Эриксон и другие, «переживание идентичности». Учитывая это, личностью называют человека, имеющего свое Я, способного к самоопределению посредством своей воли и к осуществлению себя в действии.

В начале XX в. русский психиатр П. П. Викторов свое видение личности связывал с самосознанием и сознанием. «Личность, индивидуальность, Я метафизических психологов, – отмечал он, – есть, прежде всего, самочувствие по отношению к внутренней среде нашего собственного тела и затем самочувствие же, но по отношению к переменам окружающей внешней среды»². Та же идея звучит в работе современного психолога Ф. Баррона. «Отличительной характеристикой человеческой личности, – по мнению ученого, – является сознание, способное к размышлению и продуцированию вариантов самого себя посредством проектирования»³.

Развернуто описал личность как центральное образование психики Я. Щепаньский:

«В процессе социализации индивид вырабатывает сознание своего «частного», личного Я. Каждый из нас чувствует, что сумма социальных ролей, выполняемых в семье, в профессиональной жизни, в кругу товарищей и т. д., концентрируется вокруг чего-то, что ста-

---

¹ Мейли Р. Структура личности // Экспериментальная психология : в 6 т. / под ред. П. Фресса и Ж. Пиаже. М., 1975. Т. 5. С. 197.

² Викторов П. П. Учение о личности и настроениях. М., 1904. С. 9.

³ Баррон Ф. Личность как функция проектирования человеком самого себя // Вопросы психологии. 1990. № 2. С. 153–159.

новится нашей внутренней сущностью, нашим подлинным Я. Каждый из нас часто рассуждает сам с собой, обращается к себе как к кому-то, кто не является той самой личностью, которая в данный момент выполняет какие-то функции «наперекор себе». И другие люди также обращаются к нам таким образом, который предполагает существование такого подлинного Я. Это субъективное представление о нашей внутренней подлинной сущности мы называем субъективным Я. Оно составляет существенный элемент личности человека. Это Я – социального происхождения. Субъективное Я, или комплекс представлений о том, каков человек «на самом деле», часто может быть комплексом выдумок, фантазий, воображения, компенсирующих неудачи в выполнении различных социальных ролей и т. д.

Субъективное Я определяет поведение в тех ситуациях, когда индивид сталкивается с конфликтом нескольких ролей, оказывается перед фактом противоречивости требований нескольких групп, к которым он принадлежит, и тогда приспособлением к такой ситуации обычно руководит субъективное Я. Субъективное Я, созданное под влиянием воздействий социального окружения, становится независимым от этого влияния, когда оно упрочивается в убеждениях индивида»¹.

Личность образуется в процессе взаимодействия человека с другими людьми в условиях культурной среды. Это взаимодействие приводит к возникновению целостной организации психических свойств, имеющей более или менее четко выраженный центр, который соответствует субъективному ощущению Я. Личность – это те характеристики человека, которые отвечают за согласованные проявления его чувств, мышления и поведения². Прекрасно определил личность русский психолог А. Ф. Лазурский: некоторое «устойчивое и длительное единство, которое служит основанием всему, что совершается в душевной жизни»³.

---

¹ Щепаньский Я. Элементарные понятия социологии. М., 1969. С. 74–75.

² См.: Первин Л., Джон О. Психология личности: теория и исследования. М., 2000. С. 36.

³ Лазурский А. Ф. Психология общая и экспериментальная. Л., 1925. С. 77.

Таким образом, личность – это интегрированная совокупность психических свойств, при наличии которых человек обретает сознание и самосознание (чувство «Я»), становится субъектом деятельности и участником социальных взаимодействий. Личность – это та сторона индивидуальной человеческой психики, которая отличается значительной устойчивостью и автономией, определяет духовное своеобразие данного человека и обуславливает особенности его деятельности, общения и жизни в целом.

Рассмотрение личности как совокупности определенных черт иногда ведет к взаимному обособлению понятий «личность» и «психика». Подобное положение дел побуждает психологов, понимающих проблему, настаивать на том, что «не существует личностных образований вне психики, так или иначе все личностные черты связаны с механизмами психических процессов»¹. В психологии личности полезно помнить принцип С. Л. Рубинштейна (1889–1960), согласно которому «всякая психология, которая понимает, что она делает, изучает психику и только психику»². Тем не менее и до сих пор ряд теорий личности чрезмерно социологизирован; при этом категория личности лишается психологического смысла.

Понятие личности явилось результатом развития психологической мысли. Два фактора сыграли здесь особую роль.

Во-первых, это накопление фактов, которые в психиатрии получили название «раздвоение личности», или «множественной личности». Были описаны случаи, когда человек внезапно становился кем-то другим. У него менялись биография, образ мышления, эмоциональный мир, круг интересов. Художественное описание данного феномена содержится в романе Д. Киза «Множественные умы Билли Миллигана» (М., 2003). На вопрос «что происходит с человеком, у которого «множественная личность»?» был найден удобный ответ: меняется личность. Этот источник понятия личности тщательно проанализировал классик мировой психологии

---

¹ *Либин А. В.* Дифференциальная психология. М., 1999. С. 25.

² *Рубинштейн С. Л.* Мысли о психологии // Проблемы общей психологии. М., 1973. С. 100.

В. Джеймс¹ (1842—1910), который также был первым, кто включил тему личности в общую систему психологии.

Во-вторых, потребности самой психологии в преодолении чувства тупика. «Великий кризис» психологии, обнаружившийся в конце XIX в., привел не только к образованию множественных школ в мировой психологии, но и к развитию личностного направления. Психологи, которые в стремлении к объективности сосредоточивались на познании механизмов, процессов психики, чувствовали, что теряют самое существенное в человеке. «Изучались отдельные функции, а человек как комплекс, как сложная система мотивационных сил не рассматривался»². Психоналитики утверждают, что существенно стимулировал появление теории личности З. Фрейд. «Его выводы и принципы вызвали к жизни первую всеобъемлющую теорию личности, основанную на наблюдении, а не на умозрительных предположениях»³.

Потребность в понятии личности хорошо объяснил Д. Н. Узнадзе: «Психология не может обойти факт решающего значения личности, она не может игнорировать то обстоятельство, что активным деятелем в процессе жизненных отношений является непосредственно не какая-нибудь из функций человека, а он сам, как активно действующий субъект. Но когда ставится вопрос, что же он собой представляет психически, то традиционная психология обращается к исходным понятиям психических процессов и идею личности старается построить на этих последних»⁴. В общем, есть возможность «смотреть» на психику или душу (единственный предмет психологии) не только с точки зрения процесса или состояния, то есть динамики, функции, но и диспозиционально, выделяя островки стабильности в непрерывной динамике жизни.

---

¹ См.: *Джеймс В.* Научные основы психологии. СПб., 1902. С. 161–162.

² *Александр Ф., Селесник Ш.* Человек и его душа: Познание и врачевание от древности и до наших дней. М., 1995. С. 265.

³ *Александр Ф., Селесник Ш.* Человек и его душа... С. 264.

⁴ *Узнадзе Д. Н.* Экспериментальные основы психологии установки. Тбилиси, 1961. С. 166.

Следовательно, понятие личности – это частный случай холистического (целостного) принципа, согласно которому психические функции не могут «существовать изолированно от общего целого, от той организации, раскрытие законов которой имеет решающее значение»¹. В этом смысле личность представляет собой высшую форму психической целостности, для описания которой используются категории личностных свойств или качеств.

В отечественной психологии определенную популярность приобрел вопрос об отношениях между понятиями «личность», «индивид», «индивидуальность», «субъектность». В мировой психологии эти отношения обычно не обсуждаются. Понятия «личность», «индивид», «индивидуальность» нередко употребляются как синонимы. В этом можно убедиться, прочитав, как А. Маслоу называет «первой заповедью психолога», «Отче наш» психологии» положение о том, что «индивидуум – это интегрированное, организованное целое»². В том случае, когда понятия «индивид» и «личность» как-то разводятся, то лишь для того, чтобы подчеркнуть самобытность индивида и подчиненность личности обществу. Эта идея легко прочитывается в следующей формулировке: «Если человек хочет улучшить свой образ себя, он должен прежде всего научиться ценить себя как индивидуума, даже если его недостатки в качестве члена общества кажутся ему преобладающими над положительными качествами»³.

В несколько упрощенном виде рассматриваемые отношения сводятся к следующему. Наиболее общим из этой «тройки» является понятие индивид – человек, обладающий психическими свойствами, достигающими в своем развитии уровня личности и индивидуальности. «Человек как индивидуальность раскрывается в самобытном, авторском «прочтении» социальных норм жизни, в выработке собственного, сугубо индивидуального (уникального и неповторимого) способа жизни, своего мировоззрения, соб-

---

¹ Флейвелл Дж. Генетическая психология Жана Пиаже. М., 1967. С. 55.

² Маслоу А. Мотивация и личность. СПб., 1999. С. 59.

³ Фельденкрайз М. Сознание через движение. М., 1992. С. 19.

ственного («необщего») лица, в следовании голосу собственной совести»¹.

Представляет интерес вопрос о месте личности в структуре психики. На этот счет существуют две точки зрения. Согласно одной из них, личность образует поверхностный слой психики. Это «личина», «персона», то есть психологическая маска, «надеваемая» при исполнении той или иной социальной роли. По концепции американского психиатра Э. Берна, «персона – это способ представлять себя и лучше всего описывается прилагательными: резкий, общительный, приятный, находчивый, деятельный, высокомерный или вежливый. Вещи, которые знакомые говорят друг другу в течение дня, при этом осторожно избегая вторжения в личную жизнь друг друга, исходят от маски или щита, которые каждый человек помещает между собой и окружающими людьми и которые некоторые психиатры называют персоной»². Значит, личность является не центром души (имеющей у Э. Берна три модификации («Эго-состояния») – Родитель, Взрослый, Ребенок), а только оболочкой, обращенной к другим людям и доступной для восприятия окружающими.

Есть и более жесткая позиция, которой придерживался американский социолог Э. Гофман. Согласно Гофману, в жизни часто неважно вникать в то, что человек представляет собой на самом деле. Что действительно нужно, так это знать, за кого он себя выдает или, по крайней мере, какого отношения к себе ждет. Более того, в большинстве случаев даже нежелательно знать, «кто есть кто» среди тех людей, с которыми мы взаимодействуем. Достаточно понимать, какую роль они себе выбрали, чтобы отношения с ними развивались без проблем³.

У Ф. М. Достоевского подобная идея представлена следующими словами: «Двуличие, изнанка, маска – скверное дело, согла-

---

¹ Слободчиков В. И., Исаев Е. И. Психология человека. Введение в психологию субъективности. М., 1995. С. 340–341.

² Берна Э. Формы человеческих отношений. М., 1994. С. 4.

³ Гоффман И. Представление себя другим в повседневной жизни. М., 2000. С. 27.

сен, но если б в настоящий момент все бы явились, как они есть на лицо, то, ей-богу, было бы хуже»¹.

Таким образом, данный подход к личности акцентирует внешний, социально приемлемый образ, который индивидуальность демонстрирует, когда играет определенные роли, – общественное лицо, обращенное к окружающим как сочетание наиболее заметных и понятных характеристик индивидуальности². В деловых отношениях и многих ситуациях повседневной жизни подобное функционирование личности является целесообразным и экономным. Что касается теории, то, по-видимому, такая логика приемлема в социологии, но в психологии она кажется поверхностной. Тем не менее подобные воззрения в известной степени разделяют психологи-ситуационисты (Э. Аронсон, Л. Росс, Р. Нисбетт и др.), которые считают, что для понимания поведения человека первостепенное значение имеет учет особенностей ситуации, в которой он находится. Ситуационизм в теории личности играет важную роль, сдерживая ортодоксальных персонологов от чрезмерного «опредмечивания» личностных свойств людей.

Согласно второй точке зрения на место личности в структуре психики, личность рассматривается как центр внутреннего мира человека, как главный регулятор психической активности, как существо данного человека. Именно такой подход выражен словами русского мыслителя XVIII в. А. Н. Радищева: «Ведаешь ли, от чего зависит твоя особенность, твоя личность, что есть ты?»³.

Многие психологи видят в личности центральное психическое образование. Например, для Карла Роджерса личность – это организованная, долговременная, субъективно воспринимаемая сущность, составляющая самую сердцевину наших переживаний. Сходным образом определял личность Гордон Оллпорт: то внутреннее, чем индивидуум является на самом деле, и что детерминирует характер поведения и общения человека с людьми. Подоб-

---

¹ *Достоевский Ф. М.* Собр. соч. : в 15 т. М., 1988. Т. 2. С. 16.

² См.: *Хьелл Л., Зиглер Д.* Теории личности. СПб., 1997. С. 22–23.

³ *Радищев А. Н.* О человеке, его смертности и бессмертии // Полн. собр. соч. : в 3 т. М., 1941. Т. 2. С. 94–95.

ной точки зрения придерживались многие психологи, в том числе А. Ф. Лазурский, В. Джеймс, А. Маслоу.

Точка зрения К. Г. Юнга по данному вопросу более дифференцированная и в известном смысле противоречивая. Он отождествлял личность с душой, но различал две личности: одна тождественна душе. «Душа обыкновенно содержит все те общечеловеческие свойства, которых лишена личность как персона, т. е. маска... Под душой я мыслю определенный, обособленный, функциональный комплекс, который лучше всего было бы охарактеризовать как «личность»... Маску я назвал «персоной»¹.

В психологии термин «личность» используется в следующих целях:

1. Для объяснения того факта, что люди не случайно отличаются друг от друга. Теория личности в этом смысле – это теория индивидуальных различий.

2. Для объяснения постоянства (транзитивности) поведения людей и выявления факторов, обуславливающих это постоянство. Предполагается, что стабильность поведения связана с внутренними психическими структурами, то есть чертами, или диспозициями. Совокупность этих черт образует личность человека.

3. Некоторые психологи рассматривают личность как «механизм» организации и ориентации поведения людей, высшую инстанцию саморегулирования. Поэтому ряд теорий личности называются «регулятивными».

4. Для указания на источник активности, движущие силы поведения и деятельности человека. На это направление ориентированы психодинамические теории. В центре их внимания – потребности, ценности, мотивы и другие побудительные силы. И такие теории иногда называются мотивационными.

5. С помощью понятия «личность» объясняют качественное отличие психики человека от животных. Человеческая психика в отличие от животных является личностной. Все живые существа обладают более или менее сложной психикой. Многие виды живот-

---

¹ Юнг К. Психологические типы : пер. с нем. СПб., 1995. С. 511.

ных отличаются своим темпераментом и своим характером¹; у них есть уникальные способности, которые не даны человеку. У людей нет ни орлиного зрения, ни собачьего нюха, ни умения ориентироваться без карты на огромных расстояниях, не говоря уже о скоростных, силовых и двигательных возможностях вообще.

Но люди не решаются применить понятие «личность» для описания даже самых интеллектуальных животных². Человек – единственное из живых существ, наделенных психикой, которое представляет собой личность. И причина этого не в самомнении людей и не в желании лишней раз подчеркнуть свое отличие от остальной части животного мира. Общество действительно создает условия для образования качественно новой формы психического – личностной. Личность – это единственное живое (биологическое) существо, которое «созревает» на почве культуры и вносит свой индивидуальный вклад в ее обогащение.

Акцент на личности в человековедении означает попытку подняться выше в психологическом познании и понимании человека. Тем не менее были и есть психологи, которые не считают тему личности центральной для психологии и даже склонны объявлять ее устаревшей. Они предпочитают анализировать влияние ситуации на поведение человека, не обращаясь к понятию личности.

В психологии личности одним из интереснейших является вопрос об отношении человека к обществу, культуре. Принципиально важно выяснить, как и насколько адекватно выражаются в развитии личности социальные тенденции и, с другой стороны, как личность, отражая эти тенденции, организует свою жизнедеятельность.

---

¹ Понятие «характер» исторически сначала применялось к животным и только затем к человеку.

² Как трудно выразить это в понятиях, говорит попытка П. М. Якобсона связать личность с управлением поведением: «Личность появляется там, где мы имеем дело с управлением собственным поведением». Но дело в том, что всякое живое существо управляет своим поведением; особенности человеческого управления поведением, конечно, связаны с личностью.

Некогда К. Маркс отметил, что «сущность человека есть ансамбль общественных отношений, присущих отдельному индивиду». Широта и психологическая неопределенность понятия «общественные отношения» открывает простор для разнообразных толкований. Например, логическим продолжением этой идеи можно считать понятие социальной установки (аттитюда) личности, сформулированное в 10-х гг. XX в., как психологического эквивалента социальной ценности¹. Концепцию установки правомерно рассматривать как осторожную версию социальной природы личности.

Отправляясь от идеи К. Маркса об общественных отношениях, присущих отдельному индивиду, Л. С. Выготский заявил: «Психическая природа человека представляет собой совокупность общественных отношений, перенесенных внутрь и ставших функциями личности и формами ее структуры. Мы ... видим в этом положении наиболее полное выражение всего того, к чему приводит нас история культурного развития»². Далее Л. С. Выготский утверждает: «Высшие психические функций ... раньше были разделены и распределены между людьми, потом стали функциями самой личности»³. Это, конечно, трудный путь решения вопроса. Во-первых, потому что оперировать с таким далеким от психологии понятием, как «совокупность общественных отношений», затруднительно. Во-вторых, как понять «перенос» этой совокупности внутрь? В-третьих, каким образом общественные отношения могут стать «функциями личности»? И наконец, в-четвертых, как эти же отношения станут «формами структуры личности»?

К идее культурно-социального развития Л. С. Выготский возвращается вновь и вновь, формулируя ее каждый раз несколько иначе: «превращение общественных отношений в психические функции»; «как коллектив создает у того или иного ребенка выс-

---

¹ *Tomas W. J., Znaniecki F. Polish Peasant in Europe and America : in 5 vols. Boston, 1918. Vol. 1. P. 450.*

² *Выготский Л. С. Проблемы развития психики // Собр. соч. : в 6 т. М., 1983. Т. 3. С. 146.*

³ Там же.

шие психические функции»; «функции сперва складываются в коллективе в виде отношений детей, затем становятся психическими функциями личности»¹.

Затем Л. С. Выготский переходит к утверждениям, которые как бы являются ответом на поставленные им вопросы: «Исследования показывают, что из спора рождается размышление», или цитирует Ж. Пиаже: «размышление можно рассматривать как внутренний спор».

Ссылаясь на «фундаментальный закон психологии», как назвал его П. Жанэ, Л. С. Выготский пишет: «В процессе развития ребенок начинает применять по отношению к себе те самые формы поведения, которые первоначально другие применяли по отношению к нему. Ребенок сам усваивает социальные формы поведения и переносит их на самого себя. Слово, по Жанэ, первоначально было командой для других, потом прошло сложную историю, состоящую из подражаний, изменений функций и т. д., и лишь постепенно отделилось от действия. По Жанэ, слово всегда есть команда, потому-то оно и является основным средством овладения поведением. Поэтому, если мы хотим генетически выяснить, откуда возникает волевая функция слова, почему слово подчиняет себе моторную реакцию, откуда взялась власть слова над поведением, мы неизбежно придем как в онтогенезе, так и в филогенезе к реальной функции командования. Жанэ говорит, что за властью слова над психическими функциями стоит реальная власть начальника и подчиненного, отношение психических функций генетически должно быть отнесено к реальным отношениям между людьми»².

Проще говоря, воля как функция личности – это не что иное, как интериоризация приказной формы общения людей.

Здесь мы видим две проблемы. Одна – филогенетическая – это проблема происхождения человеческой психики; вторая – онтогенетическая: как формируется человеческая психика сегодня у каждого отдельного человека.

---

¹ *Выготский Л. С. Проблемы развития психики // Собр. соч. : в 6 т. М., 1983. Т. 3. С. 146–147.*

² Там же. С. 142.

Положение о личности как о функции атрибутов общества предполагает, что источники личности созревают в обществе, в его культуре. Формирование личности предполагает «общество личностей», или «общество индивидов», как назвал свою книгу немецкий социолог Н. Элиас¹.

Более того, «нормальный взрослый человек может быть представлен как общество в миниатюре. Даже самоконтроль есть, в сущности, социальный контроль»².

Как видно, обращение к социальным источникам личности подчас сводит ее к социальным структурам. Между тем личность не является психической копией общества. Человек «копирует» общество, культуру очень индивидуально. Более того, как индивидуальность, человек привносит в культуру нечто свое, особенное. Из этих индивидуальных вкладов и образуется и развивается культура.

В силу того, что процесс становления личности имеет социальный, межличностный характер, личность является атрибутом не только отдельного человека, но и общества. Общество является прообразом личности. Только в зрелом, личностном обществе возможна зрелая личность. Если общество не имеет атрибутов личности, то «природному индивиду» нечего в нем приобретать.

Личностными атрибутами общества являются «социальные образцы саморегуляции, которые должен выработать в себе посредством научения отдельный человек в процессе своего превращения в уникального индивида, которые специфичны для каждого отдельного поколения»³.

К числу личностных атрибутов общества следует отнести государство⁴, право, систему разделения труда и др. Являются лич-

---

¹ См.: Элиас Н. Общество индивидов. М., 2001.

² Шибутани Т. Социальная психология. М., 1969. С. 228.

³ Элиас Н. Общество индивидов. С. 11.

⁴ «Во всякой человеческой личности, по предрасположению и назначению, живет чистый, идеальный человек. Этот чистый человек, более или менее ясно проявляющийся в каждом субъекте, представлен в государстве – в этой объективной и как бы каноничной форме, чье разнообразие субъектов стремится к единению». (Шиллер Ф. Собр. соч. : в 7 т. М., 1957. Т. 6. С. 258).

ностными атрибутами общества и те люди, которые служат примером личности для других. В каждом обществе существует более или менее оформленная коллективная концепция личности. Она может быть отражена в общественном мнении, авторитетных теоретических трудах, художественной литературе, фольклоре, официальных документах, например в конституции государства. Все это – личностные атрибуты общества.

Таким образом, личностные атрибуты общества – это социальные институты, традиции, понятия о личности и другие ценности, которые благоприятствуют личностному развитию людей и обуславливают их личностное функционирование в данном обществе. «Хорошее общество – это общество, которое благоприятствует наиболее полному развитию и раскрытию человеческих возможностей, наиболее полной степени человечности»¹. Не всякое общество обладает развитыми атрибутами личности, то есть имеет достаточные условия для формирования и проявления личности.

В целом данные условия постепенно созревают в процессе эволюции общества. «Чем развитее нация, тем полнее самостоятельность отдельной личности, и в то же время тем безопаснее одна личность от посягательства другой»², – писал некогда Д. И. Писарев. На ранних этапах развития общества условий для появления личности в ее современном понимании было мало. Согласно разным гипотезам, в доисторические времена инстинктивные связи были столь прочны, что человек не обладал отдельным существованием в отрыве от группы. У него не было еще ни осознания себя как отдельного человека, ни механизмов регуляции индивидуального поведения, отличных от групповых механизмов.

Современное общество также не является однородным по уровню своей «личностности». Взять хотя бы деление культур на индивидуалистические и коллективистские. Согласно Г. Хофстеду, Г. Триандису и другим этнопсихологам и культурологам, это деление учитывает основное психологическое измерение культуры. Считается, что индивидуалистические культуры способствуют са-

---

¹ Маслоу А. Дальние пределы человеческой психики. СПб., 1997. С. 21.

² Писарев Д. И. Сочинения в 3 т. М., 1955. Т. 2. С. 62.

морerealizations их членов. В индивидуалистических культурах цели отдельных людей не менее, если не более, важны, чем групповые. Их поведение определяется мотивацией к достижению, в то время как в коллективистских – принадлежностью к группе. Ударение делается на личностные успехи, инициативу и оценки. Соответственно личностным культурам, например, в Великобритании и США, свойственны высокие показатели по шкале индивидуализма.

Коллективистские культуры, наоборот, характеризуются преобладанием групповых целей и ценностей над индивидуальными. Они больше ценят преданность семье и клану. В этих закрытых структурах человек получает поддержку, если его поведению свойственна «жертвенность», преданность интересам группы. Все это способствует формированию соответствующей – «коллективистской» личности.

Коллективные ценности можно проиллюстрировать на примере африканских культур. «В кенийских племенах никто не является изолированным индивидом. Его неповторимость и уникальность – вторичный факт. Прежде всего, он – отдельный представитель народа. В этой системе групповая деятельность – доминирующая, ответственность разделяется между членами группы, каждый из которых подотчетен коллективу. Гармония и кооперация в группе основаны на коллективной деятельности и ответственности сильнее, чем на индивидуальной»¹.

Видимо, нет такого общества, которое являлось бы идеальным носителем атрибутов личности. С этим, возможно, согласились бы и представители классического психоанализа. Как известно, одну из своих поздних работ З. Фрейд назвал «Страдание от культуры».

Как подчеркивали Э. Фромм, К. Хорни и другие психологи, общество не позволяет свободно реализовать интеллектуальные и эмоциональные силы личности. Человек обрел независимость, но в то же время оказался изолированным. Эта изоляция непереносима, она пробуждает чувства бессилия и тревоги. Современный человек стоит перед выбором: либо избавиться от свободы с по-

---

¹ Лебедева Н. М. Введение в этническую и кросскультурную психологию. М., 1999. С. 45.

мощью новой зависимости, нового подчинения, либо дорасти до полной свободы, основанной на неповторимости и индивидуальности каждого. В современном обществе сохранились предпосылки для формирования авторитарной личности и других непродуктивных личностных типов.

Следовательно, становление личности зависит от того, в какой социальной среде оно происходит, поскольку человек усваивает личностные атрибуты именно этой среды. В авторитарной среде велика вероятность формирования авторитарной личности, в демократической – демократической личности и т. д. Точно так же невротическая среда порождает невротическую личность¹.

Но так или иначе в каждом человеке живет большая или меньшая часть человеческой культуры.

1.2. Социальная психология личности

Для военно-психологического подхода к личности особое значение имеет понимание социального поведения человека, потому что война (бои, операции, сражения, различные боевые действия – разведка, инженерные работы, маскировка) – это вооруженная борьба, конфликт, противоборство, то есть явление социально-психологическое.

Понятие личности является исходной, всеохватывающей психологической характеристикой человека. Современная психология признает древний тезис человек – существо политическое (городское, государственное, общественное)². Младший современник Аристотеля Теофраст описал 30 типов отрицательной социальности людей, получивших название «характера»; среди этих типов не было явно преступных.

Один из основных вопросов всей новейшей психологии – описание психологических механизмов человеческой социальности.

---

¹ См.: Хорни К. Невротическая личность нашего времени. М., 1993.

² Аристотель: «Человек по самой своей природе есть животное политическое». Кто не способен к общению или не нуждается в нем, тот или «дикий зверь» или «бог».

Социальность – это предрасположенность, приспособленность (готовность) человека к жизни в обществе, в том числе к жизни в условиях конкуренции и борьбы. Социальность включает и агрессивность, поскольку вся история человечества наполнена войнами. Социальность – это готовность и умение сотрудничать, жить в контакте с другими в составе различных социальных структур (семья, дружеская группа, организация). Социальность включает также и умение защищаться от социальных, межличностных угроз и опасностей. Для этого также нужна агрессивность. Значит, социальность складывается из двух составляющих – агрессивности и сотрудничества. Это «нормальная» социальность. При гармоническом соотношении этих двух составляющих проблем будет меньше; но если что-то преобладает, то мы будем иметь дело или с социально агрессивной, или с социально незащищенной личностью. В «ненормальных» общественных условиях образуется спрос на повышенную агрессивность личности, которая обеспечивает безопасность одного социума от вооруженных притязаний другого, а также и безопасность одного человека перед агрессивным поведением другого.

«Часть социальности» дана индивиду от природы, то есть имеет инстинктивное происхождение и реализуется как инстинкт. Еще одна часть формируется на основе культуры, опыта истории, общества. Тезис К. Маркса «человек ... это совокупность всех общественных отношений», почти безоговорочно принимаемый отечественной психологией XX в., возможно, уступит место более гармоничному тезису-призыву С. Н. Трубецкого: «...считаться с личностью в ее взаимодействии со средою, а не конструировать личность из ее среды, из внешних условий ее развития и деятельности»¹. Тезис Маркса, который обычно не соотносится с другими идеями этого автора, исключает из анализа биологическую основу личности, которая сформировалась тысячелетиями общественного существования человека и без надлежащего качества которой формирование культурно-обусловленных качеств человека недостижимо.

---

¹ Трубецкой С. Н. Сочинения. М., 1994. С. 404.

С. М. Джонсон приводит ряд исследовательских фактов, подтверждающих гипотезу о единстве биологических и культурных механизмов социальности. «Огромное количество проводимых в последнее время исследований развития, – пишет ученый, – указывает на то, что новорожденный человек приходит в мир, уже будучи соответствующим образом подготовленным к социальной интеракции. Данные показывают, например, что младенец отличает голос своей матери от голоса другой женщины, читающей тот же текст. Более того, младенец неделю от роду может отличать фрагменты текста, читаемого вслух еще во внутриутробный период жизни, и сравнительный текст, который ему никогда не приходилось слышать. Это доказывает существование социальной интеракции, выходящей даже за рамки момента рождения»¹.

Гипотезу о биологических звеньях в структуре социальности разделял также Ч. Кули, отмечая: «Нам присущи, по меньшей мере, полдюжины явно выраженных типов инстинктивных эмоциональных склонностей, носящих социальный характер и непосредственно связанных с нашим отношением к другим людям. В числе наиболее очевидных из них можно назвать предрасположенность человека к гневу, страху, материнской и супружеской любви, а также волю к самоутверждению или власти»².

Социальность человека реализуется в его социальном поведении, одним из признаков которого является общение, коммуникация. Социальность в действии – это «играние» различных ролей, установление определенных отношений с людьми, а также использование уже существующих отношений. Социальное поведение предполагает социальное познание, функции эмоционального интеллекта, участие в конфликте, конкуренцию (соревнование), управление и подчинение, объединение действий и образование групп и многое другое.

---

¹ Джонсо С. М. Психотерапия характера: практическое руководство. М., 2001. С. 27.

² Кули Ч. Х. Человеческая природа и социальный порядок. М., 2000. С. 27.

Социально-психологический взгляд на личность предлагает своеобразную трактовку человеческих качеств. Пожалуй, впервые заметил это Л. И. Петражицкий: «Если кто-либо приписывает другому эпитеты «милый», «дорогой» и т. п., то было бы наивно думать, что дело идет о каких-то особых свойствах того, кому такие свойства приписываются. Как бы мы ни стали внимательно исследовать того, кому такие свойства приписываются, осматривать его с ног до головы и т. п., чтобы найти что-то такое, что соответствует эпитету «милый», поиски наши будут безуспешными и смысл слова «милый» останется для нас тайной. Смысл этого слова может разъясниться лишь тогда, когда мы обратимся к изучению переживаний тех, которые называют других милыми, дорогими и т. п.»¹.

Как видно, содержание человеческих качеств многообразно. В одном случае это выражение чувств того, кто приписывает некоторые качества собеседнику, в другом – субъективная оценка, в третьем – лесть и те цели, которые она преследует.

Сегодня социально-психологическую природу личности принято определять через «отношение» человека к другим людям. У С. Л. Рубинштейна это выражено так. «Отношение к другому человеку, к людям составляет основную ткань человеческой жизни, ее сердцевину. «Сердце» человека все соткано из его человеческих отношений к другим людям; то, что он стоит, целиком определяется тем, к каким человеческим отношениям человек стремится, какие отношения к людям, к другому человеку он способен установить»².

Итак, задача состоит в том, чтобы определить содержание и структуру психологического ядра социальности человека. Это значит, что необходимо учесть:

- а) биологическую, природную, инстинктивную часть психологического механизма социальности;
- б) цивилизованные инстинкты, которые остаются инстинктами, но реализуются социально приемлемыми способами;

---

¹ *Петражицкий Л. И.* Введение в изучение права и нравственности. СПб., 1908. С. 24.

² *Рубинштейн С. Л.* Бытие и сознание. М., 1957. С. 271.

в) вполне «культурные» функции, которые сформировались в процессе усвоения культуры и которые зависят от особенностей данной культуры и в других культурах, или отсутствуют, или существенно отличаются.

Подобно тому, как представляется личность в психологии в целом, социальная психология, сконцентрированная на социальном поведении людей, ищет те психологические структуры, которые управляют социальным поведением индивида и которые во взаимодействии с другими подобными структурами организуют и обеспечивают групповые процессы создания и функционирования всевозможных групп, включая большие социальные.

Концепция В. Джеймса

Первые попытки вскрыть психологический механизм индивидуальной социальности связаны с прояснением понятия личности. В. Джеймс (1842–1910) предложил субъект-объектную концепцию личности («Эго»), которую можно было бы назвать и «самосознанием». Объектная часть личности получила имя «Мое», или «эмпирическое, опытное Я», а субъектная, познающая – «чистое Я», или «просто Я».

Затем эмпирическое «эго» оказалось разделенным на три «элемента»: «эго материальное, социальное и духовное». Все эти «элементы» являются источником эмоций (чувств) и поступков («самообеспечение и самосохранение»).

Формально социально-психологический подход к личности должен бы акцентировать «социальное эго», но фактически все три составляющие «Я» непосредственно участвуют в формировании социально-психологического подхода к личности. В «материальном эго» вслед за собственным телом идут люди, с которыми человек связан близкими и не столь близкими отношениями. Именно эти люди и отношения с ними порождают второй «элемент» эмпирического эго – «эго социальное».

«Духовное эго» (духовное «мое») представляется В. Джеймсом как «совокупность состояний сознания, душевных способностей и наклонностей». Само собой разумеется, что «состояния сознания»

не могут быть отделены от той массы людей, с которыми так или иначе связан каждый человек.

Что же касается непосредственно «социального эго», то оно означает у В. Джеймса «то, чем признают данного человека окружающие». В собственном сознании индивидуума нет представления о таком его особенном социальном «эго», нет до тех пор, пока не нашлась другая личность, признавшая это своеобразное «эго».

«Строго говоря, каждая особь имеет столько социальных личностей, сколько оказывается на лицо индивидов, знающих данную особь и сохраняющих о ней представление в своей памяти. Повредить один из этих образов о нем, образующихся в душах других людей, это равносильно вреду, который был бы нанесен самому этому человеку»¹.

«Добрая или худая слава, устанавливающаяся о человеке, или его честь точно также суть названия одного из его социальных «эго».

Но так как те наши сограждане, которые носят в себе представления о нашей личности, естественно, распадаются на классы, то в обыденном смысле можно сказать, что данный человек имеет столько социальных «эго», сколько существует отдельных групп или кружков, о мнении которых он заботится².

Вся рассматриваемая система взаимосвязанных понятий является фактически описанием психологического механизма регуляции социального поведения индивида. В наше время идеи В. Джеймса легли в основу имиджевых и ролевых концепций личности.

Концепция Ж. Пиаже

Развитию индивидуальной социальности посвятил едва ли не все свои исследования Ж. Пиаже. Исходным понятием его теории личности является «эгоцентризм»: «Спонтанный эгоцентризм свойствен всякому примитивному сознанию»³.

Ребенок в начале своего жизненного пути очень эгоцентричен: он еще воспринимает всю вселенную как продолжение самого себя.

---

¹ Джеймс В. Научные основы психологии. СПб., 1902. С. 137.

² Там же.

³ Пиаже Ж. Моральное суждение у ребенка. М., 2006. С. 78.

По мере накопления опыта, включая формирование схемы тела, развития понятия о предметах и т. п., происходит частичная редукция эгоцентризма. Решающей стадии этот процесс достигает в возрасте 5–6 лет: ребенок проявляет способность к децентрации, то есть может представить себе, как выглядит мир для другого человека.

Эгоцентризм захватывает речь, и тогда она служит преимущественно не для общения, а просто для выражения собственных наблюдений и переживаний или сопутствует действиям.

После того как ребенок поймет, что мир выглядит по-разному для разных людей, он получает возможность сравнивать индивидуальные картины мира и принимать более взвешенные решения. Ему теперь уже ясно, когда нужна децентрация, чтобы понять другого, а когда – «центрация», то есть отвлечение от взглядов других людей, если они не имеют отношения к проблеме ребенка.

Для иллюстрации, а также измерения выраженности эгоцентризма у детей разного возраста Ж. Пиаже провел серию экспериментов, один из которых представлен на рис. 1.

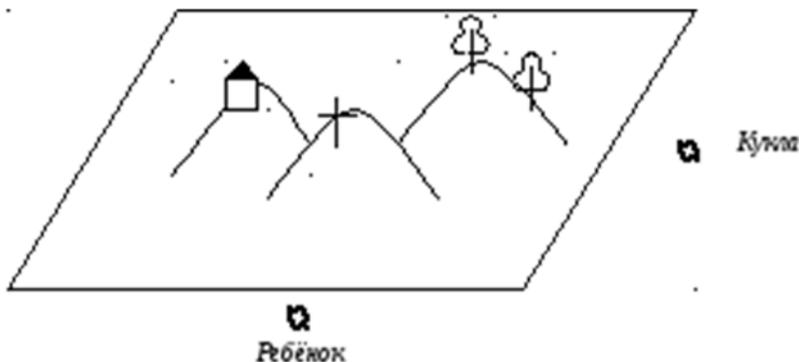

Рис. 1. Схема опыта Ж. Пиаже по оценке перцептивного эгоцентризма у детей. От участвующего в эксперименте ребенка требовалось объяснить, как «видит» расположение горок куклы, сидящая в данном случае справа от ребенка

Нельзя сказать, что опыты Ж. Пиаже были безупречны. Во-первых, другого человека имитировала кукла, наделять которую человеческими качествами ребенок, возможно, был не в состоянии.

Во-вторых, скорее всего чисто познавательная задача мало интересовала испытуемых Пиаже. Это значит, что в его экспериментах ребенок находился вне полноценной социальной ситуации.

Когда критики Ж. Пиаже изменили ситуацию так, что испытуемому надо было спрятать куклу-«преступника» от полицейского за крестообразным занавесом, то оказалось, что и трехлетние дети справляются с заданием.

«Задание было разработано М. Хьюзом (1975). В простейшем варианте используются две пересекающиеся «стены», образующие крест, и две маленькие куклы, представляющие полисмена и мальчика. Сверху макет, перед тем как в нем помещается кукла-мальчик, выглядит следующим образом:

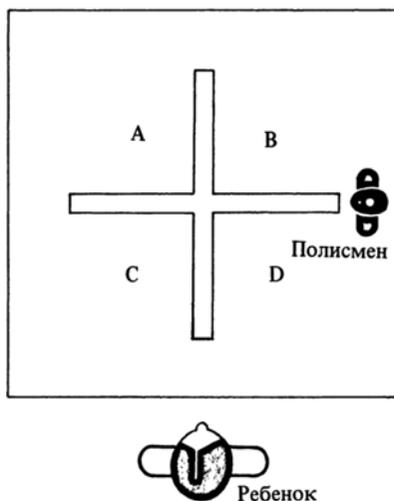

Рис. 2. Схема опыта М. Хьюза

В исследованиях Хьюза полисмен сначала помещался, как это показано на схеме, т. е. так, что он (полисмен) мог видеть участки В и D, а поля А и С были скрыты от него стеной. Сначала Хьюз помещал куклу-мальчика в сектор А и спрашивал ребенка, может ли полисмен видеть ее там. Тот же самый вопрос задавался последовательно и для секторов В, С и D. Затем полисмен помещался на противоположной стороне лицом к стене, отделяющей А от С, и

ребенка просили «спрятать куклу так, чтобы полисмен не мог ее видеть». Если ребенок делал ошибки на предварительных этапах, ему на них указывали, и вопрос повторялся до тех пор, пока ответ не был правильным. Ошибок, однако, было очень мало»¹.

Впрочем, данная критика не меняет концепции Пиаже; она могла бы сойти за шутку, вроде того, что у самого Ж. Пиаже не все было ладно с децентрацией. И в этом нет ничего удивительного: взрослые люди то и дело поступают эгоцентрически, например когда не учитывают точку зрения и особенности мышления своего собеседника или подчиненного (начальника). Хотя «понимание намерений другого человека является фундаментальным человеческим навыком»², ошибки в этом почти неизбежны. Особенно опасен эгоцентризм в ситуации принятия боевого решения; стресс боя повышает уровень эгоцентризма познавательной деятельности.

Разумеется, эгоцентризм намного богаче и сложнее, чем поведение ребенка в эксперименте. Ж. Пиаже дает всестороннее описание данного феномена. Он утверждает, что дети, находящиеся на стадии эгоцентризма, плохо понимают друг друга в привычной совместной игре. Играя вместе, они не наблюдают друг за другом и не согласовывают используемые ими индивидуальные правила игры. Дети играют сами по себе. Фактически никто из них не стремится победить. Ребенок не проявляет интереса, как это будет позднее, в общих правилах, чтобы выяснить, кто же одержит верх. Между игроками нет реального контакта. Следовательно, игровое поведение является псевдосоциальным.

На более высоких возрастных стадиях социального развития поведение заметно меняется. Общее направление изменений диктуется развитием кооперативной игры, то есть переходом от правил, полученных извне, к своим, коллективно развиваемым правилам. Сначала правила игры воспринимаются как написание старшего, нечто мистическое, божественное, что не может быть изменено. Внешнее принуждение даже усиливает эгоцентризм

---

¹ *Доналдсон М.* Мыслительная деятельность детей : пер. с англ. М., 1985. С. 23–24.

² Там же. С. 29.

непосредственно или маскирует его. Воздействие старших является еще принуждением, ибо кооперация может возникнуть лишь между равными¹.

Восхождение к кооперативной, то есть социальной игре означает, что играющие дети не просто состязаются со своими товарищами, они в первую очередь упорядочивают партию посредством систематизированного комплекса законов. Причем на эту «законотворческую» часть игры они тратят удивительно много времени и разрабатывают настолько сложные системы, что Пиаже сравнивает их по сложности и объему с тем, что школьники заучивают трудно и долго при изучении грамматики и синтаксиса².

Таким образом, Ж. Пиаже связывает эгоцентризм с двумя факторами: процессом созревания биологических основ познавательной активности и подчинением авторитету старших (геронтократией).

Развитие кооперативных (коллективных) отношений между сверстниками снижает уровень эгоцентризма. Коллективное общение, то есть общение на равных дает обильный материал для сравнения своей индивидуальной точки зрения с позициями других. Поскольку групповая игра невозможна без согласованных правил, то процесс сознательного освоения правил способствует росту социальности. Только кооперация, утверждает Пиаже, «в состоянии связать индивидуум с обществом»³.

Отсюда два типа морали (социальности): а) гетерономная мораль, связанная с воздействием на человека старших (властных); б) автономная, демократическая мораль, основанная на взаимном сотрудничестве равных. Как писал Ж. Пиаже, «сущность любой морали состоит в уважении, с которым личность относится к соблюдению правил. Одностороннее уважение (снизу вверх) порождает гетерономную мораль, в то время как взаимное уважение приводит к возникновению автономной морали»⁴, вершиной кото-

---

¹ См.: Пиаже Ж. Моральное суждение у ребенка. М., 2008. С. 143.

² См. там же. С. 115–116.

³ См. там же. С. 105.

⁴ См. там же.

рой является чувство справедливости, не требующее для своего развития ничего, кроме взаимного уважения.

Подход Пиаже, развитый Л. Колбергом (1927–1987) и рядом других психологов, оказался более плодотворным для создания социально-психологической концепции личности. Л. Колберг под влиянием взглядов Ж. Пиаже развивал свою когнитивно-эволюционную концепцию личности. Подобно Пиаже, он рассматривал процесс формирования нравственности у детей как последовательное восхождение по ступеням (поэтому концепция называется эволюционной), при этом постепенный переход завершается полной заменой нижестоящей ступени вышестоящей. Ступени рисовались как качественно неоднородные образования. Провозглашалась зависимость нравственного развития детей от их умственного развития (отсюда название «когнитивная»).

Концепция Л. Колберга четко дифференцирована, в ней выделено шесть эволюционных ступеней, сгруппированных в три моральных уровня (табл. 1).

Таблица 1

**Уровни и ступени развития
индивидуальной социальности, по Л. Колбергу**

Уровень развития социальности	Эволюционные ступени
I. Доморальный уровень	1) Ориентации на наказание и покорность; 2) наивно-определяющий гедонизма, то есть достижение наслаждения
II. Мораль условно-ролевой конформности	3) Мораль «хорошего мальчика», сохранения добрых взаимоотношений; 4) мораль поддержания авторитета
III. Уровень высоких нравственных принципов	5) Мораль ориентации на общественный договор, конституцию страны; 6) мораль индивидуальных принципов совести

Если, по Ж. Пиаже, моральная зрелость достигается приблизительно в возрасте 12 лет, параллельно с достижением уровня

независимых умозаключений, то, по Л. Колбергу, моральная зрелость (пятая и шестая ступени) определяется как способность к «принципиальным суждениям на основе принципа справедливости» и полностью может быть достигнута лишь очень немногими людьми, да и то уже во взрослых возрастах¹.

Чем выше уровень социальности индивида, тем более вероятно, что он будет склонен к демократическому стилю поведения (управления, обучения, просто общения) и тем надежнее будет его нормативное поведение, в том числе и при отсутствии внешнего контроля.

Итак, теория личности Пиаже и его последователей – это теория становления социальности индивида. Этот процесс начинается, как доказывает Пиаже, с эгоцентризма, который постепенно (стадиально) преодолевается в ходе общения равных (кооперации). Процесс преодоления эгоцентризма направляется восходящим освоением социальных норм и достижением такого уровня нормативности, при котором высшим регулятором социального поведения становится ценность человеческой жизни.

Наряду с общими социально-психологическими теориями и концепциями личности развиваются и совершенствуются специальные, или частные социально-психологические теории. К их числу можно отнести такие теории, как: а) авторитарная личность (Т. Адорно и др.); б) теория лидерских черт; в) теория маргинальной личности (человека); г) социально-культурная теория невротической личности К. Хорни и др.

Проблема личности в социальной психологии тесно связана с проблемой общения и взаимодействия людей.

1.3. Основные свойства личности

Наиболее распространенным способом описания личности является обращение к ее чертам, или свойствам (качествам). На решение этой задачи претендуют почти все личностные тесты: Г. Оллпорта, Г. Ю. Айзенка, Р. Кеттелла, «Большая пятерка» и др.

---

¹ Цырлина Т. В. Встречное движение. М., 1991. С. 16.

Личность – комплекс свойств, свидетельствующих о целостности, самостоятельности, активности, сознательности и способности быть членом общества. Эта точка зрения распространена больше других. Ее придерживался С. Л. Рубинштейн, который предложил и комплекс свойств (компонентов) личности. В своих последних работах он писал: «В качестве собственно личностных свойств из всего многообразия свойств человека обычно выделяются те, которые обуславливают общественно значимое поведение и деятельность человека (система мотивов и задач, которые ставит себе человек; свойства характера и способности)»¹.

В зарубежной психологии, и прежде всего в экспериментальной, принято было все качества человека делить на две группы: личностные и интеллектуальные. Соответственно и методы исследования делились на тесты интеллекта и тесты личности.

Ведущие авторитеты называют чертами личности гипотетические психические структуры, проявляющиеся в поведении и обуславливающие предрасположенность поступать сходным образом в различных обстоятельствах и в разное время. Это относительно постоянные поведенческие тенденции. Черты личности являются устойчивыми и предсказуемыми характеристиками человека. Теоретические положения относительно качеств личности важны как для понимания личности вообще, так и для решения прикладных задач личностного описания человека в интересах профессионального отбора, профессионального развития людей, учения и развития человека в образовательных системах.

Поскольку черт личности много, их принято объединять в группы или исходно выделять в личности некие «стороны». Возможно, исторически первой выступила такая «сторона», как способности. Жизненная практика, совместная деятельность давала множество наблюдений относительно того, что люди различаются своими способностями, то есть пригодностью для различных дел.

Затем где-то в недрах древней медицины родилась идея темперамента (красиса, гармонии) тела, затем души и тела и в конце кон-

---

¹ *Рубинштейн С. Л.* Принципы и пути развития психологии. М., 1959. С. 119–120.

цов гармония человека и мира. Заметим, что понятием темперамента охватывалась телесная и духовная природа человека в их единстве. Соответственно внимание античного врача привлекали прежде всего четыре негармоничные, а значит, «нездоровые» темпераменты (холерик, сангвиник, меланхолик и флегматик). Пятый – здоровый, гармоничный – тип темперамента, не имеющий названия и по сей день, не служил для врача источником проблем и не стал поэтому предметом исследования. Сегодня понятие «гармоничной личности» с темпераментом уже не связывается, что не является признаком последовательности и преемственности психологии.

Если источником представлений о способностях служили труд и учение, то источником темперамента явились болезни и способы их лечения (медицина).

Долгое время личность «складывалась» из характера, темперамента, способностей и ценностно-мотивационной структуры (направленности). Последним из представителей мировой психологии, кто придерживался подобного взгляда на личность, был, пожалуй, Г. Ю. Айзенк. Именно так показана личность в его работе 1951 г., где сказано: «Личность – это более или менее стабильная и устойчивая структура характера, темперамента, интеллекта и конституции человека, которая определяет его индивидуальную адаптацию к окружающему миру. Характер является более или менее стабильной системой мотивационно-волевого поведения. Темперамент – это более или менее устойчивая система аффективного, эмоционального поведения человека. Интеллект – это более или менее стабильная система когнитивного поведения. Под конституцией мы подразумеваем более или менее стабильную систему телосложения и нейроэндокринной регуляции»¹.

Во второй половине XX в. психологическая персонология постепенно отходит от понятий характера, темперамента и других традиционных составляющих личности, предпочитая говорить просто о чертах (свойствах, качествах) личности. Например, в теории и тестах Р. Кеттелла понятие характера не упоминается вовсе, где-то на втором плане можно найти слово «темперамент», а «спо-

---

¹ Айзенк Г. Структура личности : пер. с англ. СПб., М., 1999. С. 13.

собности» выступают в качестве цели, которую преследуют отдельные факторы его теории. Названия этих факторов в большинстве случаев условны, а многие из них и вовсе не имеют названий, как и вся концепция «шестнадцать факторов».

Еще более радикальный отход от традиционных единиц описания личности свойствен концепциям, которые базируются на теории К. Г. Юнга. Основываясь на четырех основных функциях: экстраверсия – интроверсия; функции накопления информации; функции принятия решений; способы управления своей жизнью и реализации планов, – исследователи получили 16 типов личности, каждый из которых характеризуется особенностями поведения в различных областях жизни и деятельности¹.

1.4. Профессионально-личностные особенности человека

Профессия, трудовые занятия и заботы забирают значительную часть жизни и сильно влияют на самого человека. Разные профессии влияют по-разному. В одном случае эти влияния настолько сильны, что подчиняют себе человека, превращают его в профессионала, специалиста, то есть односторонне развитого человека. Военные профессии обычно требуют от человека большего и влияют на него сильнее: «При необходимости военнослужащий по приказу командира (начальника) обязан приступить к исполнению обязанностей военной службы в любое время»²; «внутренняя служба требует организованных действий военнослужащих независимо от их желаний»³ и т. д.

В эпоху, когда разделение труда становилось массовым, многие гуманисты боялись этой профессионализации, отождествляя ее с деформацией личности, а марксисты усматривали выход в иной – посткапиталистической организации труда и производственных отношений. Однако оказалось, что психологические последствия

---

¹ См. *Крегер О., Тьюсон Дж. М.* Типы людей. 16 типов личности, определяющих, как мы живем, работаем и любим. М., 1995.

² Устав внутренней службы ВС РФ. Ст. 8.

³ Устав внутренней службы ВС РФ. Ст. 3.

профессионализации, даже очень значительные, не являются катастрофой. Во-первых, потому что способности в большинстве своем исходно являются односторонними, поэтому их развитие по необходимости является хотя и односторонним, но естественным процессом. Во-вторых, общее культурное развитие человека как-то компенсирует профессиональную односторонность. И в-третьих, мир профессий становится настолько динамичным, что человек вынужден в своем трудовом развитии как бы подниматься над профессиями, создавая внутри себя соответствующий механизм профессионального перехода.

Тем не менее профессионализация увеличивает дистанцию между людьми, что побуждает их, в частности, организовывать профессиональные сообщества. Одно из назначений подобных сообществ – создавать такую социальную среду, в которой человек чувствовал бы себя более комфортно.

Обычно говорят, что профессия предъявляет к человеку свои требования: на первом этапе она отбирает подходящих людей, руководствуясь в основном представлением о способностях; на втором этапе профессия формирует те качества, которые ей нужны.

Само собой разумеется, интеллектуальные профессии требуют интеллектуальности, эмоциональные – эмоциональности, вербальные – речевой одаренности. Остается немало профессий физического типа, которым нужны развитые физические качества, как в профессиональном спорте и некоторых видах искусства (например, в балете). Не обойтись без всестороннего физического развития и на военной службе. Разумеется, профессия защитника отечества требует интеллекта, сопоставимого с интеллектом противника по всем параметрам боевой реальности и военного дела: тактическим, техническим, педагогическим и др. Она же требует силы духа, способного одолеть противника.

К профессиональному поведению человека относятся такие понятия, как профориентация, профессиональный выбор, профессиональное развитие и др.

Но не только профессия предъявляет к человеку свои требования. Человек также много требует от профессии: при благоприятных

условиях он выбирает профессию для себя, а затем адаптируется к ней. В конечном счете происходит более или менее полное согласование индивидуального личностного профиля и профиля профессиональных требований и условий, то есть их взаимная адаптация.

Отношения между человеком и профессией не простые. Посредством профессиональной деятельности люди достигают ряда личных целей, а именно: самоутверждение, повышение собственной самооценки, завоевание власти, спасение от одиночества, переживание чувства защищенности.

Деятельность продолжается и после того, как решена ближайшая задача – обеспечение возможностей для удовлетворения жизненных потребностей. В деятельности человек реализует и другие, более высокие и сложные потребности и ценности. Благодаря деятельности человек повышает свой социальный статус, переживает чувство принадлежности к группе, находит свой круг общения, развивает свои способности и свою личность. Деятельность – это деловые связи – одна из прочных привязанностей. Через деятельность люди получают доступ к внутренним ресурсам, благодаря чему растут и раскрывают свои способности.

Бывает, что деятельность деформирует личность тем, что излишне привязывает работника к себе, создавая тип «трудоголика», который без работы не может жить. Еще одним негативным последствием деятельности является выход профессиональных стереотипов поведения за рамки рабочей обстановки (в семью, в общественные организации, в круг друзей и т. п.). Это – профессиональная деформация личности.

Таким образом, в результате взаимодействия человека и профессии формируются определенные достаточно стабильные личностные качества. Во-первых, это мотивационные структуры, которые фиксируют привязанность работника к своей профессии, содержание и интенсивность его трудовых побуждений, а в целом – отношение к профессии. Нередко для характеристики мотивационных составляющих личности профессионала используют такие категории, как ценности, включая ценностное восприятие профессии, а также «профессиональная направленность личности».

Во-вторых, качества, которые воплощают профессиональную выучку: профессиональный интеллект, знания и умения, профессионально важные качества.

В-третьих, более или менее выраженную профессиональную стрессоустойчивость, особенно значимую там, где приходится иметь дело с опасностью, повышенной ответственностью и рядом факторов, порождающих сильные негативные эмоции.

Все указанные качества конкретизируются соответственно основным направлениям воинской деятельности и должностным позициям.

Все вышеизложенное в совокупности является профессиональной составляющей личности. Иногда для обозначения этой личностной структуры используется понятие «психологическая система деятельности»¹.

1.5. «Рабочий» образ воина

Прежде всего естественно задаться вопросом, что представляет собой имплицитный образ военнослужащего, на который фактически ориентируется военная практика. Естественно предполагать, что этот образ неявно присутствует в воинских уставах, и в первую очередь в таком важном для повседневной жизни войск документе, как Устав внутренней службы².

Для того чтобы сделать этот образ более или менее явным, следует применить подходящий метод из числа тех, которые ис-

---

¹ «...Если принятие деятельности порождает стремление выполнить ее определенным образом, то установление личностного смысла ведет к дальнейшему ее преобразованию. Это проявляется в установках на качество и производительность, в специфике выполнения деятельности, в ее динамике, напряженности, что в конечном счете проявляется в формировании специфической психологической системы деятельности». (*Шадриков В. Д.* Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. М., 1982. С. 39).

² См.: Устав внутренней службы Вооруженных Сил Российской Федерации: утвержден Указом Президента Российской Федерации от 10 ноября 2007 г. № 1495. С изменениями от 26.01.2019 № 18 включительно.

пользуются для изучения документов различного характера и содержания. Психологическая характеристика текста опирается на принцип анализа результатов деятельности.

Простой психологический контент-анализ Устава внутренней службы, учитывающий только частоту слов и словосочетаний (понятий), обозначающих качества личности непосредственно или тесно с ними связанных, дает следующую картину (см. табл. 2).

Таблица 2

**Категории Устава внутренней службы,
характеризующие личность воина**

№ п/п	Качества личности и понятия, с ними связанные	Количество	Контекст
1	Обязанности, обязан, обязаны	255	Требования внутренней службы обязан знать и добросовестно выполнять каждый военнослужащий
2	Подчиненный	137	Начальник имеет право отдавать подчиненному приказы
3	Контроль	129	Осуществлять постоянный контроль за выполнением требований безопасности военной службы в ходе повседневной деятельности подразделений
4	Дисциплина	92	Анализировать состояние воинской дисциплины
5	Закон	85	На военнослужащих, привлекаемых в случаях, установленных федеральными законами и иными нормативными правовыми актами Российской Федерации, к выполнению работ, не обусловленных исполнением обязанностей военной службы, распространяются правовые нормы, предусмотренные для других граждан, выполняющих указанные работы
6	Правила	84	Все военнослужащие обязаны при встрече (обгоне) приветствовать друг друга, соблюдая правила, установленные Строевым уставом
7	Порядок	80	Командир обязан строго соблюдать порядок прохождения военной службы подчиненными военнослужащими

№ п/п	Качества личности и понятия, с ними связанные	Количество	Контекст
8	Правильно	77	...Организовывать правильное размещение подразделений в военном городке и военнослужащих в помещениях
9	Мораль(но)	69	Формировать у военнослужащих верность Российской Федерации, воинскому долгу и Военной присяге (обязательству), патриотизм, высокие боевые и морально-психологические качества
10	Готовность	64	...Отвечает за постоянную боевую и мобилизационную готовность
11	Воспитание	57	Постоянно проводить индивидуальную работу по воинскому воспитанию
12	Ответственность, ответственно	43	Выполнение требований внутренней службы развивает у военнослужащих чувство ответственности
13	Здоровье	40	Должен заботиться о сохранении своего здоровья
14	Права	34	Военнослужащие обладают правами и свободами человека и гражданина с некоторыми ограничениями
15	Обучение	27	Командир взвода лично обучает и воспитывает подчиненных. Он обязан... следить за правильным обучением солдат (матросов) командирами отделений (старшинами)
16	Высокие деловые качества	24	Знать деловые качества каждого
17	Честь	16	Уважать честь и достоинство товарищей по службе
18	Досуг	16	...Организовывать досуг личного состава полка (корабля);
19	Достоинство	15	За действия, унижающие честь и достоинство подчиненного, начальник несет ответственность
20	Строго	15	Требовать строгого соблюдения воинской дисциплины личным составом

№ п/п	Качества личности и понятия, с ними связанные	Количество	Контекст
21	Приказ	12	В ходе утреннего осмотра командир отделений приказывают устранить обнаруженные недостатки
22	Уважение (уважать)	11	Военнослужащие должны уважать достоинство других
23	Долг	10	Глубоко сознавать свой долг воина Вооруженных Сил
24	Мастерство (умелость)	9	...Совершенствовать воинское мастерство
25	Вежлив(ость)	7	Военнослужащие должны быть вежливыми
26	Опасность	7	Выручать из опасности... других военнослужащих
27	Гражданин	6	Защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации
28	Товарищ(ество)	6	Дорожить... войсковым товариществом
29	Организатор	6	Командир батальона является основным организатором боевой подготовки и воинского воспитания личного состава батальона
30	Бдительно(сть)	6	Быть бдительным, хранить государственную тайну
31	Единоначалие	6	Единоначалие выражается в праве командира (начальника) единолично принимать решения, отдавать в установленном порядке соответствующие приказы и обеспечивать их выполнение
32	Взыскание	6	Старшина роты обязан докладывать командиру роты... о наложенных им на солдат и сержантов дисциплинарных взысканиях
33	Беспрекословность	6	Подчиненный обязан беспрекословно выполнять приказы начальника
34	Свобода (ы)	5	Военнослужащие обладают правами и свободами человека и гражданина...
35	Отечество	5	Защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации
36	Сплочение, сплоченность	5	Воинское приветствие является воплощением товарищеской сплоченности военнослужащих

№ п/п	Качества личности и понятия, с ними связанные	Количество	Контекст
37	Организованность	5	Внутренняя служба требует организованных действий военнослужащих независимо от их желаний
38	Подчинение, повиновение	4	...Воспитывать в духе ...сознательного повиновения командирам (начальникам)
39	Выдержка	4	...Формировать выдержку
40	Самостоятельно(сть)	4	Действовать в пределах предоставленных прав самостоятельно
41	Патриотизм	4	Военнослужащий обязан проявлять патриотизм
42	Поощрение	4	Командир взвода обязан докладывать командиру роты о поощрениях, объявленных подчиненным
43	Добросовестно(сть)	3	...Должны знать, точно и добросовестно исполнять свои обязанности
44	Инициатива		Военнослужащий должен... при выполнении воинского долга проявлять разумную инициативу
45	Мужество	2	Мужественно и умело защищать Российскую Федерацию
46	Храбрость	2	Военнослужащий должен быть... храбрым
47	Отвага	1	Развивать у военнослужащих ...отвагу
48	Защитник	1	С достоинством нести высокое звание защитника народа Российской Федерации
49	Находчивость	1	Развивать у военнослужащих находчивость
50	Доброжелательность	1	...Доброжелательность и готовность помочь друг другу способствуют укреплению войскового товарищества
51	Гордость	1	Формировать и поддерживать... гордость за принадлежность к Вооруженным Силам
52	Стойкость	1	Военнослужащий обязан проявлять стойкость и мужество
	Число качеств – 52	1 513	

Всего – 52 качества и понятия, с ними связанные; общее число упоминаний – 1 513; среднее число упоминаний – 29,09; разброс 1–255; медиана – 7; мода – 6.

Анализ, сравнение и обобщение элементов уставного категориального списка позволяют определенным образом сгруппировать выявленные категории. При этом ряд качеств включаются в несколько групп, потому что они многофункциональны.

Первая группа качеств (1 004 (66%) упоминаний) содержит категории Устава, не обозначающие человеческие качества, но связанные с ними: обучение, воспитание, поощрение, досуг, отдых, наказание, взыскание, приказ, права, обязанности, правила, порядок, подчинение, единоначалие, опасность. Все эти слова относятся к служебным ситуациям, в которых повседневно находятся военнослужащие. Это «ситуационные факторы». Их роль состоит в том, чтобы служить своего рода «рамками», в которых проходит служба, или ориентирами для принятия решений. Эти категории выполняют прежде всего направляющие и ориентирующие функции. Их можно рассматривать так же, как **служебные требования**, которые влияют на деятельность и развитие личности воина.

Вторая группа включает собственно **боевые качества** воина:

отвага – 1;	стойкость – 1;
мужество – 2;	защитник – 2;
храбрость – 2;	патриотизм – 4;
высокие боевые качества – 3;	самостоятельность – 4;
бдительность – 6;	подчинение, повиновение – 4;
патриотизм – 4;	беспрекословность – 6;
товарищество – 6;	бдительность – 6;
инициатива – 3;	товарищество – 6;
опасность (подразумеваются качества, которые нужны для того, чтобы успешно выполнять задачи в условиях опасности) – 7;	готовность – 64;
	высокие боевые и морально-психологические качества – 69;
	находчивость – 1.

Всего – 20 позиций: 201 (13%) упоминание.

Отдельного обсуждения заслуживает словосочетание «высокие боевые и морально-психологические качества» – 69 упоминаний (0,5%), которое представляет собой своего рода формулу и

встречается повсеместно: в боевых уставах и наставлениях, в приказах и директивах органов военного управления, в литературе по различным военным дисциплинам. Для конкретной работы, например для оценки или организации психологической подготовки или политико-морального воспитания, нужна ориентация на точное, терминологическое определение каждого качества, которое интуитивно входит в состав «высоких боевых и морально-психологических качеств».

Третья группа качеств воина непосредственно связана с реализацией уставных отношений военнослужащих: вежлив(ость), сплочение, сплоченность, уважение (уважать), доброжелательность, товарищество. К сожалению, нет категорий, которые бы устанавливали связь между уставными отношениями и боевым взаимодействием. Устав указывает на взаимодействие только в одном случае¹. Эти качества военнослужащих являются абсолютно необходимыми для того, чтобы коллективы воинских подразделений были сплоченными, зрелыми в морально-политическом и военно-профессиональном отношении. Они же являются важнейшим фактором успешного решения задач боевого взаимодействия как в ходе боевой учебы, так и при организации боевых действий и в бою непосредственно. Это те качества, благодаря которым военнослужащие образуют боеспособные подразделения (части, соединения и т. д.), то есть **боевое товарищество** (6 качеств; 45 упоминаний).

Четвертая группа – качества общегражданского, или государственного порядка, имеющие большое значение для человека на военной службе:

- патриотизм – 4;
- Отечество – 5;
- долг – 10;
- гражданин – 6;
- Свобода (ы) – 5.

---

¹ «В случае нападения на парк дежурный по парку немедленно сообщает о случившемся дежурному по полку и принимает меры по отражению нападения силами наряда по парку во *взаимодействии* с караулом и дежурным подразделением».

Всего 5 позиций; 30 упоминаний.

Данные качества играют важную роль в выборе военной профессии. Они же служат социальной основой для формирования личности воина непосредственно на службе. Условно эту группу качеств назовем **гражданственностью**.

И наконец, **пятая группа** включает все то, что свойственно воину во всех обстоятельствах его службы как мирного, так и военного времени: умелость (7); добросовестность (3) и т. д. Это **общечеловеческие «добродетели»**.

Связи между всеми группами качеств воина представлены на рисунке 3.

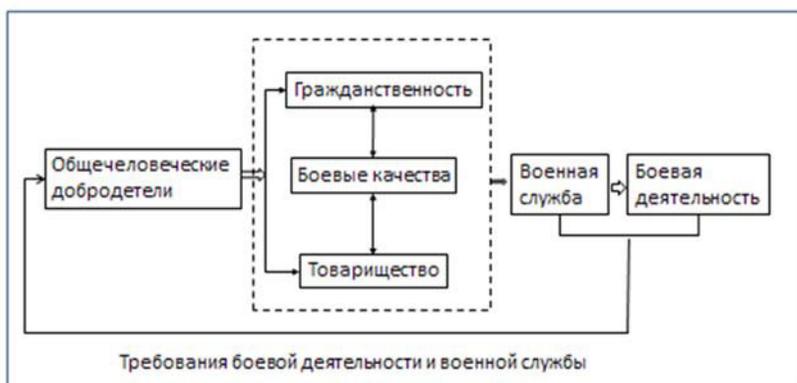

Рис. 3. Рабочий («уставной») образ воина

О чем говорят приведенные данные?

Во-первых, придается определенное значение важнейшим «деловым и морально-психологическим» качествам, таким как долг, честь, достоинство личности, самостоятельность, чувство товарищества, умелость, храбрость, патриотизм.

Во-вторых, достаточно часто речь идет об обучении (41 упоминание) и воспитании (98 упоминаний), что является признаком акцентирования условий формирования морально-боевых качеств военнослужащих.

В-третьих, создается впечатление, что военнослужащий – это «человек, который должен», к которому предъявляются требова-

ния и который подчиняется, являясь объектом контроля. Это может восприниматься как признак односторонности практики обеспечения высоких морально-боевых качеств, ее «скошенности» в сторону требований, контроля, строгости и т. п.

В-четвертых, специальные боевые качества воина явным образом не выделяются, не акцентируются.

В-пятых, недостает понятий, фиксирующих интеллектуальные качества; только «находчивость», встречающаяся однажды.

В-шестых, качества личности воина встречаются в разных разделах и статьях Устава внутренней службы, что затрудняет формирование целостного образа воина как у рядового военнослужащего, так и у должностных лиц, несущих ответственность за военно-профессиональный отбор, воспитание, боевую подготовку личного состава.

Таковы элементы образа человека, которые закреплены Уставом внутренней службы. Этот образ является имплицитным, он явно не артикулируется, но его влияние на профессиональное мировоззрение и развитие личности военнослужащих значительно. Встают вопросы: в какой степени это влияние управляемо? не нуждается ли этот образ в целенаправленном осмыслении и, возможно, в корректировке?

Если обратиться к другим воинским уставам, то картина будет достаточно фрагментарной.

В Боевых уставах есть указание на важные боевые качества военнослужащего:

«Каждый военнослужащий обязан стойко и упорно действовать в обороне, смело и решительно – в наступлении; проявлять храбрость, инициативу и находчивость в бою; оказывать помощь товарищу»¹.

К сожалению, данное требование размещено между большим числом других обязанностей, каждое из которых обращено к умениям и знаниям. Между тем понятно, что ни один элемент боевого

---

¹ Боевой устав по подготовке и ведению общевойскового боя: Часть 3. Взвод, отделение, танк: введен в действие приказом главнокомандующего Сухопутными войсками от 24 февраля 2005 года № 19. М., 2005. Ст. 22.

мастерства не может быть реализован без стойкости и упорства, смелости и решительности и других боевых качеств.

Боевые качества имеются в виду тогда, где Устав предупреждает «не оставлять без разрешения командира своего места в бою», а также когда Устав обязывает солдат и сержантов «защищать командира в бою, в случае его ранения или гибели смело брать командование подразделением на себя». Правда, при этом в Уставе не упоминается мужество.

Все вышеизложенное побуждает думать о целесообразности иметь в основных уставах отдельную главу о личности воина, об основных боевых качествах. Если в советских Боевых уставах была глава о политической работе, где речь шла о человеческих факторах, то это была полумера: могло создаваться впечатление, что все, что касается людей, является, прежде всего, предметом ответственности политического аппарата полка (корабля).

1.6. Эмпирическая военно-профессиональная типология личности

Воинская деятельность – это система многочисленных видов деятельности; поэтому от военнослужащих требуются разнообразные способности и склонности. Многие военные профессии имеют определенное сходство с профессиями, присущими многим отраслям труда в промышленности, сельском хозяйстве, сферах науки, образования, здравоохранения, государственного управления.

Разумеется, при всем сходстве военных и невоенных профессий существует и принципиальное их различие. Все военные профессии непосредственно нацелены на боевую конкуренцию, на достижение превосходства над вероятным противником, на победу в деле вооруженной защиты Отечества.

Продолжительный опыт изучения деятельности офицеров и сержантов, их достижений и служебных предпочтений свидетельствует о значительных личностных особенностях. Эти особенности нередко становятся предметом товарищеских оценочных суждений, а также являются обычным основанием для кадровых решений. Командные (командирские), штабные и специальные должност-

ные позиции являются, кроме своего прямого назначения, еще и возможностями для приобретения специального военно-профессионального опыта, позволяющего более умело и эффективно нести службу на высшей должности.

Излагаемая далее типология военных профессий не входит в противоречие с существующей системой должностей и не содержит аргументов за или против тех или иных назначений.

Наиболее выраженными являются следующие личностно-профессиональные категории.

Первая категория – это военнослужащие, которые более успешны в стрельбе, огневой подготовке, то есть в непосредственном поражении противника. Это свойственно представителям всех видов и родов войск, которые предназначены для боя. Они с особым уважением и любовью относятся к своему оружию, знают его сильные и слабые стороны и стремятся применять его с максимальной эффективностью. Они гордятся своими успехами и успехами своих подчиненных, готовы в мирное время участвовать в состязаниях по стрельбе. Их условно следует назвать «стрелками» или «огневиками».

Вторая категория военнослужащих, независимо от должности и звания, с повышенным интересом относится к тактическим учениям, к работе на полигонах, где предстоит встреча (столкновение) с «противником». Они хорошо ориентируются на незнакомой местности, умело пользуются топографической картой, прокладывают наиболее подходящие маршруты движения, «чувствуют» противника и вероятные места его нахождения. Хорошей иллюстрацией этой категории служит следующая самооценка маршала И. С. Конева: «Полк сделал меня человеком поля. Именно в полку я страстно полюбил поле, учения, проводимые с максимальным приближением к боевой обстановке. Я относился к учениям со страстью и считал тогда так же, как считаю сейчас, что без вдохновения нет учений»¹.

Командиры, относящиеся к данной категории, обладают хорошим «глазомером» (в суворовском смысле), умеют строить боевой

---

¹ Конев И. С. Сорок пятый. 2-е изд., исправ. и доп. М., 1970. С. 275.

порядок подразделения с учетом местности и вероятных действий противника, определять сильные и слабые места позиции, точно прогнозировать наиболее возможные направления атак противника, его ключевые оборонительные участки или объекты. Как правило, они внимательно изучают вероятного противника: его технику, тактику, боевую подготовку. Это – «тактики» (будущие стратеги).

Данная категория объединяет две личностные группы: командиры и штабные офицеры. Их различие хорошо подчеркнул Главный маршал авиации А. Е. Голованов:

«Неправильно считать, что любой начальник штаба может быть командиром или любой командир может быть начальником штаба. Дело все в том, что командир должен в процессе, скажем, боя или сражения принимать ответственные самостоятельные решения и немедленно проводить их в жизнь и время на принятие таких решений ограничено, так как обстановка в процессе боя быстро меняется, она, как правило, скоротечна. Для принятия таких решений от командира требуется быстрота в оценке обстановки и, что особенно важно, твердое проведение в жизнь принятого решения, для чего командир должен обладать определенными волевыми качествами, решительностью и организаторскими способностями. Эти качества и прививаются командиру в процессе его службы.

Штаб представляет из себя, если можно так выразиться, мозговой центр части, соединения, объединения, фронта и, наконец, Верховного Командования. Под руководством начальника штаба готовятся все материалы, на основании которых командир или командующий принимает то или иное решение. От качества подготовленности таких материалов зависит правильность, а говоря военным языком, обоснованность принятия решения. Начальник штаба на основании подготовленных материалов имеет то или иное предложение, а иногда и не одно, как следует проводить операцию. Он докладывает имеющиеся предложения, исходящие от нижестоящих соединений или объединений, докладывает также и свои соображения, если они разнятся с указанными. Таким образом, начальник штаба вместе со своим штабом готовит и вносит на утверждение своему командиру имеющиеся у него предложения, а командир или командующий принимает по ним наиболее, с его точки зрения, обоснованные решения, и уже никто иной, а

именно он, командующий, несет за принятие таких решений личную, персональную ответственность. Немалое количество людей принимает участие в обсуждении вопросов, подлежащих решению, а решает их один человек – командир, командующий.

Должности эти друг на друга не похожи, и в массе своей они, как правило, не взаимозаменяемы. Из Великой Отечественной войны приведу лишь два факта. Генерал М. С. Малинин, будучи начальником штаба армии, которой командовал К. К. Рокоссовский, получил предложение вступить в командование армией. От такого предложения он отказался, а точнее, просил его на армию не назначать, так как данных для командования армией не имеет. На предложение стать начальником штаба фронта он сразу согласился. Находясь всю войну в этой должности, он показал себя отличным организатором и являлся лучшим из начальников штабов фронтов.

А вот другой пример. Генерал В. Д. Соколовский был начальником штаба фронта и отлично справлялся с этой должностью. Будучи назначенным в дальнейшем командующим этим же фронтом, он через некоторое время был возвращен на должность начальника штаба, но уже другого фронта. Отлично зная штабную службу фронтового масштаба и легко руководя ей, наклонностей к командованию войсками у него в достаточной мере не проявилось.

Я лично, например, совершенно не представляю себе как Г. К. Жукова, так, например, и К. К. Рокоссовского или И. С. Конева начальниками штабов любого ранга. Точно так же я не представляю себе А. М. Василевского или А. И. Антонова в иной роли, как начальников крупных штабов».

Говоря о причинах неудачного начала для нашей страны Великой Отечественной войны, маршал Голованов пишет далее:

«Одной из причин, способствовавших такому положению, явилась, с моей точки зрения, замена опытного начальника Генерального штаба Б. М. Шапошникова сначала К. А. Мерцковым, а потом Г. К. Жуковым. Это была одна из серьезных ошибок И. В. Сталина. Заменить человека, мыслящего масштабами государства, отлично знающего положение и состояние Красной Армии, готовящего длительный период времени все необходимое для возможной в недалеком будущем войны, отлично знающего международное положение и место Советского Союза в нем, находящегося в курсе подготавливаемого гитлеровцами похода

на Восток, прекрасно разбирающегося в политике, – явление, надо прямо сказать, малопонятное, не логичное. Мы стояли на грани войны, и такое явление, зная уже достаточно хорошо стиль и методы работы Сталина, я бы назвал необъяснимым»¹.

Третья категория военнослужащих располагает хорошим знанием и пониманием людей, быстро распознает их сильные и слабые качества, умеет прогнозировать человеческое поведение и даже ближайшее будущее, карьеру. Они умеют говорить с людьми как индивидуально, так и в группе. Находясь еще на не очень высокой должности (командир взвода, роты), безошибочно подбирают младших командиров и воинов-специалистов.

Любят обучать военным и специальным дисциплинам. Заботятся о развитии материально-учебной базы. Иногда имеют особые пристрастия к некоторым дисциплинам боевой подготовки, и случается, – в ущерб остальным.

Как правило, подразделения командиров третьей категории получают высокие оценки по всем элементам боевой подготовки.

Это боевые военные педагоги строевых воинских частей.

Четвертая категория профессиональных военнослужащих ориентирована преимущественно на общественную жизнь воинской части (подразделения). Ее представители интересуются обще- и военно-политическими и моральными проблемами, а также состоянием воинской дисциплины. Им свойствен высокий уровень развития политического мышления.

Данные военнослужащие стремятся понять, кто из их окружения нуждается в моральной или иной помощи и готовы поддерживать сослуживца в трудную минуту службы. Эти люди принадлежат скорее всего к «социальному типу» личности по типологии Э. Шпрангера. Этот мыслитель-гуманист описал данный тип как «обращенный к чужой жизни», у которого служение людям стало «ведущей жизненной потребностью, организующим принципом душевной жизни»².

---

¹ Голованов А. Е. Дальняя бомбардировочная. М., 2004. С. 554–555.

² См.: Шпрангер Э. Основные идеальные типы индивидуальности // Психология личности : тексты. М., 1982. С. 57.

Офицеры подобного склада хорошо знают дела и состояния подразделений, а также все то, что входит в содержание военно-политической работы. Охотно участвуют в военно-политической пропаганде и агитации, культурно-досуговых мероприятиях.

Это военнослужащие, лично настроенные на военно-политическую работу и имеющие к ней определенные способности.

Пятая категория – это военнослужащие с инженерно-техническим типом ума и личностных ценностей. Они любят военную технику, умеют с ней обращаться, ее обслуживать, настраивать и ремонтировать. Иногда это «технократы», но чаще люди, которые глубоко понимают роль техники в современной войне. Они, как правило, с воодушевлением принимаются за освоение новой, поступающей на вооружение техники и оружия.

Шестая категория – это разведчики по структуре личности. Предмет их военно-профессионального интереса – вероятный противник: его тактика, техника, система боевой и моральной подготовки, текущее состояние его вооруженных сил. Они проявляют интерес к военно-периодической печати, специализирующейся на зарубежной военной информации, следят за аналитической литературой об армиях противника. Некоторые представители данной категории по своей должности и характеру служебной деятельности могут и не иметь отношения к разведподразделениям.

Военно-профессиональная типология может быть построена и по другим основаниям, например по предпочитаемому подходу к решению того или иного круга служебных задач. Таким основанием является, в частности, комплекс проблем поддержания и укрепления воинской дисциплины. Исследование показало, что в этом деле существует несколько типичных подходов или стилей дисциплинарной деятельности офицерского состава.

Эффективно реализуя дисциплинарные функции, командир организует процесс дисциплинирования, согласовывает деятельность всех должностных лиц, органов управления и обеспечения. Кроме выполнения прямых дисциплинарных обязанностей, начальник оказывает влияние на подчиненных примером личной дисциплины – исполнительской, свойственной ему как подчиненному, и дисциплины власти, проявляющейся в его отношениях с подчиненными.

Дисциплинарные функции при всей своей обязательности реализуются в форме, определяемой индивидуальностью офицера. Они дифференцируются также под влиянием условий службы, уровня дисциплины подчиненных, характера решаемых задач и других факторов. Все это воплощается в стиле дисциплинирования – индивидуально своеобразном, относительно стабильном способе решения дисциплинарных проблем.

Специальное исследование с применением авторского опросника, построенного по типу шкалы измерения социальных установок, показало¹, что основой индивидуального дисциплинарного стиля начальника является осознанное или имплицитное (бессознательное) выделение главного направления, ведущего фактора, который предопределяет тактику дисциплинарного управления. Это также связано с индивидуальными убеждениями, принципами, сформированными в опыте командования подразделением. Некоторые из этих убеждений являются своего рода предрассудками, укоренившимися ошибочными представлениями о подчиненных и их отношении к дисциплине и службе в целом.

Установлены четыре дисциплинарных стиля: организаторско-технократический, демократически-педагогический, оперативный и системный, распространенность которых показана в таблице 3.

Таблица 3

Распространенность стилей дисциплинарного управления (%)

Категории начальников	Организационно-технократический	Демократически-педагогический	Оперативный	Системный	Стиль не определен
Ком. взвода	27	14	20	17	28
Ком. роты	12.5	25	8	54.5	0
Ком. батальона	25	13	25	12	25
Ком. полка	20	20	40	20	0

¹ См.: Утлик Э. П. Психологические факторы ликвидации последствий аварии на Чернобыльской АЭС. Киев, 1987. Вып. 2. С. 36–44.

Примечание: всего исследовано 85 чел., в том числе, 44 командира взвода, 24 командира роты, 12 командиров батальона, 5 командиров полка.

Организаторско-технократический стиль характеризуется тем, что главный фактор дисциплины усматривается в четкой организации деятельности подразделения, ее всесторонней обеспеченности. По мнению офицеров, которым он свойствен, основным источником дисциплинарных проблем является некачественная организация деятельности. Типичное суждение носителей данного стиля звучит так: «Все зависит от системы. Если система не позволяет, люди не хамят и не грубят. Если позволяет, то хамят и грубят – и у нас, и в Америке».

Демократически-педагогический стиль выражается в акцентировании внимания на индивидуальной дисциплине подчиненных. В лучших своих формах этот стиль выступает как опора на личность и коллектив, доверие к способности людей делать правильный нравственный выбор. В худших – вырождается в малоэффективное морализирование, повседневные разносы, упреки и недовольство подчиненными.

Оперативно-силовой стиль означает опору начальника на себя, на свои собственные силы, на предоставленную ему власть, на требовательность, контроль, строгость. Для повседневной деятельности характерны тенденции лично вникать во все мелочи службы и все решения сосредоточивать в своих руках. Если данный стиль дает определенные результаты, то они действительно базируются на личности начальника. Достаточно ему отлучиться на более или менее продолжительное время, уйти хотя бы в отпуск, как дисциплинарный механизм расстраивается. В годы Отечественной войны были командиры подразделений, о которых солдаты говорили: «От нашего ротного не спрячешься, если виноват, он тебя и у немца найдет».

Системный стиль означает, что руководитель стремится и часто умеет учитывать все факторы дисциплин: организационные, материальные, личностные, коллективные, власть и авторитет. Выделение этого стиля связано с некоторыми методическими

трудностями, порой он мало отличается от случаев, в которых стиль не выражен.

Данные показывают, что имеет место известный «отбор» офицеров с «оперативным» стилем. Если среди командиров взводов этот стиль составляет 20%, то среди командиров батальонов – 25%, а среди командиров полков – 40%. Выпадает из этой закономерности категория командиров рот, среди которых этот показатель равен 8%. Существенно различие встречаемости выявленных дисциплинарных стилей среди офицеров чернобыльского контингента и среди войсковых офицеров, занятых повседневной службой. Это различие объясняется особенностями обстановки и решаемых задач, а также возрастом личного состава.

Кроме проанализированных дисциплинарных стилей, которые являются более или менее эффективными в соответствующих условиях, есть и такие, которые без сомнения можно назвать ущербными. Один из них заслуживает названия «истерический». Он реализуется в шумных показных мероприятиях, рассчитанных на внешний эффект, на то, чтобы хорошо отчитаться перед вышестоящими инстанциями. Для «усиления воздействия» на подчиненных, могут предприниматься меры устрашения, которые не считаются ни с законами, ни с нравственностью, ни даже с возможностями осуществления угроз. Для него характерны такие приемы, как штурмовщина в целях восстановления порядка, чрезмерная забота о внешней стороне дисциплины и нежелание вести серьезную работу, рассчитанную на надежный результат, но в определенной перспективе. Мотивируется подобная тактика дисциплинирования неверием в возможность наведения порядка, нежеланием или неумением вникать в черновую работу, нервностью¹, а также карьеристскими устремлениями.

---

¹ В Российской армии существовала проблема «нервного начальника», от которого ущерб для дисциплины и службы больше, чем пользы от его усердия. Как видно, проблема эта не новая и масштаб ее выходит за рамки отдельных, нервных, начальников. При определенных условиях вся дисциплинарная система подразделения и даже части может приобрести черты «нервности», или более современно – невротичности.

Типологические особенности проявляются и в военно-педагогической деятельности, когда офицеры (и сержанты) занимаются обучением своих подчиненных или служат на преподавательских должностях в военных университетах¹.

* * *

Таким образом, психологическое познание личности воина нуждается в серьезных научных предпосылках. Источниками этих предпосылок являются как теоретические данные, так и эмпирические, опытные представления, накопленные практикой военного строительства: комплектования армии, боевой подготовки, войн с многочисленными противниками. Концентрированным выражением эмпирических предпосылок служат рабочий образ воина, который является фактическим ориентиром в практике военного дела, а также эмпирическая военно-профессиональная типология личности, которая играет ту же роль.

Теоретические предпосылки – это, во-первых, основы психологической теории личности, которые представляют собой совокупность разнообразных концепций; во-вторых, научные представления о качествах (свойствах, чертах) личности; в-третьих, теории эволюционного и индивидуального развития личности.

Вышеизложенное в совокупности является базой, на которую опираются теория и методы познания личности воина, а также практика его развития.

---

¹ Подробнее об этом см.: *Утлик Э. П.* Личность преподавателя высшей военной школы // Актуальные психолого-педагогические проблемы образовательной и военно-служебной деятельности. М. : ВУ. 1916. Вып. 5. С. 202–210.

Глава 2

ОБРАЗ ВОИНА В ИСТОРИИ ВОЕННОГО ДЕЛА В РОССИИ

2.1. Филогенез боевых качеств: образ воина на ранних этапах развития военного дела в России

Приходится думать, что в древности, особенно когда происходили великие и малые переселения народов, все мужчины, а нередко и женщины были воинами и, значит, субъектами боевых качеств. Одни племена, как, например, викинги, считались более воинственными, другие – более мирными. «Венеды¹ никогда не были народом воинственным, завоевателями других народов. Их увлекало только стремление соседей. Принужденные сопутствовать другим, венеды сражались в рядах своих повелителей, иногда сражались, отделяясь от них, но всегда старались удаляться от места битв и кровопролитий»².

Образ жизни, когда время не делилось на мирное и военное, формировал и соответствующий тип воина с необходимыми боевыми качествами. Похоже, недостатка в храбрости не было, но ее нравственные основания могли значительно отличаться от современных. Как пишет Н. М. Карамзин, «храбрость, всегда знаменитое свойство народное, может ли в людях полудиких основываться на одном славолубии, сродном только человеку образованному? Скажем смело, что она была в мире злодейством прежде, нежели обратилась в добродетель, которая утверждает благоденствие государств: хищность родила ее, корыстолюбие питало. Славяне, ободренные воинскими успехами, чрез некоторое время должен-

---

¹ Группа племен, куда входили и славяне, в том числе и те, которые в последующем заселили Европейскую часть современной России.

² *Полевой Н. А.* История русского народа. М., 1996. С. 45. Этот автор, похоже, придерживался скандинавской версии зарождения военного дела у славян. Согласно другой версии, отечественная «военно-промышленная сила» образовалась из «туземного вооруженного купечества» и пришельцев-варягов. (См.: История русской армии от зарождения Руси до войны 1812 г. СПб., 2003. С. 19.)

ствовавали открыть в себе гордость народную, благородный источник дел славных... ей жертвовали славяне своею жизнью, и никаким другим варварам не уступали в хищности»¹.

Такой же род храбрости был в большей степени свойствен викингам. «Не слава вела их в битвы: варяги не знали ее; недостаток пищи, одежды, жадность добычи, желание иметь рабов, жен были причинами походов. Отвага, смелость, храбрость, жадность к покорению народов, не для блага и счастья их, но для добычи, для власти: таковы были свойства и дела варяжских завоевателей»².

Но рано или поздно развитие общественности приводило к тому, что слава занимала все более важное место среди мотивов боевого поведения, явившись к тому же символом социальной мотивации.

Нельзя не заметить некоторой категоричности во мнениях знаменитых отечественных историков. Есть и другие взгляды. Например, Ч. Дарвин утверждал: «Самому грубому дикарю знакомо понятие о славе, как видно из того, что они сохраняют трофеи своих подвигов, имеют привычку страшно хвастать, старательно украшают себя и заботятся о своей внешности. Если бы они не дорожили мнением своих товарищей, такие привычки не имели бы смысла»³.

В более поздние времена, к которым относится, например, «Слово о полку Игореве», слава (признание, уважение, известность, имидж – по-современному) являлась заметным фактором среди мотивов поведения воинов. В тексте «Слова» понятие «честь» встречается 6 раз, «храбрость» – 16, а «слава» – 30! Особая ценность славы подкрепляется также распространенностью имен, оканчивающихся на – слав: Ярослав, Святослав, Вячеслав, Горислав, Изяслав, Владислав, Всеслав, Богуслав, Борислав, Бронислав и т. д.

---

¹ Карамзин Н. М. История государства Российского : в 12 т. М., 1989. Т. 1. С. 63.

² Полевой Н. А. История русского народа. С.87.

³ Дарвин Ч. Происхождение человека и половой подбор. СПб., 1896. С. 93.

Набеги, грабежи, разорения, пленения и другие бедствия, которые несли с собой воинственные племена, вынуждали мирные поселения защищаться, мобилизовать свои силы, поощрять проявление и развитие боевых качеств у своих мужчин. Можно предположить, что в этом случае боевая мотивация была иной – более оборонительной и менее грабительской. Обороняющих свою жизнь, свои семьи, свою свободу, которой угрожало рабство, должно было больше интересоваться оружием и доспехами нападавших. Они могли также совершенствовать методы оборонительных действий, чему-то учиться у воинственных племен. Не способные к самообучению и самоорганизации уничтожались и исчезали бесследно. Таков был жестокий социально-естественный отбор, который вносил свой вклад в филогенез боевых качеств.

Свою роль играло и материнское воспитание. «Мать, воспитывая детей, готовила их быть воинами и непримиримыми врагами тех людей, которые оскорбили ее близких...»¹.

Постепенно складывались формы боевого обучения и воспитания. Как пишет Н. М. Карамзин, «варяги, законодатели наших предков, были их наставниками и в искусстве войны. Россияне, предводимые своими князьями, сражались уже не толпами беспорядочными, как Славяне древние, но строем, вокруг знамен своих или стягов, в сомкнутых рядах, при звуке труб воинских; имели конницу, собственную и наемную, и сторожевые отряды, за коими целое войско оставалось в безопасности. Готовясь к битвам, они выходили на открытое поле заниматься воинскими играми: учились быстрому, дружному нападению и согласным движениям, дающим победу; носили для защиты своей тяжелые латы, облучи, высокие шлемы»².

Эстетическое развитие подкрепляло воинские ценности. «Вероятно, что песни, мирные в первобытном отечестве Венедов, еще не знавших славы и победы, обратились в воинские, вероятно, что они воспламеняли сердца огнем мужества, представляли уму живые

---

¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 1. С. 65.

² Там же. Т. 1. С. 166.

картины битв и кровопролития, сохраняли память дел великодушия и были в некотором смысле древнейшею историей славянской»¹.

«Славяне обожали еще знамена и думали, что в военное время они святее всех идолов. Хитрость полководцев ввела без сомнения сию веру, чтобы воспламенить дух храбрости в воинах или обуздать их неповиновение святостию знамен своих»².

Использование наемников также способствовало отбору людей, обладавших лучшими боевыми качествами. Можно считать, что на этом «рынке» существовали определенные стандарты и была своя конкуренция.

У разных народов и в разные времена существовали обычаи суровых и даже жестоких испытаний молодых людей перед их вхождением во взрослую жизнь.

Таким образом, естественно-историческая (или культурно-историческая) трансформация природной храбрости и связанных с ней других боевых качеств достигалась многими средствами и условиями, а именно:

1. Формировалась общественная система военных ценностей. У некоторых народов она обретала сжатую символическую форму. «Подобно тому, как у греков существовало сложное понятие «калокагатии», означавшее совмещение физического и духовного совершенства, римляне выработали сложное понятие *virtus*, означавшее и мужество, и смелость, и храбрость, и отвагу, и доблесть, и умеренность, и самообладание, и вообще моральную силу, присущую зрелому мужчине, стойкому воину и хорошему гражданину. Воспитание этого сложного качества считалось первостепенным делом»³.

Известны также рыцарские кодексы и обычаи, комплексы представлений о рыцарском долге и чести и определенный порядок рыцарского воспитания.

---

¹ Карамзин Н. М. История государства Российского. Т. 1. С. 69.

² Там же. С. 83.

³ Москвитин В. С. О смелости и ее воспитании : дис. ... канд. пед. наук (по психологии). М., 1950. С. 130–131.

Сами рыцари считали себя поборниками добра и справедливости, защитниками истинной веры и своего покровителя феодала, оплотом для слабых и беззащитных. Слово рыцаря считалось нерушимым, храбрость – безусловной, честь, личное достоинство – наивысшей ценностью. В среде рыцарства широкое распространение имел девиз: «Богу – душу, жизнь – королю, сердце – женщине, а честь – себе». Воспитание рыцаря начиналось с раннего (часто семилетнего) возраста, включало различные испытания и завершалось торжественным ритуалом посвящения. За особые заслуги в бою обряд посвящения совершался непосредственно на поле боя (символический удар меча и произнесение формулы посвящения).

2. Складывалась практика боевого обучения воинов, индивидуального и группового, достигающая нередко высокого совершенства. Сравнительно поздно развилась система военного профессионального образования. Первые военные учебные заведения в России появились на рубеже XVII–XVIII вв.

3. Менялись способы привлечения молодых людей на военную службу, способы комплектования вооруженных сил, продвижения по службе и военной карьеры. У разных народов образовывались своего рода военные сословия – дружинники, бояре, боярские дети, дворяне, а также казаки – в России.

4. Военная тематика отражалась в искусстве: музыке, литературе, изобразительном искусстве, скульптуре, архитектуре военных кладбищ и мемориалов.

5. Очень рано была создана военная наука и военное искусство. Уже в античные времена известные полководцы оставляли воспоминания и поучения, по которым учились и учатся сегодня будущие военачальники.

6. Вся сложная разветвленная социальная структура формировала исторически различные социальные образцы воина, его боевых качеств («высшие психические функции») и создавала условия для их освоения (интериоризации, по Л. С. Выготскому).

Некоторые сведения относительно образа воина находятся еще в древних русских летописях. Здесь воин появляется как член княжеской дружины. Князь с дружиной нужны были городу не только для внешней обороны, но и для безопасности и расширения торгов-

ли. С помощью дружины князь управлял городом и его землями. Состав дружины был обычно дифференцирован. Бояре – преимущественно советники князя – образовали высший разряд. «Мужи» – младшие члены княжеской дружины, по преимуществу воины, т. е. люди, в которых преобладал военный характер¹.

Личностные признаки накладывают свой отпечаток и на отношения внутри дружины, включая отношения между князем и его дружинниками. «Князь должен был относиться к «мужу» как к человеку вполне независимому, потому что дружинник всегда мог покинуть князя и искать другой службы»².

Некоторые черты российского воина запечатлены в исторических документах, относящихся к становлению Московского царства (XVI–XVII вв.). Характерно, что в ранних документах нет прямых или косвенных упоминаний о личностных (индивидуальных) качествах воина. Реализуется, так сказать, «деятельностный» подход: говорится, что должен или чего не должен делать рядовой воин или начальник. Таков, например, документ 1571 г., имеющий название «Боярский приговор о станичной и сторожевой службе», который подготовили «боярин, князь Михайло Иванович Воротынский с детьми боярскими, станичными головами и станичниками».

В данном «Боярском приговоре» предписывается нести сторожевую службу «с конь не сседаая», «коли кашу сварити, огня в одном месте не класти двожды». «...А где станичники или сторожи воинских людей подстерегут, с теми вестей посылати в государевы в украинные города, в которых ближе, своих товарищев, чтоб перед воинскими людьми в государевы украинные города весть была ранее, не близко перед ними...»

«А которые сторожи, не дождався себе отмены, с сторожи съедут, а в те поры государевым украиным от воинских людей учинитца война, и тем сторожем от государя, Царя и великого князя быти казненным смертию».

---

¹ См.: *Соловьев С. М. Сочинения* : в 18 кн. М., 1993. Кн. 1: История России с древнейших времен. Т. 1–2 С. 502.

² Там же.

Следующий по времени документ – «Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки», составленный в 1607 г. дьяком Посольского приказа Онисимом Михайловым на основе иностранных военных книг, уже содержит некоторые личностные качества, что объясняется, по-видимому, западным происхождением этого документа¹. В статье 8 этого устава изложены

---

¹ История этого «Устава» сложна и противоречива. В 1606 г. переводчикам М. Юрьеву и И. Фомину по государеву указу была выдана книга барона Леонарда Фронспергера (1520–1575) «Das Kriegsbuch» («Военная книга»). Именно с перевода наставлений Леонарда Фронспергера в 1607–1620-х гг. начался новый период развития военно-теоретической мысли. М. Юрьев и И. Фомин окончили работу к маю 1607 г. и преподнесли свой перевод царю. Но труд М. Юрьева и И. Фомина не производил впечатления законченного сочинения, в нем было много смысловых погрешностей дословного перевода.

Специалисту в области огнестрельного дела «пушкарских дел мастеров» Анисиму Михайлову-Радишевскому царь Василий повелел переработать «Воинскую книгу», добавив в нее новые артикулы из других западноевропейских сочинений: «...указал сию книгу с немецкого и латинского языков на русский язык перевести».

В отличие от перевода Юрьева и Фомина труд имел более пространное название: «Воинская книга о всякой стрельбе и огненных хитростях по геометрийскому прямому обычаю и проразумлению...». «Воинская книга» М. Юрьева и И. Фомина 1607 г. и «Воинская книга о всякой стрельбе...» 1620 г. А. Михайлова-Радишевского были размножены в списках.

В последующие полтора столетия не известны какие-либо упоминания об этих книгах и их использовании.

В 1775 г. при разборе старых вещей Оружейной палаты князь Г. А. Потемкин обнаружил «древнюю рукопись». Вероятнее всего, это был безымянный манускрипт, который в описях Оружейной палаты XVII в. значился как «Книга ратного строю скорописная, переплетена, в десть, в новых досках». После ознакомления Григорий Александрович приказал эту рукопись «при Военной типографии напечатать». Издание было осуществлено ассессором В. В. Рубаном. Поскольку манускрипт не имел титула, то издатель присвоил ему свое название: «Устав ратных, пушечных и других дел, касающихся до воинской науки... в 1607 и 1621 году выбран из иностранных военных книг». Именно под этим не совсем кор-

требования к личным качествам «большого полкового воеводы», то есть главнокомандующего, который только царю подчинен. Он должен быть опытен и искусен в воинских делах; знать, когда действовать «добрым и разумным промыслом, а когда домыслом и лукавством»; «проявлять себя доброжелательным ко всем, готовым поощрять за заслуги и не поддаваться личным симпатиям». И наконец, нужно, чтобы воевода «был бы тих, кроток, смирен, податлив и всегда во всяких мерах остерегателен» (с. 58).

Статья 23 предписывает воеводе перед боем обратиться к своим «полчанам» с бодрой речью, призвать их к достойному поведению в бою, как и следует честным «воинским людям», чтобы они «смело и храбро шли на супостатов»; напомнить им о том, что «они государю своему крест целовали», воодушевить их ожидаемой «доброй добычей». Воевода завершает речь указанием на то, что он будет во главе своих воинов («быть в напуску первым человеком») и что «всем нам лучше умереть, нежели жить бесчестно, и с этим мы предаем себя в руки Божьи» (с. 75–76).

Как следует из приведенных отрывков, «Устав» акцентирует воинские мотивы: честь, верность своему государю, надежда на Бога, а также возможность «доброй добычи». Не последнюю роль играет и такой мотивационный фактор, как личный пример военачальника.

От рядового воина требуется «смелость и храбрость», а от воеводы и других должностных лиц – разумный промысел, интуиция («домысел»), умение ввести противника в заблуждение («лукавство»).

Отдельно изложены требования, которым должны были соответствовать пушкари. При вступлении в это звание пушкари принимали особую присягу и, кроме знания своего дела, должны были иметь известные качества; так, в ст. 312 сказано, что пушкарям должно быть приветливым, трезвым, не пьяницам, не клеветни-

---

ректным названием он и вошел в историографию. (См.: *Лобин А. Н.* «Воинские книги» 1607–1620 гг.: опыт заимствования европейской военно-теоретической науки // *Смутное время в России: Конфликт и диалог культур.* СПб., 1912. С. 154–166.)

кам, не лаячным. Они не должны напрасно божиться и должны служить добрым примером для иных воинских людей; в ст. 313 запрещается им хвалиться или возноситься своею мудростию, никого не хулить и смуты своею похвальбою не чинить. А если кто пред другими что полезное для службы государя знает, то должен тем поделиться с другими и помогать им».

Нет данных, что этот «Устав» использовался и оказал какое-либо влияние на социально-психологическую составляющую русского военного дела.

В 1647 г. по указу царя Алексея Михайловича напечатана в количестве 1 200 экземпляров книга под названием «Учение и хитрость ратного строения пехотных людей». За 10 лет (до 1657 г.) было продано 134 книги. Судьба остальных экземпляров не известна. Не известно также, как использовалась эта книга «пехотными людьми».

«Учение» представляет собой вольный перевод с немецкого труда И. Я. фон Вальхаузена «Военное искусство пехоты» («Kriegskunst zu Fuss»). Этот автор делит все виды человеческой деятельности на три «чина» (категории): «учительский», «оборонительный» и «промышленный». «Оборонительный» чин становится непосредственным предметом данного сочинения. Оборонительная деятельность включает две части: «владетельный» и «ратный» чины.

«Ратный чин, столь же от Бога устроен и уставлен, и добром почтен, как другие два чины, и всякой человек, которой в нем живет, может и Богу угодить и приятен быть, и к тому же он служит двум остальным – учительскому и промышленному». Между тем, сетует автор, ратный чин подвергается нападкам в обществе. «Как некий мудрец глаголет, несть спасения в войне».

Автор приводит много доводов в защиту ратного дела, и первый аргумент: «Кто сему чину уставитель и сотворитель, как не сам Бог всемогущий! Кто первые ратные люди были? Это святые патриархи: Авраам, Моисей и Аарон, Исус Наввин, Самуил, Давид и еще многие святейшие духовного чина были великими воинами: и ратными полковниками, и начальниками ратного войска». Более того, автор «Учения» убеждает, что воинское дело – начало всему, или, говоря современным языком, всей культуре

человечества. «Мы во Святом писании читаем, что иудеи до тех пор счастливы бывали, и языки свои блюли, покамест они ратным делом владели и его почитали. А как люди израилевы оружие сложили и в гуляния ударились, и прохладное житие возлюбили, и оборонение и дружбу у иных людей искать стали, тогда и недруги их почитать перестали и, их повоевав, в подданство привели и дань с них брать стали...»

Кто в воинский чин поставлен и хочет быть искусным, знающим и успешным («счастливым») воином, должен хорошо разбираться не только в своем деле, но и в двух остальных чинах. Знание «учительского» чина нужно для того, чтобы солдат, ему подчиненных («которые под ним»), в страхе Божиим держать, чтобы они Богу честь воздавали.

Суть второго, «промышленного», чина – ведать, чтобы у солдат хлеб был, чтобы знать, как рыть окопы и рвы, как сооружать крепости, как делать оружие и боевое снаряжение. Ему нужно также умение («остроумие»), чтобы иметь деньги, которые солдатам надо платить.

В «Учении» очень подробно для своего времени изложены основы искусства военного управления, упорядочения жизни и службы роты, формирования командного состава подразделения и много других вопросов военного дела.

В «Учении» много места уделено неустройствам, бесчинствам и всякого рода беспорядкам, которые несут в себе европейские наемные армии. Солдаты не подчиняются своим начальникам, угрожают им расправой, создают банды, забирают заслуженные деньги у сослуживцев, грабят мирное население...¹.

---

¹ «И такие худые шпыни не только сами над урядниками потешаются, но и заговором и скопом на урядников приходят и тем правильный ратный строй и военная наука у нас ногами попираются. Урядники за самовольство и за лень солдат наказать не смеют. И пожаловаться старшим начальникам не могут, – бояться того, что, когда роспуск будет, те солдаты на них то выместят. Да такие же бездельники скапливаются человек по двадцати и по сорока, и учинят над собою такого же вора капитаном, и грабят и силою отнимают».

Еще один документ XVII в. – «Соборное уложение» царя Алексея Михайловича 1649 г., подготовленное под руководством князей Н. И. Одоевского, С. В. Прозоровского, Ф. Ф. Волконского и дьяков Г. Левонтьева и Ф. Грибоедова. «Уложение» представляет собой, по существу, уголовный кодекс, в котором, как и во всяком уголовном кодексе, предусмотрены наказания за возможные преступления. Глава 7 «Уложения» имеет название «О службе всяких ратных людей Московского государства». Здесь установлены наказания, которые может применять суд. Преобладают преступления ратных людей двух типов: бесчинства по отношению к населению своей страны и преступления внутри самой воинской среды: измена, воровство оружия или коня друг у друга, а также уклонения от службы по неуважительным причинам¹.

В этом документе «отечественного происхождения», как в ранее рассмотренном «Боярском приговоре», качества людей не называются, что может служить признаком того, что в это время не было принято характеризовать людей посредством приписывания им соответствующих качеств. Было, видимо, достаточно в оценке людей исходить из их дел, поступков. Возможно, также, что «личный подход» воспринимался как оскорбительный.

Широкая картина личности воина представлена в сочинении Ю. Крижанича «Политика», написанном в 1663 г². Здесь дано описание важнейшего качества воина – храбрости, а также ряда фак-

---

¹ «Ратным людем, идучи на государеву службу, на дороге и на станех никаким людем никакова насильства и убытка не чинити, своих и конских кормов ни у кого безденежно не имати».

«Кто, будучи на службе в полкех, у кого украдет ружье, и того бити кнутом нещадно; а что украл, и то на нем доправить и отдать тому, у кого он украл».

«Кто на службе у кого украдет лошадь, и ему на тое татьбу руку отсечь».

² Рукопись этого сочинения найдена и опубликована П. Бессоновым в 1859 г. под названием «Русское государство в половине XVII в. Заглавие оригинала – «Разговоры об владетельству», что можно было бы перевести как «Беседы об управлении». Автор сочинения серб, который долго жил в России как миссионер.

торов боевой эффективности: уверенность в себе, «хорошее военное правление», религия, военная музыка, национальные названия оружия, всех элементов воинского обихода и тактических понятий, удобная одежда и пристойный внешний вид, свобода в использовании жалованья и военной добычи.

«Храбрость – это воодушевление, дерзость и некая самоуверенность, благодаря которой воин считает себя сильнее неприятеля и поэтому смело идет в бой. Некоторые люди весьма заблуждаются и ложно судят о том, почему возникает храбрость. Ведь вся храбрость и все воинские доблести не даны от природы, а зависят от старания, от умения, от длительного обучения, а больше всего от хорошего правления...

И наши люди вполне могут сравняться храбростью и воинской доблестью со всяким народом. Ведь мы видим, как многие народы (благодаря наставлениям хороших королей и воевод и благодаря хорошему, свободному, а не рабскому правлению) из ничтожных, бесславных и темных стали пресильными и преславными. А при дурном правлении эти сильные и храбрые народы опять оказались поруганными, отверженными и ничтожными»¹.

Следовательно, храбрость не дается народам от рождения, а возрастает благодаря заботам и хорошему правлению и учению. А происходит это следующим образом и способом:

1. Когда воины имеют хорошее оружие.
2. Когда они будут хорошо обучены и искусны в воинских делах.
3. Когда музыка будет красивой, звучной, веселой.
4. Когда воеводы будут хороши и умны и будут местными, не иностранцами.
5. Когда названия всех военных вещей будут родными, а не иноязычными.
6. Когда и у самих воинов имена будут пристойными, а не смешными и не иноязычными.
7. Когда волосы и бороды воинов будут пристойно подстрижены.

---

¹ Крижанич Ю. Политика. М., 1997. С. 109–110.

8. Когда они будут иметь пристойную одежду.

9. Когда отрядам будут даны какие-нибудь особые имена или названия.

10. Когда воины будут уверены, что им заплатят за их труды.

11. Когда будут уверены, что им окажут почет¹.

Прежде всего и паче всего для возбуждения храбрости нужно благое правление. Если этого не будет, остальные способы окажутся напрасными и воины вовеки не станут ловкими, а всегда будут малодушными и отчаявшимися².

«Иноязычные слова умаляют нашу храбрость. Для умножения храбрости было бы полезно, чтобы наши воины считали и верили, что наш народ не уступает ни одному народу в воинской доблести и храбрее многих. Но этому убеждению очень мешает употребление чужих слов в воинском деле. Ибо воины много храбрости теряют, когда они, словно попугаи, называют чужими и непонятными словами оружие и свои военные дела, и занятия. Это ненужное смешение языков нигде не полезно, однако в военном деле оно особенно вредно. Ведь когда воины слышат, как все ратные вещи называются иноязычными именами, они начинают представлять себе чужие народы чрезмерно храбрыми, а себя и свой народ – недостаточно храбрыми. Ибо рассуждают они так: откуда пришли названия воинских дел, оттуда произошли и сами воинские дела, и доблести.

«Служивые люди» – мерзкое и негодное выражение, уменьшающее мужество воинов. А пристойное выражение делает людей мужественными и храбрыми. Итак, не говори «русские служивые люди», а говори «русские воины», «русские молодцы», «русское воинство»³.

Одной из главных причин малодушия воинов является мерзкий и непристойный вид волос, бороды и одежды. Красота возбуждает любовь, а обличье, способствующее ловкости, свидетель-

---

¹ См.: *Крижанич Ю.* Политика. С. 110–111.

² См. там же. С. 111.

³ Там же. С. 115–116.

ствует о храбрости того, кто так выглядит, и возбуждает уважение и страх у тех, кто его увидит¹.

Ю. Крижанич поставил вопрос о национально-психологической самобытности русского воина – вопрос, который в последующем успешно решался практически П. А. Румянцевым, Г. А. Потемкиным и А. В. Суворовым, а теоретически – М. И. Драгомировым, Н. Д. Бутовским, Д. П. Парским и другими военными деятелями и теоретиками.

Завершается XVII в. Воинским уставом, составленным А. Вейде в 1698 г. и посвященном Петру Великому.

В уставе дано определение понятию «солдат»:

«Речение солдат просто содержит в себе всех людей, которые при войске суть, от высшего генерала до последнего; и бывают эти люди особливо разделены на начальных людей и простых солдат – конных и пеших; начальные люди разделяются далее на высокие и нижние начальные люди; те, которые ниже прапорщиков свое место имеют, называются нижние начальные люди; другие вышние начальные. Начальные люди повелевают, или правительствуют, другие же исполняют повеления их исправно, всякий по своему чину и воинскому обычаю»².

А. Вейде на первое место в военном деле ставит обучение каждого солдата и войск вместе: «Чтобы на войне иметь благое поведение, надлежит каждому и всему войску поступать, равняясь на Главу. Как голова хочет, так следует телу и его членам подвизаться, чтобы безрасстройства не произошло и друг бы другу помешательства не учинить. И того ради нужно в знатной части ратных людей доброе поучение и наказание держать»³.

Заметные изменения в образе военного человека произошли во времена Петра Великого, в результате военных и государственных преобразований, благодаря которым, по свидетельству

---

¹ Крижанич Ю. Политика. С. 122.

² Воинский устав, составленный и посвященный Петру Великому генералом Вейде в 1698 г. СПб., 1841. С. 2.

³ Там же. С. 7.

В. О. Ключевского, идея личности стала приобретать определенную общественную значимость.

Особую страницу в истории военной персонологии составляет суворовская концепция личности, явившаяся стержнем его полководческого искусства. В ней в компактном виде отражены ключевые черты русского воина, их источники и способы формирования.

После А. В. Суворова тема личности в русской военной теории звучала слабо. Только в 40–50-х гг. XIX в. появились работы о воинских добродетелях, в том числе сочинение А.С. Кислова «Военная нравственность» (1848 г.).

В 50-х гг. XIX в. в русской армии был распространен «Наказ войскам», в котором, наряду с другими вопросами, дано описание национально-психологических особенностей народов, населяющих Россию и привлекаемых для военной службы. В этом документе, в частности, говорилось:

«Простой и суровой жизни, холодному климату, приучению с малолетства к перенесению стужи, ненастья и трудов русские обязаны крепким сложением своим, делающим их способными противостоять всем нуждам физическим. Силы душевные вполне отвечают их телосложению. Они имеют хороший, здравый и оборотливый ум, сметливость, предприимчивость и понятливость, характер отчасти скорый, нетерпеливый, но дружелюбный, откровенный и добрый. Они скоро и легко постигают службу, терпеливо переносят все ее требования; но строгость в начальнике для русского необходима. Будучи сознательны к своим проступкам, они терпеливо и с покорностью переносят и определяемые за то наказания, лишь бы наказания сии были справедливы и соразмерны их вине, но не терпят частого напоминания о проступках, уже получивших достойную кару. Нередко случается слышать суждение солдат о начальнике строгом: «он не прощает, да после жалуется».

Они вообще трудолюбивы, довольствуются малым, и нужды их ограничены; но требуют, и весьма справедливо, чтобы заслуженное ими и им назначенное доходило до них исправно; иначе они ропщут и делаютя, со своей стороны, упрямыми. Врожденную склонность имеют к трудам и любят в горе и в радости спиртные напитки. Веселость, игры и пляски занимают их в праздное время.

Малороссияне, населяя южные, теплые и богатейшие плодородием земли, провинции России, не могут похвалиться такою крепостью сил, как настоящие русские, климат и изобилие сделало их несколько изнеженными. Они не только охотно берутся за дела трудные, но ежели взялись, то преследуют их до конца с терпением и постоянством; честны, проворны в исполнении своего слова и своих обязанностей. Ум их глубокомыслен, проницателен, но как-то медлен; обдумывает вещи здраво, но не скоро; суждения простолоудина превосходят нередко его быт и образование.

Характер малороссиян отличается медленностью, скрытностью, твердою волею, простирающейся иногда до упрямства. Будучи сами очень добры, они не терпят грубости и жестокости от других. Лаской из малороссиянина можно сделать все. Физические нужды, по непривычке, переносят они труднее и неохотнее русских, но со временем также привыкают к ним. От природы имеют склонность к праздности и неге и так же, как русские, любят горячие напитки.

Свободное время проводят в тихой беседе и размышлении. Часто можно видеть малороссиянина-простолоудина, по несколько часов стоящего на месте, опершись на свою палку, в задумчивости. Все их действия, привычки, самые даже песни имеют отпечаток меланхолии»¹.

Труды М. И. Драгомирова открывают новый этап военной персоналогии, отличительным признаком которого является теоретическое осмысление отечественного и мирового военного опыта познания личности воина. Драгомиров много сделал для возрождения идей А. В. Суворова. Основным достижением Драгомирова является личностный проект военной организации, значимость и перспективность которого не вполне оценены и в настоящее время. По его мнению, отличительным признаком воина служит готовность умирать, отстаивая жизнь и интересы других людей.

---

¹ Свод военных постановлений 1859 г. Ч. 3. СПб., 1859. Книга 1. С. 96.

Этнопсихологические характеристики, вошедшие в этот документ, – только незначительная часть огромной работы по описанию губерний Российской империи в середине XIX в., выполненной большим числом офицеров генерального штаба. (*Прим. авт. – Э. У.*)

Русская военная психология (в отличие от практики), особенно благодаря Драгомирову, последовательно проводит личностный принцип строительства вооруженных сил. В 1872–1873 гг. он сформулировал социально-психологическую концепцию военной организации. Основная идея этой концепции состоит в том, что все в военном деле должно быть сообразно со свойствами людей и ее основой должно служить товарищество. Структура воинских подразделений, частей и более крупных единиц создается путем развития внутреннего сцепления между людьми и является органически срастающейся. «К участию в этом великом акте срастания следует призвать те внутренние симпатические инстинкты человеческой природы, которые теперь не привлекают ничьего внимания и погибают бесплодно»¹.

Считая необходимым все формы военной организации и порядки согласовывать со свойствами человека, М. И. Драгомиров учитывал обратное влияние организационных форм на личность. Он подчеркивал негативные личностные последствия «линейной системы» (боевого порядка), объясняя ими, в частности, несамостоятельность командиров тактического звена. «Самостоятельность, – отмечал он, – не вырабатывается при обулавании каждого шага. Некоторым кажется, что эта самостоятельность составляет свойство самих начальников, а не следствие системы, – грустная ошибка, показывающая, какое вредное влияние произвела система на самих рассуждающих таким образом. Усумниться в способности человека быть самостоятельным и здравым может только тот, кто сам раб в душе»².

Особую страницу в военной персонологии занимает основательный труд И. П. Маслова, выстраивающий эволюционную концепцию персоногенеза воина. Согласно этой концепции на различных этапах человеческой истории воин характеризуется различными боевыми качествами, причем от этапа к этапу происходят существенные преобразования, наиболее выраженные в области «нравственных сил».

---

¹ Драгомиров М. И. Избранные труды. М., 1956. С. 171.

² Драгомиров М. И. Избранные труды. С. 84.

Если военным психологам и практикам было свойственно просто наделять воина лучшими человеческими качествами, как, например, в Военной энциклопедии¹, то И. П. Маслов показывает объективную зависимость между качествами воина и уровнем культурного развития общества, его социальной структурой.

Почетное место в русской военной персонологии должен занять генерал Н. Д. Бутовский (1850–1917), сформулировавший важнейший методологический принцип: «Солдат прежде всего человек, а потом уже человек военный»². Следовательно, все общепсихологические характеристики личности, все общепсихологические теории пригодны для понимания и исследования личности военнослужащих. Это, конечно, не значит, что военная служба в мирное и военное время, в особенности боевая деятельность, не предъявляет никаких особых требований к личности человека военного. Методики военно-профессионального отбора должны совершенствоваться с тем, чтобы выявлять эти специфические черты в их скрытой, еще «зародышевой» форме.

Представляет некоторый интерес для военной персонологии взгляд на личность воина Н. Н. Головина, который реализовал преимущественно социологический подход к данному вопросу, выстроенный на работах Лебона, Тарда и других зарубежных авторов.

Таким образом, в русской военной истории накоплен разнообразный опыт изучения личности. Четко выделились два направления в психологии военного человека. Первое – гуманистическое, свойственное А. В. Суворову, развиваемое М. И. Драгомировым и Н. Д. Бутовским, означало признание человека как первостепенной ценности. Второе – функциональное, представленное И. П. Масло-

---

¹ Военная энциклопедия хотела бы видеть воина обладающим «непоколебимой преданностью военному делу, выдающейся сознательностью поступков, предприимчивостью, самостоятельностью и находчивостью, покорностью военному делу и дисциплине, неистощимой телесной и духовной энергией, склонностью к тесному служению товариществу, а главное, беззаветным мужеством, храбростью, решимостью и самоотверженностью». (Военная энциклопедия. СПб., 1911. Т. 6. С. 485).

² *Бутовский Н. Д.* Прежняя служба и настоящая: очерк развития солдатской школы. СПб., 1890. С. 26.

вым и Г. Е. Шумковым, рассматривало человека преимущественно со стороны его боевых сил (нравственных, умственных, физических) и его морального состояния, то есть его полезности для военного дела.

Отзвуки функционализма в отношении к человеку заметны в следующем суждении Г. Е. Шумкова: «Для полководца как практика особенно важным является не самое знание душевных перемен и настроений бойца; чувствует ли он себя хорошо, или настроение его начинает быть неприятным, какие мысли пробегают в голове у бойца, например, во время атаки, какие появляются желания, какая борьба мотивов для того или другого поступка, в состоянии ли полного здоровья боец или уже переходит в состояние болезненное, – нет; для полководца важным является знание того, насколько сохранены силы или работоспособность бойцов в те или другие моменты ведения боя»¹. Задача военной психологии – открыть полководцу секрет боеспособности воинов, средств ее повышения в условиях войны и боя.

В отечественной военной психологии 50–90 гг. XX в. личность воина рассматривалась на основе общепсихологических воззрений. Фактически неявным образом реализовался отмеченный ранее принцип Н. Д. Бутовского. Заметным вкладом в познание личности воина явились работы Н. Ф. Феденко и его персонологической школы (Л. Ф. Железняк, В. И. Варваров, Э. П. Утлик, Г. А. Давыдов и др.). Всесторонне исследовалась проблема военно-профессиональной направленности личности (Н. Ф. Феденко, Л. Ф. Железняк).

Н. Ф. Феденко, базируясь на теории своего учителя С. Л. Рубинштейна, критически используя зарубежную военную психологию, предпринял попытку раскрыть особенности личности воина и объяснить механизм их формирования в условиях службы. Тема влияния различных аспектов воинской деятельности на личность воина стала на долгие годы одной из ведущих в диссертационных исследованиях.

---

¹ Шумков Г. Е. Психика бойцов во время сражений // Общество ревнителей военных знаний. 1908. Кн. 3. С. 17.

Тема храбрости получила свое развитие в преобразованном виде, как комплекс проблем «психологической подготовки».

Современная зарубежная военная персонология развивается в границах, определяемых соотношением диспозиционализма и ситуационизма. Например, Р. А. Габриэль является, скорее, ситуационистом, в то время как Р. Блейк и Дж. Мутон¹ – преимущественно диспозиционалистами. Признаком ситуационизма в работах Р. А. Габриэля является его взгляд на происхождение боевой психологической травмы, согласно которому любой человек может стать психической жертвой на войне. В каждом поровну заложено всего, чтобы стать героем или трусом. Следовательно, все определяется особенностями тех боевых ситуаций, в которых оказываются войска. Между тем, как известно, разные люди в одних и тех же ситуациях ведут себя по-разному и руководствуются при этом разными мотивами.

Военная психология, как прикладная область знаний, придерживается в основном диспозиционального подхода: она, например, изучает особенности личности, важные для прогноза боеспособности, истинные мотивы избрания военной карьеры. В общем, диспозициональный подход имеет место везде, где говорится о решающей роли воина, как в следующем отрывке: «Воин не слепое орудие в руках внешних обстоятельств боя и природных инстинктов. Его поведение в решающей степени определяется направленностью личности, особенностями характера, интеллекта, воли, эмоций, способностей. Без понимания этого невозможно объяснить, откуда берутся самопожертвование, оправданный риск, взаимовыручка в тех ситуациях, где, казалось бы, должен превалировать инстинкт самосохранения»².

Диспозициональный подход побуждает обращать внимание на длительные личностные трансформации (пассивность, потеря во-

---

¹ *Blake R. R., Mouton J. S., Bryson E. D. The Military Leadership Grid // Military Review. 1980. № 7. P. 13–26.*

² *Караяни А. Г. Закономерности проявления психики и поведения воинов в бою // Военная психология: методология, теория, практика. М., 1998. Ч. 1. С. 124.*

ли к жизни, уверенность в победе, доверие к сослуживцам и командирам; склонность к шаблонным действиям и примитивному подражанию; чрезмерное проявление инстинкта самосохранения и др.). Этот же подход позволил сделать вывод о том, что «катализаторами паники выступают личности, обладающие истерическими чертами, повышенным самомнением, ложной уверенностью в целесообразности своих действий, высокой психосоматической проводимостью, выразительными движениями и гипнотической силой криков. Они способны в короткое время «инфицировать» паническими настроениями большие массы людей и полностью дезорганизовать их деятельность¹.

2.2. Суворовский взгляд на личность воина

Выдающиеся военные руководители так же, как и политики и организаторы производства, образования, культуры, часто искусны в обращении с людьми: понимают их и умеют на них влиять. Обычно эти руководители предварительно устанавливают и поддерживают надлежащие отношения, завоевывают и укрепляют свой авторитет, формируют образ умелого организатора массовых действий, спасителя государства, победителя. Таким был Цезарь – полководец, который постоянно служил для А. В. Суворова (1730–1800) образцом. Множество идей на эту тему собрано в сочинениях Н. Макиавелли, который учил, что лучшее средство для такого человека – «попытаться сделать народ своим другом».

Ясно, что подобные вопросы можно решать только при условии, если руководитель располагает адекватной внутренней психологической концепцией, в том числе концепцией личности. Поскольку руководители – это не теоретики-психологи, нет ничего

---

¹ См.: *Караяни А. Г.* Закономерности проявления психики и поведения воинов в бою. Ч. 1. С. 125.

странного в том, что чаще всего их концепции являются имплицитными.

Имел такую концепцию и А. В. Суворов, который принял «за основу своей военной доктрины не только человека, но русского человека», придав этой доктрине глубоко национальный характер. Его учение пронизано проникновенным пониманием природы русского человека, а следовательно, и русского боя»¹.

А. В. Суворов, как и всякий военачальник, имел дело с человеческими проблемами, которые свойственны вооруженным силам, а также большим организациям вообще. Не случайно одна из его работ называется «Полковое учреждение». Решая эти проблемы, говоря о людях и об их качествах, Суворов не пользовался общепсихологической терминологией, которая была хорошо знакома ему как одному из образованнейших людей своего времени. Объясняется это сравнительно просто: он обращался к аудитории, которая этой терминологией не владела. Суворов создавал свою терминологию. Если бы русские военные психологи последовали общему совету А. В. Суворова: «Потомки мои, берите мой пример», – они развивали бы национальные военно-психологические идеи, в конспективной форме представленные русским полководцем. Но военная психология в России пошла по тому пути, который был для Суворова в целом неприемлемым, – по франко-немецкому.

Не пользовался А. В. Суворов и понятием личности, предпочитая говорить о человеке, что объясняется нераспространенностью этого слова в языке того времени².

Суворовский взгляд на личность воина – это психологическая база, на которой основывается его боевое искусство и система подготовки войск. Он отличается от большинства признанных и

---

¹ Штейфон Б. Воспитательная система Суворова. (Не числом, а уменьем! Военная система А. В. Суворова) // Российский военный сборник. М., 2001. Вып. 18. С. 391.

² В академическом словаре русского языка 1847 г. говорится, что личность, во-первых, «отношение одного лица к другому. Никакая личность не должна быть терпима в службе» и, во-вторых, личность – это «колкий отзыв на чей-либо счет, оскорбление. Не должно употреблять личности».

знаменитых теоретических концепций своим продуктивным характером. О А. В. Суворове справедливо сказано, что именно он создал «великого русского чудо-богатыря». «Хорошая стратегия покоится на хорошей тактике, а эта последняя требует прежде всего хороших солдат и начальников, таких, на которых можно возложить любую боевую задачу, которые не растеряются ни при какой неожиданности, везде найдутся»¹. Особую весомость придает ей то, что она реализована в выдающихся победах.

Жизнь и деятельность А. В. Суворова богаты данными, достаточными для воспроизведения его рабочего взгляда на личность. Кроме того, Суворов сделал немало заявлений, которые служат опорными точками для понимания его персоналогической позиции. Перечень человеческих качеств, определяемых или упоминаемых полководцем, представляет собой рабочий психологический инструментарий. Этот инструментарий является исходным источником для суждения о суворовской концепции военного человека.

По крайней мере, четыре компактных списка дают представление о том, каким видел А. В. Суворов человека-бойца.

Первый – это знаменитый рефрен, которым «громогласно» заканчивались учения: «Субординация – послушание, экзерциция – обучение, дисциплина, ордер воинский – порядок воинский, чистота, здоровье, опрятность, бодрость, смелость, храбрость, победа, слава, слава, слава!»².

Второй список – декларация суворовской тактики: «Вот моя тактика: отвага, мужество, проницательность, предусмотрительность, порядок, умеренность, устав (правило), глазомер, быстрота, натиск, гуманность, умиротворение, забвение»³.

Третий список – перечень качеств, какими должен обладать воин: «Солдату надлежит быть здорову, храбру, твердо, решиму,

---

¹ Цит. по: *Штейфон Б.* Воспитательная система Суворова. (Не числом, а умением! Военная система А. В. Суворова) // Российский военный сборник. Вып. 18. С. 298.

² *Суворов А. В.* Наука побеждать. М., 1980. С. 30.

³ *Суворов А. В.* Письма. М., 1986. С. 386.

справедливу, благочестиву. Молись Богу! От Него победа! Чудобогатыри, Бог нас водит. Он нам генерал!»¹.

Четвертый список: «Вера, язык, нравы – россияне в союзных влияют (лучше бы вливают. – Э. У.): бодрость, храбрость, мужество, терпение, трудолюбие, постоянство, глазомер, быстроту, импульсию»².

К этим четырем источникам добавляются требования, предъявляемые к определенным должностным лицам, например к капрану, который должен быть достойным человеком, в знании военного дела искусным, подчиненным давать пример благочестия, трезвости, постоянства, честолубия, порядочности, трудолюбия и хозяйственности³, а также многочисленные заявления о принципах, определяющих общее видение человека и отношение к нему.

Все приведенные здесь внешне разрозненные заявления складываются в единую структуру боевой персонологической концепции. Личностные характеристики, используемые А. В. Суворовым, образуют определенную систему, которая включает четыре звена: мотивационно-целевое (победа, слава, патриотизм, благочестие, честь), энергетическое (чистота, опрятность, здоровье, бодрость), инструментальное (глазомер, быстрота, натиск и храбрость) и социально-психологическое (послушание, дисциплина, порядок).

А. В. Суворов считал, что боевые или моральные качества воина могут стать залогом победы только в их органическом единстве: «Не надлежит мыслить, что смелая храбрость дает над неприятелем победу, но единственно смешанное с оною военное искусство»⁴. «Хотя храбрость, бодрость и мужество всюду и при всех случаях потребны, токмо тщетны они, ежели не будут истекать от искусства, которое возрастает от испытаниев при внушениях и затверждениях каждому должности его»⁵.

---

¹ Суворов А. В. Наука побеждать. С. 29.

² Суворов А. В. Письма. С. 372.

³ См.: Суворов А. В. Полковое учреждение. М., 1949. С. 86.

⁴ Суворов А. В. Полковое учреждение. С. 151.

⁵ Там же. С. 270.

Такая система имеет психологические предпосылки – человеческие способности (дарования) и формируется посредством воинского обучения (экзерциции), построенного на учете воинских дарований. В конечном счете воинские добродетели: послушание (дисциплина), храбрость, честь, три воинские искусства, благочестие и т. д. – все это результат обучения.

За решениями и действиями (тактикой) выдающегося русско-го полководца стояла убежденность в том, что *человек обладает качествами*, к которым можно получить доступ и которые можно неограниченно развивать. Символическим названием суворовской концепции личности могло бы послужить его знаменитое выражение «чудо-богатыри», которое являлось не только элементом риторики полководца, но и отражало его взгляд на человека-воина. А. В. Суворов указывает на человеческие качества как на задачи, которые надо решать и, значит, названными качествами овладеть. Суворовская концепция личности – это концепция обучаемости человека. Он практически показал, каковы возможности русского человека, насколько велика его обучаемость.

Базой концепции служит убеждение А. В. Суворова в величайшей значимости человеческой личности. Особое отношение полководца к человеку исследователи его деятельности заметили давно, усматривая здесь главный ключ к знаменитым военным победам¹. «...Делами всей своей жизни доказывал Суворов, какую абсолютную ценность представлял для него «человек»². Для А. В. Суворова человек – это первостепенная ценность: «Мне солдат дороже себя». «Солдат дорог. Кто не бережет людей: офицеру арест, унтер-офицеру и ефрейтору палочки, да и самому палочки, кто себя не бережет»³. Перечень обязанностей ротного командира начинается, согласно «Полковому учреждению», с того, что он «к

---

¹ См.: Суворов А. В. Полковое учреждение. С. 297.

² Штейфон Б. Воспитательная система Суворова... // Российский военный сборник. Вып. 18. С. 384.

³ Суворов А. В. Документы. М., 1952. Т. 3. С. 212.

своим подчиненным имеет истинную любовь, печется о успокоении и удовольствии...»¹.

Суворовское отношение к солдату (офицеру) обуславливается, естественно, природой войны, стихией которой является опасность. Военачальник не может в целях сбережения своих подчиненных не вести их в бой. Принцип сбережения людей, по А. В. Суворову, состоял в том, чтобы добиваться безопасности решительными боевыми действиями. На этой почве между А. В. Суворовым и одним из его начальников – Г. А. Потемкиным были расхождения. Потемкин, который сбережение людей ценил выше всего, был сторонником отказа от активных действий, если прогноз боевых потерь был неблагоприятным. Но это порой приводило к жертвам, число которых превосходило те потери, с которыми Суворов одерживал обычно свои победы.

Уважение к человеческой личности, свойственное А. В. Суворову, прививалось им как во внутренних, так и во внешних отношениях в армии. Он то и дело провозглашал: «Человеколюбие: не меньше оружия поражать противника человеколюбием. Не мщением, но великодушием покорена Польша». «Поступать без жестокости и торопливости»².

Разумеется, А. В. Суворов отдавал должное сложности и противоречивости русского национального характера, его индивидуализму, подверженности пьянству и слабости моральных устоев³. «Ежели кто из новоопределенных в роту имеет какой порок, яко-

---

¹ Суворов А. В. Полковое учреждение. С. 68.

² Суворов А. В. Приказ войскам Кубанского корпуса. 16 мая 1778 г. // Русские полководцы. М., 1951. Т. 2. А. В. Суворов. С. 65.

³ «...Суворов стремился заглушить все темное, что свойственно народной душе, развить и укрепить в ней ее возвышенные качества... В своей основе русский человек индивидуалист, мечтатель, а часто и буйный фантазер. В зависимости от своих импульсов он может проявить и длительную святость, и длительное злодейство. Ни один народ в мире не склонен к столь резким противоречиям духа, как русский. Его индивидуализм, лишенный воздействия моральной дисциплины, твердой и неослабной, часто порождает сильнейшие и вреднейшие «центробежные стремления». (Штейфон Б. Воспитательная система Суворова. С. 391).

то: склонен к пьянству или иному злему обращению, неприличному честному солдату, то старается его увещеваниями, потом умеренными наказаниями, от того отвращать. Умеренное военное наказание, смешанное с ясным и кратким истолкованием погрешности, более тронет честолюбивого солдата, нежели жестокость, приводящая его в отчаяние»¹.

Системобразующим звеном личностной концепции А. В. Суворова является его представление о боевой мотивации. Среди мотивационных факторов ведущую роль играет цель. В ряде случаев он говорит о важности цели вообще: «...имей цель определенную, умей предупреждать обстоятельства ложные и сомнительные, но не увлекайся местною горячностью»². Как видно, под целью Суворов понимал рациональное, обдуманное предприятие, противостоящее непосредственному эмоциональному импульсу. Часто упоминаемая полководцем ориентация на пример, образец относится к целеобразующим факторам. Он всем советовал иметь пример для следования ему, учил пользоваться примером; у А. В. Суворова во всем: и в бою, и в мирной деятельности – было «равнение по передним». Но самое яркое в его системе боевой мотивации – это идея победы и заслуженной славы. Суворов сумел «начертать путеводную звезду», указать, что каждого ожидает. А. В. Суворов «все поглощает понятием «Победы» и «Славы» и венчает это великое здание горячим призывом к народной гордости: «Чудобогатыри, мы русские. С нами Бог!»³.

Мотивы службы суворовского солдата – защита Отечества, чувство собственной коллективной силы как армии, победа и слава. Суворов предложил войскам возвышенные идеалы: благочестие, патриотизм и уважение человека, которые формировали высокое мировоззрение и благородство воина. «Доброе имя есть принадлежность каждого честного человека, но я заключал доброе

---

¹ Суворов А. В. Полковое учреждение. С. 31.

² Стратегия духа: основы воспитания войск по взглядам А. В. Суворова и М. И. Драгомирова. М., 2000. С. 20.

³ Елчанинов А. Суворов полководец и воспитатель // Елчанинов А. История Русской армии. М., 2003. Т. 1. С. 298.

имя мое в славе Отечества, и все деяния мои клонились к его благоденствию»¹.

Боевая мотивация А. В. Суворова выдержана в духе православия. «Всякое дело начинай с благословением Божиим» (Автобиография, 1786); «Молись Богу, от Него победа»; «Бог нас водит, Он нам генерал»; «С нами Бог»; «Бог перед нами»; «Господь Покровитель бдит над Россией» и т. д.

Но когда нужно было до предела мобилизовать силы людей, как для штурма Измаила, Суворов не пренебрегал и таким мотивом, как «добычь». «Решившись раз в жизни взять открытою силою такую крепость, как Измаил, А. В. Суворов знал, что он делает: он употребил против нее все силы человеческого духа, состоявшие в его распоряжении, но часть этих сил, известную Суворову до мозга костей, можно было вполне использовать только обещанием: возьмешь крепость – твоя крепость. Народ вычеркнул эти слова из своего эпоса; в его преданиях сохранились мельчайшие подробности о действиях великого полководца, но о трехдневной оргии в Измаиле он не помнит и не хочет помнить»². Справедливости ради можно напомнить о том, что мотивы «добычи» в суворовские времена имели вполне положительную нравственную оценку. В «Науке побеждать» говорится: «Святая добычь! Возьми лагерь, все ваше. Возьми крепость, все ваше. В Измаиле, кроме иного, делили золото и серебро пригоршнями. Так и во многих местах – без приказы отнюдь не ходи на добычь!»³.

Второе звено персонологической концепции А. В. Суворова представлено комплексом качеств, который можно назвать «энергией». Это – «чистота», «здоровье», «опрятность», «бодрость», «умеренность», «терпение», «трудолюбие», «постоянство», «трезвость», «избегание роскоши и праздности» и др. Полководец ставил перед войсками задачи, которые требовали громадного запаса сил, энергичности, исправного здоровья. Подобное состояние духа и тела

---

¹ Суворов А. В. Письма. М., 1986. С. 25.

² Бутовский Н. Д. О способах обучения и воспитания современного солдата. Т. 1. С. 16–17.

³ Суворов А. В. Наука побеждать. С. 25.

достигалось своевременным и качественным удовлетворением потребностей, поддержанием гигиенически целесообразного режима, здоровым питанием, целесообразным использованием времени для отдыха¹.

Ключевым понятием (прототипом) в перечне «энергетических» качеств является «бодрость», которая понималась А. В. Суворовым как готовность военного человека к умственным и физическим действиям. Важным критерием бодрости служил тест на «немогузнайство».

Источником энергичности воина служит удовлетворение жизненных потребностей. Эта тема тщательно разработана в обоих канонических сочинениях А. В. Суворова «Полковое учреждение» и «Наука побеждать».

Третье звено суворовской концепции личности образуют боевые качества воина: управляемость (послушание), храбрость и самостоятельность (инициатива).

Управляемость воина в бою и в мирной службе рассматривается А. В. Суворовым как основа воинской исправности. На послушании основывается «вся твердость воинского правления» и «от послушания родится попечительное и непринужденное наблюдение каждым своей должности из его честолюбия в ее совершенстве; а в сем замыкается весь воинский порядок»². Послушание означает, что подчиненный неукоснительно исполняет приказы, не прекословя, не оспаривая их, не обсуждая и тем более не опорочивая. В то же время, если у подчиненного есть свои, отличные от приказываемого представления, он имеет право докладывать их в приличном виде, не создающем впечатления неподчинения³.

Для обеспечения управляемости в бою необходимо было соблюдать определенный порядок, возможность слушать команды и

---

¹ «На первом десятке отдыху час. Первый взвод вспрыгнул, надел ветры. Бежит вперед десять-пятнадцать шагов... Так взвод за взводом, чтоб задние между тем отдыхали» (Наука побеждать. С. 28).

² *Бутовский Н. Д.* О способах обучения и воспитания современного солдата. Т. 1. С. 121.

³ См.: *Суворов А. В.* Полковое учреждение. М., 1949. С. 68.

распоряжения начальников. Поэтому А. В. Суворов запрещал крик в бою: «В сражении регулярным войскам крик весьма неприличен (и варвары того не чинят) он знак не храбрости, но больше робости, происходящий от недовольного в экзецировании солдат и от того ненадежность их на самих себя. Хотя в свете храбрее россиянина нигде нет, крик только опасен, что он един приносит военную расстройку, лишает послушания и уже не внемлют команды, господам начальствующим в регулярных войсках солдатам крик крайне воспрещать и толковать о вреде от оногo во всех маневрах и эволюциях»¹.

Храбрость (смелость, неустрашимость, отвага, мужество) являются основанием личности воина: отвага «при всех случаях потребна». Храбрость так же, как и другие качества, образуется из соответствующих дарований путем целенаправленного обучения и воспитания. Школой храбрости служили знаменитые сквозные атаки. Судя по некоторым замечаниям, А. В. Суворов ставил храбрость выше мужества: «Четвертого гренадерского полку люди бодры, мужественны, да не храбры: что тому причина? Они на себя не надежны...»². Следовательно, храбрость предполагает уверенность в себе, качество, которое психологи оценили только во второй половине XX в. и подвергли его всестороннему исследованию. «Надежность на себя» означает также уверенность воина в своих товарищах, доверие к своей боевой выучке и своей способности преодолеть любое препятствие, разбить противостоящего неприятеля. Суворов постоянно внушал своим войскам: «Богатыри! Неприятель перед нами дрожит»; «Всех побьем, повалим, в полон возьмем»; «Никакое препятствие не считать слишком большим, никакое сопротивление слишком значительным»; «Ничто не должно утрашивать нас». «Всякого человека убеждал он прежде всего в его силах, и высшим пределом обоснования своих успехов

---

¹ Цит. по: *Бутовский Н. Д.* О способах обучения и воспитания современного солдата. Т. 2. С. 374.

² Генералиссимус Суворов : сборник документов и материалов. М., 1947. С. 84-85.

он ставил требование, чтобы «каждый был на себя надежен – основание храбрости»¹.

Инициатива война – одно из ценнейших, но вместе с тем и сложнейших боевых качеств. Отношение к нему в различных армиях и у отдельных военачальников противоречиво. Очень часто самостоятельность военнослужащих вольно или невольно подавляется, потому что воспринимается как неподчинение, подрыв авторитета начальника и т. д. А. В. Суворов знал действительную цену самостоятельности и создавал условия как для ее формирования, так и для проявления.

В суворовских материалах идея военной инициативы разрабатывается как применительно к начальникам, так и к рядовым войнам. От подчиненных ему начальников А. В. Суворов требовал при определенных условиях действовать по обстановке, не докладывая и не спрашивая приказа. «Всякий частный начальник только расторопен и в полном присутствии духа, что при начале боя не ожидает никакого повеления от высшего командира, ниже имеет время его чем доложитца и только его о происшествиях извещает»². «Командиры частей колонны или разделений ни о чем не докладывают, но действуют сами собою с поспешностью и благоразумием. Атаковать быстро и мужественно, разбить»; «Местный в его близости по обстоятельствам лутче судит, нежели отдаленной; он проникает в ежечасные перемены течения их и потому направляет свои поступки по воинским правилам»; «Спрашиватца старших накрепко запрещаю; по каждому постовому командиру в его окружности делать мятежникам самому собою скорый и крепкий удар под взысканием за малую деятельность»³.

Суворов установил порядок, согласно которому «артиллерия скачет, как сама хочет»⁴.

---

¹ Цит. по: *Елчанинов А.* Суворов полководец и воспитатель // *Елчанинов А.* История Русской армии. М., 2003. Т. 1. С. 298.

² *Суворов А. В.* Приказ войскам, находящимся в Польше // *А. В. Суворов.* Документы : в 4 т. М., 1952. Т. 3. С. 350.

³ Там же. С. 378.

⁴ См.: *Драгомиров М. И.* Избр. труды. С. 245.

Нередко боевой приказ А. В. Суворова указывал только цель, что предполагало право подчиненных начальников решать задачу такими способами, какие они сочтут наилучшими: «Сия есть генеральная диспозиция атаки. Подробности зависят от обстоятельств, разума и искусства, храбрости и твердости господ командующих»¹.

Инициатива рассматривалась Суворовым и как важное боевое качество младшего командира и рядового воина. Об этом свидетельствуют многочисленные высказывания и требования полководца, например, «сам-четверт ефрейтор тот же генерал»². В подразделениях предусматривались должности стрелков, которые могли вести огонь по своему усмотрению. Например, «в каждом пехотном карпоральстве ротных четыре стрелка ... сии имеет волю стрелять, когда хотят, без приказу»³.

Для обеспечения инициативы должностных лиц и рядовых воинов А. В. Суворов предусматривал меры, повышающие их информированность: «Не довольно, чтобы одни главные начальники были извещены о плане действия. Необходимо и младшим начальникам иметь его в мыслях, чтобы вести войско согласно с ним. Мало того, даже батальонные, эскадронные, ротные командиры должны знать его; по той причине даже унтер-офицеры и рядовые. Каждый воин должен понимать свой маневр»⁴.

«Военное искусство оплодотворяет храбрость». Венчает суворовскую концепцию личности инструментальное звено – «три воинских искусства»:

«Первое – *глазомер*: как в лагерь стать, как идти, где атаковать, гнать и бить.

---

¹ Суворов А. В. Диспозиция для ночного нападения на Туртукай в ночь с 9 на 10 мая 1773 // А. В. Суворов. Документы : в 4 т. М., 1952. Т. 1. С. 613.

² См.: Драгомиров М. И. Избр. труды. С. 547.

³ Суворов А. В. Приказ войскам Кубанского корпуса об улучшении материально-бытового и санитарного состояния войск, об их боевой подготовке и способах действий в бою. 16 мая 1778 г. // А. В. Суворов. Сб. документов в 4 т. М., 1951. Т. 2. С. 60.

⁴ Там же. Т. 1. С. 20.

Второе – *быстрота*... Неприятель нас не чаёт, считает нас за сто верст. Вдруг мы на него, как снег на голову. Закружится у него голова. Атакуй с чем пришел, чем Бог послал.

Третье – *натиск*. Нога ногу подкрепляет, рука руку усиляет». В двух шеренгах сила, в трех полторы силы; первая рвет, вторая валит, третья довершает.

«Все определяет глазомер, дополняет быстрота, кончит натиск»¹.

Глазомер, по А. В. Суворову, – это интеллектуальная составляющая воинского искусства. По оценке Б. М. Теплова², глазомер представляет собой умение правильно увидеть «ключ позиции», найти решающую точку приложения сил, нанесения главного удара.

Быстрота – наиболее явное, чаще упоминаемое боевое качество; оно проявляется и при совершении маршей, и в боевом маневре, и в принятии и исполнении решений. Главный критерий быстроты – опережение противника. «В военных действиях следует быстро сообразить и немедленно же исполнить, чтобы неприятелю не дать времени опомниться. Ни в какой армии нельзя терпеть таких, которые умничают. Глазомер, быстрота, стремительность! – на сей раз довольно»³.

Натиск – это последовательность индивидуальных и групповых действий, использование ранее полученных результатов, доведение начатого дела до конца, взаимодействие между военнослужащими и подразделениями, основанное на взаимопонимании. Вместе с тем натиск – это реализация боевой энергии воина и воинской части, это совокупная сила сосредоточенного удара, приводящего к победе.

Все рассмотренные выше элементы суворовского учения образуют практическую концепцию личности воина (рис. 4). Эта концепция служила основанием боевой подготовки и воспитания

---

¹ Суворов А. В. Наука побеждать. Свердловск, 1942. С. 27–28.

² Теплов Б. М. Ум полководца. М., 1975. С. 275.

³ Суворов А. В. Письмо командующему австрийскими войсками генерал-фельдцейхмейстеру М.-Ф. Меласу по поводу прерванного им марша из-за плохой погоды // А. В. Суворов. Документы : в 4 т. М., 1952. Т. 4. С. 27.

военнослужащих, начальником которых был А. В. Суворов. Она позволяла соединить сложные и напряженные формы боевого обучения, реализуемые в трудных условиях местности и погоды, включающие элементы реальной опасности, в том числе сквозные атаки, с поддержанием высокой учебной мотивации и сбережением здоровья. В своих инструкциях и приказах полководец требовал и наставлял: «Строго остерегаться вредного изнурения, но тем паче к трудолюбию приучать, убягая праздности. Господам обер-офицерам весьма знать и уметь показать и без изнурения подробно обучать, так, чтоб оное упражнение вообще всем забавою служило»¹.

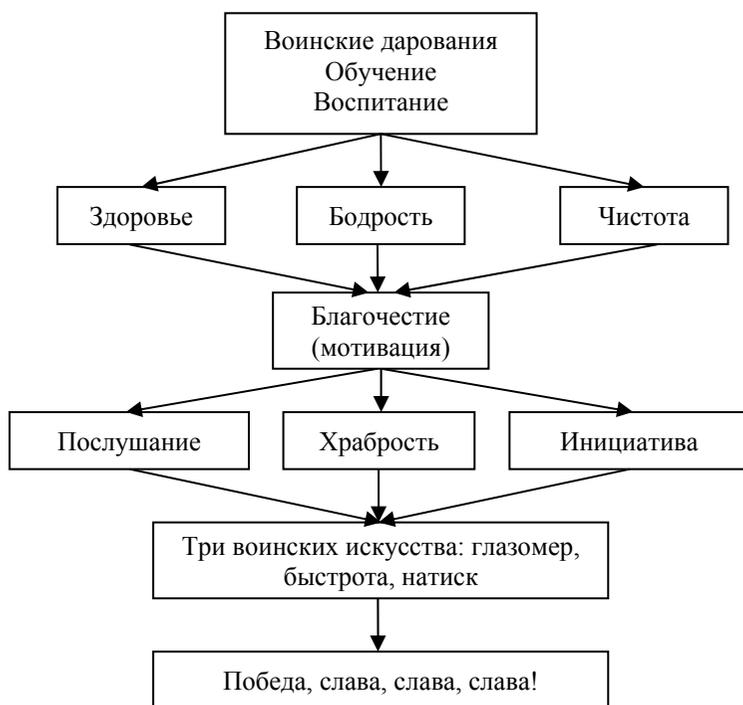

Рис. 4. Суворовский взгляд на личность воина

¹ Суворов А. В. Полковое учреждение. С. 86.

Таким образом, опираясь на воинские дарования и эффективную систему обучения и воспитания воина, А. В. Суворов формировал в комплексе важнейшие боевые качества воина своего времени.

Первое звено этого комплекса: здоровье, бодрость, чистота.

Второе звено – благочестие, являющееся ядром служебной и боевой мотивации воина.

Третье звено образуют: послушание, храбрость и инициатива.

Четвертое звено, завершающее структуру личности воина – «три воинские искусства: глазомер, быстрота, натиск.

И все это подчинено одной цели – достижению победы над врагами России.

И завершается суворовская «Наука побеждать» словами, «громкогласно» произносимыми в конце каждого учения: «субординация, послушание, дисциплина, обучение, ордер воинский, порядок воинский, чистота, опрятность, здоровье, бодрость, смелость, храбрость, экзерциция, победа и слава».

2.3. М. И. Драгомиров: личность воина самоотверженного

В историю военной психологии ее виднейший представитель М. И. Драгомиров (1830–1905) вошел как теоретик и защитник личности воина. Это ему принадлежит сохранившееся до нынешних дней определение часового как «лица неприкосновенного»¹. Основная идея, последовательно проводимая им в многочисленных публикациях по вопросам тактики, теории и практики подготовки войск, сводится к тому, что все в армии должно соответствовать свойствам человека. «Только форма, строго основанная на свой-

---

¹ «У выражения «часовой есть лицо неприкосновенное» есть своя история. Это утверждение за часовым неприкосновенности предложено было мною еще лет тридцать тому назад в гораздо более сильной форме: «часовой есть лицо *священное* и неприкосновенное». Соредакторы нашли тогда, что для часового «*священное*» слишком много, будет с него и «неприкосновенное». Я покорился...» (Драгомиров М. И. Сборник оригинальных и переводных статей 1858–1880. СПб., 1881. С. 111).

ствах личности, как нравственных, так и физических, представляет залогом на успех»¹. «При всяком теоретическом исследовании постоянно иметь в виду психические основания военного дела, коренящиеся в свойствах человека. Невнимание ко всем свойствам главного орудия на войне – человека является глубинной причиной основных ошибок в решении теоретических и практических проблем вооруженных сил: «логика оставляет тех, которые, принимаясь рассуждать о военном деле, забывают о человеке»².

О духе времени, в которое формулировал свои мысли о личности воина М. И. Драгомиров, можно судить по следующим его словам: отправной точкой муштровки является убеждение в том, что «солдат есть существо до того зловредное, что единственное средство держать его в руках подавить его дурные наклонности заключается в том, чтобы обратить его в автомата. Хороших сторон в его душе нет и быть не может; следовательно, о действии на них и думать нечего. Ложно поставленная отправная точка, продолжает М. И. Драгомиров, вела к крайне ошибочным приемам для образования солдата. Его старались забить до того, чтобы он, как уже было говорено, «больше боялся палки капрала, чем неприятельской пули». При этом не замечали, что «кто приучен бояться своего, тот этим самым приучен бояться неприятеля, ибо свой заявляет требования под страхом наказания, а неприятель – под страхом смерти... Вышло таким образом, что желали привить самоотвер-

---

¹ Драгомиров М. И. Сборник оригинальных и переводных статей 1858–1880. СПб., 1881. С. 60.

² Драгомиров М. И. Избранные труды. М., 1956. С. 165.

жение и принимали действительные меры к тому, чтобы развить самосохранение, и притом самого низменного свойства»¹.

Мысли М. И. Драгомирова о личности созвучны тому, что писал его современник Н. К. Михайловский: «Личность никогда не должна быть принесена в жертву, она свята и неприкосновенна, и все усилия нашего ума должны быть направлены на то, чтобы самым тщательным образом следить за ее судьбами и становиться на ту сторону, где она может восторжествовать»².

В качестве образца проведения личностного принципа в построении воинской деятельности М. И. Драгомиров принимает А. В. Суворова, который «основал свою систему на вековых волевых и умовых свойствах человеческой природы...»³.

Драгомиров полагал, что сама война находится в согласии с свойствами человека: «...странно сказать, что война – дело, противное человеческой природе; если бы это было так, то человек никогда бы и не воевал»⁴. Он, как и другие военные теоретики, например Г. А. Леер, предлагал решать вопросы военной теории и практики, исходя из того очевидного факта, что боевые действия ведут люди. Оружие представляет собой «продолжение органов человека... бьет не оружие, а человек»⁵. «Оружие само не действует, а человек им действует более или менее успешно в зависимости не от того, насколько оно совершенно, а от того, насколько он сам совершенен в боевом смысле, т. е. способен к самоотвержению и к происходящему из него спокойствию»⁶.

---

¹ Драгомиров М. И. Муштровка составляет начало воспитания – поэтому муштровка! // 14 лет : сб. оригинальных и переводных статей. СПб., 1895. С. 204.

² Михайловский Н. К. Соч. Т. IV. С. 451.

³ Драгомиров М. И. Одиннадцать лет. 1895–1905 гг. СПб. 1905. Кн. II. С. 330.

⁴ Драгомиров М. И. Сборник оригинальных и переводных статей 1858–1880. С. 453.

⁵ Драгомиров М. И. Избранные труды. С. 319.

⁶ Там же. С. 313–314.

Сформулированная М. И. Драгомировым задача согласования элементов военной системы со свойствами человека при всей своей важности может показаться очень общей. Она ведь устраивала и тех, кто был против милютинских военных реформ: отмены «ручного боевого наказания», жестокой дисциплины строя и других средневековых форм организации службы, поскольку они тоже исходили из «природы человека». Но, если М. И. Драгомиров верил в лучшие качества человека, то система прусско-николаевской муштры базировалась на том, что «русского человека нужно не учить, а бить». Следовательно, весь вопрос в том, какова «действительная природа человека».

М. И. Драгомиров, однако, не остановился на провозглашении гуманистических идей. В 1872–873 гг. он обосновал и предложил, по сути дела, социально-психологическую концепцию военной организации. Основные идеи этой концепции состоят в следующих восьми положениях¹.

1. Организация создается с учетом законов психологии; система должна быть сообразна со свойствами людей.

2. Основой всякой организации является товарищество: сотрудники организации дружны между собою; каждый чувствует, что рядом находится человек, к которому лежит сердце.

3. Структура организации создается путем развития внутреннего сцепления между людьми и является органически срастающейся. «К участию в этом великом акте срастания призвать те внутренние симпатические инстинкты человеческой природы, которые теперь не привлекают ничьего внимания и погибают бесплодно»².

4. Подразделения организации представляют собой действительные, а не номинальные, организмы, из этих действительных организмов слагаются организмы высшие (организация)³.

5. Между членами организации нельзя допускать ни соперничества, ни соревнования¹.

---

¹ См. *Драгомиров М. И.* Избранные труды. С. 171, 298.

² Там же. С. 171.

³ Это не что иное, как принцип единства формальной и неформальной структуры.

6. Личный состав организации и ее подразделений должен меняться по возможности реже.

7. Единство интересов личности и организации: «принцип всякой разумной организации – никогда не следует ставить человека в противоречие между долгом и его личным интересом, так как рано или поздно возьмет верх, конечно, последний»².

8. Доверие³.

---

¹ «Чувство товарищества до такой степени важно, что святейший долг начальников оберегать его как зеницу ока и не только не подрывать мероприятиями, принимаемыми по первичным, непродуманным впечатлениям, но всемерно стараться поддерживать и укреплять. К числу подобных мероприятий принадлежит, между прочим, игра на струнке соревнования, соперничества. Говорите вашему подчиненному, что у него то-то хорошо, то-то дурно, то-то упущено, но никогда не говорите: «у такого-то это гораздо лучше, чем у вас». Замечание первого рода заставляет исправить, что дурно, не подрывая товарищества; замечание второго рода подрывает товарищество, неминуемо вселяя к счастливому сопернику вражду, иногда тем более глубокую, чем сильнее она затаена. Иные начальники применяют тот же фортель соревнования, начиная с другого конца: они рассказывают каждому из подчиненных, разумеется, наедине, что лучше его во всей части нет. И это не хорошо, ибо, разговорившись между собою, подчиненные, рано или поздно, но неминуемо откроют, что они «все лучше». Вера в слово начальника колеблется; а его слово должно быть законом в части... На том же основании полагаю, что всякие применения школьной оценки к частям, вроде определения того, какая часть в каком номере, сколько выбила процентов и т. под., едва ли не приносят более вреда, чем пользы; может быть они и разжигают стремление к первым номерам, но едва ли содействуют укреплению товарищества» (*Драгомиров М. И.* Избран. труды. С. 497).

² *Драгомиров М. И.* Одиннадцать лет. 1895–1905 гг. Кн. II. С. 549.

³ «Доверие чрезвычайно упрощает отношения между сотрудниками и уменьшает число рук, нужных для дела. Система недоверия есть стремление к контролю, малоосмысленное, ибо не соображено со свойствами человека. Оно отправляется от той мысли, что честных людей нет и что поэтому всякого нужно контролировать не по исполнению какого-либо поручения, а шаг за шагом, во время самого исполнения. В первом случае всякий честный человек не только не может быть обижен контролем, но

Личностный проект военной организации М. И. Драгомирова относится к категории организмических. «Что человек ни творил бы, он всегда по своему образу и подобию творит, иногда сам того не подозревая. Прочный склад всякой организации неминуемо повторяет поэтому организацию нормального человека, основной признак которой тот, что она есть не цельный организм, а совокупность организмов, имеющих каждый свою самостоятельную жизнь и отправления, хотя и находящихся в неразрывной связи, под общею командою головы. В болезненных состояниях это и проявляется, когда, например, рука или нога делают судорожные движения, помимо ведома и команды мозга, идут иногда наперекор такой команде; или когда, наоборот, мозг посылает приказание в руку или ногу, а они не исполняют этого приказания, ибо нерв перерван или парализован»¹.

«Великою пользою для дела и великим счастьем для людей было бы, если бы на роту стали смотреть как на живой индивидуум, которым, как человек, не может быть раздробляем на части без уничтожения его, как организма. Вопросы частичного сложения воинских тел представляют, по нашему крайнему разумению, капитальную важность именно при коротких сроках службы, и распространение правильного взгляда на эти вопросы настоятельно необходимо. Установление рационального, т. е. строго соображенного со свойствами человека, разрешения их принесет такую же пользу в применении к коллективным организмам, какую микроскопические исследования принесли уже в деле изучения органических тканей»².

сам его потребует, во втором же устанавливается безмолвное, но тем более вредное соотношение: если ты меня разумеешь мошенником, то я буду мошенником, посмотрим, кто перехитрит ... Система недоверия отправляется... от презрения к достоинству человека, а система доверия, наоборот – от уважения к нему. Контроль не уменьшает, а увеличивает потери...» (Драгомиров М. И. Одиннадцать лет. 1895–1905 гг. Кн. II. С. 550–551).

¹ Драгомиров М. И. Избранные труды. С. 387.

² Там же. С. 300–301.

Ядром драгомировского проекта военной организации является гармоничный, самостоятельный человек. «Солдат только тогда хорош, когда он человек в полном значении этого слова. Военное дело требует гармонического развития всех сторон человеческой природы, каждой силе которой соответствует известная часть этого дела»¹. «Для войны прежде и главное всего нужен человек цельный, т. е. гармонически развитый»². На войне только цельный человек одерживает успех. «Для уничтожения врага нужна стройность в душе гораздо больше, нежели в формах, и горе тому, кто не запасся первой в мирное время»³. «Успех в бою возможен только для человека нравственно и умственно самостоятельного; тот, кто строит военную систему на гнете личности, строит на песке»⁴.

Большая угроза для личности военного человека – это ущербные властные отношения, злоупотребление властью и подавление начальниками подчиненных. «Великий грех берут на свою душу те начальники, которые преследуют подчиненных самостоятельных, упорных, твердых, с сознанием личного, хотя бы даже и щепетильного достоинства. Начальники, поступающие таким образом, подрывают силу своей части, ибо в трудные минуты можно опереться только на то, что сопротивляется»⁵.

По оценке М. И. Драгомирова, личность в русской армии перестала быть ценностью «после 14 декабря 1825 г.», когда «стали преследовать не только насилие и самоуправство, но и проявления самостоятельности и энергии совершенно законные»⁶. «Нравственная энергия и другие внутренние свойства личности не ценились ни во что, так как на первый план выступали качества чисто внешние, которые были необходимы для достижения иде-

---

¹ Драгомиров М. И. Одиннадцать лет. 1895–1905 гг. Кн. II. С. 88.

² Там же. С. 65.

³ Драгомиров М. И. Сборник оригинальных и переводных статей 1858–1880. С. 24.

⁴ Драгомиров М. И. Избранные труды. С. 90.

⁵ Драгомиров М. И. Одиннадцать лет. 1895–1905 гг. Кн. II. С. 90.

⁶ Там же. С. 117.

ала однообразия, стройности, единовременности движения; для солдата – умение одновременно с другими производить всякое движение; для начальника, кроме того, – богатырский голос, умение командовать единовременно со своими равными»¹.

Личности военного человека угрожала, по мнению Драгомирова, односторонность развития, которая «уничтожает в солдате человека»². Односторонность порождается всякого рода увлечениями людей, наделенных властью. Увлечения бывали всеобщие и местные. В разные времена случались масштабные увлечения то строем, то гимнастикой («костоправством», по Драгомирову), то стрельбой. Отдельные командиры подчиняли подготовку войск личному капризу.

Развитие личности – необходимое условие развития вооруженных сил: «Более совершенное оружие требует и более совершенного человека»³, но в то же время дает слишком много простора эгоистическим побуждениям.

Драгомиров создал предпосылки для понимания психологических особенностей военного человека. Он исходил из того, что военная служба – это служба народу, стране; это работа не на себя и не на другого человека. «Для своего самосохранения народ выделяет нас в особое воинское братство, от коего требует самоотвержения даже до смерти который работает на народ, забывая себя»⁴.

Военный талант и профессионализм базируются на самоотвержении. Тезис о ведущей роли самоотвержения выводится из природы боя и боевой деятельности, которые таковы, что «нравственная сторона человека выводится из равновесия; напряжена так, как ни в одной области мирной деятельности человека напряжена не бывает»⁵. Необходимо понимать «...те муки сомнений, колебаний, борьбы с инстинктом самосохранения, через которые неминуемо прохо-

---

¹ Драгомиров М. И. Сборник оригинальных и переводных статей 1858–1880. С. 431.

² Там же. С. 33.

³ Драгомиров М. И. Одиннадцать лет. 1895–1905 гг. Кн. II. С. 320.

⁴ Драгомиров М. И. Сб. статей. 1856–1881. СПб., 1881. С. 511–512.

⁵ Там же. С. 23.

дит всякий военный»¹. «Нервное напряжение на войне так сильно, что некоторые люди подвержены даже галлюцинациям»². Поэтому «в бою спокойствие и находчивость значат все; развитие их нужно, следовательно, прежде всего иметь в виду...»³.

Центральным в душе военного человека является приучение своей мысли «к готовности на смерть... В бою только тот бьет, кто не боится погибнуть»⁴. «Бой прежде всего требует от человека способности пожертвовать собою, потом умения действовать так, чтобы эта жертва была, по возможности, полезна своим, гибельна врагу»⁵.

Драгомиров отдавал себе отчет в сложности и противоречивости личности. Он утверждал: «В человеке все основано на полярности. Военная полярность: самоотвержение – самосохранение. В самом слабом организме есть большой запас силы, нужно только уметь вызвать его»⁶. «Человек (командир и исполнитель) – главный фактор в достижении цели, но в высшей степени изменчивый и не сознающий пределов своей изменчивости. Всякий по себе знает, до какой степени духовные настроения меняют человека. Кроме чрезвычайной изменчивости, человек представляет силу, неведомую ему самому в том смысле, что многое, кажущееся ему невозможным в спокойном состоянии духа, достигается им же легко и свободно при известном нервном напряжении»⁷.

Страх смерти в бою настолько силен, что человек в одиночку не всегда может с ним справиться. Поэтому М. И. Драгомиров указывает на такое средство против страха, как товарищество. «Первая составная, т. е. самоотвержение, давая человеку силу приносить себя в жертву даже до смерти, в применении к делу борьбы с

---

¹ Драгомиров М. И. Очерки. Разбор «Войны и мира». Киев, 1898. С. 3, 5.

² Драгомиров М. И. Одиннадцать лет. Кн. II. С. 344.

³ Драгомиров М. И. Сборник оригинальных и переводных статей 1858–1880. СПб., 1881. С. 348.

⁴ Драгомиров М. И. Избранные труды. С. 158.

⁵ Там же. С. 194.

⁶ Драгомиров М. И. Одиннадцать лет. Кн. II. С. 248.

⁷ Драгомиров М. И. Избранные труды. С. 313.

врагом вызывает понятие о взаимной выручке как о святейшем законе, вызывает решимость между победой и гибелью не признавать середины, т. е. производить дерзость и упорство в достижении целей: человеку, проникнутому желанием «положить душу свою за други своя», нечего быть нерешительным, нечего унывать в самых отчаянных положениях – ведь хуже того, на что он сам себя обрек, неприятель ничего ему сделать не может»¹.

Товарищество и самоотверженность, образуют ядро личности воина. Внутреннюю основу военного дела составляет начало товарищества, так как оно основа и воинского организма. *«Не думай о себе, думай о товарищах; товарищи о тебе подумают»* – вот первая воинская заповедь. В ней корень долга и самоотвержения, не вынужденных, но от сердца идущих; в сознании ее единственный залог того, чтобы войско было *одним* телом, имело *одну* душу. Это значение товарищества сознавалось всегда, что доказывают самые наименования частей *compagnie* (товарищество), *дружина* и т. п.; доказывает также великое значение, придаваемое товариществу там, где внешняя опасность постоянна.

Начало товарищества есть сила составная из двух сил, равно присущих человеку, хотя между собою и противоположных: *самоотвержения и самосохранения*. Это видно уже из формулы товарищества, которая требует самоотвержения («не думай о себе, думай о товарищах»), и оправдывает эту жертвенность, потому что в ней заключается удовлетворение личного инстинкта самосохранения (товарищи о тебе подумают)»².

Для того чтобы сформировать главное боевое качество воина, М. И. Драгомиров предлагал разнообразные организационные и воспитательные средства. Наиболее впечатляющим из них было «обстреливание». «Выдержавший испытание удовлетворительно объявляется солдатом. Обряд этот, обставленный с некоторою торжественностью, составил бы посвящение рекрута в солдаты и вместе наглядное его убеждение в том, что солдату не только стыдно, но и смешно бояться звука пули. При самом небольшом

---

¹ Драгомиров М. И. Избранные труды. С. 166.

² Там же.

внимании подобную обстрелку можно обратить в молодецкую потеху, которую солдат полюбил бы. Повторять обстрелку следует ежегодно с офицерами и со старыми солдатами, уделив на нее хоть пять патронов из положенного на человека отпуска. Употребленные подобным образом, они не будут потеряны: что толку, если солдат отлично стреляет в спокойном состоянии духа, а под выстрелами неприятеля у него руки ходуном ходят? Не обращают внимания на то, что искусство без спокойствия в бою ничего не стоит и что стрелок не очень искусный, если он приучен к свисту пуль, сделает более неприученного, хотя бы последний и был искуснее»¹.

Как известно, предложение ритуала посвящения в солдаты не получило ни признания, ни тем более распространения. Среди тех, кто не принял драгомировского «обстреливания», был и искренний сторонник идей М. И. Драгомирова генерал-лейтенант Н. Д. Бутовский, который увидел здесь муштру. «Драгомиров давно уже высказал мысль о возможности иметь обстрелянного солдата. Командуя дивизией в Кишиневе, он на себе показал пример такого обстреливания. Во время практической стрельбы он заставил солдата стрелять в мишень, а сам стал рядом с мишенью.

И думалось нам: неровен час – какой-нибудь солдат (а это случается даже с отличными стрелками) возьмет, да и хватит в сторону, а Драгомирова не станет. Вдумавшись глубже в это явление, пришлось просто развести руками: человек, ратовавший всю жизнь против бесцельной муштровки (разумеется, целесообразная муштровка им признавалась всегда), вдруг хочет перевести в ее область самые высокие военно-воспитательные акты, то есть проповедует такое господство муштровки, далее которого она уже не может идти, хочет воздействовать ею на порядок духа! Кончилось воспитание, больше его не существует!»².

Но, возможно, причина не в «господстве муштровки», существенных признаков которой здесь не заметно. Возможно, Н. Д. Бу-

---

¹ Драгомиров М. И. Избранные труды. С. 172–173.

² Бутовский Н. Д. О способах обучения и воспитания современного солдата. СПб., 1909. Т. 1. С. 20.

товский усмотрел противоречие между базовой идеей Драгомирова о товариществе как нравственной основе боевой силы армии и предложенным способом психологической подготовки, который он назвал «выколачиванием храбрости». Если солдат своей стрельбой подвергает опасности жизнь товарища, то каковы последствия как для эмоционального состояния стреляющего и для их взаимоотношений?

Так или иначе, но главная мысль Драгомирова о необходимости системы психологической подготовки личного состава не получила поддержки. Между тем Драгомиров серьезно ставил вопрос о создании такой системы. «Что прежде давалось продолжительными войнами и отчасти длинными сроками службы, того нужно достигать теперь последовательно соображенной и настойчиво проводимой в жизнь системой воспитания. Основная идея ее заключается в том, чтобы в мирное время знакомить человека с чувством опасности и давать ему практику в преодолении этого чувства. Только при этом условии маневры и прочие занятия приобретают значение для военного времени, а без этого все они не более как игра в солдатики: очень красивая и потому заманчивая, но игра»¹.

Таким образом, взгляды М. И. Драгомирова на личность воина отличаются глубокой продуманностью и широтой охвата. Нет, кажется, таких сторон души военного человека, которых бы не коснулся этот военный психолог.

2.4. Эволюционная концепция личности воина И. П. Маслова

Особое место в военной персонологии принадлежит генералу русской армии И. П. Маслову (1840–?), автору знаменитого труда «Научные исследования по тактике. Анализ нравственных сил бойца» (1896). Психологический портрет военного человека, нарисованный Масловым, является наиболее впечатляющим достижением русской психологии. Он представляет собой широкую историко-психологическую панораму, выходящую за рамки воен-

---

¹ Драгомиров М. И. Военные заметки. СПб., 1894. С. 29–30.

ной психологии и включающуюся в область исторического персонотеза (см. 1.1)

Проблема личности воина рассматривается И. П. Масловым на фоне представления о факторах боевой мощи вооруженных сил. Маслов разделял взгляд на человека и его роль в войне, свойственный большинству отечественных психологов. Подобно М. И. Драгомирову, он развивал личностный проект военной системы государства.

Вооруженные силы И. П. Маслов рассматривал как комплекс людей и достижений культуры, которые люди используют для решения военных задач: «Всякая армия состоит из бойцов и целого ряда надорганических (то есть социальных. – Э. У.) продуктов, придуманных человеком за все время своего существования для возможно более успешного ведения боя и вообще войны»¹.

Главными «надорганическими продуктами» являются обработанная военная система, организация каждого рода войск и многих вспомогательных учреждений, организация целой армии, внутренний войсковой порядок, войсковые строи, войсковые эволюции, боевые, походные и сторожевые порядки, продовольственные меры, средства для передачи воли начальника, законоположения правовые, дисциплинарные, судные и все прочее, предпринимаемое для более продуктивного соединения боевых усилий бойцов.

К надорганическим продуктам относится также все то, что употребляется человеком как для лучшего приложения своих мускульных сил, так и для сбережения их в бою (вооружение и снаряжение бойца в самом обширном смысле слова, то есть со спосо-

---

¹ *Маслов И. П.* Научные исследования по тактике. Вып. 1. Предварительные понятия о тактике как науке. Элементарные силы бойца. СПб., 1896. С. 52.

бами его продовольствия); все сделанное для применения в бою других сил природы.

Вся надорганическая среда армии делилась И. П. Масловым на три части: элементарные «надорганические продукты, сложные и вдвойне сложные». К «элементарным продуктам» относились: оружие, снаряжение, средства для возвышения боевых сил воина (нравственных, умственных и физических), средства для связи бойцов (то есть для организации совместных действий, сплочения и управления), средства для сбережения сил в различных условиях войны и боя, средства уменьшения боевых потерь, а также вспомогательные средства, вроде железных дорог. Сложные надорганические элементы – это военная система государства, в том числе различные категории воинов; обучение и воспитание войск (одиночное и суммарное); уставы. «Вдвойне сложные» элементы представлены приемами управления войсками в бою и осуществления других видов воинской деятельности, то есть полководческого, командного искусства.

Осознавая обширность, сложность и могущество надорганической среды армии, И. П. Маслов постоянно подчеркивал, что «первенствующим фактором в бою всегда был и будет сам человек. Как тело человека без души немощно, так и все войсковые надорганические продукты сами по себе ничего не значат и всем им дает жизнь один только боец. Вот почему никогда и ничем не может быть заглушено влияние качеств бойца на победные свойства армии, и оно всегда останется преобладающим». «Он один является разумным и заинтересованным в исходе боя деятелем; все остальное или передает и перерабатывает силу бойца, или, являясь самостоятельным деятелем, работает на пользу армии постольку, поскольку боец заставляет его действовать в желаемом направлении»¹. Более того, многие элементы надорганической среды армии представляют собой те или иные формы деятельности самых воинов, как, например, воинский строй: «Поставьте в фалангу диких, не обузданных дисциплиною воинов, и вы увидите, что,

---

¹ Маслов И. П. Указ. соч. Вып. 1. С. 55.

несмотря на храбрость последних, фаланга при первом же шаге рассыплется, ибо в подобных воинах нет ни желания действовать в сомкнутых рядах, ни привычки к такому действию, ни необходимых для последнего внутренних чувств»¹. Значение боевых качеств воинов особенно наглядно видно в неодолимом натиске русской пехоты при А. В. Суворове, который никак нельзя приписать строю. Эта пехота действовала по преимуществу в 3-шереножном развернутом строю, неудобном для натиска. Но благодаря образцовому воспитанию солдата Суворовым в этом строю стояли «чудобогатыри», которые верили в свою мощь и горели желанием положить свой «живот» за честь и славу русских знамен.

Концепция личности воина И. П. Маслова содержит две основные части: а) учение о внутренних (духовных) силах воина; б) теория исторической эволюции (филогенеза) нравственных сил бойца и связанная с ней типология воина.

К личности воина И. П. Маслов подходит с двух сторон. Во-первых, он видит в человеке его индивидуальные боевые возможности, которые наиболее ярко проявились в «героическую эпоху», когда воин вел боевой поединок один на один с противником, и, во-вторых, его «суммарность», то есть склонность и умение взаимодействовать с другими воинами и вести себя в бою как звено единого коллективного воинского «тела».

Учение о внутренних (духовных) силах воина

Согласно И. П. Маслову, боец, являясь основой победных свойств армии, обладает тремя силами: нравственной, умственной и физической, которые, взаимодействуя, реализуются в боевой деятельности.

Каждая сила выполняет свою функцию. Нравственная сила – это, говоря современным языком, мотивация: все то, что изнутри «побуждает бойца к известному нравственному поведению». Умственная сила представляет собой познавательные-планирующие процессы (принятие решений); эта сила делает воина более про-

---

¹ Маслов И. П. Указ. соч. Вып. 1. С. 58–59.

зорливым, дает ему возможность сознательнее относиться к явлениям боя и изыскивать лучшие средства для выхода из сложившегося положения. Умственная сила позволяет овладеть военным искусством и возрастает по мере его исторического развития. По этой причине «высшее военное искусство совершенно не свойственно народам диким, мало развитым в умственном отношении. Древнее военное искусство не было по плечу народам Западной Европы даже в XVI и в XVII в.»¹.

Физическая сила – фактор реального воздействия на противника и навязывания ему своей воли. Кроме мускульной энергии воинов, она складывается из всех тех «надорганических продуктов», которые предназначены для усиления человека: оружие, средства передвижения и др.

Как и другие военные психологи, И. П. Маслов отводил ведущую роль нравственной силе, поскольку она противостоит главному свойству боя – опасности, а также всему тому, что выводит человека из уравновешенного состояния и является причиной, как сейчас говорят, боевых психологических потерь. *По своим функциям нравственная натура тройственна*: одни нравственные навыки необходимы для ведения упорного, в известной степени самостоятельного боя, другие обуславливают высокую связность в действиях, третьи обеспечивают продуктивную поддержку воину всей народной массы.

Свои представления о нравственной силе (чувствах, поведении) И. П. Маслов заимствовал у Г. Спенсера, который называл нравственным поведением, которое сначала способствовало лучшему самосохранению индивидуума и его потомства, а затем с образованием общества – охранению общества, как главного средства защиты человека. «Мы будем признавать нравственными чувствами война такие чувства, – писал Маслов, – которые вызывают его на поведение, благоприятствующее победе. А соединение всех нравственных чувств, обуславливающих поведение война во всех случаях военной обстановки, составляет его нравственные силы. Следовательно, под нравственными силами бойца мы разумеем его эмоциональную

---

¹ Маслов И. П. Указ. соч. Вып. 1. С. 73.

склонность к нравственному поведению на войне, т. е. к поведению, благоприятствующему победе»¹.

При слабости нравственных сил воин не использует даже самые большие умственные и физические возможности, которыми он обладает фактически. Недостаток нравственных сил приводит к тому, что боец оказывается «негодным для боя, какими бы материальными силами он ни обладал и как бы он ни был умен»². «Когда человек не думает о защите отечества, а добивается всеми силами только того, чтобы избавиться от ненавистных ему войсковых рядов, то естественно, что ум может содействовать ему лишь в уклонении от долга патриотизма, от неприятных обязанностей, налагаемых на него честью и благородством»³.

И. П. Маслов приводит многочисленные примеры из военной истории, подтверждающие его тезис о главенствующей роли моральных сил. «И греки, и римляне, два самых выдающихся народа древнего мира, знаменитые своею классическою ученостью, действительно погибли от варваров. Но оба народа пали тогда, когда они потеряли чувство патриотизма; когда эгоистическое себялюбие в смысле полного эпикуреизма и поношения всех человеческих добродетелей (семейных и гражданских) воздвигались в принцип; когда от растления нравов расшатались в населении нервы настолько, что ни один гражданин не мог думать без содрогания о встрече грудь с грудью со врагом»⁴.

В обстановке боя нравственная сила проявляется в сохранении бойцом присутствия духа, в способности подавить в себе вполне естественный страх, который притупляет все силы и способности до того, что самый здоровый человек лишается ног и даже языка. Кроме того, нравственные сил бойцов участвуют в противоборстве, поскольку противники стремятся подорвать упорство и энергию у врага.

---

¹ Маслов И. П. Научные исследования по тактике. СПб., 1896. Ч. II. С. 87.

² Там же. С. 66.

³ Там же. С. 70.

⁴ Там же.

Нравственная сила воина имеет два источника. Во-первых, это эмоциональная склонность к нравственному поведению на войне, то есть «поведению, благоприятствующему победе»¹. Во-вторых, «чувство взаимной связи между бойцами». Где это чувство связи глубже, беззаветнее, лучше организовано и распространяется на большую массу бойцов, та сторона и получает заметное превосходство в бою над противником. Таким образом, «нравственные силы связывают в единое органическое целое массы людей, образуя «те крупные сложные тела, которые мы называем ротами, батальонами, полками, дивизиями и т. д. Перед усилиями этих сложных тел усилия отдельных, или нескольких людей, или даже массы людей, но не связанных между собою крепкою взаимною круговою порукой, решительно ничтожны»².

Без достаточного развития нравственных сил невысказанно высокое поднятие военного искусства в армии.

Но несмотря на то, что ведущую роль играет нравственная сила, необходимо развивать умственные и физические возможности бойца, потому что между ними существует взаимодействие: возвышение одной из них непременно поднимает две остальные. В бою состязаются все три внутренние силы бойца, и каждая из них может иметь решающее значение, если две остальные силы приблизительно равны у обоих противников. Потому увеличение каждой из трех внутренних сил бойца не только полезно, но и вполне необходимо. Проявляемая войсками боевая сила, таким образом, есть функция от трех измерений.

Как видно, у И. П. Маслова преобладает специфический прикладной подход к проблеме личности: человек рассматривается как определенная совокупность боевых сил, то есть как тактический фактор. Иной подход к личности воина – более широкий – свойствен, как показано ранее, М. И. Драгомирову, а также Н. Д. Бутовскому. Последний, в частности, проводил мысль о том, что солдат прежде всего «просто человек», а затем уже «человек

---

¹ Маслов И. П. Научные исследования по тактике. СПб., 1896. Ч. II. С. 88.

² Там же. С. 70.

военный». «Подчиненный прежде всего человек, который не только служит, но и живет, и если ему эта жизнь не красна, то вы непременно виноваты в том, ибо призваны о ней заботиться. Каждый человек имеет право на уважение. Каждый человек ищет приюта в окружающей его среде, ищет уютного угла»¹.

**Теория исторической эволюции (филогенеза)
нравственных сил бойца
и нравственная типология воина**

Для того чтобы раскрыть нравственную природу современного воина, И. П. Маслов провел сложный историко-психологический анализ, основываясь на представлениях Г. Спенсера о законах общественного развития. Посредством механизма социальной конкуренции, по мнению И. П. Маслова, осуществлялся процесс нравственного возвышения воина в филогенезе. При этом современный тип воина представляет собой не верхушку – конечный результат исторического развития, а сложное переплетение качеств, которые свойственны всем предшествующим историческим типам.

«Вникая в нравственную натуру современного нам воина, мы найдем ее составленную из нравственных побуждений всех предыдущих типов бойца. От воина-дикаря в ней сохранилось неустрашимое поведение. В ней действуют и семейные добродетели, и религиозность, которые зародились в эпоху семейного и родового быта. Ей не чужды и выдающиеся чувства дружинника: личное величие, честь, слава, верность клятве и слову, товарищество по оружию и преданность дружине (своей войсковой части). Также ей свойственны и основные черты кастового воина, потому что современный боец преклоняется перед своим верховным вождем, повинуетя беспрекословно начальникам и почитает военную иерархию, впервые создавшуюся в кастовых обществах. Характеристические чувства воина-гражданина – патриотизм, чувство долга, законность и честность составляют и ныне высшие идеалы бойца. Национальное чувство коренится в современном воине еще

---

¹ *Бутовский Н. Д.* Прежняя служба и настоящая: Очерк развития солдатской школы. СПб., 1890. С. 7.

глубже, сознательнее, чем в национальном воине. Наконец, солдатские добродетели, усвоенные в такой высокой степени вербовочным солдатом и солдатом по набору, сохраняются незыблемо и нынешним воином. Такова сложность нравственной природы современного бойца»¹.

Развитие нравственности воина И. П. Маслов объясняет прогрессом культуры и форм организации общественных отношений, не связывая его с изменениями биологических основ человеческой психики. «Если тем не менее некоторые ученые предполагают, что все нравственные чувства человек приобрел от рождения, то это, надо полагать, проистекает из того, что обыкновенно под нравственными чувствами разумеют лишь те чувства, которые связывают его с другими людьми и зачатки которых действительно были выработаны человечеством в патриархальную эпоху, теряющуюся в глубокой древности. Величие этих зачатков в ходе общего прогресса нравственной природы человека, а следовательно, и бойца, несомненно, но и они не были ни первыми, ни тем более последним его шагом»².

Маслов сформулировал понятие нравственного типа бойца и выделил ряд типов, проявившихся на разных этапах развития человечества³ (табл. 4.).

Военно-нравственное развитие бойца начинается, по И. П. Маслову, с фигуры «воина-дикаря» и восходит через ряд промежуточных стадий к современному – «смешанному» типу воина и, конкретнее, к «солдату по всеобщей воинской повинности».

Возрастание «суммарности» – главная линия формирования современного типа воина. Этот исторический процесс развертывался очень противоречиво. Суммарность – это концентрированное выражение воинской нравственности. Много поколений нужно было для того, чтобы натура чистого единоборца превратилась в натуру суммарного бойца, который отличается полным и беспрекословным повиновением начальнику. Переворот в понятиях и

---

¹ Маслов И. П. Научные исследования по тактике. Ч. II. С. 369.

² Там же. С. 93–94.

³ Там же. С. 122.

чувствах бойца при переходе от первого типа ко второму был, очевидно, громадный.

Таблица 4

Нравственно-историческая типология воина

Основные нравственные типы	Разновидности типов	Основные характеристики личностного типа
Воин-единоборец	Воин-дикарь	Низкий идеал, отсутствие современных нравственных начал, неустранимость, импульсивность, отсутствие упорства, отсутствие суммарных добродетелей
Переходный тип воина	Патриархальный воин	Рабское подчинение главе семьи, зачатки суммарности на основе семейного чувства, уменьшение импульсивности и рост упорства
	Воин героического быта	Высокий нравственный идеал, сильные мотивы славы, чести, благородное поведение, склонность к единоборству, суммарность на основе дружинной связи
Суммарный воин	Кастовый воин	Верноподданнические чувства, дисциплина, готовность к совместному боевому действию, постепенный упадок нравственной энергии, выявление боевой неэффективности рабского духа воина, сохранение грубости нравов
	Воин-гражданин	Наличие гражданских добродетелей, патриотизм, честность, крепкая дисциплина, товарищество, взаимная ответственность, честолюбие и жажда славы, постепенное смягчение нравов
	Национальный воин	Национальный патриотизм, конфликт гражданских и верноподданнических чувств, непригодность национального воина для культурного общества
	Солдат-наемник	Новые солдатские добродетели: привязанность к своей воинской части, признание авторитета командира, высокая управляемость; отрицательное влияние службы наемника на его нравственность; полный разлад солдата-наемника с обществом; выделение военной нравственности из гражданской
	Вербовочный солдат	Дисциплина, подчиненность, воспитательные результаты систематического строевого обучения, низкие нравственные качества солдат, возвышение офицерского состава, появление военного образования

Основные нравственные типы	Разновидности типов	Основные характеристики личностного типа
	Солдат по набору	Укрепление коллективной связи между солдатами, возрождение патриотизма и верноподданнического чувства, улучшение нравов
Смешанный воин	Солдат-гражданин	Патриотизм, чувство долга и законности, дисциплина, товарищество, честолюбие и жажда славы
	Конскрипт	Облагораживающее действие военного образования, возрождение национальных и гражданских добродетелей, отсутствие солдатских добродетелей, постепенное исчезновение истинного военного духа
	Солдат всесословной воинской повинности	Достижения наивысшего уровня, чрезвычайная сложность нравственной природы, возвышение личности бойца, твердость воли, характера, верность клятве и слову, честь, высокие суммарные добродетели

Суммарные способности воина, развиваясь вначале очень медленно, только в государственном строе приобрели в его личности господствующее положение, и только теперь начинают называть бойца суммарным. «Покуда же человечество проходило путь от дикаря, бродящего в одиночку, до быта государственного (т. е. и в семейном, и в родовом, и в племенном быту), воин находился в переходном состоянии, следовательно, был воином переходного типа»¹.

Развитие личности воина представляет собой своего рода кристаллизацию нравственных сил воина в их современном понимании. У воина-дикаря они выражены в минимальной степени – в форме неустрашимости, которая является «первым нравственным чувством». «Неустрашимость воина-дикаря была чисто материальная и вытекала из привычки к опасности. Преодолевая ее с раннего детства и, так сказать, ежеминутно, он свыклся с нею и даже наслаждался ею. Победа доставляла ему тройное удовлетворение: она, как и всякая победа, возбуждала в нем приятное расположение духа, она насыщала его кровожадность и утоляла его голод»².

¹ Маслов И. П. Научные исследования по тактике. Ч. II. С. 107.

² Там же. С. 99.

Воин-дикарь – представитель «эпохи чистого единоборства», скорее, теоретическая конструкция, нежели историческая реальность. Смысл ее введения заключается в том, чтобы материализовать представление о собственных интересах человека, которые он должен защищать «против всех», ведя войну в одиночку. У него отсутствуют современные нравственные начала. «У него даже нет понятия о добре и зле, о семейной и племенной любви, о справедливости, законности и т. п.»¹. В первобытном дикаре царствовал эгоизм. Он старался во всем походить на дикого зверя, и сравнение с последним было для него в высшей степени лестным. Ясный след того, что и у новейших европейских народов в младенческом состоянии существовал тот же низкий идеал, остался на гербах благороднейших фамилий этих народов. На каждом таком гербе находится изображение или льва, или тигра, или медведя, или волка, или какого-нибудь чудовищного дракона².

Будучи неустрашимым, воин-дикарь не обладал боевым упорством. «Любя своею в высшей степени чувственной натурой жизнь, он, при одной мысли о гибели, способен от пылкого нападения перейти к паническому страху и тогда неудержим в бегстве. И что может воспрепятствовать бегству воина-дикаря с поля битвы? Ни совесть, ни долг, ни стыд, ни боязнь наказания не имеют для него никакой силы. Предрасположение к паническому страху увеличивается у дикаря недостаточностью умственного кругозора и склонностью видеть всюду вмешательство демонической, разрушающей силы»³.

Еще воин-дикарь отличался страстной любовью к независимости, из которой он черпал свою отчаянную храбрость. Любовь к независимости сочеталась с личным произволом. Независимость была целью жизни для варвара, как для римлянина его отечество⁴.

При такой натуре людей кооперация между ними не только военная, но и всякая другая невозможна. Их ненависть ко всякому

---

¹ Маслов И. П. Научные исследования по тактике. Ч. II. С. 96.

² См. там же. С. 98.

³ Там же. С. 101.

⁴ Там же. С. 100.

управлению исключает возможность общественной организации. Русская поговорка «Как волка ни корми, а он все в лес глядит» вполне здесь применима.

Воину-дикарю свойственны также склонность к насилию и грабежу, коварство, кровожадность и непреклонность. Своего зверского обращения с побежденным дикарь не скрывал, ибо нисколько не находил его дурным поступком; напротив, выставлял его на вид, гордился им, как признаком своего могущества.

Эмоциональный мир, все чувства воинов-дикарей отличаются импульсивностью. Их непостоянство и склонность к гневу настолько велики, что часто в один и тот же день они ссорятся со своими друзьями без всякой причины и примиряются без того, чтобы кто-нибудь их убедил к тому.

Воин данного типа легко переходит от уверенности в победе к полному отчаянию, предаваясь паническому страху. Основным признаком воина-дикаря служит отсутствие в нем «суммарных добродетелей», то есть способности к совместным действиям. Прежде всего, у него нет никаких общих интересов с другими людьми.

Последующее социально-историческое развитие воина определялось ростом его социальности («суммарности»), то есть готовности к совместным действиям и способности защищать не только свои индивидуальные интересы, но и интересы других людей, вплоть до государственных. При этом полезные для боевой деятельности качества, свойственные более ранним типам воинов, сохранялись и даже совершенствовались в последующих типах.

Рост «суммарности» обуславливался двумя обстоятельствами. Во-первых, приспособлением нравственной природы бойца к увеличению численности боевых групп и, во-вторых, личным возвышением воина, особенно заметным в «героические времена», что и вело к формированию воина героического типа.

Начальное приспособление нравственной природы бойца к согласному действию с другими воинами было свойственно уже патриархальной эпохе. «Для патриархального человека семейные интересы дороже всего на свете. Вся фабула поэтического творения «Одиссеи» держится на семейном чувстве, причем и люди, и боги прощают герою убиение многих соплеменников за то, что он

был примерным супругом и мстил за оскорбление священного семейного очага. Ни одно литературное творение, ни ранее, ни после «Одиссеи» написанное, не было проникнуто таким благоговением перед семьей, как великое произведение Гомера»¹.

Нравственная сила патриархального воина меняет свою природу: вступая в бой, воин преодолевает страх и бьется скорее из самозащиты, чем из желания гибели своего врага. Интересы семьи так близки патриархальному бойцу, что кажутся ему личными, и потому при отстаивании независимости семьи он как бы продолжает отстаивать свою личную независимость. Нравственность этого воина заключается в том, что он «строго придерживается народного нравственного кодекса»; семейные добродетели патриархальных времен обретают военное значение.

Таким образом, у бойца патриархальной эпохи появилось упорство в бою, вызываемое необходимостью защищать свое семейство, и уменьшилась импульсивность его чувств. Будучи стражем своего семейства, он не мог оставить бой по первому порыву. На его боевое упорство члены семьи воздействовали и непосредственно, например, наблюдая за боем и оказывая сильную помощь.

Заметное падение импульсивности патриархального и племенного бойца И. П. Маслов объясняет также и тем, что семейная жизнь требовала сдержанности. Кроме того, в патриархальной группе существовало деспотическое правление и, значит, подчинение. В патриархальной среде появляется уже кодекс поведения, освященный религией, невыполнение которого вызывает на виновного божеское проклятие. Благодаря всему этому «патриархальный боец сделался способен к общественной жизни в границах небольшого семейного или родственного кружка»².

«Суммарность» воина героического периода основывалась в значительной степени на социально-психологических механизмах, благодаря которым общество статусно дифференцируется, формируются понятия чести и славы, традиции боевых дружин.

---

¹ Маслов И. П. Научные исследования по тактике. С. 113.

² Там же. С. 119.

В подобной социальной среде воин гордился своими боевыми качествами, дорожил своей славой. В то же время развитие боевого индивидуализма препятствовало росту «суммарности», что наиболее заметно в рыцарские времена. Рыцарь, как известно, предпочитал индивидуальный поединок.

Кастовый воин отличался более высоким уровнем «суммарности». Он был дисциплинированным, питал верноподданнические чувства, имел высокие боевые качества, поскольку занимался только военным делом. Но исторической перспективы этот тип не имел, потому что кастовость ограничивала численность вооруженных сил и, кроме того, способствовала укоренению в войне рабского духа. Этот тип воина сохранял также грубость нравов. Поэтому произошел постепенный упадок нравственной энергии кастового воина.

Воин-гражданин – это своего рода исторический идеал воина. Он обладает высокими гражданскими добродетелями, является патриотом, имеет высокоразвитое чувство долга, воспитан в духе законности и дисциплины, свято хранит дух товарищества. Он честолюбив и жаждет славы, что служит важным источником его высокой нравственной энергии. Но и этот тип воина оказался исторически ограниченным по двум причинам: а) чувство гражданственности было свойственно немногочисленным обществам; б) имели место трудности установления единоличного военного управления, поскольку древние демократии боялись усиления власти отдельных лиц и поэтому препятствовали единовластию.

По названным причинам воин-гражданин уступил историческое место *воину национального типа*, который сформировался в эпоху образования национальных государств. При этом патриотизм обрел национальный характер, что способствовало росту нравственных сил. В монархических государствах возрождаются верноподданнические чувства, а вместе с ними дисциплина и подчинение.

Национальный воин отличался некоторым улучшением обращения с мирным населением и пленными.

Но все же и национальный тип воина не был пригоден для развития, культурного общества. «У национального бойца нет высо-

кого общественного положения, из-за которого он стал бы стремиться к доблестному, возвышенному поведению; мало того, он поглощен поденною мирною работою из-за куска хлеба и не только посвятить себя боевым упражнениям, но даже и думать о них не в состоянии. При таких условиях национальный воин мог хорошо сохраниться лишь у постоянно воюющих, диких народов, каковыми были долгое время монголы, арабы, татары, турки и другие кочевники, у которых мужчины исключительно посвящали себя войне. Но раз эти народы приобретали гражданственность, они неизбежно должны были терять свою воинственность и, как показывает история, действительно теряли ее»¹.

Национальный воин уступил место *солдатскому типу воина* – профессиональному воину, отбывающему службу за жалование. «Служба составляет его ремесло, которым он кормится, и потому правительства должны были взять его на свое содержание, что и составляет отличительную черту солдатского типа воина. Другая его отличительная черта истекала из того, что он был специалистом-ремесленником военного дела, а потому и воспитание, и обучение, и самый повседневный его быт были приноравливаемы к воспроизведению из него более совершенного и могучего бойца. Всем тем, что может совершенствовать солдата, сначала занимается он сам, добровольно, ради увеличения своего заработка, а затем это становится делом правительства и даже целого общества, которое мало-помалу сознает, что от выработки лучшего солдата зависит преуспеяние и самое существование общества. Таким образом, солдат есть воин постоянного, обучаемого войска»².

Солдатский тип воина не является порождением новейшего времени; он встречался и ранее, например в Египте и Риме, то есть был подготовлен военной историей человечества. Еще при племенном строе выделялись и специализировались лучшие бойцы, которые, однако, не могли совершенствоваться в «суммарном»

---

¹ Маслов И. П. Научные исследования по тактике. Ч. II. С. 215.

² Там же. С. 221.

отношении. Только в кастовом и гражданском обществах развивается боевая «суммарность» – готовность и умение действовать коллективно.

Превосходство воина-солдата обуславливается новыми, «солдатскими» добродетелями. «Они вырабатываются вследствие продолжительного однокашничества с другими бойцами и массового преодоления трудностей походной и боевой жизни. Долгая служба в замкнутом кругу войсковой части и разделение всеми чинами участи последней невольно зарождают в солдате привязанность, с одной стороны, к этой части: к ее знаменам, отличиям, а с другой – к сотоварищам, ее составляющим. При продолжительных сроках службы солдат до такой степени сживается со своею ротою и с своим полком, что они делаются ему как бы вторым семейством. Немудрено поэтому, что он гордится славою своего полка, что он стремится быть достойным старых его преданий. Чувство круговой поруки между солдатами одного полка сильно развивается и делается могучим. В начальнике своем солдат видит не просто старшего, а отца-командира, заботящегося как о нем, так и о его второй семье. Вследствие этого авторитет начальника признается им безусловно; к нему он привыкает и не возмущается начальническим давлением, столь естественным и необходимым в войсковом быту; мало того, при сколько-нибудь человеческом отношении к низшей братии и при обладании военными доблестями начальник, как известно, возбуждает к себе в роте или в полку нечто вроде обожания, что, без сомнения, содействует в значительной степени установлению во всех чинах части исполнительности. Само сознание принадлежности к известному войсковому могучему суммарному телу, каким является крепко сколоченная тактическая единица, неизбежно вселяет в бойца доверие к своим силам. А насколько возвышается боевая сила части от того навыка повелевать, который приобретает всеми ее начальниками от ежечасной практики в этом отношении и от навыка солдата к повиновению!»¹

---

¹ *Маслов И. П.* Научные исследования по тактике. С. 225–226.

Маслов выделяет ряд разновидностей солдатского типа воина, подробно останавливаясь на главных: наемнике, вербовочном солдате, солдате по набору, солдате-гражданине, конскрипте и солдате по всеобщей воинской повинности.

Солдат-наемник уже во времена Древней Греции отличался высокой обученностью и строжайшей дисциплиной; он всегда сохранял «порядок, как будто везде присутствовал опытный полководец». И в последующем наемники, например швейцарские отряды и ландскнехты, постоянно упражнялись в военных занятиях. Наемники не были также чужды товариществу по оружию и чувствовали свою силу во взаимной круговой поруке.

Но служба наемника вредно отражалась на его нравственной натуре. «У наемника был слишком большой соблазн, чтобы не перейти на ложный путь и не сделать из своего военного ремесла коммерческое дело. Отсутствие в нем патриотизма, национальности и верноподданнического чувства делало его торгашом». Душевные качества наемника быстро падают, он развращается и перестает быть надежным бойцом. Еще одно обстоятельство «вредно отражалось на личности наемника, а именно отсутствие над ним гражданского закона и общественного мнения. Являясь в чужую среду со своими законами и со своим солдатским кружком, наемник, ничем не сдерживаемый, легко отдавался своим низким страстям»¹.

Распространение *вербовочного типа солдата* означало, что войска переходят в распоряжение правительства страны, которое его содержит, обучает, воспитывает в духе определенных традиций. Вербовочный солдат становится государевым слугой. Дисциплина и подчиненность в вербовочных войсках поднимаются очень высоко, значительные результаты дало систематическое строевое обучение и внутренний порядок. Положительно сказывается на нравственности вербовочного солдата влияние дворянского офицерского корпуса; равенство офицеров как благородных людей содействует установлению среди них сознательной дисциплины.

---

¹ Маслов И. П. Научные исследования по тактике. С. 232.

В то же время личные нравственные качества нижних чинов вербовочной армии остаются невысокими, сохраняется дистанция между нравственностью солдатской и гражданской. Кроме того, вербовкой нельзя создать многочисленную армию.

Следующая категория солдатского типа воина – *воин по набору*. Его отличительная черта – принудительная служба за минимальное вознаграждение, мотивируемая интересами страны, монарха и народа. Впервые в широких масштабах национальный солдат появился в армии шведского короля Густава Адольфа, который, правда, не усматривал в нем черт, превосходящих вербовочного солдата. Национальный шведский солдат, как и вскоре русский солдат, отличался высокой нравственностью, гуманным справедливым отношением к мирному населению и пленным.

Выдающийся тип воина по набору сформировался в России в результате реформ Петра Великого. Русский солдат получил возможность проявить лучшие качества своего народа. Он вдохновлялся своим званием, преданностью царю, идеей защиты православной веры и служил беззаветно, в отличие от вербовочного солдата, который соизмерял свое служебное рвение с величиной жалованья. По оценке И. П. Маслова, имело место значительное «улучшение личности солдата»¹.

Особое внимание И. П. Маслова привлекает *солдат-гражданин*, нравственные достоинства которого внесли решающий вклад в формирование современного воина. Солдат-гражданин был еще в войсках царя Филиппа и Александра Македонского и особенно заявил о себе в Риме во II в. до Р. Х., когда милиционер под давлением обстоятельств начал переформировываться в солдата. В это время воин пользовался общественным почетом, и лучшие представители населения как по мужеству, так и по интеллигентности охотно шли на военную службу. Честолюбивым мечтаниям римлянина открывался широкий простор. В обществе господствовал дух соревнования и каждый достойный гражданин мог занять самый высокий общественный пост. Легионеры не подвергались телесным наказаниям. Доблестные воины получали право стоять в первых

---

¹ Маслов И. П. Научные исследования по тактике. С. 270.

рядах боевого построения. Ветераны, то есть бойцы, прошедшие десять кампаний, окружались почетом, им выдавалось усиленное содержание и по окончании войны раздавались в награду земли.

Вообще, звание воина было тождественно званию римского гражданина. Всякий раз, когда обстоятельства вынуждали призвать к оружию рабов, они объявлялись свободными людьми. Римлянина отличала способность идти на самопожертвование для поддержания римского достоинства.

Затем, когда общественная нравственность пала, единственным средством сберечь прежние воинские доблести оставалось сохранение постоянных войск, то есть обращение к солдату-гражданину. Солдат-гражданин наследовал свой патриотизм от воина-гражданина.

Нравственная натура солдата-гражданина не могла образоваться в обыкновенном гражданском быту, она формировалась непосредственно в войске. Близость опасности неприятельского нашествия побуждала воина высоко ценить нравственное величие и готовность к самопожертвованию ради отечества. Теперь не все граждане становились воинами, а лишь те, которые служили в постоянных легионах. Это обстоятельство должно было уменьшить относительное число бойцов в античном государстве.

Введение солдатского типа воина, увеличившее обеспеченность мирного развития общества и давшее ему толчок для всестороннего процветания, в то же время содействовало его расслаблению. Оно снимало с граждан обязанность заниматься военным делом и убило в них воинственность. Простые, суровые нравы уступили место жажде роскоши и наживы.

Солдат-гражданин не долго хранил свои достоинства. В императорский период истории Рима ценность этих достоинств снижается все быстрее и быстрее. А когда легионы стали избирать императора, была окончательно подорвана последняя добродетель солдата-гражданина – дисциплина.

Возрождение нравственности солдата-гражданина И. П. Маслов отмечает у *воина-конскрипта*, появившегося в результате первой французской революции (1793). Когда постоянная армия была уничтожена, Франция оказалась беззащитной против вторжения

войск европейских коалиций. В эту трудную минуту чувство национальности и вновь привитое понятие о гражданском долге спасли Францию. На призыв республиканского правительства вся французская нация поднялась как один человек. Воодушевление нации было так велико, что не было границ для самоотвержения. Без жалоб и ропота все спешили в войсковые ряды или в военные мастерские. К этому добавилось облагораживающее действие научного образования, а также пробуждение верноподданнического чувства, жажда славы и почестей. «Кто знает, какой могущественный рычаг в деле улучшения личности и развития в ней энергии составляет свободное соревнование, тот поймет причину поднятия личности в революционных войсках Франции»¹.

Эпоха данного типа война была короткой, поскольку и Наполеон, и другие безжалостно эксплуатировали его боевые качества и потакали его слабостям.

Следующий этап в развитии нравственного типа война связан с военной реформой Пруссии 1813 г., в которой был использован подъем народного духа на волне освобождения от наполеоновских завоеваний. Было положено начало общеобязательной воинской повинности и кадровой армии. «Пруссия не остановилась на призыве народной силы в минуту общей опасности. Она пошла несравненно далее. Ей удалось обратить временную организацию народной силы в постоянную и придать народным войскам крепость солдатских. Была принята так называемая ландверная система, по которой все население, способное носить оружие, проводилось в мирное время через ряды постоянной армии; таким образом армия обратилась в школу для народа»².

На такой социальной базе сформировался *солдат по всесословной воинской повинности*, который показал свое превосходство и распространился по всему миру. Это и есть современный воин, представление о котором И. П. Маслов сформировал не только историко-психологическим анализом, но и личной практикой военного управления в должностях командира полка, начальника ди-

---

¹ Маслов И. П. Научные исследования по тактике. Ч. II. С. 335.

² Там же. С. 361–362.

визии, командира армейского корпуса и др. В данном типе война впервые прежние солдатские добродетели слились с гражданскими и национальными. Солдат по всеобщей воинской повинности содействовал широкому распространению в народе высших нравственных чувств, не исключая и рыцарских. Принципиальная сторона нравственных сил увеличилась, потому что мотивы военной службы стали менее эгоистичными.

«Из личных качеств бойца особенно выиграло великодушие, так как оно распространилось на всех, родовитых и простолюдинов, богатых и бедных, пленных, раненых и мирное население. Мало того, оно в известной степени сделалось обязательным, ибо, во-первых, возросло сознание его пользы для армии, для ее последующих операций и, во-вторых, утвердилось понятие о неотъемлемых правах человеческой личности, по которым всякое насилие над обезоруженным человеком, хотя бы он принадлежал и к врагам, признается уже преступлением. В этом признании общечеловеческих прав и выражается великий результат весьма многих улучшений в личных качествах современного бойца как носителя боевой силы, а следовательно, и силы по преимуществу нравственной»¹.

И. П. Маслов отмечает сложность личности современного бойца (конец XIX в.), которая является результатом «всех приспособлений в нравственной натуре воина, сделанных человечеством в течение всей его жизни»². Но сложность личности воина не является недостатком; в ней нет ничего лишнего. «Нравственная натура современного нам бойца сродни всем высшим нравственным идеалам человека. Для проявления войсками высшей боевой силы их бойцы должны обладать всеми великими человеческими добродетелями. Мужество, стойкость, честь, слава, верность слову и долгу, великодушие, способность на бескорыстное самопожертвование для блага семьи, родины, нации, боевых товарищей, всепокорная преданность верховной власти, беспелляционное повиновение закону и начальнику – вот нравственные силы тепе-

---

¹ Маслов И. П. Научные исследования по тактике. Ч. II. С. 426–429.

² Там же. С. 368.

решного бойца. Между ними мы встречаем и самоотвержение для блага других людей, добродетель чисто христианскую»¹.

Таким образом, историческое развитие нравственных сил бойца – это постоянное возвышение личности. Не так давно «в солдате видели арестанта, которого следовало ни на минуту не выпускать из виду и постоянно занимать службу, чтобы удержать его от свойственных ему преступных наклонностей. Такие условия быта составляли истое мучение солдата, а случайно доставшаяся свобода обращалась у него в разгул»². Теперь взгляд на солдата изменился в корне, в нем все больше видят человека, все его занятия отличаются целесообразностью; его даром не мучат и ждут от него сознательного отношения к выполнению своих обязанностей.

2.5. Н. Д. Бутовский: романтический взгляд на личность воина

Николай Дмитриевич Бутовский (1850 – после 1917), генерал-лейтенант (с выходом в отставку – генерал от инфантерии), всю службу прошел в войсках на различных командных должностях. В области познания психологии военного дела его имя стоит рядом с именем М. И. Драгомирова. В дореволюционной русской армии войска учили и воспитывали «по Драгомирову и по Бутовскому» (К. М. Вольф).

Психология Н. Д. Бутовского несла в военную культуру идеи гуманизма, отношение к человеку как сознательному, мыслящему существу, способному к развитию и творчеству в военном деле.

Во всех военно-психологических работах Бутовского присутствует привлекательный образ русского воина, одаренного военным талантом, храброго, самоотверженного, любящего службу. Восхищение военным гением русского народа, преклонение перед его мужеством и гуманизмом, высокими нравственными достоинствами, патриотизмом, скромностью наполняют труды Н. Д. Бу-

---

¹ *Маслов И. П.* Научные исследования по тактике. Ч. II. С. 434.

² Там же. С. 408.

товского. «Есть среди русского народа герои, но герои исключительные, которые не ищут ни подмоглов для своих подвигов, ни денег, ни славы, ни орденов и откуда это взялось, каким вложено воспитанием? Любить солдата и верить во что-то необычайно прекрасное, живущее в народных недрах нашего отечества»¹.

Идеалом Н. Д. Бутовского является «уравновешенный офицер, над которым не висит дамоклов меч, ежеминутно грозящий его самолюбию и праву на уважение и постоянно держащий его в беспокойстве за завтрашний день, только такой офицер может широко раскрыть клапаны своего ума и сердца для восприятия науки, искусства и долга»².

Бутовский много сделал для защиты человеческого достоинства солдата, выдвигая на первый план его личность. «В русском солдате, — писал он, — есть одна обаятельная черта, которой, к сожалению, не видят или не понимают многие начальники: вы можете быть с ним строги сколько вам угодно, но не третируйте его, говорите с ним человеческим языком, покажите хоть немного участия прямо от сердца. Никогда не попрекайте солдата в его старой провинности»³.

Н. Д. Бутовский в своих сочинениях проводил мысль о том, что «солдат прежде всего «просто человек», а затем уже «человек военный». Кто сумеет овладеть «просто человеком», тому уже, при известном знании и настойчивости, ничего не стоит овладеть

---

¹ Бутовский Н. Д. Наши солдаты. Типы мирного и военного времени. СПб., 1893. С. 102.

² Бутовский Н. Д. Сборник последних статей. СПб., 1910. С. 142.

³ Бутовский Н. Д. Прежняя служба и настоящая. Очерк разбития солдатской школы. СПб., 1890. С. 6–7.

«человеком военным»¹. «Подчиненный, прежде всего, человек, который не только служит, но и живет и если ему эта жизнь не красна, то вы непременно виноваты в том, ибо призваны о ней заботиться. Каждый человек имеет право на уважение. Люди гордые, самолюбивые всегда несут службу порядочно ради поддержания своего достоинства, но этого мало, надо, чтобы они еще и полюбили ее. Кроме того, каждый человек ищет приюта в окружающей его среде, ищет уютного угла»².

В описаниях личности воина Н. Д. Бутовский часто употребляет слово «сердце», которое служит воплощением всего лучшего в душе человека. Без «сердца» боевое мастерство, ум, вооруженный знанием, застывает, не движется вперед. «Начальнику сердце нужно в такой же степени, как и разум»; «если ум намечает те или иные приемы, то сердце заботится о проведении их в действительность»; «самый честный и просвещенный начальник непременно будет наносить обиды солдату, если в его деятельности мало участвует сердце»; именно в сердце своем носит солдат военную присягу»; «новички являются на службу с открытыми клапанами ума и сердца, – боритесь, чтобы эти клапаны не закрылись грубостью, придирчивостью, насмешками, – иначе через какие органы вы будете проводить в нутро человека его долг и науку?»³.

Бутовский считал, что военная служба благоприятствует социальному самочувствию и личностному самоопределению воина потому, что он не наемный рабочий, – служит не частному лицу, а всему народу.

С тревогой наблюдал Н. Д. Бутовский, как «происходит обращение воинов в номера; забывается человек с его индивидуальными особенностями, обесценивается дух человека, его военное настроение, от которого успех боя зависит больше, чем от науки, искусства, технического и материального оборудования. Безлич-

---

¹ *Бутовский Н. Д.* Превенная служба и настоящая. Очерк разбития солдатской школы. С. 38.

² *Бутовский Н. Д.* Сборник последних статей. СПб., 1910. С. 12

³ Там же. С. 13.

ность грозит «утратой могущественных двигателей, которыми учителя военного дела создавали непобедимые войска»¹.

Военное дело, как и всякое другое, требует известной личностной предрасположенности, определенной психологической основы, которая позволяет при надлежащем развитии овладеть военной культурой, адаптироваться к сложным условиям войны и службы в мирное время. Военный талант нужен как офицеру, так и солдату. Военный талант – это не только умственные способности. Бутовский утверждает, что в минуту опасности разум отважного воина возбуждается, но не ослепляется, несмотря на переживаемое состояние, близкое к экзальтации. Мысль, все органы чувств работают особенно четко. Движения быстры и верны. Скорость мышления необыкновенно высока. Врожденная храбрость способна возбуждать все физические и духовные силы бойца в минуту опасности. «Есть солдаты, у которых бодрость духа и запас физической энергии никогда не ослабевает. Это в своем роде богатыри, для которых переход, выгрузка тяжелого транспорта, дальняя спешная посылка не только не представляет никакой тягости, а, напротив, является той сферой, которая наиболее удовлетворяет их природу. Лица у этих людей всегда довольные и веселые, взгляд добродушный, степень старания удивительна. Вы ясно видите, как у человека ходит душа, как все черты его находятся в движении»².

«Они всецело увлекаются интересами военной жизни, не оглядываясь с грустью на свое прошлое. К такому разряду обыкновенно принадлежат либо исключительно военные натуры, с врожденным военным героизмом, пересиливающим всякие другие страсти, либо люди одинокие, вовсе не имеющие родного гнезда или несчастливые в своем семейном быту»³.

Признаком военного таланта может служить самолюбие. «Самолюбивый солдат – это самый желательный тип особенно в военном смысле, потому что самолюбие – это один из «могуще-

---

¹ Бутовский Н. Д. Сборник последних статей. С. 3.

² Бутовский Н. Д. Наши солдаты. Типы мирного и военного времени. СПб., 1912. С. 3.

³ Там же. С. 129–130.

ственных двигателей», понуждающий человека стремиться к добросовестному выполнению всего, что от него требуется, независимо от содержания требований, из соображений сохранения своего доброго имени в мнении общества, из понятий чести и порядочности. Есть среди солдат «натуры даровитые, чувствующие в себе даровитость и мощь, но несколько анемичные, способные сделать значительное дело не самостоятельно, а под крылом натуры более сильной, умеющей натолкнуть человека на подвиг. Они бессознательно ищут такой опоры»¹.

«Военная школа должна отыскивать людей с военным дарованием, в этом – одна из ее важнейших задач, ибо школа не может создать таланта, если его нет, она должна искать его и, открыв самородка, беречь его как зеницу ока, дорожа им как народным достоянием, памятуя, что из него и только из него может выйти настоящий вождь»². «Нам нужны настоящие вожди, умеющие собрать и сплотить русскую силу. Искать этих вождей нужно в недрах армии, где настоящий русский талант нередко замуровывается в маленькой клеточке и умирает неиспользованным для отечества, лишенный возможности расправить свои крылья. Ведь это же вопрос головной, – вопрос о выборе действительно достойных людей, которым вверяется будущее нашей армии – ее доблесть, ее служба, наука, нравственный и умственный подъем, вообще, готовность к будущим войнам и зависящая от всего этого слава и благоденствие отечества. Ничто не замрет в надежных руках, – надо найти эти руки, развязать их, приложить к делу. Нам нужен офицер с истинным призванием к военному делу. Нам нужен офицер, обожающий свой мундир, свой быт, все особенности военной службы с ее лишениями и опасностями, – офицер, которого ни за какое жалование нельзя сманить ни в акциз, ни на железную дорогу. Забаллотировка таланта – это ограбление чести и славы своего отечества»³.

---

¹ *Бутовский Н. Д.* О способах обучения и воспитания современного солдата. Практические заметки командира роты. 4-е. изд. СПб., 1908. Т. 1. С. 101.

² *Бутовский Н. Д.* Статьи на современные темы. СПб., 1907. С. 2.

³ *Бутовский Н. Д.* На войне и дома // Русский инвалид. 1916. № 25.

Отрывки из рукописей Н. Бутовскаго.

(Факсимиле).

.... Командиръ, неумянувший
установитъ въ своей отдѣль-
ной части воспитательнаго
строя (совмѣстной работы на-
чальства, старшаго товарища евре
и суда ести), обрекенъ на непре-
рывную борьбу съ конфликтами
въ областяхъ службы, дисципли-
ны и общественной офицерской
жизни ....

... Только уравновѣженный, упо-
коенный въ своей жизни и служ-
бѣ офицеръ, надъ которымъ не ви-
ситъ Дамокловъ мечъ, ереликну-
то грозный его самолюбие и вра-
ву на уваженіе, и постоленно
держаній его въ берюкойствѣ за
завтрашній день, — только та-
кой офицеръ можетъ исполнѣт рас-
крытъ клапаны своего ума и
сердца для воспринять науки
и долга. Если этого нѣтъ, то
создается положеніе, въ которомъ
долгъ не вынуждается, а навязыва-
ется, никака выколачивается
дисциплинарными мѣрами и
офицерская работа становится
безразличной, безлюбвонной и по-
тому лишешкой творческой силки.

Бережное отношение к военному таланту включает необходи-
мость считаться с отрицательными качествами, сопутствующими
ему. «Идеальных людей, соединяющих, например, выдающуюся

боевую находчивость со всеми прочими положительными качествами, нет, но если находчивость достигает степени несомненного таланта, то ее надо лелеять и беречь, несмотря на мелкие недостатки человека. Истинному таланту, выдвинувшемуся в этом важном направлении, надо простить многие недостатки, ибо получим от него больше, чем им упущено»¹.

Одна из причин бедности на талантливых военачальников состоит в том, что одаренная молодежь покидает армию добровольно или по принуждению. Оценивая внутреннее состояние русской армии в первое десятилетие XX в. Н. Д. Бутовский замечает, что молодые творческие силы не могут пробить себе дорогу через устоявшуюся рутину. Продвижение по службе медленно. Часть офицеров теряет уверенность в завтрашнем дне, полагая, что революция разрушит армию. Отсутствие перспектив, мрачное будущее рождало уныние и тоску.

«Выделяется несколько категорий офицерской молодежи, оставляющей службу. Первая отличается «органическим» пороком, который глубоко сидит в душе и в юношеских годах не проявляется. Чем лучше школа, тем больше покрывается этот порок хорошими нравственными наслоениями и может вовсе заглохнуть. Но достаточно юноше почувствовать вокруг себя некоторую распушенность, чтобы порок сразу ожил и дал себя знать в проступках и преступлениях.

Ко второй категории мы можем отнести людей, которые ошиблись в своем призвании; добровольный уход их из армии или чистосердечное признание в нелюбви к военной службе – джентльменский поступок, заслуживающий полного одобрения.

Третья категория – это «элемент, в высшей степени вредный, это люди, потерпевшие неудачи на других поприщах и уцепившиеся за военную службу с полным сознанием нелюбви к ней. Эта категория играет большую роль в полковых неурядицах, заражая молодежь своим циническим отношением к службе. Она уходит из полков только по настоянию выдающихся командиров, умеющих находить корень полковых неурядиц.

---

¹ Бутовский Н. Д. На войне и дома // Русский инвалид. 1916. № 25.

Четвертая категория – случайные неудачники, свихнувшиеся под влиянием дурных условий жизни и службы и способные снова стать на правильный путь при перемене этих условий. Эти люди не худые, не испорченные, а только юные, наивные, подверженные соблазну; в их поступках нет ничего сознательно непорядочного, а только промахи, иногда очень острые, неожиданные, имеющие своим основанием слепое, юношески доверчивое подражание старшим сослуживцам.

Дурные условия жизни и службы, сбивающие эту часть военной молодежи, которая при иных условиях воспитания могла бы стать украшением армии, – это бесприютность и беспочвенность. Бесприютностью мы называем сухое отрицательное отношение к поступающему в полк молодому офицеру, нуждающемуся в участии, сердечности и руководстве в своих первых шагах. Беспочвенность – отсутствие определенного, строго намеченного дела, дающего возможность пылкому, еще не остывшему в своих идеальных стремлениях юноше занять свой ум и свое сердце»¹.

Причина и того и другого – «безыдейность» военной школы и службы. Безыдейность тем более опасна, что речь идет о юношеском возрасте. «Сердце человека в юном возрасте много живет воображением и очень склонно ко всем героическим представлениям. Если вы не увлечете его красотой благородных идей, то оно будет искать героизма другого направления. Легкость и пошлость жизни, грязный, отвратительный цинизм внедряется в его сердце. Безыдейность в военной школе и среди молодого офицерства нередко разрешается выбором идеала среди знаменитых прожигателей жизни. Среди части молодежи поэзия жизни сосредоточилась на арене политических приключений. Из юноши, не захваченного влиянием школы, родится плохой военный специалист и дурной воспитатель, другими словами, офицер, разочарованный в своем деле»².

По оценке Н. Д. Бутовского, «у нас мало начальников, обладающих критерием для войсковой работы, умеющих быть учите-

---

¹ Бутовский Н. Д. Сборник последних статей. СПб., 1910. С. 95–96.

² Бутовский Н. Д. Отрывки из бесед с молодежью. Посвящается выпускным юнкерам. СПб., 1909. С. 23.

лями своих войск и движимых в этой своей деятельности патриотическим порывом, у которых подчиненные просыпаются от рутины, расстаются с дурными привычками и живо воспринимают новые идеи»¹.

Ключевым качеством личности воина Н. Д. Бутовский считал храбрость. Настоящий солдат тот, кто храбр, иначе, все его прочие достоинства теряют цену, ибо не могут проявиться на поле боя. Не может быть талантливым военачальник, не обладающий смелостью. Храбрость – это талант, ярко выраженное дарование, такое же, как музыкальное, инженерное или художественное.

«Храбрость – это кровь, зачатая где-то глубоко, в особых этнографических, племенных, родовых и прочих условиях, – это страсть, присущая организму человека, заключающаяся в неутомимом искании опасностей, в стремлении к наслаждениям, доставляемым рискованными моментами жизни. Сколько бы вы ни старались, никого и никогда храбрым не сделаете: храбрыми будут только те, кому это дано. Мы можем точно и достоверно сказать, что храбрость не воспитывается, т. е. она воспитывается, только не в военной школе, а где-нибудь глубже – в семье, в роду, во всяком случае, там, где складывается детство человека. Тут могут быть даже этнографические причины»².

Постановка вопроса о храбрости – это определенное решение проблемы страха и борьбы с ним, которая привлекала повышенный интерес русской военной мысли в конце XX – начале XXI в. Почти все авторы утверждали, что страх – это всеобщее чувство. Позиция Н. Д. Бутовского иная: «Г. Шумков, говоря о психике бойцов во время сражений, рисует удручающую картину расстройства всех жизненных центров человека на нервной почве. На эту болезнь, попросту называемую трусостью, он смотрит как на явление вполне естественное и законное и даже рекомендует средства для ее лечения: внушение и сокращение продолжительности вредного момента. Эти взгляды и выводы совершенно правильно опровергает г. Дружинин, замечая, что трусость в рядах армии

---

¹ Бутовский Н. Д. Сборник последних статей. С. 20.

² Там же. С. 115.

недопустима, что внушение, уничтожающее чувство страха, должно передаваться воину рациональной системой его воспитания в мирное время.

Но легко сказать, что трусость в рядах армии недопустима. Беда в том, что стойкость в бою, прославленная эпосом, вырождается и вымирает не потому, что мы не знаем катехизиса воина, а потому, что не умеем проводить его в жизнь. Гораздо легче перечислить несколько военно-нравственных требований, как это делает Дружинин, чем создать средства для их осуществления, новые приемы влияния на грешную человеческую натуру»¹.

Н. Д. Бутовский, как участник боевых действий (в Русско-турецкой войне 1887–1888 гг. он командовал ротой), не отрицал, естественно, что ощущение опасности свойственно всем. «Есть что-то общее для всех в бою. В первом деле человек себя чувствует крайне тяжело; какая-то тоска наполняет душу, тоска о прошлом, о всем дорогом, оставленном на родине, которое может пропасть для человека в одну минуту. Но выйдя из боя, чувствуешь себя до такой степени освеженным нравственно, что хочется вновь побывать в бою, чтобы вновь испытать это прекрасное чувство и во втором деле уже менее тяжело, а в третьем бываешь недоволен, почему не идешь вперед»².

«Не чувство страха, а какая-то тяжелая тоска наполняет в это время душу. Но вот тронулись, побежали вперед – и все как рукой сняло: тоску сменяет другое чувство – чувство восторга при виде преимущества над врагом, хотя бы этого преимущества, в сущности, даже и не было, и тогда положительно не верится, что находишься в опасности... Идти под пулями вперед несравненно легче, чем стоять в огне, особенно когда стоишь долго и не видишь этому конца»³.

Таким образом, даже безусловно отважный воин нуждается в постепенном втягивании в боевую обстановку. Очевидно, что

---

¹ Бутовский Н. Д. Сборник последних статей. С. 142.

² Бутовский Н. Д. Наши солдаты. Типы мирного и военного времени. 3-е изд. испр. СПб., 1912. С. 59.

³ Бутовский Н. Д. Наши солдаты. С. 36.

«освеженным нравственно» чувствует себя не каждый, вышедший из боя; распространен и другой – болезненный комплекс переживаний, когда без лечения не обойтись.

Храбрость – это привилегия немногих. Но роль в бою этих немногих так велика, что их сила может быть сравнима с силой масс. Храбрецы представляют самый активный, деятельный, сугубо военный контингент любой армии, но, вследствие своей малочисленности, обладающий лишь моральной силой. Поэтому немислимо сбрасывать со счетов основную массу войск по той причине, что она лишена выдающегося дара отваги. Как мы уже знаем, Бутовский высшим качеством воина называл храбрость. Но это не значит, что людей, не обладающих ею от природы, он считал неспособными к боевой деятельности.

Непосредственно за храбрецами по военной значимости Н. Д. Бутовский ставил «рыцарей долга». «Рыцарство долга (в офицерской и солдатской среде) заключается в непреклонной готовности исполнить свой долг. Оно нередко присуще людям не храбрым, но боящимся нравственного позора больше, чем потери жизни. Храбрец ищет подвига, иногда совершенно игнорируя нравственную сторону преследуемой им идеи; «рыцарь долга» приемлет опасность сознательно, исполняя священную обязанность и всегда преследует только цели, внушенные ему традициями, патриотическим подъемом, преданностью монарху, охраною чести общества, к которому он принадлежит, семейной дисциплиной, религией и пр. Рыцарь долга непременно пойдет в огонь вместе со своими товарищами и ни за что от них не отстанет; человек не храбрый в душе, становится храбрым в минуту опасности. Какая же сила влечет такого человека под пули? Сила эта заключается в страхе позора; лучше потерять жизнь, чем подвергнуться всеобщему презрению. Обе эти категории представляют собой надежнейший элемент стойкости в бою»¹. Несмотря на высокую оценку обеих категорий и на большую боевую полезность рыцарей долга, сердце Бутовского всегда было на стороне первой.

---

¹ Бутовский Н. Д. Сборник последних статей. СПб., 1910. С. 78.

Выделялась Бутовским еще одна группа военных людей, которые не имеют в полной мере достоинств двух первых категорий, но тем не менее являются хорошими солдатами. «Не все солдаты герои, но однако же все идут умирать: одни рвутся вперед, другие держатся за полы их мундиров; но есть что-то среднее между первыми и вторыми, есть люди с твердым характером, не поддающиеся влиянию и мало имеющие влияние на других, – это сухие, холодные, но тем не менее хорошие исполнители своего долга, или, так сказать, чернорабочие в деле войны. Такие люди храбры, но как-то странно, в них нет того огня, что делает из человека героя, вернее сказать, они храбры для порядка. Никогда они не вызываются в охотники, никогда и не отказываются идти»¹.

Н. Д. Бутовский полагал, напротив, что привычка к опасности вполне возможна, тем более для человека в душе храброго и прошедшего большую боевую школу. «Не мудрено, что старый воин может относиться равнодушно к свисту пуль; но совсем не то храбрость человека молодого, недавно ознакомившегося с огнем; молодой, можно сказать, живет всем тем, что вокруг него происходит во время боя, и глубоко чувствует каждый его момент, а для старого человека свист пуль все равно, что для бывалого матроса морская бездна в то время, когда он ходит по борту и спокойно курит свою трубку. Мы говорим, конечно, о храбрецах: людьми не храбрыми руководят иные чувства»².

Н. Д. Бутовский, естественно, понимал великую тайну войны, а именно то, что «не все солдаты герои, однако же все идут умирать». Абсолютное большинство идущих в бой – люди, в сущности не выдающиеся личной отвагой. Но именно они решают судьбу сражений и войн, являя массовые героические деяния. Где же таятся силы, питающие этот героизм, где его причины?

«Кто побывал несколько раз в бою, тот не мог не заметить, что во всякой кучке солдат, твердо держащейся под огнем, есть непременно свой нравственный центр, если можно так выразить-

---

¹ Бутовский Н. Д. Сборник последних статей. С. 82.

² Там же.

ся, – есть один или несколько людей, не ищущих нравственной опоры, а твердо надеющихся на самих себя. Такие люди первыми выбегают вперед в критическую минуту и группируют около себя остальных, глаза их блещут отвагою, а отрывистые, экспромтные речи, остроты и насмешки исполнены естественности и вдохновения. Слова, произносимые в критическую минуту такими людьми, бывают в большинстве случаев знаменательны: в них звучит скрытая в обыкновенное время и никогда почти не замечаемая нами сила народного духа»¹.

«Вскоре после объявления похода можно уже заметить тех людей, около которых будут собираться слабейшие духом товарищи. Дальнейшее и окончательное уточнение производит сама война, первая и последующие боевые стычки. «Вступая в сферу огня со своей ротой, вы можете после нескольких перебежек уже точно сказать, что у вас есть пять-шесть несомненно храбрых людей. Число этих молодцов может при последующих стычках увеличиться, но вы можете отвечать чем угодно, что никакие неудачи, никакие нравственные невзгоды не расстроят этой рвущейся вперед силы»².

Здесь проявляется общественная роль воинов, одаренных естественным бесстрашием. «Они образуют нравственный центр коллектива. Они представляют собой тот образец, в котором нуждаются менее сильные; следуя ему, солдаты убеждаются: их поступки будут безупречны в смысле военной порядочности. Это необходимо в бою, потому что страх понижает умственную деятельность. Свое спасение они находят в примере храбрецов, которые чувствуют себя в своей родной стихии. Все видят, что их храбрые товарищи оживлены, их чувства и рассудок обострены, действия логичны и целесообразны. В решающие моменты им принадлежат первый шаг, от которого зависит успех боя и судьба роты, потому что «вслед за храбрыми поднимаются те из нехрабрых, которые воспитаны в духе хорошего товарищества, все те, на которых вы как хороший начальник имели право надеяться: вы

---

¹ Бутовский Н. Д. Наши солдаты. С. 270.

² Там же. С. 275.

можете водить их в какой угодно огонь, только пустите кого-нибудь вперед: себя или вот тех храбрых»¹.

Ценность храбрых не только в том, что их действия в решающие минуты спасительны, их значение неопределимо для поддержания на высоте боевого духа части. «Такие люди – клад в минуту опасности, ибо они и там не утерпят, чтобы не рассмешить товарищей; а смех под пулями – это лучший признак хорошего состояния нравственного духа в части»². «Присутствие в боевой массе человека, смеющегося над опасностью, до такой степени отрезвляет эту массу, что каждый потерявшийся человек сразу приходит в себя и чувствует себя как бы пристыженным. Это задевает его самолюбие»³.

Такова сила товарищества, громадная заразительная сила примера выдающегося человека. Вся масса почти инстинктом улавливает его превосходство и сознательно или даже слепо подражает ему. Последнее обстоятельство налагает на мужественных бойцов ответственность за судьбу идущих за ними, а возможно, чувство этой ответственности заставляет их рваться вперед.

«Обе категории – храбрецы и рыцари долга, представляющие надежнейший элемент стойкости в бою, школа получает в готовом виде; ей остается только распорядиться этим материалом, чтобы ему хорошо жилось в войсках и эксплуатировать его в смысле влияния на остальной состав части. Задача школы заключается в том, что, захватывая храбреца вместе с другими людьми своим внушением, своим авторитетом, она дает этой страсти возвышенное облагороженное направление, т. е. эксплуатирует ее для военных целей»⁴.

«Храбрости, составляющей природное достоинство человека, не может дать никакая система воспитания; но мы все-таки верим в возможность развить в человеке военную лихость, бесстрашие перед опасностями и, наконец, готовность не отставать от людей,

---

¹ *Бутовский Н. Д.* О способах обучения и воспитания современного солдата. СПб., 1909. Т. 2. С. 275.

² Там же. С. 276–277.

³ Там же. С. 73.

⁴ Там же. С. 23.

увлекающих массу решимостью идти навстречу смерти. Воспитание вполне может дать того среднего солдата, который не только делает в бою второй шаг, но и увлекает человека, оставшегося на третьем шаге. Дальнейшее воспитание в этом направлении дает уже сама война, ее внутреннее содержание, в котором много увлекательного, эстетического, манящего человека к подвигам, к славе, к защите веры и родины»¹.

«Если начальник и не может обратить всех людей в храбрецов, он может сделать их стойкими посредством постоянных упражнений, притупляющих чувство самосохранения, а главное, он может развить дисциплину, несокрушимо никаким замешательством в сражении»².

Мы, утверждает Бутовский, «долго не понимали некоторых тонкостей в воспитании духа войск, например: человек, втянувшийся в рискованные физические упражнения, т. е. воспитавший в себе пренебрежение к опасностям, грозящим его телу, непременно станет равнодушным и к свисту неприятельских пуль, а потому станет внимательнее прицеливаться в бою и не будет надавать шага при отступлении»³.

«Воспитание соединяет природные качества смельчаков с высокими чувствованиями (сознанием долга, патриотизмом, любовью к роде, преданностью своему командиру) и объемля обучению военному искусству, дает тот идеал воина, стремление к которому является целью всякой военной школы. Храбрость – это родное и любимое детище военной школы; всякое проявление ее она должна встречать с захватывать интересом. Если природа и домашнее воспитание редко дарят нас сочетанием храбрости с рыцарством, то военная школа может многое сделать в этом отношении начальническим и товарищеским внушением. Со своей стороны храбрецы, захваченные влиянием хорошей школы, являются внушителями по отношению к людям слабым духом, безвольным,

---

¹ Бутовский Н. Д. О способах обучения и воспитания современного солдата. С. 24.

² Бутовский Н. Д. Сборник последних статей. СПб., 1910. С. 16.

³ Там же. С. 76.

трусливым, увлекая их в рискованную военную практику, притупляющую чувство самосохранения в бою. Народ любит красоту внутренней человеческой природы, идет за ней, а что может быть красивее смелости с порядочностью; в этом отношении солдаты отлично умеют оценивать своих начальников»¹.

Необходимость воспитания диктуется и следующим обстоятельством. Дело в том, что «каждая порода людей ищет стихию, отвечающей ее особенностям, ищет воздуха, которым приятно дышать; храбрец тоскует без арены для проявления своего бесстрашия, и эта тоска настолько серьезна, что разрешается преступлением. Это тонко понимали великие вожди нашей армии, которые не давали ни офицеру, ни солдату застаиваться в казармах и на плацах. Лихие учения по тревоге, рискованные переправы, разведочные и охотничьи экскурсии, поэзия походной жизни, упражнения на крепостных сооружениях, полевая гимнастика, песни, вольные игры и всякий военный спорт – вот стихия, способная занять и удовлетворить природное чувство бесстрашия»². То есть военное воспитание должно направить силу естественной храбрости на полезные боевые задачи.

Воспитание смелых необходимо и потому, что человек смелый, но не задетый воспитанием и не обученный, не всегда может использовать мощь своего духа в разумном направлении. Солдаты с особым уважением относятся к храбрости, которая дает положительный результат. Если начальник (образец храбрости, отеческих чувств к солдату и боевого искусства) останется в живых, с ним люди пойдут куда угодно; здесь никакие колебания психологически невозможны: это чародей войны, про которого солдаты слагают песни. Война воспитывает такие типы ближайших начальников, и именно в этом заключается корень непобедимости армии.

Существенное значение имеет еще один простой факт, много раз повторяемый в наставлениях, но иногда все же уходящий из поля зрения командира. Дело в том, что молодецкий, бравый внеш-

---

¹ Бутовский Н. Д. О способах обучения и воспитания современного солдата. Т. 2. С. 97.

² Там же.

ний вид солдат играет роль не только чисто эстетическую, парадную. Внешний вид бойцов прямо и непосредственно влияет на их боевой дух. Внешний вид солдата, который известными воспитательными мерами можно довести до рефлексивного выражения, играет важную роль в критические минуты боя. Солдаты не станут читать в такие минуты то, что происходит у их товарищей на душе; им прежде всего бросится в глаза общий молодецкий вид, и этого уже довольно, чтобы люди не взбодрились.

Командир, особенно молодой и наивный, считает, что солдаты, которые ему симпатичны, будут и в бою героями. Но нельзя утверждать, что храбрость и хорошие военные манеры взаимосвязаны. «Если вы сами попали в огонь первый раз, то вас крайне поразит, просто даже огорчит: почему люди, на которых вы больше всего надеялись, которые должны служить оплотом роте, не поднимаются первыми, услышав вашу команду «встать и бегом», а поднимаются и летят как стрелы совсем другие: отчисленный от офицера за пьянство денщик, кривобокий кашевар, которого вы давно куда-то хотели сбить в нестроевые, да еще шельма-барабанщик, неряха, с продранными локтями, до которого вам никогда не было никакого дела, поднимаются совершенно другие люди, которые для вас гроша не стоили в мирное время. На ваших глазах подает пример храбрости и героически умирает какой-нибудь Петров, которого вы два раза отдавали под суд за разные проступки, сопряженные с пьянством. Вы проникаетесь благоговейным чувством к этому Петрову, и светлейший образ этого пьяницы долго потом беспокоит ваше воображение. Вам становится жаль, что в свое время вы не могли поддержать этого человека, обставить его хорошим влиянием, а вместо этого систематически его преследовали»¹.

Но как раз то, что «храбрость иногда живет в глубине души человека», составляет практическую трудность, а часто вводит в заблуждение. Командир должен твердо знать, что это высокое душевное достояние может отыскаться даже в самом неожиданном месте, у самого забитого, грустного, скучающего и, казалось бы, неспособного солдата. «Замечательно, что такой храбрости ничто

---

¹ Бутовский Н. Д. Наши солдаты. С. 17.

не может убить, даже самые дурные условия воспитания. Никогда она не сказывается в мирное время и часто скрывается под отрицательными достоинствами человека. Но во время боя следует изумительное перерождение»¹. Учитывая это и внимательно изучая бойцов не только в обычной казарменной обстановке, но особенно в тех случаях, когда трудности похода, боевого учения создают опасную ситуацию, командир будет приближаться к столь желанной точности. Воспитатель не должен отмахиваться от людей забитых, скучающих, застенчивых, а, наоборот, присматриваться к ним, потому что среди людей, скучающих в мирной жизни, есть те, которые не будут скучать в бою, ибо их душа, возможно, подсознательно, стремится к боевым подвигам. Взор командира должен искать самолюбивые, гордые натуры – эти верные признаки врожденной храбрости.

«Можно назвать еще один признак, помогающий определить храброго человека: храбрый, любит быть в центре опасности, трусливый же страстно желает смотреть на нее со стороны. Люди, жаждущие пощекотать свои нервы опасными зрелищами, как правило, трусливы. Храбрый человек идет навстречу опасности, трусливый же любит посмотреть на нее только со стороны»². Люди, проявляющие жестокость к более слабым, к животным, тоже в большинстве принадлежат к той же неуважаемой в народе категории.

«Трудно решить в мирное время, кто из солдат не струсит под пулями: военная обстановка совершенно меняет людей, и часто приходится видеть удивительные превращения: человек бравый, здоровый, со смелым и решительным видом, производящий впечатление молодца, иногда в минуту опасности превращается в слабого духом, нервного и боязливого и, так сказать, отдается под крыло товарищу, над слабостями которого он в мирное время подтрунивал; а скучающий, застенчивый и совершенно, по-видимому, забитый в мирное время солдат вдруг становится неузнаваемым и начинает играть роль вожака между товарищами»³.

---

¹ Бутовский Н. Д. О способах обучения... Т. 2. С. 54.

² См.: Бутовский Н. Д. Наши солдаты. С. 260.

³ Бутовский Н. Д. Новобранец Камлатов : рассказ. СПб., 1881. С. 30–31.

Преодоление препятствий воспитывает также готовность к спокойной встрече всех лишений, которые в изобилии представляются войной. Эта готовность при своем развитии переходит в самое высокое увлечение, где подвиг становится важнее жизни. При этом очень существенно, чтобы все лихие боевые упражнения были исполнены простой «...доступной даже для солдата поучительности; кроме живого интереса, где бы каждый участник чувствовал, что он не даром переносит трудности, а делает что-то действительно важное, в таких упражнениях всегда должна присутствовать заботливость о солдате, постоянное внимание не только к его ординарным нуждам, но и к национальным привычкам. Этим достигается привязанность солдата не только к обстановке похода, но и к самому его содержанию, спрос на хорошие боевые качества, вера и любовь к начальнику и другие добрые чувства, необходимые для войны. Тут трудности похода стусшевываются подъемом хороших чувств и переносятся с каким-то охотничьим равнодушием»¹.

В боевых упражнениях мирного времени не должно быть ничего сделанного, искусственного, что претило бы натуре человека. Это соображение относилось к М. И. Драгомирову, который хотел в мирное время иметь обстрелянные войска и предлагал для этого ставить человека около мишени во время практической стрельбы, приучая его к свисту пуль. Предложение Драгомирова Н. Д. Бутовский оценил как «нравственную муштру» и не принял его. Он в области психологической подготовки пытался провести грань между психофизической тренировкой и развитием высших проявлений духа. Этот высший уровень психологической подготовки нуждается в своей методологии.

«Полагаем, что высшие военно-воспитательные акты решительно недоступны для примерной проделки в мирное время. Нельзя искусственно вложить человеку те чувства, которые надлежит воспитывать. Такие акты непременно должны сопровождаться известными увлечениями: обаянием героизма, мечтаниями о высоких

---

¹ Бутовский Н. Д. О способах обучения современного солдата. Т. 2. С. 71.

подвигах, о заслуженной славе, о защите веры и родины и т. д. Жертвы войны никогда не могут быть сравниваемы с жертвами несчастных случаев на практической стрельбе, которые всегда производят жестокое впечатление, увеличиваемое служебными неприятностями. Между тем, тело человека, павшего в сражении, всегда окружено самыми горячими симпатиями, исполненными глубокой военной поэзии, – его провожают в могилу, как тело любимого брата, поголовно все товарищи со слезами и хоровым пением. Уверенность в том, что человек умрет и не будет брошен как чужой, а, напротив, будет поднят и оплакан близкими людьми, товарищами имеет глубокое воспитательное значение. С одной такой уверенностью уже можно смело идти под пули. И так, не увлекаясь, будем воспитывать в солдате добрый воинский дух: сделаем солдата сначала членом хорошей военной семьи; отсюда получим готовность к выручке товарищей, к поддержанию чести своей роты. Это одно уже делает человека стойким под пулями, а дальнейшее развитие в этом направлении солдат найдет в самом содержании войны»¹.

Как видно, Н. Д. Бутовский смотрел вперед. Эти его идеи спустя сто лет обрели более четкие очертания и оформились сегодня в виде морально-психологической подготовки, – высшего, ценностного звена общей системы боевой психологической подготовки.

2.6. Н. Н. Головин.

Социально-психологическая концепция бойца в структуре военной науки

Николай Николаевич Головин (1875–1944), генерал-лейтенант, профессор академии Генштаба, участник первой мировой войны, затем – в эмиграции.

В своей ранней научной работе (диссертации) «Исследование боя: исследование деятельности и свойств человека как бойца» (1907 г.) предпринял попытку развития военной науки (теории

---

¹ Бутовский Н. Д. О способах обучения и воспитания... Т. 2. С. 72.

военного искусства – стратегии и тактики) на основе «изучения деятельности и свойств человека как бойца»¹.

Подобного рода тенденции были распространены и в России, и за рубежом. Как нам уже известно, придерживался «психологического направления» военного дела М. И. Драгомиров. Идею психологизации военной науки обосновывал французский военный писатель участник Крымской войны (1853–1856) А. Ш. де-Пик (1821–1870). Его книга «Исследование боя в древние и новейшие времена», опубликованная во Франции в 1880 г. (посмертно), несколько раз издавалась в России «в извлечении» А. К. Пузыревского. Свое видение военной науки А. Ш. де-Пик сформулировал так: «Конечной целью армии является бой (сражение), и человек – его главное орудие; не изучив исчерпывающим образом это главное орудие, то есть человека и состояния его духа в решающий момент сражения, мы не можем надлежащим образом организовать армию, не можем создать дисциплину и, в конце концов, определить принципы тактики, которые объединяют все эти составляющие в единое целое, как пальцы одной руки»².

Материалы этой книги, а также мысли Г. А. Леера³, последователем которого Н. Н. Головин считал себя, послужили для него ис-

---

¹ Головин Н. Н. Исследование боя. СПб., 1907. С. 32.

² Пузыревский А. К. Исследование боя в древние и новейшие времена. Извлечение из фр. сочинения полковника де-Пика. 3-е изд. испр. СПб., 1911. С. 2.

³ «К живой силе должно быть все на войне относимо и из нее все выводимо; здесь ключ к решению всех военных вопросов и к разъяснению всех военных явлений». (Леер Г. А. Метод военных наук: стратегии, тактики, военной истории. СПб., 1894. С. 2).

точником гипотезы: «Положение о главенствующем значении духовной стороны в явлениях боя, можно считать рабочей гипотезой всей предстоящей работы»¹. В расширенном виде гипотеза выглядит так. Главенствующее значение духовной стороны в явлениях войны берется за исходную точку по следующим основаниям:

1. Значение духовных свойств бойца всегда высоко оценивалось полководцами всех времен и народов. Все они стремились повысить духовные силы бойцов. Суворовская «наука побеждать» вся состоит из приемов, нравственно укрепляющих войска.

2. Военная история подтверждает закон главенствующего значения духовного элемента.

3. Существует зависимость самого военного искусства от духовных свойств бойца.

Несмотря на это все исследования боя, за редкими исключениями, касаются только его внешней стороны. «Поэтому необходимо отправной точкой исследования боя сделать изучение его внутренней стороны, то есть центр тяжести переместить в изучение психологии человека как бойца»².

Акцент на исследовании духовной природы бойца Н. Н. Головин объясняет еще одним обстоятельством, – ее постоянством. «Этот неизменный боевой фактор составляет основы эмоциональной природы человека. Века не изменили основ эмоциональной природы человека. Его чувства, страсти, инстинкты, и между ними наиболее могущественный инстинкт самосохранения, свойственны человеку настоящего времени так же, как во времена самые древние. Чувства любви, страха, гнева, ненависти, радости, печали, стыда, остались неизменными спутниками жизни человека»³.

«Таким образом, перенесение центра тяжести исследования боевой деятельности человека в изучение его духовных свойств должно привести к открытию неизменных начал военного искусства»⁴.

---

¹ Головин Н. Н. Исследование боя. С. 34.

² Там же. С. 41.

³ Там же. С. 42.

⁴ Там же. С. 45.

Головин назвал «крупнейшей ошибкой теории военного искусства» то, что она слишком мало внимания уделяет исследованию духовных свойств бойца, изучению законов его деятельности в бою. А между тем эта неправильная исходная точка отражается непосредственно и на практике военного дела. Головин здесь ссылается на Г. Шарнхорста, прусского военачальника, реформатора военного дела в Пруссии в начале XIX в., который заявил: «Мы начали ценить искусство войны более, нежели военные доблести; это во все времена было гибелью народов»¹.

Раскрытием содержания «духовной стороны боя» и является книга Н. Н. Головина. Эта работа, содержащая в себе элементы психологии личности бойца, была опубликована вторично, спустя 3 десятка лет, в несколько скорректированном и расширенном виде².

В своих последующих сочинениях, которые тоже затрагивают тему «чистой военной науки», Головин, по существу, объявляет представления о «духовной стороне явлений боя» проявлением невежества. «С того дня 1914 г., когда грубое столкновение с действительностью разбило в дребезги мои «книжные» представления о поступках и чувствах солдата в бою, представление, созданное изучением «военной истории», которое я наивно до той поры считал научным, я понял, что ничего не знал о войне, мое невежество было полным, ибо оно касалось того, что было самым существенным, вечно истинным, неизменным во все войны – и это полное невежество неизбежно влекло крушение всех мыслей, которые из него проистекали»³. Состояние людей во время первой кавалерийской атаки своего полка и после нее Головин (командир этого полка) характеризует так:

«Мое первое отчетливое воспоминание относится к той минуте, когда я стоял окруженный группой офицеров и гусар. Меня

---

¹ Гольц К. Вооруженный народ. СПб., 1886. С. 16.

² Головин Н. Н. Наука о войне. О социологическом изучении войны. Париж. 1938.

³ Головин Н. Н. Исследование боя. С. 53–54.

сразу поразило, что они все сильно жестикулировали и кричали, но придя в себя, я заметил, что и сам я машу руками и криком силюсь что-то рассказать я взял себя в руки и пришел в себя.

Осмотревшись более внимательно, я увидел около себя ординарцев и взвод со штандартом. В лесу я заметил спины моих гусар, которые частью группами, частью в одиночку, уходили вглубь. Слышен был удаляющийся глухой шум, там и сям гулко прокатывались по лесу отдельные ружейные выстрелы. Полк вырвался из рук. Каждый гусар пережил то же что и я, и сейчас представлял собою пулю, выпущенную из ружья.

Человек, участвующий в бою, находится в патологическом состоянии и его поведение не есть поведение нормального человека, поэтому понять истинную сущность войны без применения психологического анализа невозможно»¹.

В общем, вопрос решается автором просто: военное искусство и военная наука должны учитывать как сильные, так и слабые стороны людей, состоящих в армии и отбираемых для военной службы. Такова «максима» военной науки, ее постоянный и незыблемый принцип.

Если традиционно в личности военного человека принято было выделять «ум и характер»² (Наполеон), «волевые и умовые качества» (М. И. Драгомиров), то Головин делает акцент на «эмоциях бойца».

---

¹ Головин Н. Н. Исследование боя. С. 103–104.

² Более точно передает мысль Наполеона Г. А. Леер: «Редко соединяются качества, необходимые полководцу. Всего желательнее было бы – что, впрочем, человека тотчас же и выделяет из массы, – чтобы у него ум или талант был в равновесии с характером или храбростью. Если храбрость берет верх в генерале, то он ошибочно решает на предприятия, превышающие его соображения, и, напротив, он не посмеет привести их в исполнение, если его характер или храбрость будут ниже его ума... Нет ничего труднее, зато нет и ничего важнее, как уметь решаться. Истинная мудрость полководца выражается в принятии энергического решения». (Леер Г. А. Опыт критико-исторического исследования законов искусства ведения войны (положительная стратегия). СПб., 1869. С. 6).

Эмоциональный мир война неоднороден. Первая его часть – инстинктивно-эмоциональная. «Инстинкт самосохранения составляет неперенный и существенный фактор внутреннего строения боя»¹.

Инстинкт самосохранения обуславливает эгоистическое поведение, выживание. Это поведение необходимо для боя, но оно имеет ограниченный индивидуальный смысл: человек стремится победить своего противника просто потому, что хочет остаться живым и воспользоваться результатами своей победы. Но когда этот инстинкт берет верх, все подчиняет себе, тогда уже не до победы, тогда страх, бегство, паника.

Нужна духовная сила, которая могла бы справиться с инстинктом самосохранения и теми негативными эмоциями, которые он порождает. Такую силу Головин усматривает во второй составляющей эмоционального мира война, которая образуется социальными (по происхождению) структурами. Боевая деятельность организованной воинской части управляется социальными чувствами, потому что воины связаны взаимными обязательствами, нормами взаимопомощи и взаимоответственности, а также потому, что победа – это коллективный результат. Это предполагает альтруистические боевые мотивы, готовность человека отказаться от собственного интереса во имя коллективных интересов. Коллективизм порождает также и такие мотивы, как соревнование и самолюбие. Но самое важное, полагает Головин, то, «какое огромное значение имеет для силы стремления бойца к победе его сочувствие политической, религиозной или экономической идее войны. Все решительные и победоносные войны имели в основе идею, которая была близка сердцу бойца. Основа победного стремления бойца лежит в сочувствии его идее войны»². Таким образом, проявляются в бою социально-психологические факторы. Один из этих факторов формируется непосредственно в боевых подразделениях. Второй – предполагает социальные процессы, охватывающие все общество или значительные его секторы.

---

¹ Головин Н. Н. Исследование боя. С. 51.

² Там же. С. 48–49.

Процесс образования «массового» бойца

В динамике боя, по мере роста его стихийности наступает момент, когда человек переходит в новое состояние и становится «индивидом толпы», приобретая все положительные и отрицательные качества «массового» бойца. Процессом этого превращения в принципе можно управлять. «Определение того момента, когда человек теряет рассудок и когда мотивы его деятельности окончательно переносятся в область бессознательности (чувства, инстинкта), составляет главную задачу науки, исследующей бой»¹. Н. Н. Головин иллюстрирует практическое управление этим процессом, обращаясь к боевым эпизодам недавних войн, в которых военачальники первоначально делают все, чтобы возможно долее задержать окончательное превращение бойца в «массового». Но, когда наступает решительная минута, они со словами: «Теперь пора, с Богом вперед», бросают массу на противника».

Процесс формирования «массового бойца» Головин делит на три этапа.

1. Переживание страха. Страх, как одна из самых сильных эмоций, проявляется хронологически первой. «Эмоция страха – следствие представления приближающегося зла. Характер ее составляют: особая форма страдания или несчастья, упадок активной энергии и исключительно сосредоточение в уме относящихся сюда идей. Если будем измерять страх прекращением удовольствия, то увидим, что он составляет один из самых страшных видов человеческого страдания. Страх является настолько мучительным чувством, что как каждый отдельный человек, так и люди вообще делают все от них зависящее, чтобы уклониться от опасности, упразднив, насколько возможно, борьбу». Это доказывается всей историей развития оружия: человек ухитряется убивать врага, избегая быть убитым. Он изощряется в изобретении ружей и пушек с возможно дальним боем для того, чтобы отдалить от себя борьбу»².

---

¹ Головин Н. Н. Исследование боя. С. 93.

² Там же. С. 53.

2. «Чувство страха вызывает уменьшение рассудочности». Мышление в значительной мере подавляется, одновременно с этим чувство страха вызывает невольное сосредоточение в уме идей, относящихся к предмету страха; получают силу произвольные сочетания идей и начинает действовать фантазия. Таким образом, уменьшается произвольная сознательность бойца в крайних формах страха, доходящая до полной потери рассудочности»¹.

3. Мотивационные процессы становятся более эмоциональными. «Мотивы деятельности человека в бою с увеличением опасности все больше и больше переносятся в область чувств и инстинктов». Внутренняя борьба, переживаемая бойцом, тоже переносится в область чувств. Борьба же со столь сильным инстинктом, как инстинкт самосохранения, может только очень сильное чувство. Понятно теперь, какое громадное значение для драмы, переживаемой бойцом, имеют те чувства, на которые может опереться победное стремление бойца.

По мере развёртывания процесса боевого «омассовления» человека обретаются все новые и новые свойства «массового бойца», или «индивида толпы». Значительно увеличенная эмоциональность уменьшенная рассудочность сопровождаются импульсивностью, раздражительностью, неспособностью обдумывать и отсутствием критики, преувеличенной чувствительностью и т. п. «...Психологический механизм перехода собрания людей в психологическую толпу заключается в понижении человеческих качеств индивида. На лестнице душевных явлений явления чувства занимают первую ступень; затем следуют умовые и, наконец, волевые явления. Эволюционируя в обратном порядке, мы начинаем с утраты воли, потом разума и, наконец, инстинктов, тем более проявляющихся, чем полнее потеря первых двух свойств. Индивид, душевные свойства которого сведены к свойствам чувства, является, очевидно, бессознательным, односторонним, впечатлительным, изменчивым, импульсивным, легковерным; всякие воззвания, образы, все достояние нашей чувственной жизни легко влияют на него»².

---

¹ Головин Н. Н. Исследование боя. С. 54.

² Там же. С. 120.

Проявлением социальной регрессии человека в боевой обстановке является также ослабление исторически приобретенной способности к отсрочиванию эмоциональных побуждений, следствием чего является повышенная импульсивность поведения – одно из свойств «массового бойца».

В конечном счете, массовому бойцу свойственны следующие качества увеличенной эмоциональности:

1. *Импульсивность и изменчивость*, то есть рабская покорность получаемым импульсам, причем боец «немедленно воплощает в действие полученные им возбуждения, он бежит вперед или назад, но непременно бежит. Импульсивность заставляет бойца стремиться немедленно воплотить полученные им возбуждения в действие; вследствие этого является скоротечность всяких действий бойца в период боя, когда законы массы главенствуют»¹.

2. *Преувеличение и односторонность чувств*, то есть каковы бы ни были чувства, «хорошие или дурные, они получают чрезвычайную силу»². Таким образом, наиболее свойственные всем людям чувства не просто суммируются, но, кроме того, в значительной степени увеличиваются в своем напряжении.

Это служит непосредственным доказательством того свойства индивида толпы, которое мы назвали преувеличением *чувств и односторонностью*³. Но, признавая это свойство «массового» бойца, мы должны признать и другое его следствие, а именно, что, если боец под влиянием массы способен на величайшую низость, трусость, то, с другой стороны, он способен также и к величайшему героизму, самоотвержению и к самым высоким добродетелям, причем массовый боец значительно более способен к ним, нежели одиночный.

3. «Необыкновенная *податливость внушению*; «массовый боец под влиянием внушения так же легко панически побежит, как и совершит какой-нибудь высший акт самоотвержения»⁴. Воспри-

---

¹ См.: Головин Н. Н. Исследование боя. С. 158.

² Там же. С. 126.

³ Там же. С. 138.

⁴ Там же. С. 143.

имчивость к внушению обуславливает объединение людей и способствует превращению собрания людей в толпу, подчиняющуюся закону духовного единства.

4. *Болезненное развитие воображения*, при котором не существует ничего невероятного. «Крайнее развитие воображения есть слабость массового человека, но также и в этом его страшная сила: действительная опасность может быть фактически очень велика, но, если она не будет действовать на его воображение, то «массовый» боец не обратит на нее внимания, и она в полном смысле слова не будет для него существовать»¹.

Психология индивидуального и социального патриотизма

«Патриотизм – это фундамент стремления бойца к победе: он является результатом огромной созидательной работы до поля сражения»². Но чувство патриотизма в бою подвергается испытанию, причем экзамен производится инстинктом самосохранения (чувством страха). Поэтому «оно будет иметь значение не само по себе, а только тогда, когда после очень медленной выработки спустится из подвижных сфер мысли в ту устойчивую и бессознательную область чувств, где вырабатываются главные мотивы наших поступков. Она составит тогда, некоторым образом, часть характера народа и будет влиять на инстинктивное поведение. Когда идеи подверглись этой медленной выработке, то сила их очень значительна, так как они уже переходят в область чувств. Вот в этом бессознательном и лежит главное и наиболее прочное основание победного стремления человека в бою.

Но для того, чтобы идея путем медленной выработки опустилась в область чувства, нужна работа многих поколений – работа целого народа, т. е. эта идея должна стать достоянием народного характера. Отсюда мы видим, что какая-нибудь идея войны, – религиозная, политическая, экономическая, – будет иметь силу только тогда, когда она национальна»³.

---

¹ Головин Н. Н. Исследование боя. С. 155.

² Там же. С. 94.

³ Там же. С. 94–95.

Стремление бойца победить находится в мирное время, если можно так выразиться, в потенциальном состоянии: подробно тому, как каменный уголь, развивающий при соединении с кислородом огромную энергию, до того, как огонь прикоснется к нему, хранит свою энергию в скрытом состоянии. Народ всей своей жизнью подготавливает победу в бою.

«Победное стремление бойца является нравственным капиталом, который скоплен всей предыдущей жизнью народа и вложен в душу каждого человека. Этот капитал собирается кропотливыми трудами многих поколений. Он получает свое непосредственное выражение в чувстве патриотизма народа вообще, в каждой же войне, в частности, в преданности идее этой войны, в бою же – в стремлении бойца победить противника. На основании сделанного исследования, мы считаем себя вправе утверждать, что народы с мало развитым чувством патриотизма при столкновении с нацией с сильно развитым обречены на поражение»¹.

Итог своего исследования Головин формулирует следующим образом:

«В настоящем труде *мы* усыновили, что бой кончается *отказом от него одной из сражающихся сторон, т. е. чисто психологическим актом*. Значит, духовное состояние бойца является единственной непосредственной причиной конца боя, и оно не может просто суммироваться с прочими факторами боя: оружие, численность, вид боя, качество управления, воспитание, общие социальные условия. Все эти факторы влияют на исход боя не непосредственно, а своим воздействием на дух бойца»².

Таким образом, духовные свойства бойца имеют для победы в бою значение *безусловное*. Значение же прочих факторов боя *условно*: оно всецело определяется духовными свойствами бойца. Исследование влияния на бой какого-либо фактора должно рассматриваться с точки зрения его воздействия на дух бойца.

«Наш заключительный вывод по изучению внутренней стороны боя должен весьма существенно отразиться при изучении ис-

---

¹ Головин Н. Н. Исследование боя. С. 92.

² Там же. С. 185–186.

куства ведения боя. Если духовные свойства бойца являются первопричиной победы в бою, то необходимы экономия духовных сил в подготовительный период боя и крайнее напряжение их в решительный период боя. Это правило, вытекающее из законов деятельности человека в бою, вместе с факторами, которые влияют на духовные силы, являются *основными принципами искусства ведения боя*¹.

Таким образом, решая задачу подведения закономерностей проявления духовных свойств человека в бою под «постоянные принципы военного искусства»², Н. Н. Головин в известной степени раскрывает эти свойства и их динамику в боевой обстановке. Проблему личности воина он решает с эмоциональной точки зрения, выделяя как биологические эмоции, включенные в инстинкт самосохранения, так и социальные, прежде всего, патриотизм.

2.7. Личностный проект переустройства русской армии Д. П. Парского

Дмитрий Павлович Парский (1866–1921) генерал-лейтенант (1915). Участник Русско-японской войны (1904–1905 гг.). В Первой мировой войне (1914–1918) командовал дивизией, корпусом и армией. В 1917 г. – командующий 12-й армией, затем 1-й армией; руководил обороной Ямбурга и Нарвы, командовал Северным фронтом Красной армии (6-я и 7-я армии). В 1919 г. назначен членом Особого совещания при Главкоме РККА.

В. С. Войтинский, помощник комиссара Северного фронта в своих воспоминаниях (20-е гг.) писал:

«Командующий 12-й армией генерал Парский, посреди поражений, в обстановке разложения армии, сохранял неизменную пламенную веру в русского солдата.

---

¹ Головин Н. Н. Исследование боя. С. 184.

² В современной военной психологии эта задача имеет вид учета психологических факторов в военном управлении. См.: Утлик Э. П. Учет психологических факторов в руководстве воинским подразделением. М. : ВПА, 1975.

– Русский солдат, – говорил он, – изумительный солдат, он боевую обстановку сметкой, чутьем схватывает лучше, чем любой генерал. Военачальник у солдата должен учиться. Я так и делал, когда ротой, а потом полком командовал.

Для Парского решающим фактором в войне была психология солдат и офицеров и прежде всего их взаимное доверие, и спайка. Одной из причин наших военных неудач он считал рознь между различными видами оружия, особенно пехотой и артиллерией, и

рекомендовал бороться с этим злом, устраивая общие батарейно-полковые праздники и гулянья для офицеров и солдат. Так же заботливо относился он к сплочению различных национальных элементов армии.

О военных талантах генерала Парского судить я не берусь, но в прошлом за ним были крупные заслуги, и в обстановке фронта он разбирался, как мне казалось, неплохо. Во всяком случае, это был человек с оригинальным, самостоятельным умом.

В спасительность репрессий он не верил:

– Русского человека, если он забрал себе что в голову, наказанием не испугаешь.

Но верил в здравый смысл и совесть солдата, и потому все настроения в армии считал явлением временным, преходящим¹.

Взгляды Д. П. Парского на личность воина изложены в следующих публикациях: «Воспоминания и мысли о последней войне. (1904–1905)» (СПб., 1906); «Причины наших неудач в войне с Японией» (СПб., 1906), «Что нужно нашей армии? Современное ее состояние и необходимые в ней реформы» (СПб., 1908); «Боевая подготовка нашего солдата. Современное ее положение, главные недочеты и тормозы, насущные нужды и необходимые изменения»

---

¹ *Войтинский В. С.* 1917-й. Год побед и поражений. М., 1999. С. 193–194.

(СПб., 1912); «Основной воинский устав Русской рабоче-крестьянской Красной армии» (М., 1920); «Воспоминания и мысли о жизни и службе в Ямбургском отряде Красной армии в марте-апреле 1918 г.» и др.

Выше процитированный В. С. Войтинский, автор первого отзыва о Д. П. Парском, метко оценил ключевые духовные ценности, которые генерал исследовал и защищал, как видно, не только в своих публикациях, но и практически, в управлении подчиненными ему войсками. Он старался «поднять личность и звание воина» и приблизить условия службы к природе человека и человеческих отношений.

Основные идеи Д. П. Парского сводятся к следующему. Главный морально-психологический фактор боевой силы войск – это духовное единство личного состава, строящееся на взаимном доверии между всеми категориями военнослужащих и поднимающееся в своем развитии до уровня воинского братства. Естественной производной этого фактора служит воинская дисциплина. Необходимым условием, обеспечивающим духовное единство личного состава, является «возвышение личности и звания воина»¹, что в свою очередь предполагает нравственное возрождение русской армии и всесторонние политические, экономические и военные реформы. «Главным оружием войны всегда был, есть и останется человек. Поэтому все, что связано с его духовным совершенствованием, должно быть поставлено на первый план при проведении военных реформ»².

Д. П. Парский не принимал официальные взгляды на моральные проблемы армии и казенное отношение к личности воина. Например, он считал, что на моральное самочувствие военнослужащих «негативное влияние оказывает наше одностороннее

---

¹ «Главнейшими в этом отношении надо считать: возбуждение доверия и установление связи начальника с подчиненными и, в особенности, офицера с солдатом; затем, все меры к поднятию личности и звания всякого военнослужащего вообще». (*Парский Д. П.* Что нужно нашей армии? Современное ее состояние и необходимые в ней реформы. С. 103).

² Там же. С. 305.

уставное определение воинской дисциплины, из-за чего в строевом обиходе последняя сводится к исполнению приказаний начальника, преимущественно без всяких рассуждений и соображения с обстановкой. Уставное определение дисциплины страдает односторонностью, оно говорит больше об обязанностях подчиненного, нежели начальника, почти ничего не говорит о воспитании и на первый план выдвигает систему взысканий. Большая часть проступков дисциплинарного характера приурочивается обыкновенно к личности начальника, к неисполнению его приказаний и в меньшей степени к нарушению требований закона вообще. Между тем первое и важнейшее в деле воспитания солдата, как и офицера, – привитие прочной дисциплины и чувства долга¹.

Парский многократно предлагал: «В уставах должна быть отменена незаконность грубого обращения начальника с подчиненными, особенно в служебных отношениях и, в частности, перед строем. Устав должен категорически установить, что такие проявления составляют тяжкий проступок начальника и указывают на его неумение управлять людьми посредством более действенных и гуманных средств»².

Д. П. Парский критически проанализировал духовное состояние русской армии и разработал проект военных и общегосударственных преобразований и свое понимание содержания «реформы 17 октября». Он испытывал определенный скептицизм относительно этих реформ, понимая их поверхностный характер. «Гораздо выше внешних реформ стоят основы духовного порядка – стремление к нравственному совершенствованию каждого человека и всего общества, что обуславливает собою внутреннюю работу в смысле преобразования нравственных идей»³.

Д. П. Парский утверждал, что государственный и военный строй России не соответствует ни нравственным категориям, ни соци-

---

¹ Парский Д. П. Что нужно нашей армии? С. 131–132.

² Там же. С. 105.

³ Парский Д. П. Что нужно нашей армии? С. 14–15.

ально-психологическим условиям первого десятилетия XX в. В наибольшей степени страдает от этого несоответствия личность. «В войсках повсеместно нарушаются нормы справедливости, распространяется грубость в отношениях между начальниками и подчиненными, укореняется бесправие последних. Военно-профессиональное развитие личности солдата и офицера тормозится несовершенной системой военного образования и боевой подготовки, порочной практикой служебного роста и продвижения. Военное устройство – это большая власть, бесконтрольность и безответственность правящих, безразличие к делу, протекции, государственные злоупотребления. Затруднен подбор представителей власти. Выбор лиц на высшие ответственные должности государственного значения делается, минуя широкие слои общества, почти исключительно из определенного круга высших классов бюрократии. В то время, как на различных поприщах частной жизни – ученой, литературной и других выдвигаются высокие таланты, наш официальный строй в редких только случаях являл людей крупного масштаба»¹.

Особенно возмущало Д. П. Парского обесценивание человека на военной службе. Он постоянно встречал его признаки: а) неуважение к военному человеку в обществе; б) отсутствие взаимного уважения в общении офицеров и солдат, в) недооценка военного таланта, г) пренебрежительное отношение к развитию офицеров и солдат. «Всюду и везде дорожат способными и добросовестными; посредственности не дадут большого хода, а негодного гонят вон. У нас до сих пор на первом плане везде и всюду стоят связи, знакомства, поощряется преимущественно безличность и угодливость; талант и способность пробивается только случайно, а такие качества, как идейность, твердость характера и убеждений, инициатива, настолько не поощряются, что обладатели их часто почитаются «неудобными» и беспокойными». У нас люди недюжинные обыкновенно выкидываются или затираются, а вверх к власти ползет

---

¹ *Парский Д. П.* Что нужно нашей армии? С. 5.

преимущественно знатное, ловкое или бесцветное и, в свою очередь, тянет за собой таких же»¹.

Моральное состояние армии отличает «неустойчивость основных нравственных понятий, условность правды и справедливости, имеет место полная неразборчивость в выборе средств осуществления целей, большое равнодушие к своей и чужой жизни»².

Власть в стране «недостаточно государственная, она не блюдет интересы страны в ее целом; правительство относится неодинаково ко всем классам; власти близки интересы не всего населения, а отдельных классов. Ей свойственно отсутствие гражданского мужества и необходимой твердости, стремление соблюсти только свой интерес и недостаточное сознание общего дела»³.

Этой военно-социальной практике и ее психологическим последствиям противостояла индивидуальная персонологическая концепция Д. П. Парского. К ее составляющим он постоянно обращался в своих публикациях. Более полное описание она получила в работе «Основной воинский устав Российской рабоче-крестьянской Красной армии», опубликованной уже в советское время (1920 г.) в виде проекта, который должен был обсуждаться военной общественностью, но не обсуждался и не был принят⁴.

Свой проект Д. П. Парский представил как «воинский кодекс нравственного и боевого значения, в котором изложены общие основы и принципы современного учения о бое и подготовке к нему (доктрина)»⁵.

По замыслу автора, устав должен был явиться средоточием принципов, формирующих нравственный облик и боевой дух воина, а также отношения между всеми военнослужащими. Предпо-

---

¹ *Парский Д. П.* Что нужно нашей армии? С. 6.

² Там же. С. 11.

³ Там же. С. 80.

⁴ См.: Циркуляр Всероссийского главного штаба № 6 (19 июня 1920 г.): «Заместитель председателя РВС Республики приказал напечатать проект для обсуждения».

⁵ *Парский Д. П.* Основной воинский устав Российской рабоче-крестьянской Красной армии. М., 1920. С. 5.

лагалось, что все принципиальные положения устава «отвечают свойствам и особенностям народа, отражая в себе главные его черты, и что это придаст армии большую моральную силу»¹.

Д. П. Парский считал недостатком военно-уставного дела то, что «все военно-нравственные основы распределены между внутренним и дисциплинарным, и, отчасти гарнизонным уставами. От такого раздробления важнейших понятий, во-первых, страдала их цельность, вследствие чего затруднялось усвоение сути дела, а во-вторых, некоторые из них, выделенные в отдельные руководства, приобретали иной смысл и значение. Так первостепенной важности понятие о дисциплине и толкование ее не были помещены во Внутреннем уставе, игравшем фактически роль основного, а были выделены в дисциплинарный устав, который трактовал почти исключительно о взысканиях. Это в связи с установившимися в армии взглядами на характер дисциплины повело к тому, что само понятие о ней как бы неразрывно связывалось с представлением о наказании, что, разумеется, было в корне неправильно. «Основной воинский устав» исправляет эту крупную ошибку прошлого»².

В «Уставе» к нравственным основам войск Д. П. Парский отнес комплекс ценностей: 1) верность народу и делу свободы, 2) дисциплину и чувство долга, 3) внутреннюю связь (товарищество). Ядром этого ценностного комплекса является верность народу и делу свободы, придающая воину, его поведению патристическую направленность.

Нравственный комплекс в целом обуславливает и придает социальную значимость воинским (боевым) качествам: храбрости (мужеству, смелости), решительности, настойчивости инициативе (почин, самостоятельность, самодеятельность).

Среди нравственно-боевых качеств Д. П. Парский выделяет дисциплину и функции, которые она выполняет. Дисциплина по своей природе близка чувству воинского долга, и связывает всех в единый живой организм, обеспечивает правильность его действий.

---

¹ Парский Д. П. Основной воинский устав... С. 6

² Там же. С. 10.

Именно дисциплина является средством согласования всех действий для достижения общей цели. По своему существу «дисциплина есть воспитание, ведение в духе сознательного выполнения воинского долга. Она прививает необходимые каждому воину понятия, правила и навыки»¹. Как видно, Д. П. Парский характеризует дисциплину с двух сторон: с одной стороны, дисциплина – это процесс воинского воспитания, в который включена и дисциплинарная власть командира, процесс формирования понятий о законе, приказе и выработки соответствующих навыков. С другой стороны, речь идет о функциях, которые выполняет уже сформированная дисциплина, ставшая качеством воина и воинского подразделения.

Памятная доска Д. П. Парскому
в Костроме

но вызывают в каждом чувство страха и самосохранения. Как бы ни был одушевлен воин и проникнут дисциплиной и чувством

Как и все в воспитании, «основы дисциплины покоятся на доверии и уважении к власти, закону и начальнику, на действительном их авторитете в войсках. Нет доверия – не может быть и самой дисциплины: недостаток доверия подрывает ее»².

Чрезвычайно высоко ценил Д. П. Парский фактор «внутренней связи» военнослужащих и подразделений. Причина такого отношения следующая. «Выполнение воинских обязанностей требует самоотречения и во многих случаях является подвигом. Однако к нему способен не каждый. Кроме того, жуткая обстановка боя и возможность смерти естественно

¹ Парский Д. П. Основной воинский устав... С. 31–32.

² Там же. С. 32.

долга, одних их еще недостаточно, чтобы вести его на подвиг. Надо дать ему такую нравственную опору, которая надежно укрепит его в грозную минуту боевого испытания. Такою опорой является глубокая внутренняя связь товарищей между собою, доведенная до степени воинского братства, каковым и должна быть военная служба по существу. Там, где рядом страдают и умирают за великое дело любви и народной свободы, должны и жить по-товарищески, по-братски в полном смысле этих слов. Там будет на лицо и крепкий дух, как естественный результат взаимного понимания, доверия и дружбы. Такое братство, проникнутое революционным духом и окрещенное сознанием долга, заключает в себе огромную нравственную упругость и несокрушимую ничем силу. Оно приносит душевную отраду и вызывает чувства сердечной теплоты. Когда все воедино, все друг за друга, легче переживается горе, дружнее общая радость, не страшна и сама смерть. Внутренняя связь, подобно дисциплине, должна быть общая и взаимная – между начальниками и подчиненными, между товарищами, в частях войск, между частями и родами оружия.

Боевая обстановка усиливает внутреннюю связь и способствует образованию боевого братства. Перед лицом врага дело каждого становится общим, исчезает рознь и обычная житейская мелочь, чувство опасности невольно сближает и роднит. Внутренняя связь проявляется в повышении сознания, взаимного понимания и доверия, в сплоченности и товариществе, в дружности всех усилий, в простоте и легкости их осуществления. В частности, в бою она сказывается во взаимной поддержке и выручке»¹.

Более того, оценивая дисциплину и товарищество через призму восприятия этих ценностей солдатами, Д. П. Парский объединяет их: «Дисциплина и связь в русском воинском понимании – одно и то же»².

В публикациях Д. П. Парского мы находим его истолкование каждого из важнейших боевых качеств воина.

---

¹ *Парский Д. П. Основной воинский устав... С. 34–35.*

² Там же. С. 100.

«Храбрость есть отсутствие боязни, страха перед опасностью и даже смертью; она заключается в готовности пожертвовать собой, не задумываясь во имя поставленной цели. Никто не родится храбрым. Редкий обладает этим качеством всегда и в одинаковой степени; минуты душевной слабости случаются со всяким. Храбрость достигается преимущественно развитием воли; выработка умения и привычки держать себя в руках имеет в этом отношении большое значение.

Инициатива есть способность принимать на свой страх самостоятельные решения в зависимости от склада боевой обстановки. Инициатива ни в коем случае не должна принимать характер умышленного неповиновения.

Товарищество – близкое соединение людей на почве землячества, общего дела, сходства в натурах, взаимной симпатии и пр. Правильное развитие товарищества покоится на взаимном понимании, уважении и доверии. Дружба – высшая степень товарищеской близости. Хорошие взаимные отношения между всеми военнослужащими ярко сказываются на дружности и легкости общего труда и сильно повышают его результативность. Тогда часть действительно становится для всех родной семьей; сознание принадлежности к ней укрепляется в каждом, а начальник является всегда желанным среди своих подчиненных. Наоборот, отсутствие их делает службу тяжелой и неприятной для всех, что невольно, но неизбежно отражается на успехе дела.

Воинский дух – понятие, характеризующее душевное состояние войск и отдельного воина. Уровень его обуславливается, главным образом степенью развития нравственных основ и главнейших качеств в их совокупности»¹.

Важным разделом нравственного-личностного проекта Парского явились идеи о переустройстве всей службы и жизни солдат. Д. П. Парский был убежден, что «существующий строевой режим является безусловно гнетущим и удушливым в смысле выработки и воспитания инициативы и самостоятельности; произвол, грубость обращения, излишество словесной муштры, влекущие за собой

---

¹ Парский Д. П. Основной воинский устав... С. 37–38.

какое-то одеревенение солдата и приниженность его личности и звания, – создавали обстановку, в которой не могут культивироваться эти качества¹.

Духовное возрождение армии должно выразиться в «установлении во всем законности и справедливости, в удалении из армии «грубости обращения, злоупотребления, произвол; культивирование в армии чувств братства и товарищества, взаимопомощи и поддержки»².

«На первом месте следует поставить реформы нравственного, духовного порядка и все то, что с ними связано, а именно: установление возможной во всем справедливости, гуманности и законности; уничтожение произвола, поднятие личности и ограждение прав каждого военнослужащего и, в особенности, младшего состава армии; воспитание офицера и солдата, развитие в них чувств благородства, укрепление дисциплины, понятия о служебном долге, а также патриотизма, национального сознания и воинского духа; установление большей связи и товарищества между чинами армии и устранение всего того, что ведет к розни и обособлению вообще, а в особенности между офицером и солдатом»³.

Таким образом, Д. П. Парским было сформулировано и предложено много разнообразных идей об изменении положения военнослужащих с тем, чтобы они могли развивать свои способности, формировать свои боевые качества. К сожалению, далеко не все идеи получили надлежащую разработку: помешала война и преждевременная смерть в 55 лет (тиф) в то время, когда должность позволяла сосредоточиться целиком на морально-психологических проблемах армии.

---

¹ Парский Д. П. Что нужно нашей армии. С. 145.

² Там же. С. 306.

³ Там же. С. 311.

2.8. Е. М. Герасимов:

ВЗГЛЯД НА ЛИЧНОСТЬ ВОИНА СО СТОРОНЫ ДОБРОВОЛЬЧЕСКОЙ АРМИИ

Евгений Михайлович Герасимов (1873–1949), генерал-майор генерального штаба русской армии. После окончания академии генерального штаба прикомандирован к Новочеркасскому казачьему юнкерскому училищу для преподавания военных наук (1905–1909). Воевал на фронтах Первой мировой войны в качестве командира полка, начальника штаба бригады и дивизии, генерал-квартирмейстера Кавказской армии. В мае 1918 г. вступил в ряды Донской армии атамана генерала Краснова. До конца 1918 г.

служил преподавателем военных наук в том же Новочеркасском училище, где он преподавал десять лет назад.

В конце 1918 г. генерал Герасимов был послан вместе с генералом Свечиным в Париж в качестве делегата от Донского войска на мирную конференцию. Остался во Франции, так как не признал подчинения Донской армии главнокомандующему Вооруженными Силами Юга России. С 1919 г. в отставке.

Известны две публикации Е. М. Герасимова, имеющие прямое отношение к военной персонологии. Первая – «К столетию со дня рождения Я. П. Бакланова» (1909)¹; вторая – солидное учебное пособие² для учащихся Новочеркасского военного училища Всеволодского Войска Донского, изданное в 1918 г. Публикация 1909 г. –

---

¹ Герасимов Е. М. К столетию со дня рождения Я. П. Бакланова // Баклановский сборник 1809–1909. № 9. Новочеркасск. 1909. С. 1–57.

² Опыт военной психологии: руководство для военного училища и офицерской школы. Новочеркасск, 1918. (Сноски на эту книгу в данном разделе обозначаются номерами страниц в круглых скобках).

это монографическое описание становления личности генерал-лейтенанта Я. П. Бакланова, героя Донского войска, в котором сформулированы многие персонологические идеи, которые получили всестороннее раскрытие во второй публикации (1918 г.).

«Опыт военной психологии» представляет собой дидактически обработанное изложение оригинального учения о духовной природе бойца, которая рассматривается как ядро его личности. Книга очень содержательная, может служить образцом военно-психологического труда. В частности, в ней найдена разумная пропорция между общепсихологическими и военно-психологическими компонентами.

По содержанию и по стилю книга Е. М. Герасимова могла бы составить достойную конкуренцию появившейся два десятилетия спустя публикации военного священника Н. Коупленда «Психология и солдат»¹.

Е. М. Герасимов создал простую и изящную структуру своего пособия, основу которой составили три раздела: 1) психология одиночного бойца (отрицательные и положительные свойства бойца); 2) психология массового бойца; его отрицательные и положительные свойства); 3) психология влияния на одиночного и массового бойца в мирное время и в боевой обстановке. В каждом разделе содержатся краткие сведения из общей и социальной психологии «применительно к военному делу».

Основные идеи автора таковы.

1. Первостепенная задача военной психологии – введение в военную науку психологические явления, обуславливающие те самые наполеоновские $\frac{3}{4}$ боевых сил войск. На простом языке это означает, что войну ведут люди и только люди; техника, организация и военное искусство в широком смысле слова, увеличивают или уменьшают силы людей, позволяют полнее раскрыться их военным способностям или препятствуют этому раскрытию.

---

¹ Коупленд Н. Психология и солдат. М., 1960. В США (Пенсильвания) эта книга вышла четвертым изданием в 1942 г.

2. Победное стремление воина (подразделения) – ключевая характеристика «нравственного элемента» и, соответственно, предмет военной психологии.

3. Эффективным военачальником может быть только психолог.

I

Важнейшим предназначением военной психологии является включение человеческих качеств в число оперативно-тактических факторов. При этом нужно иметь в виду как сильные (положительные), так и слабые – отрицательные качества. Очень современно звучит мысль автора об оценке качеств: нет однозначно положительных и однозначно отрицательных качеств воина. «Все те свойства бойца, которые были исследованы выше, как отрицательные и ведущие к отрицательным последствиям, при известных условиях обстановки, при известном характере возбудителя, могут послужить могучим источником к положительной деятельности бойца, могут сыграть роль положительных свойств» (С. 80–81). Здесь многое зависит от управления командира, от того, является ли он психологом, и от так называемых «второстепенных» данных обстановки, к которым относятся:

1) неизвестность и неопределенность обстановки, которая внушает постоянную тревогу и производит повышенную нервозность, а у начальника создает боязнь ответственности и нерешительность;

2) оторванность от родного очага и родной семьи, что причиняет значительную тоску и боязнь за благополучие близких людей;

3) наконец, особенно важная данная, – постоянные лишения и невзгоды, которым подвергается боец на войне: тяжелый труд и сильное физическое утомление, бессонные ночи, недостаточная пища и плохая одежда, атмосферические влияния, грязь и болезни (С. 11–12).

Оценивая военное искусство и его теорию, Е. М. Герасимов приходит к выводу о том, что мало внимания обращается на переживания человека на поле боя. Военные специалисты полагают, будто человек на войне должен быть героем или, в худшем случае,

воспроизводить требования военной техники и оперативно-тактические нормативы: каковы нормативы, таковы и действия. И в тактике, и в стратегии считается по умолчанию, что войска заведомо обладают теми качествами, которые от них требуются.

Герасимов конкретизирует понятие «нравственного элемента», которым пользуются авторы военных работ. Для него «нравственный элемент» – это боевые качества всех воинов, независимо от их должностей и званий¹, сцементированные в их победном стремлении.

Под «нравственным элементом» понимается духовная сила, решимость победить, хотя, бы ценою личной гибели. Высокий «нравственный элемент» войск выражается в их победном стремлении.

Предпринимая усилия для того, чтобы внедрить военную психологию в систему военного образования, соединить ее с изучением тактики и военного искусства в целом, Герасимов пишет, обращаясь непосредственно к своим молодым слушателям: «Но надо помнить, что психология лишь указывает пути и средства; а чтобы достигнуть цели, нужна громадная работа прежде всего над самим собой, над собственной душой, а потом уже над душами, вам порученными. Труд тяжелый, истинно подвижнический, но зато как велики будут и результаты его. Овладев сердцами подчиненных, добившись безусловного влияния на их души, вы и в бою сумеете увлечь их за собою для совершения высоких и бессмертных подвигов» (С. 143).

Таким образом, военная психология – это особая отрасль военной науки. Она должна: выяснить проявления души бойца – одиночного и массового в боевой обстановке; установить законы, на основании которых совершается духовная работа его; наметить

---

¹ В русской военной литературе нравственный элемент представлялся как то, что находится «в руках начальника». Это видно уже по названиям книг и статей: «Нравственный элемент в руках Суворова» (С. Гершельман), «Нравственный дух солдата в руках начальника» (М. В. Зенченко) и др. На самом деле, «нравственный элемент» – это прежде всего «нравственный элемент» начальника.

цели и способы духовного воздействия на бойца как на одиночного, так и на массового.

«В бою действуют люди со свойственными их натуре слабостями. Чтобы использовать все силы человека, надо знать его свойства, как бойца, и положительные, и, особенно, отрицательные. Нечего закрывать глаза на существующее». Все военачальники, которым сопутствовала победа, отлично знали слабые стороны бойца, и многие из них были не очень высокого мнения о храбрости обыкновенного человека. Нужно, чтобы наука смелой и беспристрастной рукой сбросила покров со всех явлений боя, чтобы она показала нам бойца со всеми его слабыми, низкими сторонами его природы» (С. 28).

II

В комплексе боевых качеств, который за пределами военной психологии именуется «нравственным элементом» (более современно – «моральным», «морально-психологическим фактором») Герасимов выделил ключевое звено, назвав его «решимостью победить» или «победным стремлением». Без преувеличения можно сказать, что это основное понятие его книги. «В нашем деле внимание должно быть направлено прежде всего на достижение победы. Воля есть желание победы. Для успешного боя победное стремление бойца должно господствовать в его душе» (С. 20).

«Победное стремление характеризуется, главным образом, 3 данными:

1) чувством мощи, уверенностью в своих силах и в невозможности противнику противостоять нам;

2) самообладанием и спокойствием в трудные минуты, особенно при неожиданностях;

3) воодушевлением, заставляющим идти на смерть вопреки чувству самосохранения» (С. 127).

Как видно, победное стремление – это не «чистая мотивация». Это, прежде всего, те мотивы, которые способствуют сохранению рассудочности, произвольного внимания и волевой энергии, и сдерживают чрезмерное, болезненное воображение. Далее, это чувства, которые «составляют антитезу страху» и которые и рождают бое-

вое воодушевление и, в конечном счете, победное стремление. Следовательно, речь идет о психологической устойчивости, «упругости» воина, его способности выполнять боевую задачу в обстановке смертельной опасности.

«Формированию победного стремления предшествует «идея победить», которая является следствием гигантской созидательной работы всего народа. Война и, в частности, бой всегда преследует коллективные интересы. Одержание победы в бою требует готовности человека пожертвовать собой, то есть отказаться от собственного интереса во имя интересов общих. Понятно, что стремление бойца к победе должно основываться на мотивах альтруистического характера» (С. 43).

Есть два вида альтруистических мотивов. Первый вид – мотивы, порождаемые непосредственно коллективным боевым поведением подразделения (части). Это совместная деятельность, построенная на непосредственном взаимодействии. «Сам погибай, товарища выручай» – это девиз, прежде всего, такой боевой мотивации.

Альтруистические мотивы второго вида относятся уже не к отдельно взятому бою, а к войне в целом. «Военная история показывает, какое огромное значение имеет для силы стремления бойца к победе его сочувствие идее войны – политической, религиозной или экономической. Все решительные и победоносные войны имели в основе идею, близкую сердцу каждого бойца, были идейными. В современную эпоху, когда армии представляют не что иное, как вооруженные народы, значение социальных стимулов еще более увеличилось.

Идея войны – основа победного стремления бойца будет иметь значение тогда, когда после очень медленной выработки она спустилась из изменчивой сферы мысли в устойчивую и бессознательную область чувства, где вырабатываются главные мотивы наших поступков. Тогда она составит часть характера народа и будет влиять на инстинктивное поведение. Вот в этом бессознательном и лежит главное и наиболее прочное основание победного стремления бойца.

Проще говоря, идея войны имеет достаточную силу, если она основывается на чувстве патриотизма. Чувство патриотизма является одним из сильнейших стимулов победного стремления, парализующим в значительной степени инстинкт самосохранения и чувство страха.

Но чтобы идея войны перешла в область чувства, нужна работа многих поколений, работа целого народа, – эта идея должна стать достоянием народного характера. Еще раз: идея войны будет иметь силу только тогда, когда она национальна».

«Непосредственно боевым основанием, на которое опирается победное стремление бойца, является мужество, как антитеза страха. Мужество тоже обуславливается социальными факторами. Следовательно, и в этом отношении победа подготавливается народом еще задолго до битвы.

Мужество является продолжительным и очень сложным духовным состоянием. В него входят: энергия, самообладание, настойчивость, храбрость и чувство мощи. Главной составной частью его служит чувство мощи.

Чувство мощи для человека имеет весьма большое значение, всюду возбуждая и повышая его умственную деятельность и волевою энергию, помогая человеку в борьбе с чувством страха.

Чувство страха является началом, разлагающим энергию, а поэтому поселяет нерешительность, неуверенность; чувство мощи, силы неразрывно связано с энергией, с уверенностью в своей силе, с уверенностью в успехе.

Эта могучая вера в свои силы создается еще задолго до поля сражения, еще в мирное время путем долгого воспитания народа. Чувство мощи может составлять черту народного характера. Воспитание войск в духе патриотизма, так называемые традиции также прививают бойцу это чувство мощи еще в мирное время.

Вера в своего полководца, в его непобедимость создает в войсках веру в свою мощь. Эта же вера создается путем отличной всесторонней боевой подготовки, полного развития бойца в физическом отношении, отличного обучения его военному делу, когда у него выработана уверенность в себе, а также всестороннего снабжения всеми средствами техники, всеми запасами в полной

мере. Широко развитая техника в области ли поражения неприятеля, разведки или связи, прививает войскам идею их могущества, их силы и дает им уверенность в непобедимости» (С. 48–49).

«В каждом бою победное стремление формируется в трудной внутренней борьбе с другими – негативными стремлениями. Стремление победить – это антитеза стремления уклониться от опасности. Прежде всего, негативные стремления имеют произвольное происхождение. Это какое-либо чувственное впечатление, очень сильное, большое и внезапное. Очевидно, в борьбе стремлений надо выдвинуть на первый план все произвольные, волевые мотивы. Борьба бойца с отрицательными впечатлениями и будет заключаться в том, чтобы внутренним усилием удержать в своем сознании господство идеи победить противника, то есть боец силой воли должен стараться, сохраняя рассудочность, направить свое внимание вопреки отрицательным впечатлениям.

Только твердая воля заглушает инстинкт самосохранения и тяжелые впечатления боя; только твердая воля дает возможность преодолевать утомление, голод и другие невзгоды, только твердая воля представляет надежные средства подчинить себе людей в полной мере и вести их даже на верную гибель» (С. 31–32). «Есть только два средства побороть чувство страха перед смертью: 1) примириться с ее неизбежностью, и 2) постараться не думать о смерти, для чего опереться на произвольное внимание, обратив его все на какой-либо иной объект» (С. 36).

«Чтобы уменьшить чувство страха перед ранением, нужно выработать привычное убеждение: «нестерпимой» боли не существует. В момент ранения боец чувствует только небольшой укол, иногда сильный толчок; не сознавая даже, что он ранен, может еще некоторое время действовать. Имеет большое успокаивающее значение уверенность бойца в том, что в случае ранения его не бросят на произвол судьбы, что он будет непременно подобран своими и отправлен в тыл для лечения. Начальник, понимающий психологию бойца, не преминет уверить свой отряд, что раненые ни в коем случае брошены не будут, и примет все меры к подбору раненых. Значительное успокоение вносит твердое сознание, что всякий раненый своевременно получит медицинскую помощь, что

тыл в этом отношении правильно оборудован, и что там имеется достаточные медицинские средства.

Необходимо также убеждение в благополучии семьи, твердые гарантии государства о предоставлении ей пенсии.

Бороться с инстинктом самосохранения может только очень сильное чувство. Есть два средства побороть чувство страха перед смертью: примириться с неизбежностью смерти, верить, что ее, собственно, нет; постараться не думать о смерти, для чего опереться на произвольное внимание, обратив его целиком на какой-либо иной объект. Например, герой японской войны генерал Ренненкампф, попадая в передовые цепи, всегда проявлял кипучую деятельность, так как боялся за крепость своих нервов» (С. 36–37).

III

Военачальники всех рангов только тогда соответствуют своему призванию, когда они являются психологами. Личность командира-психолога раскрывается Герасимовым очень детально и всесторонне. «Главное в личности начальника-психолога – способность вести подчиненных, поддерживать и направлять их победное стремление, внушать, действовать на их воображение и, создавая чувство мощи, возбуждать стремление к победе. Задача полководца-психолога состоит в том, чтобы убедить войска, что победа – в их руках и зависит только от них.

Чтобы внушить такую уверенность, надо самому быть уверенным в победе и в мощи войск. Эта уверенность в победе передается войскам манерами, поступками, словами командира. Стоит вспомнить приказы Скобелева: «имеет быть взятым», или Суворова – «неприятельскую армию взять в полон»!

Военачальник-психолог в совершенстве владеть тактикой и, главное, знать психологию тактических приемов и способов организации боевых действий. Ему необходимо учитывать психологические свойства родов войск: пехоте присущи стойкость и упорство, артиллерии и техническим войскам – разрушительная сила и моральное воздействие, благоприятное для своих войск и угнетающее для противника» (С. 128).

«Далее, надо учитывать психологию разных видов боевой длительности войск. В моральном отношении наступление неизмеримо выше обороны: уже в самом наступлении кроется сознание своей силы, вера в свою мощь, в свои успехи. Вот почему все знаменитые полководцы предпочитали наступление. «Ничего, кроме наступательного», говорил Суворов, а оборону называл «подлой». Надо учитывать психологическое значение своей инициативы и первого успеха, создающих моральный подъем наших войск и веру в свои силы.

Надо учитывать психологию отхода, отступления и связанного с ним упадка духа, и целесообразными мерами поддержать падающий дух: поддержание дисциплины и плановости отхода, свежие арьергарды, дающие уверенность в благополучии операции, своевременное очищение тыла и удаление обозов, принятие всех мер, чтобы задержать противника и предотвратить превращение планомерного отступления в беспорядочное бегство» (С. 128–129).

Для показа того, что отступление является искусством, которое не только спасительно для своих, но и ошеломляюще для противника, Герасимов обращается к творческим боевым решениям Я. П. Бакланова.

«В одном из боевых эпизодов Кавказской войны перед позицией отряда Бакланова близко проходил дремучий лес, наполненный горцами, а сзади обрывистые кручи. При первом шаге назад горцы должны были обрушиться на нас и задавить наш слабый отряд. Понимая опасность, Бакланов собрал ротных командиров и предупредил их, что, по команде «налево кругом» все люди должны сами возможно скорее бежать назад на переправу, не заботясь ни о каком порядке.

По команде Бакланова артиллерия карьером перенеслась через реку и, снявшись на том берегу с передков, зарядила орудия картечью. Тогда Бакланов командовал: «все налево кругом!» Пехота, прекратив огонь, бросилась со всех ног назад на переправу. Сообразив, в чем дело, горцы бросились догонять бегущих, но в этот момент наши орудия с того берега грянули залпом, и картечью разом обдало неприятеля. Противник, понеся громадные потери, отступил.

Так уже тогда был решен Баклановым вопрос о возможности отступления пехоты бегом, вопрос, окончательно выясненный только в нынешнюю русско-японскую войну. «Если бы отступал по уставу, говорил Бакланов, горцы задавили бы меня, и я не перевел бы и половину отряда, а так я спас всех. Надо было рискнуть на такой способ». Так Бакланов менял формы тактики в зависимости от обстоятельств, что было проявлением его личного творчества и глубокого понимания психологии военного дела»¹.

Таким образом, «чтобы иметь возможность влиять на солдат, начальнику надо:

- быть вполне достойным своего назначения, как в смысле «нравственного элемента», так и в смысле знания дела; достигается это путем соответствующей подготовки главным образом, путем самообразования;

- знать приемы влияния и уметь ими пользоваться: достигается это путем изучения психологии, военной истории и, главным образом, путем практики;

- добиться любви и уважения подчиненных и боевой веры в себя; это достигается: постоянной сердечной заботливостью о солдатах, справедливостью при достаточной строгости и требовательности в служебных делах;

- быть примером, надо быть первым солдатом.

Боевая вера в начальника достигается: безупречной, разумной личной храбростью и умением водить солдат к победам.

Выполнение этих требований зависит от обстановки и личного качества начальника» (С. 139).

«Начальник, оставаясь все время в роли начальника, должен быть: в мирное время воспитателем и учителем солдат; в военное – бойцом и вождем массы.

Единственным учителем и воспитателем бойца в мирное время является его начальник – офицер. Этим определяется великая социальная роль офицера, его решительное влияние на состояние армии и жизнь всего народа. Очевидно, чтобы быть хорошим воспитателем солдат в мирное время и бойцом в военное, начальник

---

¹ Герасимов Е. М. К столетию со дня рождения Я. П. Бакланова. С. 38.

прежде всего должен быть убежденным, идейным человеком, военным по призванию, по духовному влечению, он должен быть сам воспитанным человеком в военном смысле, должен в высокой степени обладать теми нравственными качествами, которые он хочет воспитать в солдатах, должен в совершенстве сам знать то, чему хочет обучать солдат, т. е. сам должен иметь прочное воспитание и достаточно высокое образование.

Только таким путем он приобретет уважение и авторитет в глазах подчиненных.

Кроме соответствующего умственного развития, от начальника требуется: твердость, находчивость, сила характера, самообладание, т. е. те качества, которые характеризуют силу воли» (С. 112–113).

Командир-психолог экономит духовные силы бойца к решительной минуте, ограждая войска от впечатления опасности путем уменьшения самой опасности, например сооружения и использования укрытий, а также исключением неожиданностей, что определяется его тактическим и стратегическим искусством. В определенных ситуациях можно сохранить мужество, если занять внимание бойца какой-либо деятельностью. Когда Суворов в Северной Италии приказал своим солдатам выучить двенадцать французских слов, написанных по-русски, то этим он прежде всего старался занять людей, отвлечь их внимание от тягостных переживаний перед боем.

«Военачальнику необходимо беречь и свои нравственные силы для более важного. Генерал Куропаткин, командующий русскими войсками в Русско-японской войне не следовал этому правилу. Он целый день объезжал поле сражения, подолгу останавливался и мучительно всматривался в погибших. А вечером окружающие видели его у его шатра, упорно сидящим на стуле в глубокий задумчивости, и никакая дела не могли отвлечь его внимание.

Результат был еще глубже: под впечатлением виденного на другой день он отменил успешно развивавшееся наступление. Армия осталась на месте и не пошла на выручку Порт-Артура, а в декабре пал Порт-Артур» (С. 42–43).

Теперь всякий начальник, достоин этого звания, должен быть, прежде всего психологом. Чтобы сделаться настоящим начальником, истинным руководителем масс, необходимо уметь влиять на духовную сторону бойцов, чтобы развить и использовать их положительные качества и ослабить отрицательные. В мирное время это достигается путем нравственного воспитания бойцов, а в военное – путем особых психологических приемов. Если до боя полководец может влиять на бойца, обращаясь к его разуму, то в самом бою, когда рассудочность бойца уменьшается под влиянием опасности, должен обращаться непосредственно к чувствам бойца (С. 5).

Таковы взгляды Е. М. Герасимова на личность воина и на способы формирования его боевых качеств. Именно этому он учил слушателей Новочеркасского военного училища Всевеликого Войска Донского.

2.9. Ф. Е. Огородников: теория личного достоинства воина

Ф. Е. Огородников¹ был одним из тех, кого в годы Гражданской войны в России и после нее беспокоила проблема утраты личности воина новой революционной армии, в которой очень скоро идеология заменила реальность: провозглашаемые ценности принимались за существующие, и это затрудняло понимание того, какова действительность на самом деле.

---

¹ Генерал-лейтенант русской армии, командующий Юго-Западным фронтом в период 29.08.1917 – 9.09.1917 г., военный руководитель Беломорского военного округа в Красной армии, представитель четырехсотлетнего рода Огородниковых из Хлынова (Вятки). В некрологе, опубликованном в Военно-историческом журнале (1939. № 1), сказано: «Ф. Е. Огородников принадлежал к числу тех немногих честных старых военных специалистов, которые с первого дня Октябрьской революции твердо и решительно стали на сторону народа и прошли вместе с народом весь трудный путь гражданской войны. Бывший генерал-лейтенант, Ф. Е. Огородников в 1917 г. был выборным командиром корпуса, а после Октябрьской революции первым главнокомандующим Юго-Западным фронтом, утвержденным Советом народных комиссаров. Затем он работал на различных должностях в крупных штабах Красной армии».

Когда Огородников задался вопросом о свойствах бойца, он обнаружил, что «к сожалению, по этому вопросу нет никаких статистических отчетов, на которые можно было бы опереться. Поэтому пришлось начинать с нуля: «существуют ли вообще такие свойства и признаки, которые можно было бы считать общими для всей красноармейской массы?»¹.

В сложившихся условиях Огородников предпринял эмпирическое изучение личности красноармейца, используя (одним из первых), в частности, анкетный опрос, к которому привлек более 70 человек из командного и политического состава армии. Он поставил вопросы, которые «имели целью выяснить отношение красноармейской массы к важнейшим психологическим основам армии», в том числе «Каков в настоящее время красноармеец и каким он может быть? Что побуждало красноармейца идти вперед, навстречу опасности? Что среди этих побуждений преобладало?»².

Это исследование было направлено на «выяснение отношения красноармейской массы к важнейшим психологическим основам армии. Автор исходил из гипотезы: армия имеет три главнейшие моральные основы: единую идею (или единое чувство), дисциплину и товарищество»³.

На основе полученных эмпирических данных, собственных наблюдений и теоретических размышлений Огородников предста-

---

¹ Огородников Ф. Красноармеец в отзывах комсостава : военно-психологический очерк // Военно-научный журнал. Изд. Упр. ВУЗ Западного фронта. 1921. Сб. 8. С. 130–131.

² Там же. С. 132.

³ Там же. С. 151.

вил в своих работах психологический портрет воина, каким он был в эпоху формирования революционной армии, в тяжелые переходные времена, времена неустойчивости и неопределенности.

Основной вывод, к которому пришел Ф. Е. Огородников, это непрофессионализм воина периода Гражданской войны. По существу, красноармеец являлся носителем духа милиционной армии. Он действовал или по настроению, или по необходимости, как он ее понимал. Это был человек массы. «Успехи Красной Армии объяснялись, конечно, не превосходством подготовки, но превосходством числа и духа. Красная Армия была обязана своим успехам в течение двухлетней войны массовому революционному подъему духа, который должен оставаться основным мотивом ее духовной деятельности и подготовки»¹. Все зависело от общего подъема или упадка духа в армии, иными словами, от возбуждения или ослабления «массового героизма». Это значило, что красноармеец действовал на основе революционного порыва, импульсивно. Импульсивность и возбудимость доходили, с одной стороны, до энтузиазма, с другой – до паники.

«Неоднократно имел место смелый порыв, стихийный захват, не знавшие перед собой никаких препятствий. Были не редки случаи, когда бросались на верную смерть с уверенностью свершить что-то необыкновенное, людей побуждало чувство быть первыми не ради наград. Этот порыв, усилившись под действием ярких и быстрых успехов, как бы опьянял людей до такой степени, что они вырывались из рук командования в своем стихийном стремлении вперед. Однако, даже в этот период подъем духа и энергия сказывались именно в наступлении к конечному пункту действий. Всякое иное применение этой энергии, например, для стойкого удержания противника, загородив ему дорогу на тех же путях, уже не вызывало такого подъема духа»².

---

¹ Огородников Ф. Е. Методика подготовки Красной Армии. Ред.-издат. отдел РВС Запад. фронта. 1921. С. 5.

² Там же. С. 12–13.

За неудачами быстро наступил перелом настроения. Люди потеряли веру в себя и в успех дела. Явилось тревожное ожидание чего-то непонятного, грозного, которое усиливалось утратой инициативы и отступлением под дерзким натиском противника. Стало особенно сильно проявляться чувство боязни. Участились случаи сдачи в плен, возросла необходимость воздействовать угрозой наказаний или физическим принуждением.

Красноармейцы не имели «военного сознания», не являлись носителями военно-социальных ценностей, например, «не имели никакого представления о красном знамени»¹. «Недостаток сознательности, воспитания, политической подготовки выразился, по мнению командиров, в неясном представлении, что данная война есть залог благополучия страны и личности, в неразвитости чувства долга, в темноте крестьянской массы и во врожденном чувстве страха»².

Оказалось, красноармеец отличался слабым уровнем товарищества. «Широкое и, так сказать, официальное распространение товарищества в рядах Красной Армии далеко не находило себе должного отражения в действительности. Судя по отзывам комсостава, внутреннюю спайку на началах товарищества проявляли только некоторые части. Но, вообще, отмечалось слабое развитие товарищества. В отзывах представителей комсостава, в том числе партийных работников, можно встретить такие заключения, что: «чувство товарищества отсутствовало у подавляющего большинства; случаи выручки в минуту опасности проявлялись редко; при неудаче и отходе оставляли раненых»; «чувство товарищества или отсутствовало, или проявлялось в своих негативных формах»³.

Огородников делает вывод: «для упрочения чувства товарищества надо развить сознание общности социальных интересов, ко-

---

¹ Огородников Ф. Красноармеец в отзывах комсостава: военно-психологический очерк // Военно-научный журнал. Изд. Упр. ВУЗ Западного фронта. 1921. Сб. 8. С. 147–148.

² Там же. С. 160.

³ Огородников Ф. Е. Методика подготовки Красной Армии. 1921. С. 15.

торое, как видно, еще недостаточно развито. Вырабатывать настоящее товарищество и спайку вместо случайной группировки по личным отношениям¹.

Для поддержания и развития личного достоинства воина важную роль могут сыграть «особые «победные» полки, в которых развивалось и особое боевое товарищество, основанное на признании достоинства своей части, на боевых традициях. Может показаться, что в таком направлении чувства товарищества скрывалась опасность (в будущем) специального, солдатского достоинства, как отзвук минувших времен, но значение такого чувства надо оценивать по тому, над чем и над кем была одержана победа, которой это чувство поддерживается. К сожалению, победные части быстро таяли»². Поэтому надо позаботиться о сохранении победных частей или, по крайней мере, их традиций, то есть носителей коллективного воинского достоинства.

По мнению Ф. Е. Огородникова, глубинной причиной слабостей армии был «недостаток чувства личного достоинства». Малую роль играла индивидуальность красноармейца, и создавалось впечатление, что он является преимущественно человеком массы, толпы. «В разряде индивидуальных побуждений к проявлению героизма очень невысокое место занимает честолюбие. Это качество мало распространено в Красной Армии. Слабо развито чувство национального достоинства, особенно у русских. Больше отличались чувством достоинства и товариществом петроградские рабочие»³.

«Было непонятно: казалось, новые политические и социальные условия, более чем прежние, способствуют развитию чувства личного достоинства в массах населения, а потому остается только усилить работу именно в этом направлении. Но немногие из

---

¹ *Огородников Ф.* Военная пропаганда в Красной армии // Военно-научный журнал. Изд. Упр. ВУЗ Западного фронта. 1921. Сб. 9–10. С. 28.

² *Огородников Ф. Е.* Методика подготовки Красной Армии. 1921. С. 15.

³ *Огородников Ф.* Красноармеец в отзывах комсостава. Военно-психологический очерк. С. 139.

военных руководителей были на это нацелены. Большинство ограничивались теми мерами, которые иногда становились неизбежными, чтобы поддержать дисциплину (страх наказания и более суровой кары, физическое воздействие)»¹.

Между тем «без достаточного развития чувства личного достоинства не могло развиваться и чувство долга, а дисциплина, поневоле, должна была порой искать для себя опоры не в совести людей, а в страхе наказания. Но обратить такое исключение в правило – значило бы порвать со всеми традициями революции извернуться к палке капрала Фридриха Великого»².

Без развитого чувства личного (солдатского) достоинства нельзя было решать вопрос о формировании личности воина, в том числе дисциплины, воли к победе, чувства воинского долга. «Для развития чувства долга надо развивать чувство личного достоинства и взаимного уважения, а также привычку к исполнению обязанностей: чувство нравственного удовлетворения при их исполнении, чувство совести – при неисполнении. Чем, как не рассудком, можно связать для человека столь доступное для него понятие о чувстве личного достоинства с более трудным понятием о чувстве долга? Но мы уже знаем, что чувство долга в человеке неразрывно связано с чувством личного достоинства. Но с чего же прежде всего начинается это чувство, как не с заботы о своем теле, о его силе и ловкости. Во всяком случае, трудно иным путем пробудить в человеке чувство достоинства, если оно неразвито или усиленно забито вековыми условиями жизни и если, сверх того, не развито и сознание»³.

Для достижения своих целей как поощрение, так и наказание должны опираться на чувство личного достоинства, которое и нужно развивать, без чего как то, так и другое не могут иметь необходимой силы.

---

¹ Огородников Ф. Е. Методика подготовки Красной Армии. С. 16.

² Там же.

³ Там же. С. 19.

«Важным вопросом для Красной Армии является награждение повышением по службе. Такое повышение должно быть только признанием достоинства. Желательно, чтобы число достойных было больше, чем вакансий. А масса должна гордиться числом своих достойных»¹.

Главным методом одиночного воспитания должны служить личное воздействие комсостава и политработников, а также соревнование и система поощрений и наказаний. Последняя должна искать для себя опоры в развитии чувства достоинства красноармейца и в сознании красноармейскими массами значения поощрений и наказаний. В армии жила потребность, чтобы подвиги были отмечены, между тем «многие представления оставались неудовлетворенными»². В каждой части должны быть кадры опытных бойцов, которые поддерживали бы достоинство части.

Наряду с волей к победе должно быть развито в массах чувство силы, основанное на сознании многочисленности массы и общности ее жизненных интересов, а также чувство товарищества как простейшее проявление социальных начал и, вообще, наиболее естественное чувство в суровой военной обстановке.

С такими началами создания армии должны быть связаны стремления к организации, общему порядку и готовности подчинения единой воле, как первоначальная основа военной дисциплины. «Эта спайка слагается из общего характера личных отношений (между начальниками и подчиненными), из товарищества, которое именно здесь получает наибольшее значение, из всего уклада жизни, порядка службы, занятий и обстановки, и все, что входит в состав спайки, должно быть хорошо выработано и прочно»³.

До известной степени должен быть изучен каждый человек со стороны его способностей, наследственных или благоприобре-

---

¹ *Огородников Ф. Е.* Методика подготовки Красной Армии. С. 34.

² Там же. С. 34.

³ Там же.

тенных навыков (привычек). Способности должны послужить развитию полезных навыков и ослаблению вредных. Надо узнать особенности темперамента и характера, а также обстановку (семейную, социальную, трудовую), в которой вырос и привык жить и работать солдат. Надо сравнить все эти данные с требованиями военного дела и отсюда сделать заключение, какие именно качества человека требуют развития и какие, напротив, противодействия и искоренения. Иногда в людях можно найти определенные побуждения к тем и другим поступкам, иногда действует просто известного рода привычка при пониженном сознании.

Одни и те же доблестные или недопустимые в военном деле поступки могут исходить из совершенно различных побуждений и качеств. Один смел по природе, другие могут быть смелыми ради идеи, или из чувства товарищества, или из властолюбия, или из честолюбия. Один порочен по природе, другой испорчен средой, но имеет и хорошие свойства. Многие проступки могут зависеть от недостатка общего развития, или от полного непонимания военного дела или, наконец, от того, что при недостатке организации и дисциплины вся вообще военная служба может представляться не тем, чем она должна быть.

Известные приемы массового воспитания могут содействовать достижению известного общего уровня развития, но этого еще недостаточно. Трудно уловить, как этот уровень пройдет через толщу народной массы и насколько глубокие и прочные следы оставит массовое воспитание.

Напротив, попытки одиночного воспитания всегда помогут проникнуть в тайники народной души и раскрыть на первый взгляд иногда и очень сложные и непонятные или незаметные, а в действительности очень простые и сильные побуждения.

Таким образом, Ф. Е. Огородников выстраивает систему боевых качеств воина на основании его индивидуального достоинства, которое надо искать, ценить, развивать и на него опираться в воспитании и в управлении.

2. 10. Г. Д. Хаханьян. Воин – человек борющийся

Г. Д. Хаханьян¹ обратил внимание на то, что ввиду своей очевидности обсуждается не часто. Воин – это боец, человек боя, войны, человек, ведущий бой, имеющий дело с противником, человек – борющийся. «У бойца отношение к своему противнику носит общественный характер» (108)². Не случайно треть своего главного сочинения³ автор посвятил социальной психологии.

В характеристику военно-профессионального труда Хаханьян включил наряду с материальной базой (оружие), его конфликтную природу – бой. Бой – это специфическое социально-психологическое явление, которое представляет собой борьбу.

В силу того, что бой имеет прежде всего общественное значение, участие в нем является принудительным (108). Принудительность

---

¹ Хаханьян Григорий Давидович (1895–1939) – военный деятель, комкор (1935). Окончил филологический факультет Московского университета, Московскую школу прапорщиков (1917). В годы Гражданской войны был комиссаром стрелковой дивизии в Пскове, командиром обороны Свяжска. В качестве командира 3-й бригады 27-й дивизии освобождал Мезелинск, Бирск, Златоуст, Челябинск. За личную храбрость и умелое руководство войсками при взятии Омска, под Варшавой и в Кронштадте (1919, 1920, 1921) награжден орденами Красного Знамени. Был командиром дивизии и корпуса, начальником высших военных академических курсов «Выстрел».

² В этом разделе сноски на книгу Хаханьяна «Основы военной психологии» обозначены номером страницы в круглых скобках.

³ Хаханьян Г. Д. Основы военной психологии. М., 1929.

имеет не только внешний социальный характер, поскольку в войне каждый отдельный воин преследует не свои индивидуальные цели, но и внутренний. По мере формирования личности воина «устанавливается боевая доминанта¹, которая делается господствующей не только во время самого боя, но также и во время пребывания бойца на войне. Базой этой боевой доминанты является инстинкт самосохранения, который может проявляться как в активной, так и пассивной форме. Господствующая боевая доминанта имеет эмоциональную окраску, – война усиливает эмоции. «Военно-профессиональный труд охватывает психику человека в целом, выдвигая на первый план ее эмоциональную сторону, борьбу доминант и приспособления организма к специфическим условиям военной деятельности» (115).

Образование новой боевой доминанты и усиленная эмоциональная деятельность являются самыми характерными психологическими данными для боевой деятельности. Отсюда уже вытекают дальнейшие последствия и вопросы: 1) борьба боевой доминанты с другими доминантами органического и социального порядка и 2) влияние сильной эмоциональной деятельности на военно-профессиональную работу.

Социальная природа военно-профессионального труда реализуется в организации армии и руководстве ею, в отношениях между людьми, отражающих определенную ступень развития классово-войсковой борьбы. Войсковой коллектив является «искусственным» с той точки зрения, что его члены оторваны от обычной своей профессиональной деятельности и временно объединены на новой военно-профессиональной базе.

---

¹ Обращение Хаханьяна к термину «доминанта» и плодотворное его применение в военно-психологической области являются, по всей видимости, результатом высокой оценки им соответствующей концепции А. А. Ухтомского, первые систематизированные публикации которой приходятся на 1923–1924 гг. Отдадим должное научной проницательности Хаханьяна, сумевшего рассмотреть содержательное богатство и значимость исходно психофизиологического учения о доминанте.

Социальное назначение военно-профессионального труда, цели и задачи, преследуемые армией, определяют волю к победе в бою. Чтобы армия выполняла свое назначение, необходимы стимулы, которые двигали бы массу бойцов в бой, поддерживая в них желание воевать. Это означает, что у бойца должны выработаться такие целевые доминанты, которые направляли бы его в сторону добровольного участия в бою.

Формирование боевой, или военной доминанты означает внутреннюю перестройку: «боец, оторванный от своей обычной производственной деятельности, должен приобрести новую психологическую установку, переломив в себе старую. В результате мы вновь имеем борьбу доминант со всеми вытекающими отсюда последствиями. В бою происходит у бойцов борьба между доминантами защитными, военно-трудовыми и социальными; решающее значение приобретают социальные доминанты. Защитные реакции тормозят, а социальные – возбуждают военно-трудовые доминантные реакции. Сила защитных доминант настолько велика, что доминанты эти надолго захватывают организм; особенно ярко сказывается это в нарушении спокойствия сна бойцов» (117).

Данные процессы обуславливают психологию бойца. «Осуществление военно-профессионального труда без соответствующих психологических предпосылок было бы совершенно невыносимо; никакой труд, а в том числе и военный, невыносим без необходимого психологического соответствия. Таким образом, создается профессиональная психология, которая не представляет чего-либо оторванного и самостоятельного, а лишь усложняет и конкретизирует основную психологическую конституцию человека, конституцию, которая в своей основе имеет классовую психологию» (107).

«Влияние защитных реакций может быть настолько сильным, что получается более или менее долговременное душевное расстройство. Военная служба и прежде всего боевая деятельность являются внутренне конфликтным процессом, признаком чего могут служить военные психоневрозы, которые являются результатами конфликтов между доминантами, вырабатываемыми военно-профессиональным трудом, и другими доминантами, воспитанными в обычной социальной обстановке. Военный психоневроз, являясь

крайним выражением результатов конфликта, наметит механизм, по которому протекает обычная, «нормальная» психология военно-профессионального труда» (121).

Учение о доминанте А. А. Ухтомского позволило Г. Хаханьяну высказать определенные суждения о моральном факторе: «под моральным фактором в узком смысле слова нужно понимать господство у бойцов тех или иных доминантных социальных реакций». Это – «способность бойцов бороться и давать защитные реакции. Ясно, что все условия, которые способствуют этой победе, будут входить в понятие «моральный фактор» (314).

К таким условиям относятся: 1) работоспособность бойцов (физическая крепость, сопротивление утомлению, питание и т. п.); 2) наличие прочных военно-трудовых навыков (выучка); 3) соответствующие сильные социальные доминантные реакции. Каким из этих условий принадлежит преимущественная роль, сказать трудно; каждое из них по-своему необходимо для боевой деятельности. Изнуренный, голодный, хилый боец ни к чему не способен, несмотря на самое высокое политическое его сознание; боец, совершенно не умеющий владеть оружием, не может принимать участие в боевой деятельности, какой бы физической и нравственной силой он ни обладал; боец, у которого нет никаких социальных стимулов к борьбе, не способен долго и плодотворно вести таковую, не способен побороть защитные реакции, несмотря на наличие у него физических сил и умения владеть оружием. Итак, мы видим, что все три основных элемента, входящих в моральный фактор, необходимы в одинаковой степени для победы над защитными реакциями.

Проблема заключается в выработке у бойцов желательных социальных реакций и доминант. Основное содержание этой работы, безусловно, диктуется общими задачами диктатуры пролетариата; работа эта, как известно, ведется и вне армии; в последней она только продолжается, претерпевая следующие изменения: здесь она ведется в концентрированном виде, так как связывается с основной военно-профессиональной деятельностью бойцов.

Привычка к конфликтам закаляет пролетария в его борьбе за существование. Он, как продавец своей рабочей силы, сталкивает-

ся с работодателем, как покупатель – с торговцем, как не имеющий своего дома – с квартирохозяином, как безработный – со своим братом-безработным. Пролетарская жизнь вся протекает в борьбе: каждый кусок хлеба он должен отвоевывать, каждый час рабочего дня должен сокращать лишь боем. Но одновременно, в известные периоды и в известном положении, пролетарий, забытый в этой борьбе, делается безвольным, превращаясь в податливого раба.

«Остановимся специально на последнем обстоятельстве, как чрезвычайно важном, и попутно зададим вопрос о воспитании социальных навыков. По нашему мнению, «метод воспитания рефлексов», это – единственный правильный способ политического воспитания. В дальнейшем на нас ложится обязанность подготовки красного бойца, умеющего в совершенстве владеть оружием и готового пожертвовать собою для защиты своего социалистического отечества» (317).

Руководящий состав, сам находясь во власти и под впечатлением защитных реакций, должен уметь в первую очередь подавить их в себе для того, чтобы водить бойцов в бой. «Если под влиянием страха расстраивается память, то командир обязан помнить все; если затрудняется способность суждения, то от командира требуется расчет и разумные решения; если под влиянием защитных реакций организм норовит обратиться в бегство, то командир должен быть стимулом напора на врага; если для победы требуются прочные социальные доминанты, то командир должен жить только этим» (319).

«Побудительные причины нужны. В чем заключаются эти причины? Мы думаем, что не ошибемся, если эти причины разобьем на две группы: внешние и внутренние по отношению организма. Внешние причины – это те, которые вынуждают человека к самозащите, внутренние причины – это «потребности» человека; таким образом, человек постоянно находится в таком положении, когда ему, с одной стороны, приходится удовлетворять свои потребности, с другой стороны – защищаться от враждебных сил».

Личность воина, согласно общему подходу Г. Хаханьяна, является решающим фактором в боевой деятельности, потому что

это единственный вид деятельности, в которой вероятность гибели человека настолько высока, что можно говорить о полной и некомпенсируемой самоотдаче. Это деятельность, в которую вкладывается не только ум, талант, профессиональное мастерство человека, но и сама его личность.

2.11. А. А. Таланкин. Идеино-политическая личность воина

Тема личности не находится в центре основной работы А. А. Таланкина¹ по военной психологии², тем не менее она представляет интерес как концентрированное выражение последствий организационно-идеологического влияния на психологическую персонологию и психологическую науку в целом.

Несмотря на то, что в упомянутой работе слово «личность» встречается 35 раз, в одиннадцати случаях оно является синонимом понятий «отдельный человек», «индивидуум», «боец» и т. п., в шестнадцати – объектом критики теорий личности воина в работах «Господство личности на войне» (Ф. Фрейтаг-Лорингофен), «Пе-

---

¹ Александр Александрович Таланкин, 1898 г. р., уроженец с. Надеждино Уфимского кантона Башкирской АССР, русский, член ВКП (б) в 1917–1937 гг., ст. преподаватель философии Военно-политической академии им. Толмачева, бригадный комиссар; сотрудник Государственного института психологии, педологии и психотехники (ГИППП). Арестован 4 июня 1937 г. Выездной сессией Военной коллегии Верховного суда СССР в г. Ленинграде. 31 августа 1937 г. приговорен к высшей мере наказания. Расстрелян в г. Ленинграде 31 августа 1937 г. (Ленинградский мартиролог. Т. 4).

² Таланкин А. А. Военная психология и вопросы военно-политического воспитания в РККА. М ; Л., 1929.

хота» (Лигнау) и других учений о природе бойца, общей чертой которых, по оценке Таланкина, является идея особых солдатских добродетелей, воинской нравственности, воинской чести и желание военной психологии все объяснить, исходя из субъекта, из отдельной личности бойца. Только восемь случаев упоминания «личности» можно связать с собственными личностными представлениями А. А. Таланкина.

Анализ взглядов, деятельности и научного творчества А. А. Таланкина даны в содержательной статье С. И. Данилова и С. Н. Корсакова «Из истории советской военной психологии 1920–1930 гг.». (Философские науки. 2017. № 10).

Основные постулаты подхода А. А. Таланкина к проблеме личности воина, следующие:

1. Только марксистская психология обладает потенциалом адекватного решения всех актуальных проблем личности воина, его состояния в бою и его боевой деятельности. Те психологические идеи верны, которые соответствуют марксизму (а не те, которые помогают решать реальные задачи согласно провозглашаемому критерию практики).

2. Боец является представителем системы общественных отношений, которая воплощена в армии, в частности в связях с его товарищами и начальниками. Человек, его личность – это вариация определенного класса¹; соответственно воин является участником классовой борьбы. Из идеи, или факта, классовой борьбы следует выводить принципы научно-психологического понимания личности. Понять личность воина – значит уяснить место и роль идеологии в жизненных процессах человека. Только «нужно хорошо знать способы и механику превращения социально-классового в групповое и группового в индивидуальное» [8]². Как известно,

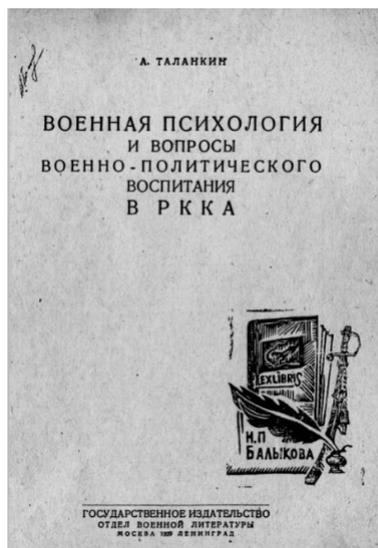
---

¹ В данном случае А. А. Таланкин заимствует положение К. Н. Корнилова.

² В этом разделе цифра в квадратных скобках обозначает страницу в книге А. А. Таланкина: Военная психология и вопросы военно-политического воспитания в РККА. М ; Л., 1929.

«способам и «механике» преобразования социально-культурного в индивидуальное посвятил многие свои труды Л. С. Выготский.

Политработа в объяснении поведения человека стоит целиком на базе современного естествознания, на базе учения об условных рефлексах и на базе марксистской психологии, – «военная психология копается в душевных явлениях» и целиком основана на субъективной психологии. Политработа воспитывает воина-гражданина, сознательного революционера, – «военная психология» вся была сконструирована в интересах господствующего класса старого мира, она служила базой для муштры, для создания «серой» скотинки, бессловесного «стада».

Все качества бойца: «неустранимость, твердость, храбрость, инициатива, сметливость и выносливость», – которые надлежит развивать как в мирное, так и в военное время, с точки зрения марксистской психологии не представляют каких-то особых врожденных свойств. Основное, чему учит марксистская психология, – качества бойца, это не только биологические свойства, определенные физиологические механизмы, но и определенное общественное содержание психики – идеи, чувства, представления. Все качества бойца можно воспитать лишь путем военно-политической подготовки. «Конечно, известные биологические данные могут способствовать развитию качеств бойца, этого отрицать нельзя» [104].

3. Сознание воина является «комплексом его психики и идеологии». «На основе выявления социальных корней психики и идеологии бойца надо понять его темперамент и характер, основные черты его трудовых процессов, продолжительность, точность и объем памяти и т. п.» [9]. Если у бойца воспитывается революционное мировоззрение, если он учится критически относиться к

окружающему, то этим отмечается все, что могло бы искалечить организацию его мозговой деятельности.

4. Боевые возможности воина представляют собой результат взаимодействия биологических и социальных составляющих его личности. «Биологическое приобретает отчетливый характер врожденных реакций, которые в нормальных условиях бывают несколько завуалированы, закрыты навыками; социологическое приобретает также весьма императивную форму в виде необходимости выполнить задачу, поставленную командиром или обусловленную всем предшествующим воспитанием бойца. Поскольку биологические структуры психологии воина неизменны в исторически обозримом промежутке времени, то особенности его поведения в различных войнах и боевых ситуациях можно понять, если рассматривать его как поведение социального человека. В противном случае мы будем иметь дело с несуществующими реальностями, вроде абстрактного бойца, абстрактной человеческой личности или абстрактного инстинкта самосохранения» [56]. «Тот, кого инстинкт самосохранения заставлял бежать из царской армии в период империалистической войны, в период гражданской войны явился образцом того, как нужно преодолевать инстинкт самосохранения. Биологические основы поведения остались неизменными у бойца гражданской войны по сравнению с периодом империалистической войны. Однако изменилось социальное бытие, которое и оказало сильнейшее влияние на поведение сначала дезертира царской армии, потом героя Красной армии» [50–51].

Биологическая роль психики в обстановке боя будет заключаться в том, что всякий раз, когда привычное действие не будет целесообразным, оно приобретет ясно выраженную сознательную окраску – «сознание» – и поможет бойцу выбрать более целесообразные действия.

Основываясь на работах К. Н. Корнилова, А. А. Таланкин предложил поведенческую типологию воина. В ней за критерий типа поведения взято «соотношение социологического и биологического моментов», или направленность реакций на выполнение тех или иных задач, поставленных перед бойцами.

Боец, в действиях которого преобладают врожденные реакции, является представителем *первого типа*, названного инстинктивно-эмоциональным. «Такой боец может быть величайшим трусом и паникером, в условиях же, когда затронуты корни его биологических стимулов, он может обнаруживать большую храбрость. Для современного боя является подходящим материалом лишь при наличии крепкого костяка – бойцов более рассудочного типа поведения и хорошего состава, вообще же к групповому бою этот тип недостаточно пригоден» [103].

Второй тип – средний, основной, наиболее распространенный в современных армиях. Этот тип поведения характеризуется: а) приспособлением к обстановке боя при несколько пониженном уровне процесса течения реакций и б) уравновешенностью инстинктивных и эмоциональных реакций системой навыков. При этом получается состояние неустойчивого равновесия, исчезающее при быстрых и резких скачках в системе раздражителей.

«*Третий тип* – «речевой», имеющий в процессе боя представление о цели своих действий и поступков. Его импульсы всецело регулируются приобретенными навыками. Лишь в условиях, когда приобретенные навыки абсолютно не способны создать приспособление к окружающей среде, могут побеждать врожденные импульсы. Боец этого типа может быть вполне сознательным трусом или вполне сознательным храбрецом» [104]. Бойцы этого типа составляют тот психологический актив, который играет чрезвычайно большую роль при воздействии на товарищей по отделению, взводу или роте. Как видно, характеристика этого типа личности созвучна идеям Л. С. Выготского о развитии личности как о процессе культурно-исторического преобразования «низших психических функций в высшие».

Свою типологию А. А. Таланкин рассматривал как путь к решению вопроса о характере взаимодействия социологического и биологического фактора поведения.

Аргументы, которые приводит А. А. Таланкин, раскрывая свой взгляд на личность воина, являются показателем того, насколько деформирует логику исследователя идеологический груз марксизма,

насколько искажает он восприятие боевой и всякой иной реальности. Исходя из приоритета идеологической составляющей личности воина, А. А. Таланкин подвергает сомнению право своих предшественников на исследование различных факторов боевого поведения воина, в частности инстинкта самосохранения, только потому, что они не рассматривали идеологический фактор в той постановке, которая характерна для марксизма XX в.

Очевидные положения о том, что во все времена в боях участвуют люди, подвергались уничтожающей критике только потому, что русские военные психологи несколько преувеличивали неизменность, точнее, медленную изменяемость, «человеческого сердца» – то очевидное обстоятельство, что человеку нужно есть, пить, защищаться от слишком низкой или высокой температуры, что ему свойственно бояться смерти и что он способен на величайшее самопожертвование, как и на предательство и измену. Строго говоря, в русской военной психологии существовали разные позиции по вопросу исторической изменчивости личности воина. Если М. И. Драгомиров, как и его предшественники и последователи, использовал аргумент постоянства человеческого фактора, или «нравственного элемента», то, главным образом, для того, чтобы заставить военную систему обратить внимание на человека. И. П. Маслов же провел специальное историко-психологическое исследование динамики личности воина на протяжении человеческой истории (см. соответствующий раздел). Так что теоретически эти перемены и их причины были ясны и не отвергались без должного на то основания.

А. А. Таланкин упрекает Н. Н. Головина в том, что тот «хочет все объяснить борьбой «стремления победить» и «инстинкта самосохранения» и поэтому не в «состоянии проникнуть в социальные мотивы того массового уклонения солдат от боя, которое наблюдалось 30 августа 1877 года». Между тем объяснения Головина соответствуют логике Таланкина. «Стремление победить» есть не что иное, как социальная, идеологическая (волевая) составляющая психологического механизма, управляющего поведением человека в бою. Конечно, содержание этой составляющей может быть разным: идейно-классовым, религиозным, национально-пат-

риотическим, экономическим (в «грабительской» или «справедливой» войне), «рыцарски-романтическим» и т. п.

Идеологический подход А. А. Таланкина к личности воина становится понятным, если принять во внимание ту духовную атмосферу, которая царил в 20–30 годы прошлого века в Красной армии. Один из авторитетных военных политработников этого периода Ф. Блументаль, положительно в целом оценивая работу А. А. Таланкина, писал: «Разрешение проблемы «человека» (для армейских условий – бойца и объединенных в боевые единицы масс бойцов) приемлемо для нас только при том условии, если психология будет рассматривать этого человека как представителя определенного класса в государстве определенного политического строя. Для нас приемлема только марксистская психология, ибо только она умеет и может так подходить к человеку»¹.

2.12. Образ воина в боевой практике Маршала К. К. Рокоссовского: личные истоки служебного общения и взаимоотношений

Маршал Советского Союза К. К. Рокоссовский не писал научных работ о личности воина. Нет у него и широких обобщений на эту тему. Но изучение воспоминаний маршала «Солдатский долг», его статей и выступлений, воспоминаний военачальников, биографической литературы и других материалов позволяет утверждать, что Рокоссовский сформировал продуктивный образ воина, на основе которого строил служебные отношения и принимал эффективные боевые решения. Опираясь на многочисленные факты общения К. К. Рокоссовского со своими подчиненными, сослуживцами и вышестоящими должностными лицами, на конкретные личностные характеристики и оценочные суждения, мы можем воссоздать этот образ воина. Общий путь познания в данном случае будет представлять собой движение от общения к его личностным источникам, регулирующим такое общение.

---

¹ Блументаль Ф. Наш социальный заказ: чего ждет политработа от научной психологии // Военный вестник. 1930. № 4. С. 46.

Теория этого вопроса проста. В жизни и работе человека огромную роль играет его обобщенное представление о людях (человеке), которое он выработал себе и имеет к данному моменту своей жизни. Это представление должно быть достаточно устойчивым, чтобы оно могло определять понимание каждого конкретного человека и обуславливать социальное поведение в целом. Отношение человека к людям, с которыми он повседневно общается и работает, основывается на его представлениях о них; это представление

о конкретных людях, определяется, в свою очередь, обобщенным образом человека.

Конечно, понимание каждого отдельного человека почти всегда является задачей, для решения которой требуются опыт, усилия, и определенные приемы. Одним из таких приемов делится полководец: «Если вы хотите лучше узнать офицера, прислушайтесь к тому, что он говорит о своих подчиненных. Подлинный командир всегда сумеет оценить их вклад в общее дело трудной борьбы с врагом, воздать людям должное»¹.

К. К. Рокоссовский был внимательным слушателем. Генерал Телегин пишет: «Очень заметной была его способность вовремя отреагировать на намерение собеседника вступить в разговор. В такие моменты он замолкал на полуслове или поощрительно спрашивал: Вы хотели что-то сказать?»².

Есть много свидетельств, что К. К. Рокоссовский стремился понять состояние подчиненных в различных условиях боевой обстановки, а иногда даже прочувствовать это состояние непосредственно. Если были ошибки, то они обнаруживались и ис-

---

¹ Рокоссовский К. К. Солдатский долг. М., 1988. С. 30.

² Телегин К. Ф. Войны неслучайные версты. М., 1988. С. 100.

правлялись. Одна из таких ошибок случилась в первый день войны – 22 июня 1941 г.

«Мы были вынуждены с первого же дня вносить необходимые поправки. Основная масса войск корпуса – по существу, пехота, лишённая конского тягла, – совершила в первый день 50-километровый переход. Для меня это до сих пор – пример выносливости и самоотверженности советского солдата. Но люди совсем выбились из сил. Я видел их в конце этого марша. Пехота вынуждена была нести на себе помимо личного снаряжения ручные и станковые пулеметы, 50- и 82-миллиметровые минометы и боеприпасы к ним. И в какую жару. Пришлось сократить переходы до 30–35 километров».

Следующий эпизод говорит о том, что для понимания состояния подчиненных, для оценки их боевой психологической нагрузки пришлось провести настоящее практическое полевое психологическое исследование.

«В начале оборонительных сражениях под Москвой меня беспокоило, почему наша пехота почти не ведет ружейного огня по наступающему противнику. Дал задание изучить обстоятельства дела и в то же время решил лично проверить систему обороны переднего края на одном из наиболее оживленных участков. Добравшись до одной из ячеек, я сменил сидевшего там солдата и остался один.

Сознание, что где-то справа и слева тоже сидят красноармейцы, у меня сохранялось, но я их не видел и не слышал. Командир отделения не видел меня, как и всех своих подчиненных. А бой продолжался. Рвались снаряды и мины, свистели пули и осколки. Иногда сбрасывали бомбы самолеты.

Я, старый солдат, участвовавший во многих боях, и то, сознаюсь откровенно, чувствовал себя в этом гнезде очень плохо. Меня все время не покидало желание выбежать и заглянуть, сидят ли мои товарищи в своих гнездах или уже покинули их, а я остался один. Уж если ощущение тревоги не покидало меня, то каким же оно было у человека, который, может быть, впервые в бою!..

Человек всегда остается человеком, и, естественно, особенно в минуты опасности ему хочется видеть рядом с собой товарища и, конечно, командира. И командиру отделения обязательно нуж-

но видеть подчиненных: кого подбодрить, кого похвалить, словом, влиять на людей и держать их в руках.

Мы обсудили в своем коллективе и мои наблюдения и соображения офицеров, которым было поручено приглядеться к пехоте на передовой. Все пришли к выводу, что надо немедленно ликвидировать систему ячеек и переходить на траншеи. В тот же день всем частям группы были даны соответствующие указания».

Понимая состояние боеспособности своих подчиненных, К. К. Рокоссовский создавал условия для сбережения и восстановления их сил.

Один из его подчиненных маршал артиллерии В. И. Казаков приводит следующий характерный в данном отношении эпизод начала битвы на Курской дуге:

«Всю ночь на 5 июля мы не спали. Утром, когда боевые действия развернулись во всю свою силу, все стало предельно ясным. Естественно, в штабе фронта все ждали указаний командующего. Но вместо каких-либо распоряжений Рокоссовский спросил нас:

– Все ли уверены в своих планах и в полной готовности подчиненных частей выполнять боевые задачи?

Получив положительный ответ, он неожиданно для нас, тепло улыбнувшись, сказал:

– Ну, раз так, то я советую всем часика два-три отдохнуть. Иначе если мы будем бодрствовать, то наверняка начнем дергать командармов и начальников армейских служб, запрашивать обстановку и тому подобное. Полагаю, им самим нужно еще во всем разобраться, проанализировать поступающие донесения из дивизий и полков, оценить обстановку. На все это уйдет немало времени. Уверяю вас, что, как только им все станет ясно, они сами доложат. Поэтому я иду спать и вам всем советую сделать то же самое. – И он оставил нас.

Не знаю, спал ли тогда Константин Константинович, но достоверно одно: его телефон молчал до тех пор, пока не начали поступать доклады командармов о развитии боевых действий на их участках фронта»¹.

---

¹ Казаков В. И. Артиллерия, огонь! М., 1975. С. 127.

При определении боевых задач К. К. Рокоссовский оценивал возможности исполнителей, считая это важнейшим принципом управления. Выражал недовольство подчиненными ему командующими и командирами, которые этот принцип нарушали и ставили войскам невыполнимые боевые задачи. Если командующий фронтом не был лично уверен в выполнимости сложной задачи или предполагал возможность ее поверхностного понимания, то это отражалось в содержании и стиле его общения. Вот как это выглядит в восприятии начальника тыла фронта генерала Н. А. Антипенко:

«11 июля 1944 года для войск 65-й армии сложилась благоприятная обстановка: они могли бы с ходу, т. е. с минимальными потерями, форсировать реку Шара. Но боеприпасов в войсках было настолько мало, что и в случае успеха удерживать плацдарм им было бы нечем. Поэтому командующий фронтом генерал армии К. К. Рокоссовский, находившийся в расположении 65-й армии, прежде чем разрешить форсирование реки Шара, вызвал к проведению начальника тыла фронта и спросил: могут ли быть поданы к установленному сроку 500 тонн боеприпасов? Не желая получить немедленный, а потому, быть может, и опрометчивый ответ, Рокоссовский дал два часа на подсчеты и добавил: «Если нет такой возможности, так прямо и скажите. Я задержу дальнейшее продвижение войск».

Через командиров частей и подразделений вопрос, поставленный командующим, был доведен вплоть до шоферов. Водители автомашин обещали отдать все свои силы ради успеха наступления. Я сообщил об этом Рокоссовскому...»¹.

К. К. Рокоссовский был объективен, ценил своих соратников по существенным критериям, не примешивая сюда свои личные симпатии. Иллюстрацией может послужить случай, когда командующий армией генерал А. В. Горбатов («смелый, вдумчивый военачальник, который выше всего в боевых действиях ставил внезапность, стремительность, броски на большие расстояния с выходом

---

¹ Антипенко Н. А. На главном направлении (Воспоминания заместителя командующего фронтом). М., 1967. С. 161–162.

во фланг и тыл противнику» – все это оценки Рокоссовского), написал жалобу своему командующему фронтом. «Командарм со всей своей прямоотой заявил, что его армия командующим фронтом используется неправильно».

К. К. Рокоссовский прочитал жалобу и направил в Ставку. И вот его, так сказать, итоговая оценка: «Поступок Александра Васильевича только возвысил его в моих глазах. Я убедился, что это действительно солидный, вдумчивый военачальник, душой болеющий за порученное дело. Так как ответа из Ставки не последовало, я сам решил, в нарушение установившейся практики, раскрыть перед командармом все карты и полностью разъяснить ему роль его армии в конкретной обстановке. Александр Васильевич поблагодарил меня и заверил, что задача будет выполнена наилучшим образом»¹.

Точно так же оценивает поведение К. К. Рокоссовского и А. В. Горбатов в другом конфликтном эпизоде.

«...Чтобы избежать напрасных потерь, мы решили перейти к обороне, но с этим не был согласен командующий фронтом. Он категорически требовал продолжать наступление на Бобруйск. Мы впервые разошлись во мнениях с таким авторитетным и уважаемым в войсках человеком. В дело вмешалась Москва. Ставка рассудила, что правы мы. Я побаивался, что после этого у нас с К. К. Рокоссовским испортятся отношения. Но не таков Константин Константинович. Командующий фронтом по-прежнему ровно и хорошо ко мне относился»².

К. К. Рокоссовский обращал внимание на способность офицера работать в коллективе; умел создавать управленческие команды, прежде всего, штабные коллективы и коллективы подчиненных ему командующих и командиров, будучи убежденным в том, что управленческая деятельность коллективна.

«Нашим центральным рабочим местом была, как мы называли, штаб-квартира. Здесь я присутствовал при докладах, которые делали Малинину начальники разведки, оперативного отдела, связи. В то же время и Малинин слушал, когда мне докладывали

---

¹ *Рокоссовский К. К.* Солдатский долг. М., 1988. С. 233–234.

² *Горбатов А. В.* Годы и войны. М., 1989. С. 261.

руководители родов войск. Здесь же был и член Военного совета. При мне чаще всего велись разговоры с направленцами, с командирами соединений и частей усиления. Такая система позволяла мне, как говорится, вращаться в обстановку. В штаб-квартире обдумывались решения, составлялись приказы и распоряжения. Все это облегчало работу, развивало полезную инициативу, побуждало творческую мысль. Больше было счастливых находок»¹.

«Наступление готовилось коллективными усилиями. Каждый трудился в пределах своих функций и помогал товарищам. Здесь, на 2-м Белорусском фронте, я применил оправдавшую себя систему работы на командном пункте. Создали, как мы ее называли, штаб-квартиру, где сообщая обдумывали планы, принимали решения, заслушивали информации офицеров-направленцев, обсуждали всевозможные предложения, обменивались мнениями об использовании различных родов войск, об организации взаимодействия между ними. Тут же отдавались необходимые распоряжения. В результате руководящий состав фронта постоянно был в курсе происходящих событий и быстро на них реагировал. Мы избавлялись от необходимости тратить время на вызов всех руководителей управлений, родов войск и служб и на заслушивание длинных и утомительных докладов. То, что было приемлемо в мирное время, не оправдало себя в условиях войны. Начальник штаба фронта генерал А. Н. Боголюбов, очень педантичный, как и свойственно хорошему штабисту, сначала морщился: не по правилам! – но потом признал, что установленный мною порядок действительно лучше отвечает боевой обстановке»².

К. К. Рокоссовский предоставлял подчиненным условия для проявления самостоятельности, инициативы, учитывал в своих решениях их предложения. Если убеждался, что решение подчиненного лучше, чем командующего, он признавал это и принимал именно этот, лучший вариант.

«...Ночью позвонил П. И. Батов и попросил, чтобы ему разрешили начать наступление на час раньше, так как ветром нагоняет в пойму воду, уровень ее поднимается, что может усложнить

---

¹ Рокоссовский К. К. Солдатский долг. С. 43.

² Там же. С. 294.

форсирование реки. Кроме того, противник усилил нажим против отрядов, уже высадившихся на западном берегу Вест-Одера, их нужно скорее поддержать. Павел Иванович сказал, что он уже отдал соответствующее распоряжение и войска готовы начать действия на час раньше назначенного срока. Мне оставалось только одобрить инициативу командарма»¹.

Поощрение и поддержку инициативы чувствовали и ценили подчиненные К. К. Рокоссовского. П. И. Батов пишет: «Он никогда не навязывал своих предварительных решений, одобрял разумную инициативу и помогал развить ее. Рокоссовский умел руководить подчиненными так, что каждый офицер и генерал с желанием вносил в общее дело свою долю творчества. При всем этом сам К. К. Рокоссовский и мы, командармы, хорошо понимали, что полководцем нашего времени без сильной воли, без своих твердых убеждений, без личной оценки событий и людей на фронте, без своего почерка в операциях, без интуиции, то есть без собственно-го «я» быть нельзя»².

К. К. Рокоссовский бережно относился к своим командирам и командующим, пресекал необоснованные взыскания и несправедливые кадровые решения. В воспоминаниях П. И. Батова есть показательный эпизод: «Скорое на руку армейское начальство поспешило снять комдива, но Рокоссовский терпеть не мог несправедливого отношения к кадрам, восстановил Анисимова в должности...»³.

Маршал был непримирим к грубости в управлении и общении военнослужащих. Все сослуживцы и все, кто с ним разговаривал, замечали прежде всего его исключительную вежливость. Большинство военачальников, бывших в подчинении Рокоссовского или взаимодействовавших с ним в операциях Великой Отечественной войны, а также его непосредственные сослуживцы отзываются о нем как о гуманном, выдержанном и даже деликатном командире.

Приходилось ему сдерживать грубое поведение и со стороны вышестоящих. «Вспоминаю один момент, когда после разговора

---

¹ *Рокоссовский К. К.* Солдатский долг. С. 346.

² *Батов П. И.* В походах и боях. М., 1974. С. 318.

³ Там же. С. 203.

по ВЧ с Жуковым я вынужден был ему заявить, что если он не изменит тона, то я прерву разговор с ним. Допускаемая им в тот день грубость переходила всякие границы»¹.

Известное представление о том, как воспринимал и оценивал воинов К. К. Рокоссовский, дает его личный лексикон (табл. 5).

Таблица 5

**Практический психологический словарь К. К. Рокоссовского
(по книге «Солдатский долг»)**

Психологические категории	Количество в тексте	Контекст
Характер	25	Работал уверенно, чему способствовало то, что хорошо понимал своеобразный характер командиров-кавалеристов. Изучение характера подчиненных командиров – необходимейшая сторона подготовки к бою: в этих характерах – тоже резервы командующего. Генерал Н. Е. Чибисов по своим данным безусловно был на месте, армией командовал безупречно. Немного смущала меня его неторопливость, пожалуй, даже флегматичность. Хотелось бы, чтобы командарм быстрее на все реагировал. Но это уж характер человека, его не так-то просто переделать.
Искусство, мастерство, умение	65	Умение учить, умело действовать, культурно воевать.
Организованность	25	В этом аду они умели все подчинить точному расчету, поддержать организованность и строгий порядок.
Талант	11	Л. М. Доватор был молод, жизнерадостен, вдумчив. Уже одно то, что ему удалось вывести корпус из окружения боеспособным, говорило о талантливости и мужестве генерала.
Воля, требовательность	8	Высокая требовательность – необходимая и важнейшая черта военачальника. Но железная воля у него всегда должна сочетаться с чуткостью к подчиненным, умением опираться на их ум и инициативу.

¹ *Рокоссовский К. К.* Солдатский долг // Военно-исторический журнал. 1989. № 6. С. 55.

Психологические категории	Количество в тексте	Контекст
Мышление, мысль, вдумчивость	105	Самостоятельность мышления, ясность мысли, творческая мысль.
Самостоятельность	18	Я не зря старался воспитывать у командного состава прежде всего самостоятельность, решительность и смелость.
Решительность, решительно	26	
Ответственность	69	Сказались глубокие знания, творческая инициатива, решительность, умение не колеблясь брать на себя ответственность, когда этого требовала резко меняющаяся обстановка. Командиру корпуса было легко работать с такими замечательными офицерами, хотя слово «легко» кажется неподходящим для тех дней.
Инициатива	69	
Дисциплина	4	Успехи по масштабам носили тактический характер. Но они способствовали укреплению дисциплины в войсках, ободряли бойцов и командиров, которые убеждались, что способны бить врага.
Понимание, взаимопонимание	69	Расстались мы с Р. Я. Малиновским друзьями, достигнув полного взаимопонимания. Конечно, на армию возлагалась непосильная задача, командарм понимал это, но обещал сделать все от него зависящее, чтобы усилить удары по противнику.
Взаимодействие	82	
Мужество	22	С В. И. Чуйковым я встретился впервые и сразу проникся к нему глубоким уважением. Мне всегда нравились люди честные, смелые, решительные, прямые. Мужество и самоотверженность командарма были примером для подчиненных, и это во многом способствовало той стойкости, которую проявил весь личный состав армии, сражавшейся в городе за город.
Способности	20	Моим заместителем по формированиям был генерал П. И. Батов, старый боевой командир, прекрасный строевик, с хорошими организаторскими способностями. Я заметил, что он тяготится своей должностью. Человеку с такой кипучей натурой трудно было усидеть в штабе.
Знание (чувство) противника	14	В штабе фронта, видимо, склонны были считать, что наши донесения преувеличивают силы противника. Мы, конечно, понимали товарищей. Им хотелось, чтобы сил у противника было меньше...
Храбрость	3	Я не сторонник напускной бравады и рисовки. Командиру должны быть присущи истинная храбрость и трезвый расчет, а иногда и нечто большее.

Таковы элементы образа военного человека, нашедшие известное отражение в личных документах К. К. Рокоссовского и текстах людей, которые его хорошо знали. Именно образ воина явился главным фактором того характерного стиля командования, который выработал для себя и который последовательно реализовал в трудных условиях Великой Отечественной войны маршал.

2.13. Проблема личности воина в научной школе Н. Ф. Феденко

Возрождение отечественной военной психологии после Великой Отечественной войны означало вместе с тем и обращение к гуманистическим тенденциям русской военно-психологической мысли.

В русской военной психологии второй половины XX в. в основном принималась теория личности С. Л. Рубинштейна, как наиболее полно характеризующая личностные особенности человека. Пропагандистом этой теории среди военных психологов был ученик С. Л. Рубинштейна, профессор Военно-политической академии Н. Ф. Феденко (1928–1994). Его книга «Очерки по психологии личности советского воина» (1965) явилась заметным вкладом в военную персонологию и привлекла внимание к личности воина. Впервые в военной психологии был поставлен вопрос о том, что проблема личности является ведущей. Ее ключевое значение в том, что при решении любой проблемы военной психологии учитывается личность воина.

Н. Ф. Феденко обогатил военную персонологию тем, что исследовал механизм влияния различных факторов военной службы на развитие личности воина. Специфические черты личности военного человека рассматривались в рамках общепсихологических представлений о личности. Предполагалось, что собственно воен-

ные качества вооруженного защитника Родины не являются какими-то особыми, новыми структурными свойствами личности. Если, например, каждый человек характеризуется той или иной направленностью своей личности, то воину свойственны специфические черты направленности: склонность к военному делу, высокие идеалы воинов-героев, интерес к военной науке и боевой технике. Точно так же воину свойственны выраженные характерологические черты: бдительность, коллективизм, боевая активность и др.

Н. Ф. Феденко высоко ценил теорию и практику военно-психологического отбора и настойчиво добивался его реализации в армии и на флоте. Он полагал, что накопленный в ряде зарубежных армий опыт отбора различных категорий военнослужащих, прежде всего офицерского состава, должен осваиваться и внедряться в наших Вооруженных силах. Отбор командного состава должен учитывать интеллектуальные способности, устойчивость характера, социальные характеристики. С подобными целями используются различные методы отбора на офицерские должности: по конкурсу на основе выявления знаний, назначение высшими инстанциями, избрание подчиненными, психосоциальный отбор, оценка суждения равных». Подобная практика в настоящее время является общепринятой в системе работы с управленческими кадрами в большинстве западных стран.

Н. Ф. Феденко проявлял интерес к личности военного руководителя, анализировал зарубежный опыт формирования офицерского состава и стимулировал изучение психологических проблем военного управления. Под его руководством была подготовлена и защищена одна из первых диссертаций по этой тематике¹. Он познакомил военную общественность с одной из зарубежных типологий военных руководителей, учитывающей негативные черты стиля управления. Эта типология включает следующие категории командиров.

---

¹ См. Утлик Э. П. Учет психологических факторов в руководстве личным составом воинского подразделения. М., 1975.

«Честолюбивый администратор» видит сущность службы в исполнении бумаг. Издаёт массу приказов на все случаи жизни. Его подразделение выглядит хорошим на бумаге, но не является таким на деле.

«Славный парень» стремится каждому угодить, избегает неприятных решений, боится применить дисциплинарные меры и откладывает некоторые решения. Подобное руководство приводит к развалу или деморализует подразделение.

«Офицер-перестраховщик» больше заботится о своём положении, чем о делах в подразделении, поэтому делает только то, что прикажут. При вынужденных действиях он заручается приказом свыше для перестраховки. Офицер подобного типа так приспособливается, что вышестоящему начальству трудно разгадать его, ибо он никогда не ставит себя под удар.

«Офицер-критикан», приняв командование, начинает открыто критиковать всех предшественников, унижать авторитет подчиненных. Старается во всем видеть только плохое. Подвергает все и вся критике ради прикрытия своей собственной несостоятельности.

«Офицер-политикан» больше всего стремится угодить руководству. Его решения обычно основываются на том, что выгодно лично ему. Начальству выдает желаемое за действительное. Отличается отсутствием оригинальности и имеет склонность приписывать себе славу за дела, им не совершенные.

«Офицер-грубиян» считает, что все его подчиненные ни на что не способны, разболтаны, заставить их работать можно только угрозами. Не верит в личный состав и не любит его. Выговоры в приказе, доклады о служебном несоответствии являются основными средствами решения служебных проблем. Не имеет авторитета у подчиненных, отрывается от них и превращается в диктатора.

«Один за всех» не доверяет подчиненным и делает все сам. Чем больше он работает, тем сильнее вязнет в мелочах. Не видит плодов своего труда, падает духом и заканчивает службу с нервным перенапряжением.

«Нерешительный офицер» тратит много времени на размышления. Обычные вопросы у него превращаются в сложные проблемы. Его подчиненные часто сидят без дела, потом наверстывают упущенное. Страх совершить ошибку так его угнетает,

что он не может принять решение без продолжительного продумывания.

«Прирожденный командир» всегда подчеркивает трудности своей службы. В действительности же он никогда не утруждает себя работой. Обижается, когда старшие начальники «не замечают» его и выдвигают на повышение других. Такой офицер всегда обвиняет других, если что-нибудь не ладится, а все хорошее, достигнутое ими, приписывает себе.

«Офицер, совершенствующий мелочи», увлекается деталями, а крупные дела проходят мимо него. Он может потратить недели на руководство постройкой кладовой и пять минут на утверждение сметы. Тратит 90% времени на второстепенные вопросы и только 10% – на основные. Причина проста: в мелких вопросах он разбирается, а в крупных – нет»¹.

Ясно, что подобные типологии являются полезным инструментом для изучения управленческой деятельности в армии и ее совершенствования.

Н. Ф. Феденко много внимания уделил изучению влияний на личность разных видов боевой подготовки и повседневной службы, то есть формированию личности воина. Он стремился дать и общепсихологическую характеристику личности воина и исследовать ее специфические проявления в условиях военной службы.

Прежде всего интерес Феденко был обращен к направленности личности различных категорий военнослужащих. Свои представления на эту тему он изложил в 1963 г. в статье «Проблема направленности личности в советской военной психологии»². Кроме того, он поощрял исследовательскую работу по этой проблематике и был научным руководителем ряда кандидатских диссертаций, посвященных направленности личности воина и ее отдельным аспектам (Л. Ф. Железняк, Г. А. Давыдов и др.).

Интерес к направленности личности объяснялся тем, что существующие в психологии представления не удовлетворяли запросов военной практики, прежде всего необходимости объяснения военно-профессиональной ориентации человека. Н. Ф. Феденко рас-

---

¹ Проблемы психологии воинского коллектива. М., 1973. С. 286–287.

² См.: Труды академии. М. : ВПА, 1963. С. 15–21.

смаатривал направленность как наиболее полное выражение человеческой индивидуальности: «Направленность накладывает отпечаток на все проявления человека. Его действия, поступки, поведение, его мысли, чувства, представления об окружающем – все это по своему содержанию всецело зависит от направленности, все подчинено направленности»¹.

Направленность личности является обобщенной характеристикой воина с точки зрения того, к чему он стремится, что он ценит в мире и как поэтому воспринимает внешние воздействия. Знание содержания и структуры направленности воина дает представление о преобладающей ориентации его мыслей и стремлений, позволяет верно оценивать и, что очень важно, прогнозировать его поступки и их мотивы². Это свойство личности раскрывалось как «система целей, стоящих перед человеком, которые он преследует своими действиями, то есть личная целеустремленность человека. Жизнь характеризуется тем, что человек сознательно ставит перед собой какие-то цели и прилагает усилия для их достижения. В сознании человека цель выступает как объект, на достижении которого сосредоточены все его действия, как предполагаемый результат действий»³.

Н. Ф. Феденко связывал направленность прежде всего с целями человека: «Чтобы понять направленность, надо разобраться в целеустремленности, в системе целей, которые человек перед собой ставит. В определение направленности вводить мотивы нецелесообразно, ибо они показывают побудительные силы деятельности человека, а не то, куда и на что нацелена эта деятельность. Точно так же в определение направленности не вводится характеристика тех условий, которые определяют содержание мотивов и таким образом побуждающе влияют на человека»⁴.

Не вынося мотивы на первый план в структуре направленности, Н. Ф. Феденко имел в виду, что одни и те же цели люди могут

---

¹ Труды академии. М. : ВПА, 1963. С. 152.

² См.: Военная педагогика и психология. М., 1986. С. 32–33.

³ Труды академии. М. : ВПА, 1963. С. 155.

⁴ Там же. 1963. С. 156.

преследовать под влиянием разных мотивов. Кроме того, «человек ставит перед собой те или иные цели под влиянием жизненных обстоятельств и в соответствии с условиями, в которых он живет и действует». Но, конечно же, «личная целеустремленность складывается под влиянием известных внутренних побудителей (мотивов), от которых и зависит то, на каких объектах остановится сознание человека»¹. Некоторые из этих мотивов могут быть бессознательными. Следовательно, на первом этапе изучения личности важно выявить именно цели, а потом – их мотивационное обеспечение. Таким образом, направленность личности и мотивационная сфера не смешиваются, являясь двумя сторонами механизма жизненной ориентации человека.

«Для того чтобы составить определенное мнение о направленности личности каждого отдельного воина, надо понять:

а) уровень его военно-политического и нравственного развития, содержание, прочность убеждений, их активность и степень влияния на повседневное поведение;

б) цели и мотивы, личные решения, связанные с требованиями повышения боевой квалификации, укрепления дисциплины, поддержания постоянной боевой готовности, а также отношение к конкретным задачам воинской деятельности;

в) другие устойчивые жизненные цели, их содержание и планируемую последовательность действий, направленных на их реализацию; отношение этих целей к военной службе;

г) содержание преобладающих индивидуальных потребностей, познавательных и эстетических интересов, духовных запросов и возможности их удовлетворения в условиях армии и флота.

На основе этих данных можно судить о направленности в целом и о ее отдельных параметрах:

Определенность, то есть выраженность основных устремлений, наличие перспективных жизненных целей и соответствующих мотивов.

Соответствие личных целей и мотивов задачам, решаемым Вооруженными силами.

---

¹ Труды академии. М. : ВПА, 1963. С. 157.

Индивидуальная структура направленности, взаимное соотношение целей различного содержания, степень их согласованности и непротиворечивости»¹.

Существенным образом тема направленности личности военнослужащего обогатилась исследованиями Л. Ф. Железняк, результаты которых обобщены в докторской диссертации «Теория военно-профессиональной направленности личности советского офицера», в ряде монографий и других публикаций.

В этих работах показано, что направленность – это свойство личности, которое определяется системой потребностей, преобладающих мотивов, мировоззрением и выражается в жизненных целях и отношениях». Направленность – это содержание личности, ее нравственное, социальное лицо. Военно-профессиональная направленность офицера представляет собой составную часть общей направленности его личности. Она заключается в мотивированной устремленности к военной службе как в мирное, так и в военное время. Структурными элементами военно-профессиональной направленности являются профессиональные убеждения, интересы, склонности, идеалы офицера. Они проявляются в служебной деятельности через систему соответствующих целей, намерений и перспектив.

Л. Ф. Железняк утверждает, что военно-профессиональная направленность занимает ведущее место в структуре личности офицера, выполняя функции побуждения, ориентации и регуляции. Она оказывает влияние на психические процессы, состояния, образования, личностные свойства и качества офицера и выступает важнейшей предпосылкой эффективности его служебной деятельности.

Военно-профессиональная направленность личности непосредственно связана с соответствующими социальными и военными ценностями. Она формируется под влиянием общественной потребности в военной профессии, при условии ее высокой социальной значимости и престижа. Со стороны потенциального воина предполагается осознание этой потребности, а также своей профес-

---

¹ *Барабанщиков А. В.* и др. Военная педагогика и психология. М., 1986. С. 33.

сиональной пригодности и готовности к преодолению трудностей воинской службы. В процессе формирования военно-профессиональной направленности происходит превращение задач военной службы и защиты отечества в лично значимые цели, развивается интерес к военной специальности, складывается достаточно полное и адекватное представление о ней, растет уровень притязаний. Благоприятствуют развитию военно-профессиональной направленности молодого офицера успехи в службе и надлежащая реакция на них командования и войсковой общности, культура офицерского коллектива, поощряющая саморазвитие и самовоспитание.

Таким образом, военная направленность личности представлена здесь как результат осознания индивидуальных способностей к профессиональной воинской деятельности со всеми ее особенностями и трудностями. Это осознание облегчается в благоприятных социальных условиях, когда общество и государство демонстрируют общественную потребность в военной профессии и обеспечивают ее престиж.

Н. Ф. Феденко провел ряд войсковых исследований в целях идентификации характера военного человека, которые описаны в книге «Очерки по психологии личности советского воина». Характер рассматривался как свойство, которое непосредственно примыкает к направленности личности и представляет собой готовность воина действовать в соответствии с патриотическими взглядами. Воинский характер – это совокупность черт, закрепляющих способность переносить тяготы военной службы, психологическую готовность к самоотверженному поведению в боевой обстановке. «Особенно ярко вырисовывается характер в сложной обстановке, когда предъявляются повышенные требования, когда воин должен проявить смелость, самоотверженность, мужество, стойкость, сознание воинской чести, взаимовыручку и др.»¹.

Н. Ф. Феденко принадлежит смелая трактовка способностей, что было редким явлением в условиях остаточного влияния «лы-

---

¹ *Барабанищikov А. В.* и др. Военная педагогика и психология. С. 33–34.

сенковщины» на психологию¹. Под способностями он понимал свойства личности, проявляющиеся «с той быстротой, с которой необходимые для данной профессии процессы, свойства и образования могут быть развиты, и в той степени, до которой они в развитии могут быть доведены. Основным содержанием этого свойства является возможность качественного развития личности»².

Это, во-первых, широкий подход к способностям, при котором они представляются в виде ядра, из которого в социальных условиях формируется личность, в том числе характер и направленность, а не только профессиональное мастерство, как это чаще всего представляется. Во-вторых, здесь без лукавства говорится о естественной ограниченности развития функциональных качеств человека, что необходимо учитывать в условиях скоротечности военных событий.

Стремясь выделить особенности военно-психологического подхода к личности, Н. Ф. Феденко тщательно отслеживал влияние военной службы, боевой подготовки, системы воспитательной работы, взаимоотношений в воинском коллективе на формирование боевых и моральных качеств воина. В этом отношении он развивал идеи, намеченные в трудах И. Маслова, А. Свечина и других военных теоретиков. «Постоянная армия, с ее традициями, с ее твердым распорядком казармы, представляет могущественное орудие переработки человеческого сознания»³.

---

¹ Т. Д. Лысенко заявил в своем выступлении на Втором Всесоюзном съезде колхозников-ударников в 1935 г.: «В нашем Советском Союзе, товарищи, люди не рождаются, рождаются организмы, а люди у нас делаются – трактористы, мотористы, механики, академики, ученые и так далее, и так далее. И вот один из таких сделанных людей, а не рожденных, я – я не родился человеком, я сделался человеком». (Т. Д. Лысенко, Д. Нурматов, Т. С. Мальцев, А. А. Курносенко. Сельскохозяйственная наука и колхозное опытничество. Второй Всесоюзный съезд колхозников-ударников. ОГИЗ-Сельхозгиз. 1935. С. 14–15).

² Феденко Н. Ф. Очерки по психологии личности советского воина. М., 1965. С. 68.

³ Свечин А. А. Стратегия. М., 1927. С. 111.

Формирование боевых качеств, их содержание зависят от прочности связей воина с обществом и тем конкретным коллективом, в котором он несет службу. Напряженность, ответственность и осознание значимости службы – психологические условия, необходимые для становления личности воина.

Развитие боевых качеств сопряжено со многими трудностями. Достаточно учесть сложности адаптации к военной службе молодого человека. Новизна обстановки вызывает у молодых солдат и матросов чувство неуверенности и растерянности. Человек должен привыкнуть к распорядку дня, режиму повышенных физических нагрузок, к новым формам общения и взаимодействия, к форме одежды, условиям быта и отдыха, а также нередко и к новым климатическим, природным условиям. Увеличивается количество задач, которые для своего решения требуют интенсивного мышления, поскольку приобретенные ранее навыки и привычки в новых условиях оказываются не всегда пригодными. Все это представляет большую нагрузку для психики молодых воинов.

Успешная адаптация к трудностям военной службы позволяет человеку подняться на более высокий уровень функционирования, что заметно по изменениям, затрагивающим все структурные элементы личности: направленность, характер, способности и темперамент.

Развивается понимание воинского долга, формируется положительное отношение ко многим сторонам военной службы, к четкому ритму жизни, форме одежды, общему духу самоотверженного ратного труда. У многих все это перерастает в настоящую военно-профессиональную направленность личности, и они принимают решение связать свою последующую жизнь с военной службой.

В то же время происходит укрепление характера, особенно таких его черт, как смелость, настойчивость, мужество, дисциплинированность, боевая активность, воинский коллективизм. Быстро и подчас неожиданно для самих воинов раскрываются новые стороны в их способностях, и они становятся замечательными военными специалистами, развивают тактическое мышление, интуицию, наблюдательность и другие полезные качества.

Всесторонне характеризуя личность воина, Н. Ф. Феденко призывал офицеров ценить личность в самом себе и видеть личность в каждом подчиненном. С беспокойством приводит он исследовательские данные о том, что «приблизительно треть воинов не называют открыто своих друзей», что нередко офицеры не понимают своих подчиненных и не любят работу с ними.

* * *

Многочисленные и разнообразные идеи отечественных полководцев, военных деятелей, ученых и специалистов по психологии личности являются, по существу, фрагментами будущей целостной картины личности воина России, хотя если судить по состоянию современной мировой персонологии, ждать этого придется долго.

Почти все включенные в обзор концепции индивидуализированны – они являются преимущественно результатом личного опыта и обобщения опыта других военачальников, включая и исторических лиц. Это значит, что они функциональны и в целом адекватны той военно-социальной и политической среде, в которой жили их авторы. Например, концепция личности, созданная А. В. Суворовым, тесно связана с его временем, с теми людьми, которые служили в Российской армии второй половины XVIII в., и системой подготовки офицерского состава того исторического периода. Еще более тесно она связана с личностью самого полководца: она «верна» и эффективна прежде всего для самого полководца, для А.В. Суворова. Конечно, при всем этом концепция личности Суворова содержит непреходящие ценности, которые обогащают военное дело в целом, независимо от исторического времени, типа культуры и цивилизации. То же можно сказать и о концепциях других авторов.

В общем, включенным в обзор теориям свойственны: описательность; выраженная военно-профессиональная ориентация; опора на боевые качества; военно-исторический уклон.

Глава 3

ЛИЧНОСТЬ ВОИНА. ВОПРОСЫ ТЕОРИИ

Как видим, общепсихологическое познание личности существенно дополняется и конкретизируется военной психологией так же, как и многими другими отраслями психологии. Персоналогический вклад военной психологии состоит в познании тех сторон и личностных проявлений, которые реализуются в одной из самых экстремальных областей человеческого бытия – войне и военном деле. Отечественная психология, как и во времена М. И. Драгомирова¹, то есть, полтора века назад, обычно игнорирует этот вклад.

Современная культура общества, как и психология человека, его «коллективное бессознательное», сформировались не без влияния войны, которая неизменно сопутствует человеческой исто-

---

¹ «Нам кажется, что невнимание психологов к тем явлениям, которые происходят в душе человека под пулями и гранатами, или при разрешении таких вопросов, какие пришлось решать, напр., Наполеону под Маренго или под Ватерлоо, лишало их по сие время самых драгоценных фактов для изучения духовной деятельности человеческого организма. Могут заметить: почему же не занимались этим сами военные? По весьма простой причине: одни – по странному предубеждению, будто человек на войне должен быть не человеком, а героем, и что, следовательно, должно скрывать перед непосвященными те муки сомнений, колебаний, борьбы с инстинктом самосохранения, через которые неминуемо проходит в деле всякий военный; другие – потому, что, позируя перед обыкновенными смертными в роли юпитеров-громовержцев, тщились и в своих сочинениях не представить работу своего ума и воли так, как она действительно происходила, а хлопотали об одном только: о том, чтобы скрыть процесс этой работы; таковы, напр., были Цезарь, Наполеон; читавшие сочинения их без труда убедятся в верности этого положения: подобные люди никогда не ошибаются; никогда не мучимы сомнениями; неудачам их виновато все что угодно – небо, вода, земля, но никогда не они сами; третьи, наконец, и таковых масса, не занимались тем, что происходит в душе человека во время боя, по той простой причине, что и сами-то едва помнят и сознают, что и как с ними там происходило» (М. И. Драгомиров. «Война и мир гр. Толстого с военной точки зрения». Киев, 1895. С. 3).

рии. Именно войне необходимо было большое число людей с теми качествами, которые помогали им выстоять в борьбе, в походных трудностях, преодолевать страх, боль, действовать согласованно, взаимодействовать, выручать друг друга из опасности. В боях и походах формировалась личность.

Военная психология больше, чем другие психологические дисциплины, привязана к проблеме личности, к тем свойствам человека, которые необходимы для ведения боя. Само зарождение военно-психологической мысли связано с представлениями о личности. Уже в «Слове о полку Игореве» (XII в.) активно используются личностные понятия. Воин в этом древнем литературном источнике наделяется такими качествами, как опытный, закаленный, непритязательный, знающий местность, быстрый, преданный князю, честолюбивый, патриотически настроенный. Князь Всеволод представляет свою дружину: «А куряне мои – воеводы опытные: под трубами их породили, под шеломами укачивали, с острия копья вскармливали; дороги знакомы им, водопои известны; луки у них натянуты, колчаны раскрыты и сабли отточены. Сами скачут они, как серые волки, себе честь добывая, а князю славу».

И «великий Святослав» говорит о своих сыновьях: «Храбрые ваши сердца в крепкой броне скованы и в гордости закалены!».

К числу личностных признаков культуры древней Руси можно отнести и относительно редкое употребление отчеств при упоминании князей, воевод и других лиц, имена которых есть в летописях. Слова: «Рюриковичи», «Святославичи», «Ольговичи» чаще обозначали род, но не индивидуальность.

3.1. Боевые качества воина: вопросы истории

Личность воина выражается в военно-профессиональных достоинствах, в тех его качествах, по которым он принимается на службу и которые он формирует в себе повседневными делами, боевой и военно-политической подготовкой. Соответственно, система военно-профессионального отбора, содержание боевой учебы и воспитательной работы нуждаются в четких личностных ориентирах. Проблема, однако, заключается в том, что достаточной

ясности в том, какие именно качества человека нужны для профессиональной военной службы, нет. Ответ на этот вопрос имеет свои исторические, философские и культурологические корни. В разные исторические времена, в различных культурах и цивилизациях существовали разные представления о личности воина, разные идеалы совершенного воина. Многое зависело от научного и общественного восприятия войны: война – это социальная и личная трагедия или возможность решить важные социальные и личные проблемы?

В этом отношении культура (традиции) может быть в конфликте с военной реальностью. Например, во время египетского похода Наполеона, его противники – мамлюки – верили, что холодное оружие в отважных и умелых руках превосходит огнестрельное. Они презирали порох, потому что «с мушкетом даже женщина может убить многих мужей». Они стремились встретить современность с высоты конского седла, оружием своих отцов, личной храбростью, воинственностью и полным презрением к смерти.

Антропологи утверждают, что на заре истории человечества лучшим воином считался не тот, кто побеждал в межплеменных войнах, а тот, кто был более авторитетным в своей среде, кто приносил большую пользу своему роду, например, умел лучше других добывать пищу.

В профессиональных кодексах чести ряда армий обычно перечисляются качества личности воина, которые он должен обрести, или указываются образцы поведения, которым он должен следовать. В польском военном кодексе чести указано: «Основными достоинствами профессионального солдата являются: патриотизм, храбрость, честность, ответственность, справедливость, правдивость и профессиональная солидарность. На поле боя необходимо быть мужественным, смелым и предусмотрительным, и его поведение должно служить примером для других».

Иногда требуемые качества персонализируются, как в кодексе чести офицера США: «Исторически, одним из первых людей, являющимся образцом выполнения Кодекса чести офицера был генерал Вашингтон, который воплощал образ человека высокой чести,

дисциплинированности, самопожертвования, человека, умевшего вести за собой и полностью преданного своему делу».

В истории человеческой мысли есть много идей о войне и требованиях, которые она предъявляет к человеку и обществу. Серьезные рассуждения о личности воина мы находим уже у античных мыслителей, которые анализировали мужество в числе четырех добродетелей, образующих антропологический остов зрелой культуры (умеренность, благоразумие, мужество и справедливость). Мужество – это готовность к борьбе со злом, в каком бы виде оно не выступало. Мужество предполагает интеллект, но также и самопожертвование. Как мужчина, так и женщина могут проявить высший уровень мужества: мужчина – на поле боя, женщина – при родах, угрожающих ее жизни.

В трудах Платона сформулировано целостное понимание «безупречного стража государства»: «чтобы хорошо сражаться, надо быть мужественным». Мужество связывается с понятием «яростного духа», который «неодолим и непобедим»; когда он есть, любая душа ничего не боится и ни перед чем не отступает». Однако «яростный дух» должен сочетаться с кротостью в отношениях друг к другу: воины «должны быть кроткими к своим людям и грозными для неприятеля». Кроме того, «безупречный страж государства должен по своей природе еще и стремиться к мудрости».

Платон предупреждает также: «...если люди, стоящие на страже законов и государства, таковы не по существу, а только такими кажутся, они разрушат до основания все государство...»¹.

Отдельно теме мужества у Платона посвящен целиком диалог «Лахет», который содержит много интересных соображений, но завершается, по оценке его участников, в общем, безрезультатно.

«Сократ: значит, мой Никий, мы не выявили, что же такое мужество.

Никий: кажется, нет»².

---

¹ Платон. Государство // Собр. соч. : в 4 т. М., 1994. Т. 3. С. 137–138.

² Платон. Диалоги. М., 1986. С. 247.

Но в целом воин у Платона – это человек мужественный, агрессивный относительно врага (воинственный), дружелюбный к своим соотечественникам вообще и братьям по оружию в особенности, и обладающий высоким интеллектом.

Аристотель создавал образ «настоящего человека» своего города-государства, который в то же время был и воином. Добродетель, согласно Аристотелю, включает: «справедливость, мужество, благоразумие, щедрость, великодушие, свободное бескорыстие, рассудительность, мудрость. Если добродетель есть способность совершать благодеяния, величайшими из добродетелей необходимо будут те, которые наиболее полезны для других. Вследствие этого наибольшим почетом пользуются люди справедливые и мужественные, потому что мужество приносит пользу людям во время войны, а справедливость полезна другим и в мирное время.

Мужество – это добродетель, благодаря которой люди в опасности совершают прекрасные дела, руководясь законом, трусость же – противоположное»¹.

Просто и даже красочно оценил взгляд Аристотеля на мужество живший намного позже испанский мыслитель Хуан Уарте (1530–1588). Он обратил внимание на аргументацию Аристотеля: «хотя мужество не является наибольшей добродетелью, а уступает справедливости и благоразумию, тем не менее, как государство, так и все люди по общему согласию уважают и почитают мужественных больше, чем справедливых и благоразумных... Все дело в том, что «в мире нет ни одного царя, который не вел бы оборонительной или наступательной войны, а так как храбрые доставляют ему славу и власть, мстят его врагам и охраняют его государство, то цари оказывают больше почестей не высшей добродетели, каковой является справедливость, а той, от которой они получают больше пользы. И если бы дело обстояло не так, то каким образом цари могли бы найти полководца и солдат, которые с охотой рисковали бы жизнью для защиты их государств и владений»².

---

¹ *Аристотель*. Риторика, Поэтика. М., 2000. С. 33.

² *Уарте (Huarte) Хуан*. Исследование способностей к наукам. М., 1960. С. 236.

Уарте, однако, предлагает, как он утверждает, «лучшую» аргументацию. «Когда Рим устраивал в честь своих полководцев триумфы и празднества, то он вознаграждал не только храбрость триумфатора, но также и справедливость, посредством которой он поддерживал в войске мир и согласие, благоразумие, посредством которого он совершал свои подвиги, и умеренность, выразившуюся в том, что он воздерживался от вина, женщин и обильной еды, ибо эти вещи возмущают суждения и не дают возможности принять хорошее решение.

Напротив, главнокомандующий нуждается больше всего в благоразумии; его следует вознаграждать больше, чем мужество и храбрость, ибо, как говорит Вегеций, очень немногим храбрым полководцам удавалось совершить великие подвиги. Причина этого состоит в том, что на войне благоразумие требуется в большей степени, чем смелость при нападении.

Война столь опасна, а королю в такой степени нужно знать, кому он может доверить свое государство, что, указав этот вид таланта и его признаки, мы окажем не меньшую услугу государству, чем описав другие виды талантов»¹.

Древнеримская военная культура сформировала классический тип воина. Как следует из трудов историка Тита Ливия² (59 г. до н. э. – 17 год н. э.), индивидуальная личностная доблесть воина – *Virtus* – включала следующие качества:

- прочно укорененное чувство гражданской свободы, подкрепленное государственным устройством и народным этосом;
- неуклонное следование законам и решениям военачальников – знаменитая римская дисциплина;
- убежденность в божественном покровительстве «главенствующего на земле народа» и его божественном предназначении (миссии);
- потребность постоянно проверять с помощью тщательно продуманных и скрупулезно выполняемых обрядов, насколько

---

¹ Уарте (*Huarte*) Хуан. Исследование способностей к наукам. С. 237.

² См.: Ливий Т. История Рима от основания города. М., 1989. Т. I.

предпринимаемые действия соответствуют сакрально predetermined назначению народа и предначертаниям богов;

- мужество, то есть жизнестойкость и могучая выносливость, героическая воля жертвами преодолевать трудности и никогда не сдаваться, вытекающие из осознания того, что священные предначертания загадочны и миром правит случай, судьба, фатум.

Как показывает Ливий, индивидуальное и групповое мужество воинов – это величина переменная, и это хорошо понимали выдающиеся римские военачальники и полководцы. Ливий рассказывает, как однажды экстренно избранный диктатором Луций Квинций Цинциннат, освободивший решительными и умелыми действиями окруженное римское войско во главе с консулом Минуцием, вынес последнему следующий приговор: «А ты, Минуций, пока не обретишь необходимого консулу мужества, останешься во главе своих легионов *только* как легат»¹.

На многих страницах обширной истории Рима можно встретить выражения: «стыд вдруг вернул им мужество»; «их мужество воодушевило и трусов»; «много мужества придавало солдатам присутствие Сципиона...»

Как пишет Т. Ливий, этот же полководец умел и словами добавлять войскам мужества: «...объехав ряды солдат под знаменами, указал он на врагов:

– Они заняли холм, уже не надеясь на успех в бою на равнине; они полагаются не на мужество, не на оружие, а на неприступность самого места. Но стены Нового Карфагена, на которые взойшел римский солдат, были выше; ни холмы, ни крепость, ни даже море – не препятствие римскому оружию»².

В последующем идеи Платона (Сократа), Аристотеля, многих римских авторов о мужестве активно осмысливаются в христианской теологии, от раннего средневековья и до современности: от Амвросия, Августина, Аквината (Фомы Аквинского) до П. Тиллиха (1886–1965).

---

¹ Ливий Т. История Рима от основания города. М., 1989. Т. I. С. 141.

² Там же. Т. 2. Кн. 27. С. 291.

Амвросий Медиоланский (340–397) обсуждает четыре основные добродетели человека: «на первом месте благоразумие, которое занято исследованием истины и поддерживает стремление к более совершенному знанию: на втором – справедливость, которая уделяет каждому свое, не изъявляет притязаний на чужое, пренебрегает собственной выгодой, заботясь о всеобщей гармонии; на третьем – мужество, которое как в военных, так и домашних делах характеризуется особым величием духа, преимуществующим пред телесными силами; на четвертом – умеренность, которая соблюдает меру и порядок во всем, что мы считаем нужным сделать или сказать»¹.

Согласно Амвросию, «как эти, так и другие добродетели являются между собой тесно связанными. Ведь и храбрость, которая или защищает на войне отечество от варваров, или в обыденной жизни вступает за слабых или за товарища (при нападениях) разбойников, – исполнена справедливости; дает знать, каким образом защитить или помочь; сделать что либо в свое время и в своем месте, – также есть дело благоразумия и умеренности; сама умеренность немыслима без благоразумия; познавать благовременность и воздавать по достоинству имеет ближайшее отношение к справедливости; во всех же их должно сказываться великодушие и некоторое мужество ума, а нередко и тела, чтобы иметь возможность привести свое желание в исполнение».

В свою очередь мужество, с точки зрения Амвросия, защищает все остальные добродетели: охраняет справедливость, оно неумолимо к порокам; проявляется в работе, как выносливость; в опасности – как смелость; мужество – это невозмутимость перед лицом соблазнов. Оно избегает жадности, как чумы. Мужество противостоит всякому злу².

Фома Аквинский, в отличие от более ранних мыслителей, которые в общем только затронули проблему мужества, посвятил ей значительную часть своего труда «Сумма теологии». Он широ-

---

¹ Об обязанностях священнослужителей. Творение Св. Амвросия, епископа Медиоланского. Казань, 1908. С. 107–108.

² Там же. С. 119.

ко использовал многое из написанного о мужестве Платоном, Аристотелем, философами-стоиками, Сенекой, Цицероном, Амвросием, Августином и др.

Подобно своим предшественникам, Аквинат сосредоточивается на «добродетелях» человека, среди которых четыре главные: мудрость, справедливость, мужество и умеренность, и три дополнительные (богословские) – вера, надежда и милосердие. Это, по существу, платонически-стоическая модель.

Главные добродетели названы так «из-за их значимости, а именно: мудрость (рассудительность) – как распоряжающаяся добродетель; справедливость (правосудность) – как добродетель, связанная с должными отношениями между равными; умеренность (благоразумие) – как добродетель, умеряющая желание удовольствий; мужество – как добродетель, укрепляющая в случае смертельной опасности»¹. «Мужеству надлежит утверждать человека в благе добродетели, и главным образом, если он сталкивается с опасностями, особенно же – со смертельными опасностями, и в первую очередь с теми, которые возникают в бою»².

Серьезной проблемой Аквинат считает характер связи между различными добродетелями (чертами личности). Он и полемизирует, и соглашается с другими богословами. «Кажется, что четыре вышеупомянутые добродетели не являются различными и не отличаются друг от друга. Так, Григорий говорит, что «не существует ни истинной рассудительности без благоразумия и отваги, ни совершенного благоразумия без отваги и рассудительности, ни стойкого мужества без рассудительности, благоразумия и правосудности, ни настоящей правосудности без рассудительности, мужества и благоразумия. Но подобное не могло бы иметь места, если бы вышеупомянутые добродетели не отличались друг от друга»³.

В самом деле, любая нравственная добродетель, будучи «навыком», должна обладать некоторой устойчивостью, чтобы ее нельзя

---

¹ *Фома Аквинский. Сумма теологии. Ч. II–I. Вопросы 49–89. Киев, 2008. С. 149.*

² Там же. С. 29.

³ Там же. С. 150.

было подвигнуть к тому, что ей противоположно, а это, как уже было сказано, связано с мужеством. Далее, коль скоро все они суть «добродетели», они определены к благу, что подразумевает правильность и долженствование, а это, как уже было сказано, связано с правосудностью. Кроме того, они являются «нравственными добродетелями», то есть причастными разуму.

«Поэтому тот, кто способен обуздывать свои желания, связанные с удовольствиями от осязания, и удерживать их в разумных границах, что является делом весьма нелегким, тем более способен не впадать в крайности и сохранять спокойствие перед лицом смертельной опасности, и в этом смысле о мужестве говорят, как о благоразумии. А о благоразумии говорят как об отваге из-за проникающего в благоразумие мужества, а именно постольку, поскольку тот, чей ум, так сказать, вооружен мужеством против страха перед смертельными опасностями, что тоже составляет немалую трудность, более других готов к тому, чтобы твердо противостоять соблазнам. Другие же авторы рассуждают тоньше и рассматривают эти четыре добродетели с той точки зрения, что каждая из них обладает своей специфической и соответствующей ей материей... Отсюда следует, что вышеупомянутые добродетели являются отличными друг от друга навыками, согласно разнообразию их объектов»¹.

Таким образом, Аквинат видит особенность мужества в том, что оно обеспечивает согласие планов и поступков человека с разумом. Мужество – это сила, позволяющая грудью встречать различные трудности, как духовные, так и физические. Мужество интегрирует внутренние силы личности. Действия, источнику которых не свойственно это внутреннее единство на основе разума, не являются мужественными, хотя могут такими казаться.

Необходимость мужества порождается возможной дисгармонией душевных процессов. «В самом деле, необходимость упорядочения разумом страстей обусловлена тем, что страсти могут препятствовать исполнению распоряжений разума, и это может происходить двояко. Во-первых, страсти могут побуждать к чему-

---

¹ *Фома Аквинский. Сумма теологии. Части II–I. Вопросы 49–89. С. 152.*

то такому, что противно разуму, и в этом отношении они нуждаются в обуздании, каковой и является функция «благоразумия». Во-вторых, страсти могут уводить нас от следования распоряжениям разума, например, из страха перед опасностью или тяжким трудом, в связи с чем человек нуждается в укреплении своей решимости следовать распоряжениям разума, для чего ему требуется «мужество»¹.

Как видно, источником мужества (да и всех остальных добродетелей) у Аквината является разум: «все трудности ситуации исследует разум. Поэтому мужественные люди, которые противостоят опасности согласно суждению разума, поначалу кажутся слабыми, поскольку готовы встретить опасность не со страстным порывом, а после ее осмысления. Однако после того, как опасность уже наступила, они не встречают ничего непредвиденного, а бывает даже и так, что трудности оказываются меньшими, чем предполагались, и в итоге мужественные люди проявляют большую стойкость. Кроме того, они часто идут навстречу опасности по убеждению своей добродетели, и тогда она является осознанным объектом их воли, что особенно очевидно в тех случаях, когда опасность особенно велика, в то время как смельчаки стремятся к опасности, просто основываясь на мнении, которое обуславливает надежду и избавляет от страха»².

Различие между отдельными добродетелями Аквинат обосновывает и генетически: «Один человек может обладать естественной способностью к науке, другой – к мужеству, третий – к умеренности. И таким вот образом в нас изначально самой природой заложены умственные и нравственные добродетели, хотя и несовершенно, поскольку природа определена к чему-то одному, в то время как совершенствование этих добродетелей зависит не от одного конкретного модуса действия, но – от различных модусов, от разных вопросов, так или иначе входящих в сферу деятельности добродетели, и от различных обстоятельств.

---

¹ *Фома Аквинский. Сумма теологии. Части II–I. С. 147.*

² Там же. С. 525.

Поэтому ясно, что все добродетели присутствуют в нас естественным образом с точки зрения способности и изначальности, но не с точки зрения своего совершенства, за исключением теологических добродетелей, которые [действительно] «полностью извне»¹.

Тему мужества Аквинат постоянно сводит к тому, что ему ближе – к мученичеству, находя здесь общность с военным мужеством. «Мученики смело борются за свою личность во имя высшего блага, каковым является Бог, и потому их мужество почитается в первую очередь. И это мужество по роду является тем же, что и мужество сражающихся на войне, в связи с чем о них сказано, что они «крепки на войне»².

«Принимающий мученичество человек неколебимо утверждён в благе добродетели, поскольку он сохраняет верность правосудности и вере несмотря на угрожающую ему опасность смерти, неминуемость которой обуславливается его своего рода частной борьбой со своими гонителями. Отсюда понятно, что мученичество является актом мужества, Мученичество же по своей сути есть твердое отстаивание правды и правосудности наперекор нападениям гонителей. Отсюда очевидно, что мученичество является актом добродетели»³.

«Стойким быть трудней, чем напористым, и на то есть три причины. Во-первых, та, что стойкость, пожалуй, подразумевает нападение со стороны более сильного, тогда как нападающий считает более сильным себя, а с сильным бороться трудней, чем со слабым. Во-вторых, та, что проявляющий стойкость сознает присутствие опасности, тогда как нападающий считает, что опасность поджидает его только в будущем, а трудней не быть движимым существующим, чем тем, что ожидается в будущем. В-третьих, та, что стойкость подразумевает некоторую продолжительность, тогда как напористость сопряжена со стремительными движениями,

---

¹ *Фома Аквинский*. Сумма теологии. Ч. II–I. Вопросы 49–89. С. 168.

² *Фома Аквинский*. Сумма теологии. Ч. II–II. Вопросы 123–189. Киев, 2014. С. 13.

³ Там же. С. 27.

а оставаться недвижимым в продолжение некоторого времени трудней, чем быть стремительно подвинутом на что-то трудное.

Стойкий превозмогает страх, непосредственно столкнувшись с причиной страха, в то время как нападающий еще не столкнулся с этой причиной»¹.

Таким образом, стойкость перед силами зла, невозмутимость среди опасностей, овладение страхом – основные функции мужества. В качестве подтверждения всего этого Аквинат приводит четыре соображения:

1) выдержка, терпение – это превосходство духовной силы над силой нападения; мужество всегда на стороне слабейшего (Давид против Голиафа);

2) для обороняющегося (страдающего) опасность является уже состоявшимся фактом, между тем как для нападающего – это только возможность;

3) страдание – длительное состояние, предполагающее терпение;

4) в страдание включено конкретное духовное действие (сила духа).

Спиноза о мужестве, храбрости и силе духа

Если большинство авторов, размышлявших когда-либо о боевых качествах людей, видели в мужестве синтез воинских достоинств, главнейшими из которых были храбрость, смелость (решимость, отвага), стойкость (твердость) и др., то Б. Спиноза на место мужества поставил храбрость, «великую силу духа». Эту черту он подразделил «на мужество (*Animositas*) и великодушие (*Generositas*). «Под мужеством я понимаю стремление сохранять свое существование, следуя единственно внушению разума. Под великодушием же я разумею пожелание, по которому каждый, следуя только внушению разума, стремится помогать другим людям. Следовательно, умеренность, трезвость и присутствие духа в опасностях и проч. суть виды мужества; а скромность, милосердие и проч. суть виды великодушия»².

---

¹ *Фома Аквинский*. Сумма теологии. Ч. II–II. Вопросы 123–189. С. 15.

² *Спиноза Б.* Этика. Мн. ; М., 2001. С. 185.

Быть мужественным, согласно Спинозе, значит, жить по закону. Это нелегко, «ибо многие думают, что они свободны постольку, поскольку могут служить своим похотям, и отказываются от своих прав постольку, поскольку обязаны жить по предписаниям божественного закона. Благочестие же и религию и вообще все, относящееся к душевному мужеству, они считают тягостью, от которой они надеются избавиться после смерти, и надеются получить награду за свое рабство, именно за благочестие и религиозность»¹.

Представляет интерес истолкование Б. Спинозой категорий «дух», «сила духа» и производные от них. Конечно, философ опирается на Священное Писание. Он полагает, что исходным явилось еврейское слово «руах», которое люди истолковывают словом «дух». Слово «руах» означает «ветер», но оно очень часто употребляется во многих других значениях, производных от него. Его применяют:

- 1) для означения дыхания: «И нет духа в устах их»;
- 2) для означения бодрости или одушевления: «и возвратился к нему дух», т. е. он стал бодрым;
- 3) в значении мужества и силы, как в книге Иисуса Навина: «И ни в одном человеке не стало потом духа»;
- 4) в значении таланта, способности, как у Иова, гл. 32, ст. 8: «Конечно, оно (знание) есть дух в человеке»;
- 5) в значении голоса чувства, как в Притч., гл. 1, ст. 23: «Я выскажу вам дух (т. е. мысль) мой». И в этом смысле употребляется для обозначения воли или решения, душевного побуждения и задора, как у Иезек., гл. 1, ст. 12: «Они шли туда, идти куда был дух» (или воля);
- 6) это слово «руах», поскольку оно означает дух (*animus*), служит для выражения всех душевных страстей, а также и дарований, как например: «Высокий дух» – для обозначения гордости, «уничтоженный дух» – для обозначения смирения, «злой дух» – вместо ненависти и меланхолии, «добрый дух» – вместо благосклонности, «дух ревности», «дух (или желание) любодения», «дух мудрости, благоразумия, храбрости», т. е. мудрый, благора-

---

¹ Спиноза Б. Этика. С. 332.

зумный, храбрый дух (animus) или доблесть мудрости, благоразумия, храбрости: «дух благоволения» и пр.;

7) означает самый ум (mens) или душу (anima).

Полезно также для современного человека истолкование Б. Спинозой слова «божий»:

1) если что принадлежит к природе бога и составляет как бы часть бога, например, когда говорят: «могущество бога», «очи бога»;

2) если что-то находится во власти бога и действует по изволению божьему; так, небеса называются в Писании «небесами божьими» потому, что они служат жилищем бога; Ассирия называется бичом божьим и пр.;

3) если что посвящено богу, как «храм божий», «хлеб божий» и пр.;

4) если что передано через пророков, а не открыто при помощи естественного света; поэтому Моисеев закон называется законом божьим;

5) для выражения вещи в превосходной степени, как «горы божьи», то есть высочайшие горы; также и естественное знание Соломона называется божьим знанием, т. е. оно выше обыкновенного; в Псалтыри кедры называются божьими, чтобы выразить их необыкновенную величину; для означения очень сильного страха говорится: «И напал страх божий на народ»; гроза называлась «бранью божьей», а гром и молния – «стрелами божьими»¹.

Тема мужества встречается у ряда философов, теологов и педагогов нового и новейшего времени, которые также пытались разъяснить, что представляет собой мужество.

Ряд метких замечаний о мужестве человека содержится в трудах Дж. Локка. Этот философ считал, что мужество – это духовная сила, которая «помогает бороться с опасностями, внушающими страх, и с бедствиями, которые мы переживаем в том положении, в котором мы находимся в этой жизни, где нападения возможны со всех сторон. Истинное мужество человека заключается в спокойном самообладании и в невозмутимом выполнении

---

¹ Спиноза Б. Богословско-политический трактат // Избр. произв. : в 2 т. М., 1957. Т. 1. С. 24–25.

своего долга, какие бы бедствия его ни постигали и какие бы опасности ни лежали на его пути». «...мужество требует храбрости в бою и пренебрежения жизнью перед лицом врага. Это качество является немаловажным элементом мужества, и лавров и почестей достойны те доблестные люди, которые рискуют жизнью ради своего отечества. Однако это еще не все. Опасности угрожают нам и в других местах, не только на поле битвы: хотя смерть – царь ужасов, однако страшные лики физического страдания, бесчестья и нищеты также способны расстроить большинство людей, на которых они грозят обрушиться; и есть люди, которые, не робея перед одними опасностями, испытывают смертельный ужас перед другими. Истинное мужество готово встретиться с любой опасностью и остается непоколебимым, какое бы бедствие ни угрожало»¹.

Дж. Локк сформулировал ряд правил, руководствуясь которыми, можно научить человека преодолевать страх. Именно эти правила сегодня реализуются в бихевиоральной психотерапии (методы систематической десенсибилизации – Д. Вольпе и др.).

3.2. Боевые качества воина: вопросы теории

Люби Родину и умей ее защищать

Ф. Углов

Анализ взглядов, сложившихся в отечественной психологии, позволяет в известной степени упорядочить специфические черты, свойственные военному человеку, исходя из глубинной предрасположенности к воинской деятельности, опирающейся на социально-исторические и этнокультурные предпосылки. Можно считать, что практическая концепция личности воина включает следующие боевые качества («боевая десятка»):

1. Патриотизм: психология стража, «заступника», защитника, простирающаяся до самоотверженности и самопожертвования – основная социальная воинская направленность.

---

¹ Локк Дж. Соч. в 3 т. 1988. Т. 3. С. 512.

2. Боевой интеллект (тактическое, оперативное, стратегическое мышление).

3. Боевая активность, нравственно оправданная конфликтность, или агрессивность, боевитость.

4. Храбрость (смелость, отвага, решимость): умение справляться со страхом, решимость выполнять боевые задачи в опасной обстановке.

5. Мужество (стойкость, твердость, упругость, выносливость) – способность продолжительное время переносить тяготы, неудачи, неудовлетворенные потребности (состояния депривации), высокая адаптивность;

6. Лидерство, доминантность.

7. Коллективизм (чувство войскового товарищества), готовность к боевому и служебному взаимодействию.

8. Дисциплинированность (дисциплина).

9. Военно-технические способности: возможность овладеть соответствующим оружием, боевыми машинами и иной военной техникой, включая компьютерную, а также ориентироваться в техническом оснащении противника.

10. Ориентация на постоянную учебу (см. табл. 5).

Комплекс перечисленных качеств можно рассматривать как личностную (психологическую) модель военной службы и боевой деятельности. В разных видах вооруженных сил и родах войск, в разных видах боевой деятельности эти качества проявляются с известными различиями. Для того, чтобы показать эти различия, следует воспользоваться понятием личностного профиля, который будет иметь как общие признаки, так и специфические, в зависимости от вида вооруженных сил и рода войск.

Воинские специальности также имеют свои характерные личностные профили. Психологическое изучение военных профессий не будет полным, если оно не приводит к созданию соответствующих личностно-профессиональных профилей.

При всех обстоятельствах личностный профиль воина имеет индивидуальные особенности, отражающие уникальность каждого отдельного человека.

Личностный профиль воина является основанием для развития теории и практики военно-профессионального отбора, обучения и воспитания личного состава и прежде всего, теории и практики психологической подготовки военнослужащих.

Под всеми качествами предполагаются соответствующие выраженные способности, выявляемые и оцениваемые благодаря военно-профессиональному отбору. Обобщенными характеристиками боевых качеств выступают: боевое мастерство (умение готовить себя и своих подчиненных к нанесению удара и решительному поражению противника); служебная и боевая мотивация, стрессоустойчивость и боевой оптимизм – уверенность в своих силах и уверенность в победе.

Таблица 5

**Боевые качества воина
(«боевая десятка»)**

№ п/п	Базовые боевые качества	Компоненты, толкование
1	Патриотизм – психология защитника Отечества	- преданность Отечеству, национальная гордость; - индивидуальная защита, то есть защита того, кто подвергается нападению или какой-либо угрозе; - родина, ее безопасность – высшая ценность; личностное принятие положения Конституции РФ о том, что «Защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации» (Статья 59, пункт 1); - боевая форма патриотизма, ориентированная на защиту отечества в рядах вооруженных сил страны, любовь к военной службе, своей военной профессии, сознание воинского долга
2	Боевой интеллект	- комплекс способностей к противоборству; - понимание противника как противостоящего участника конфликта), его долгосрочных целей и намерений в текущей динамике борьбы; - стремление всегда быть «начеку», быть сильнее противника, соизмерять свои достижения с уровнем боевой готовности противника, конкурентность; - умение быстро ориентироваться в сложной обстановке современной войны, сообразительность, находчивость, быстрота мысли, стрессоустойчивость мышления; - тактическое (оперативное и стратегическое) мышление – это формы проявления боевого интеллекта

№ п/п	Базовые боевые качества	Компоненты, толкование
3	Боевая активность, бойцовский характер	- боевая мотивация, позитивная конфликтность, агрессивность, боевитость, самостоятельность, боевая инициатива, готовность к риску
4	Храбрость	- смелость, отвага, решимость; все качества, которые помогают противостоять опасности во всех ее видах
5	Мужество	- сильный характер; стойкость, твердость, упругость – способность продолжительное время переносить тяготы, неудачи, неудовлетворенные потребности (состояние депривации), высокая адаптивность; энергичность, выносливость, терпеливость, стрессоустойчивость, переносимость непогоды, неблагоприятных климатических условий, физическая сила, самообладание
6	Военно-лидерские качества	- умение управлять, завоевывать авторитет, подавать пример, беречь и умножать силы подчиненных, разумно направлять их на выполнение боевых и служебных задач
7	Коллективизм (чувство войскового товарищества)	- осознание коллективности военного дела – «один в поле не воин»; взаимопомощь, взаимоподдержка; - следование принципам боевого взаимодействия; способность к согласованным совместным действиям
8	Дисциплинированность (дисциплина)	- дисциплина власти, оперативное подчинение; индивидуальное нормативное поведение (послушание по Клаузевицу), поддержание коллективной дисциплины; нравственная дисциплина, соединенная с чувством долга и совестью
9	Военно-технические способности	- возможность овладеть соответствующим оружием, боевыми машинами и иной военной техникой, а также ориентироваться в техническом оснащении противника
10	Ориентация на постоянную учебу	- знание – ценность; понимание того, что военная профессия – это постоянное учение, изучение противника; умение учиться и любовь к учению

Патриотизм с военно-психологической точки зрения.

Воин – защитник своей страны, ее интересов

*Amor patriae nostra lex*¹

Заместитель Министра обороны Начальник Главного военно-политического управления Вооруженных сил РФ генерал-полков-

¹ Любовь к родине наш закон (латин.)

ник А. В. Картаполов назвав «основополагающие духовные ценности, составляющие каркас воинского служения современной России, основу политического сознания личного состава Вооружённых Сил», на первый план поставил те ценности, которые образуют, по существу, патриотический комплекс:

- «государственность как оплот суверенитета, гарант социально-экономического прогресса и духовного расцвета всех народов России;

- гражданственность как принадлежность к великому российскому народу и ответственность за его историческую судьбу и социальное благополучие;

- патриотизм как чувство любви к Родине, заботу о ее интересах и готовность к защите своего Отечества от агрессоров;

- воинский долг как обостренное чувство личной ответственности перед собой и своим коллективом, выражающееся в стремлении наилучшим образом исполнять профессиональные обязанности, своим отношением к делу завоёвывать авторитет у сослуживцев, контролировать свои поступки, проявлять сдержанность и самообладание в любых критических ситуациях»¹.

Патриотизм в нашей стране выражается текстом Конституции России: «Защита Отечества является долгом и обязанностью гражданина Российской Федерации».

Индивидуальный патриотизм является основой патриотизма социального, группового, представляющего собой связи и отношения между людьми, основанные на взаимном ожидании определенного поведения, взаимных обязательствах и доверии.

Личностная форма патриотизма – это психическая структура, включающая как биопсихические, так и социопсихические составляющие. Естественной основой патриотизма является привязанность человека к своим родителям, своей семье и близким людям, ближайшей социальной и природной среде. В формировании этой привязанности, имеющей преимущественно эмоциональную природу, важную роль играют механизмы, подобные импринтингу.

---

¹ *Картаполов А. В.* Наша цель – формирование воина-государственника // Красная звезда. 2019. 15 мая.

Они участвуют в образовании исходных способов удовлетворения жизненных потребностей как биологических, так и социальных.

Отрыв молодого человека от этой первичной среды, с которой он сросся и которая образует некое единство, может стать источником болезненных переживаний, порой достаточно продолжительных. Это – проявление исходного, базового патриотизма растущей личности.

В дальнейшем при благоприятных условиях жизненная среда человека расширяется и пространственно, и содержательно, и наконец, он воспринимает свою страну, свое отечество в целом – и территорию, и народ, и систему ее ценностей, ее культуры.

К числу неспецифических проявлений патриотизма следует отнести установки и поведение человека как защитника «по жизни»: нетерпимость к тем, кто обижает других, обращается с ними несправедливо. Патриотической установкой является также склонность к таким формам активности, которые увеличивают силы человека, позволяют ему лучше подготовиться к реализации «защитительной мотивации».

Восхождение патриотизма на высший, отечественный уровень опирается на индивидуальный образ страны, что предполагает широкий социальный кругозор, способность видеть свою страну в соотношении с другими странами, понимать ее международное положение и воспринимать в частности существующие экономические, политические, военные и иные угрозы, включая природные бедствия.

По мере осознания своих сил и возможностей у человека формируется готовность трудиться на благо своей страны (чувство патриотического долга). Растущий патриотизм существенно влияет на содержание трудовой и служебной мотивации. Для человека становится понятным выражение «труд на благо Родины». Осмыслить свой труд как общегосударственное, общенародное дело – это и есть практическое проявление индивидуального патриотизма.

Патриотизм является ядром мотивации военной службы. Как писал некогда генерал Н. Д. Бутовский, военная служба – это служба всему народу, обществу, Отечеству, а не частным лицам. Ко-

нечно, эта мотивация включает и осознание военно-профессиональной направленности своих способностей и своей личности в целом. Патриотизм человека на военной службе – это повседневная готовность к защите своей страны, повседневное наращивание своих сил и боевых возможностей.

Общество и государство, которые хотят жить и развиваться в сложном, конфликтном, противоречивом мире, не могут позволить себе полагаться на эмоции, даже самые возвышенные, каким является чувство любви к родине. Это значит: государство и общество в случае угрозы используют свою власть для того, чтобы каждый здоровый и способный человек принял участие в защите страны. Мало таких государств, которые не мобилизуют все свои экономические, политические, военные и духовные силы для отражения внешней угрозы.

Воин – патриот, потому что он защищает свое отечество, выполняет свой конституционный долг: «Гражданин Российской Федерации несет военную службу в соответствии с федеральным законом».

Патриотизм – это обязанность гражданина укреплять свою страну на том жизненном и рабочем месте, которые он избрал для себя, и в случае необходимости, защищать ее с оружием в руках. Разумеется, эта обязанность подкрепляется не только сознанием долга, чувством любви и привязанности к своей стране, ее народу, культуре, истории и другим ценностям, но и умением приносить пользу Отечеству, а также умением сражаться смело, мужественно и самоотверженно.

Если учитывать индивидуальные особенности людей, а также динамику их развития, то следует признать, что патриотизм, как и другие ценности, свойствен людям в разной степени. Ряд психологов выделили категорию людей, которые отличаются ориентацией на защиту человека. А. Адлер считал, что есть «**социально-полезный тип**». Люди этого типа соединяют высокую степень социального интереса и высокий уровень социальной активности. Они проявляют заботу о других, заинтересованы в общении. Их энергия направлена на помощь другим. Э. Шпрангер назвал такой тип

личности социальным: «для социального поведения характерна обращенность к чужой жизни и чувство себя в другом. Особая жизненная форма, которую мы назвали социальной, возникает, когда потребность в самоотречении ради другого становится ведущей жизненной потребностью»¹. «О социальном типе справедливо будет сказать, что он стоит в своего рода непосредственном отношении к жизни. Он живет не непосредственно в самом себе, но живет в других. Это может заходить столь далеко, что он вообще станет осознавать свою собственную ценность только в отражении от других»².

Конечно, социальный тип личности имеет и ряд других проявлений, например, в таких мирных видах деятельности, как социальная работа или волонтерство.

Для психологического истолкования защитительной ориентации человека много полезного дают теории «помогающего поведения» (альтруистического, просоциального). Защитительная мотивация органически связана с лидерством.

Для своей реализации защитительная мотивация нуждается во многих человеческих качествах. Есть люди, которые испытывают потребность в защите других, но не обладают для этого нужной физической силой или смелостью. Есть ситуации, которые не позволяют реализовать направленность на защиту человека, например, потому что надо выступить против группы, с которой в одиночку заведомо не справиться и т. д. Осознание подобных слабостей и неблагоприятных ситуаций побуждает человека избрать такой вид деятельности, где эти слабости были бы преодолены или нейтрализованы. Защита отечества – дело, в общем, не только личное, но коллективное.

Патриотизм воина – это его любовь к военному делу, которое по самому своему назначению является защитой отечества.

---

¹ Шпрангер Э. Основные идеальные типы индивидуальности // Психология личности. Тексты. М., 1982. С. 57.

² Шпрангер Э. Формы жизни: Гуманитарная психология и этика личности. М., 2014. С. 172.

Боевой интеллект

Боевой интеллект – это специфические умственные способности и основанные на них умения, наиболее полно проявляющиеся в противоборстве, в ситуации борьбы, конфронтации. Они представляют собой силу проникновения в замыслы противника в целях нейтрализации исходящей от него опасности. Боевой интеллект – это системность мышления, его глубина и широта, охват всей ситуации боя (операции, сражения) в ее деталях и в целом.

Боевой интеллект абсолютно необходим для военного человека, именно он ведет к победе в вооруженном противоборстве. Это мыслительные и в целом познавательные качества, которые позволяют человеку уверенно ориентироваться в конфликтных ситуациях военного типа, где успех – это победа над противником. Для победы необходимо раскрыть замыслы противника, а свои сохранить неразгаданными, опередить его в нанесении удара, нацелив этот удар в самое уязвимое место.

Боевой интеллект – это способность к конфликтному (боевому) поведению, умение понимать врага, распознавать его приготовления, оказываться сильнее в нужном месте и в нужное время, умение опережать, достигать внезапности и побеждать.

В старые времена боевой интеллект именовали «хитростью»; сегодня это слово приобрело негативный моральный оттенок. Хитрость в наше время – это коварство, подлость, мошенничество, пронырливость. Это мешает исследовать и тем более развивать боевой интеллект в направлении «хитрости». Следовательно, понятие хитрости потеряло свое боевое значение, и лучше им не пользоваться.

Боевой интеллект предполагает умение и привычку «думать за противника», воспринимать и оценивать боевую ситуацию, включая собственную позицию и все свои замыслы с его точки зрения, понимая, разумеется, что боевой интеллект противника также не бездействует. Важно, чтобы умение понять, «как думает противник» позволяло подняться на такую высоту прогнозирования, которая ему уже недоступна. В этом случае можно сохранить в тайне замысел боя и подготовку к нему, нанести удар в неожиданном месте и неожиданным способом.

Понимание замысла противника в конкретной ситуации опирается на основательное знание его тактики, вооружения и ситуации, в которой он находится. Существенное значение имеет знание этнокультурных особенностей противника, его боевых, военных традиций, военной истории его страны.

Особое значение для решения мыслительных боевых задач имеет системное видение – умение представлять положение противника целостно и связно, синтезируя разрозненные и, как правило, противоречивые сведения о его силах, расположении и передвижениях, так чтобы видны были его сильные и уязвимые стороны, слабые и незащищенные места в их динамике.

«Искусство истинного полководца именно в том и заключается, чтобы, с одной стороны, по имеющимся почти всегда неполным и нередко противоречивым данным суметь наиболее правильно оценить возможности противника и его намерения, а с другой – скрыть свои намерения, расположение и количество своих войск, любыми путями давать противнику ложную информацию, суметь скрытно сосредоточить на избранном участке силы и средства и нанести внезапный удар там, где его не ожидают. Именно это качество является у полководца главным, и далеко не всякий обладает этим качеством»¹.

Боевой интеллект – это также искусство построения боевого порядка, подготовки и выполнения маневра. Боевой интеллект проявляется и в искусстве маскировки, как индивидуальной, так и тактической, оперативной и стратегической. Все эти и другие мероприятия контролируются «с точки зрения противника».

В психологии и в смежных дисциплинах есть ряд попыток выявить особенности мышления человека в ситуациях борьбы. Одна из таких попыток принадлежит В. А. Лефевру. Этот автор начинает издалека – из особенностей предмета психологии и его познания. По мнению В. А. Лефевра, принцип психологического познания – это все та же декартовская интроспекция – *cogito ergo sum*. В. А. Лефевр переименовывает интроспекцию в «рефлексию» и странным образом расширяет ее: «будем считать, что рефлексия –

---

¹ Голованов А. Е. Дальняя бомбардировочная. М., 2004. С. 166.

это также способность встать в позицию исследователя по отношению к другому «персонажу», его действиям и мыслям»¹.

Если не обращать внимания на то, что быть «в позиции исследователя по отношению к другому «персонажу», его действиям и мыслям», совсем не значит практиковать рефлексивность (то есть, интроспекцию), то все остальное, конечно, приемлемо. Тем более, что немного раньше Лефевр пишет: «Само объективное положение дел вынуждает участника конфликта стать исследователем внутреннего мира своего противника и построить «своеобразную теорию»². Проблема, однако, в том, что ни Лефевр, ни многие другие авторы мало что говорят о том, как исследовать «внутренний мир своего противника».

В военной психологии идея Лефевра привлекла внимание только в последнее время. «Управлять противником рефлексивно – значит активно влиять на процессы восприятия им боевой обстановки, дезориентировать относительно ее пространственно-временных и событийных элементов, придавать нужную направленность его мышлению в целях принятия априори проигрышных решений»³.

Работы по тактике, по тематике военного управления, упоминаемая иногда рефлексивное управление, ограничиваются чаще всего пожеланиями и призывами. В настоящее время идеи рефлексивного управления приобрели одностороннюю направленность и развиваются преимущественно в тематике информационного противоборства («психологической войны») широкого плана.

В литературе по боевому управлению, как правило, подчеркивается задача познания противника и учета его особенностей при принятии решений. Однако раскрывается эта проблема не часто. Авторы одного содержательного труда об управлении войсками в бою пишут: «За голыми цифрами и любой формулой каждый командир должен видеть живых людей, свои войска и противостоящего им противника, порой умного и коварного, знающего нашу тактику, наш «алгоритм» принятия решения и ведения

---

¹ *Лефевр В. А.* Конфликтующие структуры. М., 1973. С. 10.

² Там же. С. 9.

³ *Караяни А. Г.* Военная психология. М., 1916. Ч. 1. С. 189–190.

боя». Они же отмечают: «Ряд важных сведений пока трудно и даже невозможно точно измерить количественно. К таким сведениям, например, относятся данные о политико-моральном и психологическом состоянии личного состава, о степени его боевой выучки, национальных особенностях, стойкости при смертельной опасности, об умственных, организаторских и волевых качествах командиров и др.»; «вместе с тем подобные данные имеют важное, порой даже определяющее значение для принятия решения и достижения успеха боя»¹.

Проблема, таким образом, заключается в том, чтобы получить конкретные данные о психологии противника, которые проливали бы дополнительный свет на его силу и предпочитаемый способ действий. Ясно, что для традиционных методов психологии такие данные почти недоступны. Тем не менее в различных отраслях психологии, в частности политической, стратегической, психологии разведывательной деятельности, имеется некоторый опыт дистантного психологического познания.

Н. М. Ракитянский, например, пишет: «В зарубежной психологии начало системным портретологическим исследованиям было положено в канун Второй мировой войны в США. Политическая и военная элита страны признала тогда необходимым для целей стратегического планирования знание психологии врага, а также и союзников, которые могут стать врагами. До настоящего времени высокоэффективные профессиональные психологические методы и технологии по дистантному распознаванию личностных качеств объектов интереса являются еще достаточно закрытыми, эксклюзивными и дорогостоящими, что объясняется не только малочисленностью специалистов в данной области психологического знания, но и определенными методическими сложностями передачи этих знаний»².

---

¹ *Иванов Д. А., Савельев В. П., Шеманский П. В.* Основы управления войсками в бою. М., 1977. С. 38, 41.

² *Ракитянский Н. М.* Личность политика: теория и методология психологического портретирования. 2-е изд., перераб. и доп. М. : МГУ, 2011. С. 10.

Этого нельзя сказать относительно К. Г. Юнга, который в интервью американскому журналисту Х. Р. Никербокеру (1938 г.), не имея контакта с Гитлером, охарактеризовал его как тип шамана, за которым люди признавали магическую, сверхъестественную способность. «Гитлер произвел на меня впечатление в некотором роде деревянного каркаса, одетого в платье, механизма, напоминающего робота или с маской робота. В его облике прежде всего обращает на себя внимание полный сновидений, призрачный взгляд. В том, что Гитлер поступает, как нам кажется, необъяснимым и странным, алогичным и неразумным образом, проявляется явно мистическая особенность Гитлера»¹.

В 1942 г. в США по заказу разведки большой группой психологов во главе с В. Лангером был подготовлен 1 000-страничный доклад: «The Mind of Adolf Hitler», незначительная часть которого опубликована в русском переводе в 2006 г.². Г. Мюррею приписывают создание психологического портрета Гитлера, выполненного по заказу соответствующих властей и др.

Не очень понятно, какую роль сыграли подобные портреты при принятии стратегических и политических решений. Поведение политических деятелей Англии, Франции и других западных стран в период, предшествующий Второй мировой войне, свидетельствует, скорее, о переоценке намерений Гитлера соблюдать международные договоры. Надежных данных о том, что психологическое «портретирование» играло какую-то роль при планировании военных операций, нет. Похоже, что подобные материалы служили преимущественно аргументом того, что такие персоны, как Гитлер, представляют интерес для психиатрии. Определенное влияние на содержание операций психологической войны они, несомненно, оказали. Они, в частности, способствовали дегуманизации противника, наделению его такими атрибутами, как коварный, злобный, беспощадный, заслуживающий ненависти.

---

¹ Юнг К. Г. Аналитическая психология: прошлое и настоящее. М., 1995. С. 174–175.

² Лангер В. Мышление Адольфа Гитлера. М. : Рунд, 2006.

Сами психологи, привлеченные к психологическому «портретированию», выражали недовольство тем, что военное и политическое руководство почти не проявило интереса к их наработкам по психологии противника. «Эти исследования могли быть ценными даже в краткосрочной перспективе. Политики, если бы они к ним прислушались, могли бы поступить с Германией несколько иначе, особенно после войны. Тем не менее, нет никаких доказательств того, что эти работы были замечены даже лидерами высокого уровня, гораздо меньше повлияли на их решения, поэтому их значение в большей степени зависит от профессии и ее долгосрочного развития и отношений с другими дисциплинами»¹.

Между тем, психологический отдел OSS (OSS PD), возглавляемый Р. К. Трайном (Калифорнийский университет), состоящий из четырех десятков штатных психологов и консультантов, в число которых входили и такие известные исследователи, как Г. Мюррей, Э. Эриксон, Г. Оллпорт, У. Х. Д. Вернон, Дж. Брунер и другие, собрал огромный исследовательский материал по психологическим особенностям политического и военного руководства Германии.

Отечественная военная психология и боевая практика располагают некоторыми фактами и обобщениями в деле изучения психологии противника.

Г. К. Жуков в одном интервью говорил о том, что возможности познания и учета психологических особенностей военачальников противника возрастали по мере накопления боевого опыта: «В начальный период войны о таких тонкостях речь идти не могла. На втором этапе войны соотношение уровней военного искусства противостоящих сторон начало выравниваться. Учитывали мы, планируя операцию, конкретную личность противника? Это трудно принимать в расчет. Но, конечно, мы знали, что, например, Манштейн – человек смелый, решительный, Модель – расчетливый, а Кейтель – авантюрист. Часто случалось: ждешь

---

¹ *Hoffman Louise E.* American Psychologists and Wartime Research on Germany, 1941–1945. *American Psychologist*. February 1992. P. 271–272

от противника сильного, выгодного для него хода, а он делает самый слабый»¹.

Полезные материалы для познания психологии противника представлены исследованиями по зарубежной военной психологии², (Н. Ф. Феденко, В. Г. Крысько), национально-психологическим особенностям личного состава зарубежных армий³, а также переводами работ зарубежных военных психологов⁴.

Определенный вклад в изучение психологии вероятного противника вносят военно-педагогические исследования (И. Д. Ладанов, Н. Г. Чумичев и др.)⁵.

Таким образом, психологические особенности и состояния противостоящего противника образуют особую группу факторов, анализ которых включается в изучение противника в целом и необходим для оценки его боевых возможностей.

Эффективное воздействие на противника опирается на знание его. Чем полнее и точнее это знание, тем сильнее боевое воздействие.

В военной истории известно немало случаев, когда конкретное знание о противнике уступало место его общей оценке, которая и сообщалась войскам для их воодушевления. Например, Тит Ливий рассказывает, что консул Публий Корнелий, приняв командование римским войском в предвидении сражения с Ганнибалом, обратился к воинам с такими словами:

«Прежде всего, кто наши враги? Те же самые карфагеняне, которых мы били на суше и на море в Первую Пуническую войну.

---

¹ Жуков Г. К. О нашей победе // Комсомольская правда. 1970. 6 мая.

² Феденко Н. Ф. Современная буржуазная военная психология. М. : ВПА, 1964.

³ Феденко Н. Ф., Луганский Н. И. О некоторых национально-психологических особенностях населения и личного состава армий империалистических государств. М. : ВПА, 1966.

⁴ Современная буржуазная военная психология / сост. М. С. Роговин ; под ред. А. В. Барабанщикова и Н. Ф. Феденко. М. : Воениздат, 1965 ; Гератеволь З. Й. Психология человека в самолете. М. : Изд-во иностр. лры. 1956 ; Ригг Р. Б. Боевая подготовка войск.

⁵ Чумичев Н. Г. Критический анализ системы подготовки офицерского состава вооруженных сил США : дис. ... канд. пед. наук. М., 1980.

Значит, и сегодня мы будем сражаться с отвагою и весельем победителей, а они – со страхом и унынием побежденных».

Боевая активность

Боевая активность – решительные действия военнослужащих, подразделений, частей и войск (сил) в целом, направленные на захват и удержание инициативы, нанесение максимального поражения противнику всеми имеющимися средствами и успешное выполнение боевой задачи; важное условие достижения победы.

Боевая активность – это направленная на уничтожение или ослабление противника внутренне мотивированная энергичная – индивидуальная или коллективная деятельность. Это вместе с тем боевое качество воинов, которое дополняет их боевой интеллект; активность – это личностная, творческая ориентация. Мотивационная составляющая боевой активности выражается в стремлении уничтожить противника, воспользоваться любой возможностью, чтобы нанести ему урон. Боевая активность – это инициатива: навязывание противнику своей воли, принуждение его «отбиваться», реагировать, а не реализовать свой план; это – настойчивость и непреклонность в выполнении боевой задачи. Активность требуется и в наступлении, и в обороне, и во встречном бою; она необходима и при разностороннем обеспечении боевых действий. Активность в русской императорской армии стимулировалась в частности тактическим правилом «идти на выстрелы».

Активность нужна и в мирное время: в боевой подготовке, в работе с оружием и военной техникой. Активность – это также разработка и внесение предложений своему начальнику по вопросам, требующим принятия решений.

Вероятно, гармонически развитая личность должна обладать активностью и в форме агрессивности. Потребности индивидуального развития и общественной практики должны формировать в людях способность к устранению препятствий, а подчас и к физическому преодолению того, что противодействует этому процессу. Полное отсутствие и даже слабость агрессивности приводит к податливости, неспособности занять активную жизненную позицию.

Активность человека является действенным выражением его потребностей и ценностей, которые служат движущими силами (мотивами) поведения в условиях, когда потребности непосредственно удовлетворить нельзя, а ценности подвергаются угрозе. Сама природа человека побуждает его к активности, подвижности, постановке перед собой все новых целей и предпринятию усилий для их достижения.

В настоящее время активность все более связывают с духовными и социальными ценностями. Австрийский психотерапевт В. Франкл писал: «Я считаю опасным заблуждением предположение, что в первую очередь человеку требуется равновесие или, как это называется в биологии, «гомеостазис». На самом деле человеку требуется не состояние равновесия, а, скорее, борьба за какую-то цель, достойную его. То, что ему необходимо, не есть просто снятие напряжения любыми способами, но есть обретение потенциального смысла, предназначения, которое обязательно будет осуществлено»¹.

Как видно, понятие активности связывается с полноценным образом жизни, полнотой человеческого существования, «самоактуализацией». Согласно А. Маслоу: «Самоактуализированные люди увлечены чем-то, что не относится непосредственно к насущным запросам их естества, чем-то внешним по отношению к ним. Они самозабвенно преданны какому-то делу, они работают над чем-то, что очень дорого им»². При этом имеются в виду непреходящие ценности, которым человек посвящает свою жизнь, – истина, благо, красота, безопасность.

Такими непреходящими ценностями для воина являются безопасность Отечества, жизнь и благополучие своих сограждан вообще и своих боевых товарищей непосредственно, одним словом, устранение угрозы, которой то и дело подвергается страна. Это предполагает высокий уровень социальной зрелости воина, высшую степень просоциальной ориентации его личности. Самая сильная боевая мотивация коренится в необходимости уничтожения

---

¹ Франкл В. Человек в поисках смысла. М., 1990. С. 55.

² Маслоу А. Дальние пределы человеческой психики. СПб., 1997. С. 55.

агрессора. Война – это ситуация, в которой для воина уничтожение противника представляет собой полноценную реализацию его способностей и энергии, и в чем он усматривает смысл своего существования и, естественно, самое существование, жизнь и здоровье.

Существует много разнообразных подходов к вопросу о механизмах и сферах активности человека. Согласно одному из них активность связывается с мышлением, которое, по определению, означает высокий уровень психической активности, не всегда очевидно мотивируемой. Д. Б. Богоявленская выделяет здесь три уровня активности¹:

Стимульно-продуктивный уровень мышления характеризуется действиями, не выходящими за пределы заданного или ранее найденного способа, и умственная работа определяется внешним мотивом, не адекватным ее цели;

Эвристическому уровню присуща интеллектуальная инициатива, а ведущим мотивом является познавательная потребность. Полученная новая информация или закономерность переживается как открытие, творческая находка, а не только как условие, которое приближает решение поставленной задачи.

Высший – творческий – уровень интеллектуальной активности отличается познавательной целью, выходящей за рамки полученной задачи. Обнаруженная эмпирическая закономерность становится самостоятельной проблемой, на решение которой с этого момента направляется вся познавательная деятельность. Если, например, командир, изучающий противника и принимающий конкретное боевое решение, замечает новые тактические приемы действий противника, знание которых необходимо всем, и затем старается раскрыть их всесторонне, то это и будет его творческая интеллектуальная активность, активность высшего уровня.

Определенным образом объясняет теоретические основы активности концепция «локуса контроля» Дж. Роттера². Согласно

---

¹ См.: Богоявленская Д. Б. Интеллектуальная активность как проблема творчества. Ростов н/Д, 1983. С. 78.

² См.: Фрейджер Р., Фейдимен Д. Личность. теории. Упражнения, эксперименты. СПб., 2004. С. 524–536.

этой концепции люди, обладающие внутренним локусом («интерналы»), убеждены, что их достижения зависят прежде всего от их личностных качеств – компетентности, целеустремленности или уровня интеллекта. Индивиды с внешним локусом («экстерналы»), напротив, считают, что их достижения – это следствие удачи или действий других людей.

Интернальные личности более активны, любознательны и способны к обучению, что необходимо для успешного решения проблем. Они более информированы политически и сильнее вовлечены в общественные дела. «Интерналы» оказывают большее сопротивление влиянию извне, чем «экстерналы», и более упорны в достижении своих целей.

Активность человека имеет свой физиологический механизм. Под активностью ряд психологов и психофизиологов понимают предвидение, или так называемое «опережающее отражение действительности». Активность раскрывается как способность «забегать вперед», встречать в полной готовности еще не случившееся. Все это исчерпывающим образом изучено отечественными психофизиологами П.К. Анохиным, К.В. Судаковым и другими.

Для описания активности поведения в психофизиологии используют понятия «активация», «уровень активации». Активация (от лат. *activus* – деятельный) характеризует уровень энергетической мобилизации нервной системы. Описывается активация интенсивностью и качественным своеобразием, что фиксируется в вегетативных показателях (частоте сердцебиения, величине электрического сопротивления кожи, артериального давления, изменения дыхания и др.).

Оптимальный уровень активации означает соответствие состояния нервной системы решаемой задаче, вследствие чего достигается высокая эффективность деятельности. Каждому человеку свойствен привычный для него уровень активации, на фоне которого реализуется его работа. Уровень активации – природная детерминанта индивидуальности.

Согласно активационной теории между эффективностью деятельности и уровнем активации существует обратная U-образная

зависимость: эффективность снижается и при слишком низкой и при слишком высокой активации. При низкой активации деятельность нарушается, по-видимому, потому что человек недостаточно восприимчив, чтобы обнаружить соответствующую информацию, обработать ее и отреагировать должным образом. При высоком уровне деятельность нарушается вследствие снижения влияния тормозных механизмов, участвующих в регуляции внимания, интеграции и координации поведенческих функций.

Эффективность интеллектуальной деятельности связана с альфа-ритмом. Это частота электрической активности мозга, которая находится в пределах от 7 до 14 Гц. Интеллектуальная активность понижается при замедлении альфа-ритма. Важные решения целесообразно принимать тогда, когда доминирующий альфа-ритм находится в верхнем диапазоне частот. В этом состоянии ум отличается бодростью и остротой восприятия, а тело погружено в состояние покоя. Спокойное бодрствование субъективно воспринимается как «расширение сознания». В это время правое и левое полушария головного мозга синхронны как по частоте, так и по фазе колебаний.

В дифференциальной психофизиологии (Б. М. Теплов, В. Н. Небылицин, В. М. Русалов и др.) активность рассматривается как один из основных компонентов темперамента. Выделено достаточно устойчивое свойство нервной системы – «индивидуальный уровень активации», которое проявляет себя и на личностном уровне. Согласно Н. С. Лейтесу, во всех проявлениях активности человека, во всех формах поведения и деятельности может быть обнаружена не только содержательная сторона побуждений и тот или иной смысл действий человека, но также формально-динамическая сторона, в особенностях которой выступают свойства нервной системы с их энергетическими характеристиками.

Таким образом, активность настолько тесно связана с личностным уровнем функционирования человека в «личностном» обществе, что не будет большим преувеличением утверждать, что личность воина – это воплощение активности, инициативы, внутренней свободы и ответственности.

Храбрость

Храбрость – это способность и умение сохранять присутствие духа, душевную устойчивость при сильных воздействиях, прежде всего опасности и внезапности, быстрых переменах обстановки, а также при всем том, что создает большую нагрузку на чувство ответственности и дезорганизует психическое состояние и деятельность. Храбрость – это способность противостоять страху, панике, растерянности, ступору. Храбрость является результатом того, что структура личности воина адекватна ситуации боя и войне в целом. Активная природа храбрости проявляется в том, что человек не только не уступает давлению опасности, угрозы для жизни, здоровья и достоинства человека, но идет навстречу опасности и в известном смысле ищет ее. Воин хочет проявить себя в опасном, «настоящем» деле.

Генерал русской армии Н. Д. Бутовский, серьезно изучавший военно-психологические проблемы еще в XIX в., выдвинул положение о том, что храбрость составляет природу воина, одним из признаков чего является ориентация человека на опасные жизненные ситуации. Более того, она является неотъемлемым компонентом «военного гения». Храбрость военного человека – это готовность встретить опасность «лицом к лицу».

Храбрость часто соседствует с отвагой, смелостью и решимостью. Не будет особой погрешности, если воспринимать эти понятия как синонимы. В то же время полезно обратить внимание и на некоторые отличия. Храбрость – явление более широкое; она как бы не нуждается в решимости. Храбрость – качество более личностное, следовательно, она может проявляться в разных ситуациях. Храбрость – трансситуативна¹, являясь устойчивым навыком самообладания.

Смелость (решимость, отвага) соотносима с какой-то конкретной ситуацией, целью, задачей, поскольку решиться (отважиться, осмелиться) можно на что-то более или менее конкретное.

---

¹ Здесь уместна аналогия: у Марка Аврелия написано: «Порядочность не может зависеть от ситуации».

Отсюда следует, что храбрость развивается и укрепляется смелыми, решительными, отважными действиями.

Тонкие оттенки всех этих сопоставимых понятий заметны в привычных словосочетаниях. Храбрым может быть как поступок (подвиг), так и человек, совершивший его. Решение, даже боевое, храбрым не назовут – оно будет скорее, смелым.

В. С. Москвитин, один из первых исследователей психологии смелости, пришел к выводу, что «понятие смелости применяется в качестве синонима самих разнообразных деловых, моральных и психологических категорий: решительности, инициативности, самостоятельности, честности, прямоты, принципиальности, новаторства, ловкости, самообладания, хладнокровия, уверенности, бесстрашия и т. д.».

Аргументы В. С. Москвитина таковы:

«Прислушаемся, кого в жизни называют смелым человеком. Так называют того, кто:

- смеет, дерзает, отваживается; кто действует решительно, наступательно) «смелость нахрап любит», «смелость города берет»;

- проявляет инициативу (почин, упреждение), самостоятельность, распорядительность, иногда даже самоуправство («кто смел, тот два съел», «кто смел, тот и на коня сел»);

- говорит и действует прямо, открыто, без обиняков, не маскируя своих подлинных мыслей и намерений;

- стойко держится своих убеждений, раз принятого решения, раз избранного пути, кто неуклонно идет к цели, не останавливается перед трудностями, ломая и преодолевая все преграды на своем пути;

- творчески, не по шаблону, оригинально и изобретательно подходит к делу, кто предлагает и применяет новые приемы работы; кто первый исследует неизвестное, пробует неиспробованное; кто первый охотно экспериментирует, прокладывает новые пути в науке, технике, в любом виде общественной деятельности («смелый новатор»);

- в опасном деле идет впереди остальных, увлекая их за собой, показывая им пример («смелый вожак»);

- «находчив» в новой обстановке, кто быстро соображает, находит удачный выход в затруднительных положениях;

- в трудных условиях сохраняет самообладание, хладнокровие, присутствие духа, выдержку;

- в своих действиях проявляет практическую ловкость, сноровку, умелость, то есть действует легко, быстро, впопад («У мастера смелая рука», «смелая манера», смелость в этом смысле равнозначна «умелости»);

- свободно, непринужденно чувствует себя в обществе, не конфузится, не стесняется; кто держится уверенно, самонадеянно, независимо, гордо, подчас даже заносчиво, дерзко, нахально, нагло (ни с кем не считается, ничего не признает); кто не обнаруживает страха там, где многие боятся, робеют («этого на испуг не возьмешь», «он не робкого десятка») и т. д. и т. п.»¹.

Все это так, но объясняется это обычным демократизмом разговорной практики, свободным, в том числе и метафорическим словоупотреблением; сказывается при этом и известная популярность слова «смелость».

Отдавая должное В.С. Москвитину за его научный подвиг, следует все же ограничить понятие смелости решимостью человека действовать в условиях опасности, угрозы жизни, здоровью, или риска, предвидимых тяжелых материальных или моральных последствий, например, угрозы отстранения от должности.

Мужество

Мужество – это духовная сила, обеспечивающая стойкое перенесение трудов и лишений войны. Мужество – это выносливость, стрессоустойчивость относительно изнурительных, тяжелых условий войны, которые отличаются длительностью, продолжительностью воздействия: температурный дискомфорт, нехватка пищи, чрезмерная физическая нагрузка, недостаток сна, длительное воздействие опасности (артиллерийский, минометный обстрел, авиационная бомбардировка), воздействия психологических операций

---

¹ *Москвитин В. С. О смелости и ее воспитании* : дис. ... канд. пед. наук (по психологии). М., 1950. С. 2–4.

противника, включая дезинформацию, неопределенность обстановки и недостаток информации.

Мужество имеет много проявлений: твердое отстаивание принятых решений, настойчивое и последовательное их выполнение, стойкость в случае ранения и боли.

К. Клаузевиц связывал мужество со стойкостью, или «сопротивляемостью продолжительности натиска, способностью переносить испытания». «Война – область физических усилий и страданий»: в обстановке войны люди то коченеют от холода, то изнемогают от жары и жажды, нередко они подавлены голодом и усталостью. На войне нет возможности установить какую-либо норму физического напряжения. Способность к физическому напряжению, поскольку она не будет растрочена, является коэффициентом всех сил, и никто в точности не может сказать, до какого предела ее можно довести»¹.

Ряд интересных мыслей о мужестве мы находим в ранее уже упомянутой диссертации В. С. Москвитина, который охарактеризовал ее как «моральную выносливость». Он пишет далее:

«Способность переносить опасность особенно необходима на войне при различного рода действиях на виду у неприятеля и под его огнем (оборонительные работы, переправы через водные рубежи, при бомбежке расположения части, при артобстреле). Бомбежка и артобстрел могут быть такой силы, что ничего другого не остается, как прижаться к земле и выждать тогда, каков бы он ни был. Способность переносить опасность характеризуется моральной стойкостью, своего рода моральной выносливостью, терпеливостью в опасности, выдержкой, самообладанием, хладнокровием, присутствием духа, способностью долго сохранять и быстро восстанавливать боевой дух.

Близко к этому стоит способность переносить последствия опасности, когда то, чего раньше опасались – всякого рода неудачи, лишения, страдания и т. п. – все это осуществилось, стало неприятным фактом. Исход боя (равно как и всякого предприятия, связанного с риском) может быть отрицательным: приходится отступать,

---

¹ Клаузевиц К. фон. О войне. М., 1936. Т. 1. С. 78.

нести потери, терпеть частичное поражение. Крайне важно в это время не поддаваться деморализации, унынию и сохранять в своих рядах порядок, заряд бодрости и энергии для того, чтобы перегруппировавшись снова пойти в бой и добиваться победы.

Тот, кто хорошо переносит опасность (и последствия всякого рода неудачи, страдания и лишения) называется обычно мужественным. А качество, которое он обнаруживает при этом – мужеством, ибо мужеству прежде всего свойственна стойкость – моральная выносливость в беде. Замечено, что люди, которые охотно рискуют, то есть рискуют не по принуждению, даже не всегда по необходимости, – эти люди далеко не всегда хорошо переносят опасности. Некоторые из отважных людей быстро устают морально, теряют свой пыл, охоту, инициативу, когда опасность принимает длительный, затяжной характер, или когда они терпят неудачу. Короче, часто им недостает выдержки, терпения, моральной стойкости.

...Можно сказать, что мужество больше всего соответствует духу обороны, а отвага – духу наступления. Если рассматривать бой как единый процесс, то отвага больше всего соответствует завязке его, храбрость – разгару, мужество – концу. Отвага помогает начать дело, храбрость – бороться, мужество – продержаться под ударами и при неудачах»¹.

«Люди мужественные обычно трезво оценивают обстановку и свои силы, осторожны, предусмотрительны, бдительны. Они чувствуют страх, иногда очень сильный, но борются с ним, стараются и умеют подавить его, не проявлять внешне. Риска они недолюбливают, стараются его избежать или уменьшить, а если рискуют, то больше всего из сознания долга и необходимости: «страшно не страшно, а делать надо», «другого выхода нет», поступать иначе нельзя – губительно, нечестно, преступно, а поэтому «надо бороться, держаться до последней крайности». Ощущение внутренней собранности, напряжения всех сил, направленных на преодоление страха и внешних трудностей, таково наиболее

---

¹ *Москвитин В. С. О смелости и ее воспитании. С. 20–22.*

обычное субъективное состояние мужественных людей в обстановке трудностей и опасностей»¹.

Характерно, что в статьях отечественных психологов и педагогов, опубликованных в 1941–1942 гг., ведущей темой была тема мужества².

Лидерские качества воина

Лидерское поведение свойственно большинству членов хорошо организованного воинского подразделения. Это и необходимо, хотя бы потому, что подразделение не должно оставаться без командира, ранение или гибель которого в боевой обстановке случается часто. Служба в хорошо организованном воинском коллективе создает благоприятные возможности для развития лидерских качеств у большинства военнослужащих.

Лидерские качества являются необходимым основанием для назначения на командную должность. Человек, обладающий ими, умеет мобилизовать силы других людей и направить их на решение боевой или иной индивидуальной или групповой задачи. Два основных критерия свидетельствуют о лидерских качествах воина или перспективах их развития: боевой интеллект и умение завоевать авторитет в подразделении, то есть влиять на поведение и состояние окружающих.

Исходным пунктом для понимания лидерских свойств является *социальный масштаб личности*. С этой точки зрения людей можно разместить на условной шкале, один полюс которой – мотивационная и инструментальная направленность на то, что делается в полном объеме исключительно своими руками или головой без значимого взаимодействия с другими людьми, а противоположный полюс – направленность на вовлечение в свои планы других людей. Лидера привлекают общественные дела – задачи, ре-

---

¹ Москвитин В. С. О смелости и ее воспитании. С. 32.

² Феофанов М. П. Воспитание смелости и мужества // Советская педагогика, 1941, № 10 ; Левитов Н. Д. Воспитание смелости и мужества // Начальная школа», 1942, № 5–6 ; Каиров И. А. Мужество и его воспитание в наши дни // Советская педагогика. 1942. № 8–9.

шаемые только объединенными усилиями многих. Лидерство – это предрасположенность к делам, превосходящим индивидуальные исполнительские возможности.

Социальный масштаб личности лидера определяется тремя основными параметрами:

1) готовность инициировать коллективное дело и взять на себя ответственность за его успех;

2) сила интеллекта: умение принимать решения по групповым задачам, предполагающее мысленный охват совокупности вопросов, связанных с жизнью и деятельностью воинской части или ее подразделения;

3) умение найти и привлечь к коллективному делу нужное число людей.

Управленческая (командная) деятельность требует от своего субъекта и предметной ориентации, и социальной, то есть и на дело, и на людей. Ориентации руководителя на дело и на людей, согласно одной из психологических теорий управления¹, образуют пространство, в котором размещаются различные типы руководителей со своими стилями решения различных управленческих задач.

Лидер, руководитель – это человек, который всей своей личностью (природой, способностями, подготовкой и культурой) тянется к социальным (групповым, коллективным) проблемам, четко осознавая свою социальную миссию. Это значит, что ему свойственна, прежде всего, зрелая управленческая мотивация. Ему нужна власть не ради славы, не для удовлетворения властолюбия, не для того, доказывать свое превосходство, а потому, что он трезво взвесил свои возможности или интуитивно чувствует свои склонности. Руководитель – это тот, «кто по зрелом размышлении взял на себя заботу об общем благе, как самое подходящее ему и благородное дело»².

---

¹ См.: Блейк Р. Р., Мутон Дж. С. Научные методы управления. Киев, 1992.

² Плутарх. Наставления о государственных делах // Сочинения. М., 1983. С. 584.

Сила и управленческая специфика интеллекта лидера – это ответ на сложность, объемность и разнообразие задач управления. Некоторое представление о предмете умственной деятельности руководителя дает одно из символических правил американского менеджмента – правило «7М». Согласно этому правилу, руководитель должен обладать способностями, позволяющими ему управлять процессами в семи сферах: 1) люди, 2) методы, 3) деньги, 4) машины, 5) материалы, 6) сбыт, маркетинг, 7) менеджмент.

«Мой гений состоял в том, – заявлял Наполеон, – что одним быстрым взглядом я охватывал все трудности дела, но в то же время и все ресурсы для преодоления этих трудностей; этому обязано мое превосходство над другими». Сила управленческого интеллекта обуславливается его системностью, умением выявлять и осознавать связи между элементами управляемого дела. Общеизвестно, что концептуальные способности и личностные качества имеют для менеджеров большее значение, чем техническая квалификация. Концептуальные способности – это способность чувствовать связи между своим подразделением и средой и видеть это как систему, как единое целое. Широта взглядов – это противоположность узкого, специализированного видения. От руководителя требуется умение видеть главные направления, которые создают благоприятные возможности или, напротив, угрозу для подчиненных.

Об этом же еще в середине XIX в. писал К. Д. Ушинский: «Умение видеть умственными глазами нашими предмет в центре всех его отношений составляет исключительный признак великих умов. Этой способностью отличаются именно великие полководцы и администраторы. Они ведут разом тысячи различных нитей, следят за их соединением, разделением, перекрещиванием, потому что эти люди, так сказать, видят все предметы своей мысли разом»¹.

Широта интеллекта руководителя имеется в виду во всех случаях, когда говорят о «глобальном мышлении»; «государственном уме», а также о «тактическом, оперативном или стратегическом мышлении».

---

¹ Ушинский К. Д. Собр. соч. : в 11 т. М. ; Л., 1948–1952. Т. 8. С. 356.

Недостаточно широкое и несистемное мышление приводит к тому, что руководитель фактически управляет только частью своего подразделения, нередко в ущерб другим его частям. Поскольку проблемная область любой современной военной организации имеет тенденцию разрастаться, командиры (начальники) ищут способы «расширения мышления». Они используют внутренние ресурсы для собственного роста, опираются на умственные силы коллектива, создавая управленческие команды, делегируют часть своих полномочий подчиненным. При выборе вопросов, на которые должно быть обращено внимание, руководители придерживаются определенных правил. Например, они занимаются только теми делами, с которыми не могут справиться их подчиненные (за исключением случаев, связанных с опасностью для жизни); вникают в вопросы лишь настолько, насколько это требуется для принятия решения; не погружаются в рассмотрение определенных деталей; чем выше ранг руководителя, тем больше внимания он посвящает перспективам. Они считают, что выбор и обучение подчиненного – задача более благородная, чем выполнение дела самому.

В литературе встречаются красочные иллюстрации, основанные на личном управленческом опыте. Ли Якокка овладел искусством делегирования, обучаясь у своего руководителя. «Ты стремишься все делать сам, – повторял тот. – Ты не умеешь перепоручать дело другим. Ты у меня самый лучший сотрудник. Быть может, ты заменяешь двух работников сразу. А на тебя теперь работает сотня людей. Что же произойдет, когда их окажется десять тысяч?» Он научил меня не выполнять работу, которую должны выполнять другие. И он научил меня, как ставить перед другими цели и как настраивать их на достижение поставленных целей»¹.

Интеллект военного руководителя имеет не только предметное измерение, но и временное. Нужна ориентация на будущее, то есть, прогностичность управленческого мышления. «Важной особенностью планов и решений, разрабатываемых руководителем, является то, что они почти всегда подлежат реализации через определенный интервал времени. За это время происходят события, которые могут

---

¹ Якокка Ли. Карьера менеджера. М., 1984. С. 81.

повлиять и на сами решения, и на способы их исполнения. Поэтому они должны быть учтены, а значит, спрогнозированы уже в ходе создания планов, в ходе выработки решений. Это свойство дифференцирует руководителей на «дальновидных» и «близоруких». Максимальная выраженность опережающего отражения характеризуется понятием «стратегического мышления»¹.

Важное свойство мышления эффективного руководителя – гибкое переключение режимов деятельности: работа на перспективу и работа в режиме текущего времени. Это переключение не всем дается легко. Одни больше склонны к оперативной работе, в том числе к реагированию на конкретные события внутри коллектива и во внешней среде. В их интеллекте и стиле управления выражены своего рода диспетчерские мотивы.

Работа на перспективу предполагает некоторое дистанцирование от повседневных дел и сближает умственную работу с исследовательской. Подобное дистанцирование смущает отдельных руководителей; они боятся упустить контроль. Возможно, сказывается при этом и недоверие к подчиненным.

Долгосрочное предвидение в военном деле – это понимание особенностей будущей войны и умение готовить себя и свое подразделение к будущему. Долгосрочное предвидение, ориентация на перспективу развития военного дела – это творчество, которое связано с риском и, следовательно, требует смелости мышления.

Третьим базовым свойством командира, как и любого руководителя, свидетельствующим о социальном масштабе его личности, является *способность вызывать доверие* к себе, своим идеям и планам, воодушевлять людей. Способность возбуждать доверие к себе базируется на умении предложить подчиненным эффективное решение, на четких и ясных формулировках своих идей и конкретных задач для подчиненных. Однако эффективность решений командира не всегда очевидна, да и зависит она не только от указанных целей и способов действий, но и от подготовленности личного состава для их осуществления. Большую роль играет уверенность командира в себе и в своих подчиненных. Лидер – это

---

¹ См.: Карпов А. В. Психология менеджмента. М., 1999. С. 288.

человек, который доверяет и себе, и своим подчиненным. Доверие к словам, планам и действиям командира предполагает силу его духа – качество, благодаря которому он воспринимается личным составом как надежная опора не только в боевой обстановке, но и в повседневных делах. Все это носит обобщенное название – имидж командира.

Если подчиненные убеждены, что их командир тщательно обдумывает свои решения и распоряжения, что он не меняет их без крайней необходимости, что он сохраняет хладнокровие в кризисных ситуациях, то они будут прикладывать все свои силы, чтобы выполнить все требуемое надлежащим образом.

Поспешные решения и распоряжения, а тем более малодушие, неустойчивость при неудачах, перекладывание вины на подчиненных и нежелание брать ответственность на себя – эти качества и поступки лишают командира доверия в коллективе и ухудшают моральное состояние подчиненных.

Обязательной предпосылкой доверия к командиру является убежденность в его справедливости. Командир воспринимается справедливым, если он всегда видит усердие и достижения своих подчиненных и вознаграждает их по заслугам, а также строго следует воинским уставам, традициям своего подразделения и не допускает личного произвола.

Такова психологическая природа личности военачальника. Все указанные свойства доступны измерению и оценке. По мере того, как глубинная идея личности внедряется в философию военного управления и подчиняет себе поверхностные и сиюминутные соображения, возвышается управленческая мораль и дисциплина и создаются более благоприятные условия для того, чтобы к управлению приходили действительно способные, компетентные и социально ответственные люди.

Коллективизм, чувство войскового (боевого) товарищества

Коллективизм (в традиционном отечественном понимании) – это осмысленное, дружелюбное и ответственное отношение к сослуживцам, даже при отсутствии длительного совместного опыта и эмоциональных привязанностей. Воинский коллективизм имеет

две основы: естественная потребность в друге, в общении с «таким же, как я» и необходимость разнообразных взаимодействий при выполнении служебных и боевых задач. Первое – это важнейшее условие здорового эмоционального самочувствия и связанного с ним морального состояния. Второе – фактор объединения и согласования усилий для выполнения боевой задачи.

Эти две истины сформулированы М. И. Драгомировым еще во второй половине XIX в.: «Внутреннюю основу военного дела составляет начало товарищества, так как оно основа и воинского организма. «Не думай о себе, думай о товарищах; товарищи о тебе подумают» – вот первая воинская заповедь. В ней корень долга и самоотвержения, не вынужденных, но от сердца идущих; в сознании ее единственный залог того, чтобы войско было *одним* телом, имело *одну душу*. Это значение товарищества сознавалось всегда, что доказывают самые наименования частей *compagnie* (товарищество), *дружина* и т. п.; доказывает также великое значение, придаваемое товариществу там, где внешняя опасность постоянна»¹.

Поэтому «дедовщина», с одной стороны, и недооценка мотивов и навыков боевого взаимодействия вредят тому, что М. И. Драгомиров назвал «внутренней основой военного дела». Подробнее об этом см. раздел 3.5.

Дисциплинированность (дисциплина)

Дисциплинированность – это способность, умение и мотивация подчиняться определенным правилам деятельности и поведения. В военном деле, где для достижения успеха необходимо скоординировать множество сил и средств, где часто приходится действовать быстро, чтобы опередить противника или отреагировать на внезапность, требуется как повышенная исходная упорядоченность всей службы, так и быстрая переориентация на новый порядок действий. В боевой обстановке дисциплина, как и другие человеческие качества, подвергается серьезному испытанию, поэтому так важна повседневная дисциплинарная практика, дающая

---

¹ Драгомиров М. И. Избранные труды. М., 1956. С. 166.

твердые навыки и глубокое осознание дисциплины, как важнейшей военно-боевой ценности.

Не все должным образом ценят дисциплину, и не все могут ее налаживать и сохранять.

Согласно Дисциплинарному уставу Вооруженных сил РФ дисциплина тесно связана с такими категориями, как «осознание каждым военнослужащим воинского долга и личной ответственности за защиту Российской Федерации»; «беспрекословное выполнение поставленных задач в любых условиях, в том числе с риском для жизни...»; «морально-психологические, боевые качества военнослужащих».

Есть мнение, что дисциплина является основой психологической устойчивости войск в бою. Не раз говорилось о том, что дисциплина «убивает страх, борет малодушие, рождает устойчивость и упорство в борьбе, хотя и не заменяет собой отваги». Но, похоже, это слишком большая нагрузка на воинскую дисциплину. Несмотря на то, что положения Дисциплинарного устава имеют универсальную ориентацию – как на мирное, так и на военное время, вопрос о боевой устойчивости дисциплины и о трансформациях дисциплины мирного времени в обстановке войны и боя является актуальным.

Хорошая в сравнительно несложных условиях повседневной службы дисциплина не всегда является гарантией того, что она сохранится при резком усложнении обстановки, тем более при переходе от мира к войне. Встают вопросы: в какой мере повседневная дисциплина военной службы является в то же время и дисциплиной боевой деятельности, в какой степени она соответствует жестким критериям боя? Является ли практика повседневного дисциплинирования достаточно ориентированной на суровые требования войны, всегда ли формирует она дисциплину с тем запасом прочности, какой необходим для четких и организованных боевых действий, ведущих к победе?

Между тем, в общественном мнении офицерского состава встречается некая уверенность в том, что здесь нет проблемы, что с усложнением обстановки дисциплина только улучшается. Поэтому, с точки зрения некоторых специалистов в области так-

тики, вопрос о дисциплине не является актуальным. Практика оперативно-тактической подготовки в военно-учебных заведениях, а также и научно-исследовательская работа в этой области вполне соответствуют установившемуся мнению: курсанты и слушатели не овладевают в учебном процессе методами обеспечения дисциплины боя – этой специфической и наиболее сложной формы дисциплины.

По ряду причин в условиях мирного времени случается, что на первый план выходят второстепенные показатели дисциплины: нередко порядок в казарменных тумбочках становится предметом беспокойства для начальников достаточно высокого уровня. Возможно, по этой причине дисциплина рядовым составом отождествляется с состоянием пресловутых тумбочек, выпадая из системы ценностей, которыми руководствуются люди и в значимых ситуациях своей жизни.

Важнейшим качеством дисциплины в ее индивидуальных и коллективных формах является боевая устойчивость – способность воинов действовать организованно, подчиняться приказам не только в сравнительно простой обстановке, но и в сложных и опасных условиях современной войны. Ясно, что, чем опаснее обстановка, тем большие требования она предъявляет, тем труднее человеку соблюдать порядок, и тем лучше он должен быть к этому подготовлен.

Воздействие обстановки военного времени на механизмы дисциплины можно объяснить *феноменом опережающего истощения дисциплинарной мотивации*. Например, утверждается: «Даже в условиях, когда воздействие оружия противника еще не сказывается, силы солдат истощаются простым перенапряжением или лишениями, особенно в войсках, которые не подготовлены к этому. В высшей степени это проявляется, когда войска находятся под воздействием огня противника. Если для этих войск действенным средством является только внешнее принуждение, тогда они будут стремиться выйти по возможности невредимыми из альтернативы, таящей в себе угрозу, с одной стороны, понести потери в результате действий противника, а с другой – подвергнуться заслуженному наказанию за несоблюдение приказа. Они будут стремиться

к тому, чтобы, не прилагая особых усилий для выполнения приказа, пойти, по возможности, на меньший риск»¹.

Психологические механизмы дисциплины (индивидуальная и коллективная дисциплинированность, искусство дисциплинарного управления) в зависимости от своей зрелости способны поддерживать нормативное поведение в рамках некоторого диапазона сложности. Чем качественнее эти механизмы, тем большую боевую нагрузку может выдержать дисциплина.

Конечно, воинская дисциплина, как и другие навыки боевого поведения, должна формироваться заблаговременно и проверяться серьезными испытаниями, сопоставимыми с критериями боя.

Прогнозируя адаптацию психологических основ воинской дисциплины к боевой реальности, полезно иметь в виду исходные установки, задаваемые Дисциплинарным уставом, а именно требования «выполнять свой воинский долг умело и мужественно», «стойко переносить трудности военной службы, не щадить жизни для выполнения воинского долга».

Специфические черты дисциплины боевой деятельности обуславливаются характерными факторами боя. Выполняя боевые приказы, руководствуясь принципами боевой активности, соблюдая правила постоянной боевой готовности, бдительности, маскировки, дисциплину огня, марша и другие требования, воины подвергают свою жизнь опасности. Одно это означает увеличение психологической и физической нагрузки: выполнять даже простые требования, но в обстановке смертельной опасности несравненно труднее.

Наблюдения фронтовиков показывают, что в состоянии боевого стресса некоторые воины становятся менее дисциплинированными. Они испытывают затруднения в восприятии и запоминании распоряжений, перестают заботиться о своем внешнем виде, теряют предметы снаряжения и вооружения, отстают от своих подразделений.

У отдельных солдат сознательная и активная дисциплинированность сменяется пассивным и робким послушанием.

---

¹ Рендулич Л. Управление войсками. М., 1974. С. 88.

Многочисленные наблюдения показывают, что войны, дисциплина которых складывалась в тепличных условиях, по мере усложнения обстановки перестают действовать «по правилам»: падает их внутренняя ответственность, ухудшается реакция на указания и распоряжения. Порой они даже не слышат команд и сигналов управления, потому что их внимание сужено и приковано к факторам, вызывающим стресс. Имеет своего рода дисциплинарная «регрессия» – возвращение к примитивным формам поведения, которым социальная организованность и упорядоченность несвойственны. Известно, что при предельных величинах стресса, дисциплина теряется полностью (паника).

Подчас ввозникают отклонения, отрицающие самое дисциплину: строптивость, дерзкое своеволие, делинквентность и преступность. Кому-то из русских сановников XIX в. принадлежит выражение: «война портит армию». Одно из направлений этой «порчи» заключается в деморализации военнослужащих. Эта тема нашла свое отражение во взглядах на войну и ее социальную роль. Автор книги «Философия войны» писал в начале XX в.: «Каждый человек склонен рассматривать войну, как фактор, чрезвычайно деморализующий. То, что в обычное время считается преступлением, как убийство, поджоги, теперь позволено, стремление нанести ближнему вред вызывается необходимостью, жизнь и здоровье ближнего ни во что не ставится. Грубость, жестокость самым тщательным образом культивируются, мораль получает противоположное обычному содержание. Что же удивительного, что характеры столь портятся, и действия становятся преступными. Самое худшее становится здесь чем-то обычным, само собой понятным»¹.

Таким образом, боевая закалка, психологическая подготовка распространяются и на индивидуальную, и на коллективную дисциплину. Необходимо оценивать не только качество и надежность выполнения военно-профессиональных обязанностей в обстановке, близкой к боевой, но и служебное поведение в целом и, прежде всего, управляемость личного состава, его дисциплинированность,

---

¹ Штейнметц Р. Философия войны. Пг., 1915. С. 116.

восприятие и понимание распоряжений, самостоятельность при отсутствии непосредственного контроля.

Военно-технические способности

Вооруженные силы оснащаются очень сложным и в применении и обслуживании оружием и военной техникой. Овладение всей этой технической, инженерной составляющей военного дела становится все более сложной задачей. Нужны молодые люди, которые способны справиться с этой задачей в практически приемлемые сроки. Необходимо, следовательно, более тщательно и умело находить и отбирать в ряды Вооруженных сил людей, наделенных военно-техническими и инженерными способностями. Нужны молодые воины, которые могли бы эффективно обучаться современными методами боевой и технической подготовки, тем более что и учебный процесс в войсках также оснащается простыми тренажерами, средствами, создающими виртуальную боевую реальность.

Значит, военно-технические способности нужны не только в специальных войсках, не только инженерно-техническому составу, но и всем военнослужащим. Видные военачальники часто обращали внимание именно на это обстоятельство. Например, маршал артиллерии Н.Д. Яковлев пишет: «У меня появилось подозрение, что водители, пользуясь незнанием техники младшим и средним комсоставом, намеренно придумывали разные неисправности, чтобы лишний раз отдохнуть и размяться. Как бы там ни было, а я решил, что по прибытии в лагерь обязательно и всерьез займемся изучением транспортной техники»¹.

Ориентация (аттитюд) на постоянную учебу

Учение в жизни современного человека становится постоянным и непрерывным. Оно перестает быть делом «подростающего поколения», «годами ученичества» и вовлекает людей всех возрастов. Тому много причин, в частности ускорившаяся динамика в

---

¹ Яковлев Н. Д. Об артиллерии и немного о себе. М., 1981. С. 27.

мире профессий, вынуждающая время от времени менять характер работы, то есть, переучиваться.

В военном деле обязанность всех военнослужащих учиться непрерывно обусловлена прежде всего наличием и активностью вероятного противника, противоборством с ним не только на техническом поприще, но и в области военного искусства (тактики, например), боевой подготовки, поддержания постоянной боевой готовности. Все в военном деле нацелено на борьбу и победу. Учение также является звеном всеохватывающего противостояния армиям недружественных государств.

Армия в мирное и военное время – это школа, в которую включены не только военно-учебные заведения, но и все воинские части, весь личный состав, все штабы и все военные учреждения.

Иногда этот принцип отходит на второй план, подчиняясь иным, как кажется, неотложным нуждам воинских частей и даже военно-учебных заведений. И это всегда имеет негативные последствия.

Воин – это человек, «открытый опыту», любознательный, умеющий учиться; потребность в постоянном учении – это его личностная и, само собой разумеется, профессиональная черта.

Есть, однако, внутриличностные, межличностные и внешние (служебные) причины, препятствующие непрерывности боевого учения в широком смысле, включая самообразование военнослужащих.

К внутриличностным причинам относится прежде всего «страх учения». Это явление достаточно широкое. Оно включает также и другие формы неприятия учебы, в частности отвращение. Индивидуальный страх учения имеет чаще всего длинную историю, являясь следствием несовершенства совокупности образовательных систем, начиная со школы.

Один из постулатов экономиста Э. Деминга, идеи которого преобразовали экономику ряда стран, гласит: «Сопrotивление знаниям еще сильно в людях. Ведь новые знания могут вскрыть наши ошибки. Поэтому изгоняйте страх. Никто не в состоянии достичь наилучших результатов, если он не чувствует себя в безопасности. У страха много лиц. Общий знаменатель страха, в лю-

бом его обличии, – потери из-за снижения результатов»¹. «Никто – ни ребенок, ни взрослый – не получит удовольствия от обучения, если ему постоянно приходится беспокоиться об оценках и наградах за успеваемость. Никто не может наслаждаться работой, если его сравнивают с другими»². И, наконец, Э. Деминг предлагает: «...Нужна образовательная система, в которой дети с первых лет жизни учатся с удовольствием, без страха перед оценками; в которой учителя получают удовольствие от своей работы, не боясь «показателей успеваемости»³.

Как известно, многие виды труда сопровождаются опасностью: иногда опасен предмет труда, как у сапера, иногда опасны условия труда, иногда опасна производимая продукция, как, например, взрывчатые вещества. Опасны в целом: альпинизм, ликвидация последствий чрезвычайных ситуаций, боевые действия, борьба с преступностью, работы на высоте и многое другое.

Учение, само по себе, не является опасным занятием и не служит источником страха, если это не обучение опасным профессиям или обращению с опасными предметами.

Между тем учащиеся испытывают страх. В прошлом учение опиралось на мотивы страха. В лучшем случае, это был «страх Божий». Было время, когда учителя и родители не представляли, что можно обучать без физического наказания. Каждый профессор входил в аудиторию, имея в одной руке учебные материалы, а в другой кнут. И то, и другое называлось «дисциплина».

Я. А. Коменский (1592–1670) настоятельно рекомендовал сделать школу привлекательным учреждением: «родители должны устранить у детей всякий страх перед школой»⁴. Автор «Великой дидактики» предупреждал: «Строгость необходимо наводит страх;

---

¹ Деминг Э. Выход из кризиса: Новая парадигма управления людьми, системами и процессами. М., 2007. С. 74.

² Там же. С. 98.

³ Деминг У. Э. Новая экономика. М., 2006. С. 62.

⁴ Коменский Я. А. Избранные педагогические сочинения : в 2 т. М., 1982. Т. 1. С. 240.

страх столь же неизбежно приводит в смятение ум, так что человек не понимает, где он находится; а если он более или менее слабого здоровья, то испытывает некоторое головокружение»¹.

Вторая причина страха и снижения учебной мотивации – неумение учиться. Начальная стадия учения, когда особое внимание должно быть уделено умению учиться и его мотивам, проходит под руководством менее квалифицированных педагогов, часто со средним образованием. Не способствует совершенствованию навыков и развитию мотивов учения курсантов отсутствие у преподавателей специального военно-педагогического образования.

Кроме того, в большинстве случаев умение учиться оценивается только косвенно, по общим результатам освоения заданного материала. Невысокие учебные результаты нередко объясняются неспособностью, отсутствием мотивации, но не слабыми учебными навыками.

Последствия понятны: заниматься чем-либо без умения, значит, постоянно быть перед угрозой неудачи. У взрослого человека страх учения сохраняется, хотя и скрыт частично под слоем жизненного опыта, являясь, возможно, подсознательным. Если в обучении взрослых применяется школьная оценочная практика («баллы»), то страх возрастает.

Людам, имеющим профессию, иногда трудно преодолеть ложные стереотипы: учиться, значит, признавать собственные слабости, проявлять некомпетентность в чем-либо, вновь вернуться в «статус школьника».

Отсюда избегание обучения, новизны (инноваций), переучивания или даже совершенствования в своем деле.

О том, какие трудности достижения непрерывности учения офицерского состава в России имели место в прошлом, можно судить по материалам совещаний высшего командного состава перед Великой отечественной войной.

---

¹ *Коменский Я. А.* Избранные педагогические сочинения. Т. 1. С. 488.

Совещание при ЦК ВКП(б) начальствующего состава по сбору опыта боевых действий против Финляндии. 14–17 апреля 1940 года. (Стенограмма¹).

Из выступления комдива И. И. Проскурова (заместитель наркома обороны СССР, начальник Разведывательного управления РККА):

Я организовал проверку, как читают литературу. С литературой 5-го управления знакомятся только отдельные командиры центральных управлений, отдельные руководящие работники штаба и лишь отдельные работники низового аппарата. Некоторые издания лежат по 3–5 месяцев в сейфе, что лишает возможности знакомить с этой литературой необходимый круг командиров. Они такую литературу, как боевой устав Франции, состояние войск и т. д., не говоря о литературе, имеющей косвенное отношение, не читают.

Не читают разведывательных материалов. Вот я доложу: сводка по востоку и западу выпускается секретно, потому что тут дислокация частей, политико-моральное состояние. И вот факты об изучении разведывательной литературы:

1. В Главном управлении ВВС не читается литература 5-го Управления, в том числе и чисто авиационная. Например, опыт применения ВВС немцами в период польской кампании, устав ВВС Франции, устав ВВС немцев и т. д. Начальник штаба ВВС даже не видел всей литературы, она хранится у какого-то второстепенного лица и не докладывается. Начальники отделов, люди, которые должны учитывать в своей работе все иностранные новинки, как правило, также литературу не читают.

2. Вот Артиллерийское управление; начальники отделов не читают разведывательных сводок по иностранной технике. Эти сводки после ознакомления с ними начальников информационных отделов направляются в секретную библиотеку. Здесь эти книги лежат без всякого движения. Такие книги, как «Артиллерия германской армии», «Французская армия» и другие читало всего четыре человека. Из 50 переведенных статей прочитано только 7 статей двумя лицами. Эти статьи без всяких грифов, несекретные.

---

¹ Зимняя война. 1939–1940. И. В. Сталин и финская кампания. М., 1999. С. 171.

Реплика К. А. Мерецкова (командарм 2-го ранга, командующий 7-й армией): «Там стоит гриф секретно, домой я не могу взять книгу, а на работе не могу читать, работой нужно заниматься, а поэтому эти книги лежат без всякого движения, никто их не читает. Я не имею права взять книгу домой, положить к себе в портфель, так как она считается секретной. Командир полка совсем не возьмет эту книгу».

И. И. Проскуров: вывод ясен, разведывательную литературу у нас не изучают толком. Если бы здесь сидящие товарищи прочли хотя бы 20% той литературы, которую рассылает Разведывательное управление, то ни у кого не было бы смелости сказать о том, что у нас в этом отношении ничего нет.

Материалы совещания высшего руководящего состава РККА 23-31 декабря 1940 г.¹

***Из выступления И. Н. Музыченко
(генерал-лейтенант, командующий 6-й армией Киевского особого военного округа)***

«...Пехотный командир должен быть очень грамотным, я бы сказал, должен по своей грамотности быть выше специалиста любого рода войск и вот почему. Потому, что он является организатором, на основе его решений концентрируются усилия всех остальных родов войск. Раз он является организатором, он должен быть по своему уровню – и по общеобразовательной подготовке, и по общевойсковой – чрезвычайно сильно грамотным человеком. А между тем при комплектовании наших пехотных военных училищ не считаются, на мой взгляд, с этими простыми вещами, наши военные училища и с точки зрения продолжительности обучения, и с точки зрения общеобразовательного уровня того контингента, который туда идет, не решают задачу отбора лучшей молодежи. (...)

Я хочу привести две цифры по Киевскому военному округу, которые показывают исключительную молодость службы нашего командного состава. 87% командиров рот у нас командуют до одного года, 82 процента комбатов командуют до одного года.

---

¹ Русский архив: Великая Отечественная. М., 1993. Т. 12 (1).

Вот вам состав наших командиров. А доклады, которые мы здесь уже слышали, показали, что из себя представляют эти цифры в свете военной грамотности.

Что нужно сделать? Единственный ответ – начать капитально развертывать командирскую учебу. И мне кажется, тут нужно провести такие мероприятия: помимо систематической командирской учебы, которая проводится у нас, нужно будет форсировать переподготовку и доподготовку, начиная с командиров рот и выше в центральном масштабе, в масштабе округа.

Я считаю, что нужно будет основную массу нашего командного состава пропустить обязательно через курсы в 1941 году. Для этого необходимо в округах создать курсы с 3–4-месячной программой, которые дадут возможность пропустить в течение 1941 года хотя бы основную массу наших командиров рот.

Кроме того, не настало ли время, чтобы в крупных гарнизонах, при крупных соединениях создать вечерние школы командного состава с тем, чтобы эти школы в неделю 2–3 раза, примерно по 4–5 часов занимались, подтягивая теоретический уровень нашего командного состава. И бояться того обстоятельства, что этот командный состав будет меньше болтаться, извините за грубость, в наших казармах, не следует. Я считаю, что создание вечерних школ командного состава, направленных к повышению уровня теоретической подготовки помимо 3–4-месячных курсов, бесспорно, даст нам большую пользу»¹.

3.3. Развитие боевых качеств воина (психологическая подготовка)

«...Странное явление: нигде в боевую подготовку не включено воспитание в обуздании страха...»

А. М. Дмитриевский. Страх и борьба с ним, 1918 г.

Проблема психологической подготовки стара, как мир, точнее, как война. Вопрос вечный и, возможно, экзистенциальный. И в этом общем смысле он звучит примерно так: «учиться своему

---

¹ Русский архив: Великая Отечественная. С. 59.

профессиональному делу надо как следует». Соответственно, в военном деле – это следование лозунгу В. И. Ленина «...Учиться военному делу настоящим образом...»¹. Правда, этот лозунг никогда не связывался в сознании военного человека с психологией. То же относится и к требованию «учить войска тому, что необходимо на войне» – оно общеизвестно, формулируется очень строго, но также слабо связано с психологией. Дело нередко представляется так, что достаточно в ходе боевой подготовки создавать условия, «близкие к боевым», то войска будут обучены «тому, что необходимо на войне». Но ведь без конкретного психологического анализа и того, что «необходимо на войне», и как «это» формируется, задача формирования боевых качеств преимущественно эмпирическим путем едва ли будет решаться в практически приемлемые сроки.

Поэтому и нужно искать и учитывать психологические закономерности формирования боевых качеств в мирное время.

Например, нельзя упускать тот факт, что в ходе боевого обучения неизбежно появляются эмоции (переживания, состояния), которые препятствуют эффективному освоению профессии и будут препятствовать ее реализации. Такими эмоциями может быть страх, отвращение, непереносимость физического напряжения и многие другие. И появляются они в ответ на опасность, неизвестность, дефицит времени, внезапность и иные обстоятельства, препятствующие привычному образу жизни, и удовлетворению потребностей.

Психологическая подготовка, ее теория и практика – это раздел психологии, который исследует процесс возникновения эмоциональных помех и находит способы гармонизации психической активности в ходе боевой учебы и боевой деятельности.

Нынешнее состояние литературы по психологической подготовке вызывает ряд критических соображений. Это такая реальность, где ее базовые компоненты – проблемы, идеи и решения – не совпадают: у авторов имеются свои заведомо предпочитаемые решения для всех проблем; кто-то носится с идеей, которую он

---

¹ Ленин В. И. Полн. собр. соч. Т. 36. С. 26.

хочет реализовать при первом удобном случае, и наконец, часто принимаются решения, которые не решают имеющиеся проблемы.

Сегодня по теме психологической подготовки насчитывается не менее полусотни диссертаций: психологических, педагогических, военно-тактических, социологических, исторических, философских... Огромное количество статей и книг. И все это разрозненно, обособленно. Одни тексты дублируют другие; игнорируется то, что было сделано раньше. Каждая вторая статья берется «решить» проблему целиком, так сказать, глобально.

За общими категориями: «психологическая подготовка», «готовность», «устойчивость», «надежность» и т. п. теряются конкретные задачи и способы их решения. Остается вне исследовательского интереса самое ядро психологической подготовки – боевые качества воинов, их психологическая структура и условия развития.

Невнимание к этим качествам можно объяснить несколькими причинами, включая отставание исследований более широкой темы – психологии личности воина, которая служит базой для решения многих конкретных проблем, включая и психологическую подготовку.

Между тем, именно боевые качества воина в годы Великой Отечественной войны явились темой многих публикаций военной печати. Внимание психологов привлекали, и естественно, отвечали запросам Действующей армии и флота, такие вопросы, как «честь офицера», «мужество и его воспитание», «воинская доблесть», «психология смелости и страха», «воспитание бесстрашия», «страх и его преодоление», «рождение героя», «о воспитании боевой выносливости» и т. д.¹.

---

¹ Пономарев И. Честь офицера // Военный вестник. 1944. № 3–4 ; Корнилов К. Н. Воспитание моральных качеств // Красная звезда. 1941, 2, 5 апреля ; Коновалов Н. А. Роль эмоций в боевом действии, воинская доблесть // Советская педагогика. 1943. № 7 ; Перов А. К. Психология смелости и страха в связи с проблемой характера : дис. ... канд. психол. наук. М., 1945 ; Рубинштейн М. М. Рождение героя (психологический очерк) // Советская педагогика. 1943. № 10 ; Феофанов М. П. Воспитание смелости и мужества // Советская педагогика. 1941. № 10 ; Фортунатов Г. А. Страх и его преодоление : дис. ... канд. психол. наук. М., 1942 ;

Традиции Вооруженных сил, играющие важную роль в боевом воспитании личного состава, органически связаны с воинскими доблестями. Об этой связи и значении, которое придается боевым качествам в военной теории (тактике и стратегии), можно судить в частности по работе К. Клаузевица «О войне» (не «О психологии»!), где боевым качествам («моральные величины», «моральные потенции», воинская добродетель», «смелость», «твердость и стойкость», «решимость») посвящены отдельные главы.

Учитывая опыт эффективного воспитания боевых качеств, а также нерешенные вопросы текущего этапа развития теории и практики психологической подготовки, как раз и целесообразно сосредоточиться на задаче развития этих качеств воина.

Психологическая природа боевых качеств человека

О качествах, необходимых для воина, говорится много, но поверхностно. Нет смысла входить в выяснение причин этого. Возможно, существует предубеждение, что достаточно указать на важность определенных боевых качеств и с должной настойчивостью требовать их от рядового воина и командира.

Для выяснения психологической природы боевых качеств в условиях современного состояния боевого дела нам приходится опираться на ограниченное число исторических источников: мысли о воинских доблестях К. Клаузевица, «психологический этюд» Ф. Парчевского «Храбрость и мужество» (1916) и других авторов прошлых времен. Определенные идеи можно найти в исследованиях волевых и эмоциональных качеств, выполненных в русле психологии спорта и общей психологии, а также особенностей боевого интеллекта. Например, в работе Е. П. Ильина¹ представлен перечень волевых качеств человека: целеустремленность, решительность, настойчивость, выдержка, самостоятельность, смелость, стойкость, самообладание, инициативность. Полезные данные дает психология

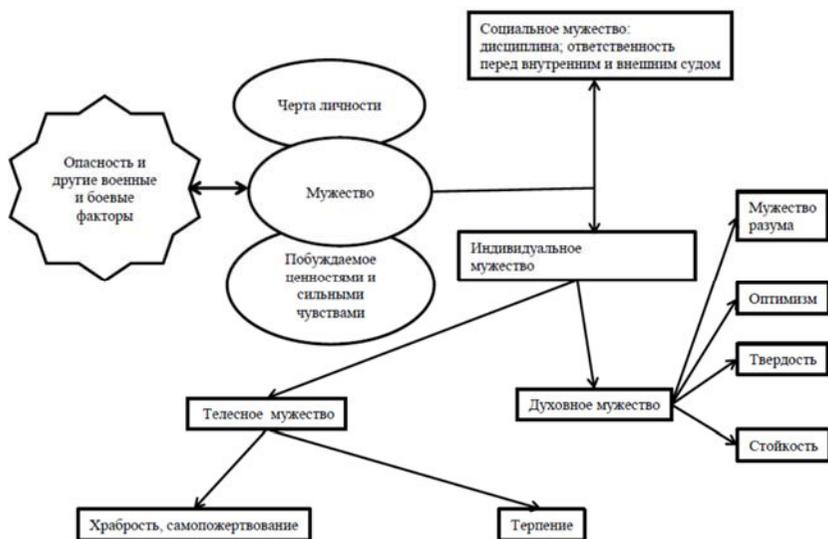

Сарычев С., Спиридонова Ф. К вопросу о воспитании боевой выносливости // Военный вестник. 1944 и др.

¹ *Ильин Е. П.* Психология воли. СПб., 2009. С. 146.

эмоций, в частности, исследования эмоциональной устойчивости¹, стрессоустойчивости и механизмов эмоциональной регуляции деятельности и состояния человека. О боевом интеллекте современная отечественная психология располагает небольшим числом работ, включая историко-психологический труд Б. М. Теплова «Ум полководца» и несколько кандидатских диссертаций, выполненных в 50–60-х гг. прошлого века.

Для логического синтеза всех этих разнообразных данных воспользуемся обобщениями К. Клаузевица, схематически представленными на рис. 5.

Рис. 5. Структура личностной боевой готовности воина

Исходным в этой системе понятий является «стихия войны», образуемая «четырьмя элементами»: опасность, физическое напря-

¹ *Аболин Л. М.* Психологические механизмы эмоциональной устойчивости человека. Казань, 1987.

жение, неизвестность и случайность¹; все они в сумме названы «общим трением»².

Соответственно, качества воина, обладая которыми он способен успешно действовать в этой атмосфере «трения», являются боевыми. Это: 1) мужество, 2) способность переносить физические страдания, 3) интеллект, 4) присутствие духа. Эти качества не являются рядоположными; мужество фактически представляет собой комплекс, включающий все остальные элементы этого перечня. К ним добавляется «послушание» (дисциплина): «на войне нет более важного начала как послушание»³.

Мужество. Это комплексное качество человека (подразделения, армии, народа), ядром которого является «личное самопожертвование в опасности» (храбрость, отвага, смелость). Оно включает уверенность в своих силах, оптимизм, решительность, твердость и стойкость, а также самообладание (способность подчиняться раскладке, сохранение равновесия при переживании сильных волнений). Особую форму мужества составляет «мужество разума», которое «исходит из убеждения необходимости риска, а также из большей проницательности, вследствие которой риск представляется не столь большим, как он кажется другим». В целом мужество дает человеку «моральное самосохранение».

Мужество имеет две объектные разновидности: личное и социальное. Личное, индивидуальное мужество проявляется в обстановке, когда воин «отвечает только за себя»; социальное мужество предполагает прежде всего ответственность «за других» – подчиненных, общее дело. Различие между этими видами мужества относительно; коллективизм воинской деятельности придает индивидуальному мужеству коллективный характер как в положительном, так и в отрицательном смысле. Например, недостаточно мужественное поведение одного члена экипажа или расчета будет иметь негативные последствия как для самого воина, так и для боевого коллектива.

---

¹ Клаузевиц К. фон. О войне. М., 1936. Т. 1. С. 83.

² Там же. С. 107.

³ Там же. С. 205.

Общепсихологическая структура мужества образуется эмоционально-волевым взаимодействием. Эмоциональная составляющая – это эмоциональная устойчивость, то есть особое качество эмоционального процесса. Волевая составляющая – способность справиться с нежелательным развитием той или иной эмоции (прежде всего страха) посредством волевого усилия. Развитая волевая составляющая проявляется в форме самообладания.

Смелость (храбрость). Высоко оценив надежность мужества, связанного со стойкостью и твердостью, К. Клаузевиц отдает предпочтение смелости, которую он представляет, как проявление мужества, мотивируемого сильными чувствами. Смелость – это «благородная сила порыва, с которым человеческая душа подымается над самой грозной опасностью». Смелость настолько высоко ценится в военной среде, что она является первым условием профессии воина. «Она является благороднейшей добродетелью», творческой силой, силой натянутой пружины, всегда готовой к спуску»¹. Только там смелость неприемлема, где она отвергает послушание.

Смелое поведение имеет разные мотивы: оно может быть вызвано «давлением необходимости» или чувством престижа.

Боевой интеллект, или мужество разума. Смелость нуждается в интеллектуальном управлении. «Смелость, руководимая выдающимся умом, является печатью героя». В свою очередь, «смелость окрыляет ум и проницательность» воина. Но, конечно, мужество не создает ни разума, ни понимания и проницательности. Поэтому при недостаточном разумении и проницательности мужество может повести совершенно ошибочным путем».

При гармоничном соотношении смелости и ума имеет место «мужество разума». Оно исходит из убеждения необходимости риска, а также из большей проницательности, вследствие которой риск представляется не столь большим, как он кажется другим. Мужество разума опирается на самообладание («присутствие духа»), то есть, на способность подчиняться рассудку даже в момент наиболее бурных волнений. «Самое выражение – присутствие ду-

---

¹ Клаузевиц К. фон. О войне. М., 1936. Т. 1. С. 205.

ха – весьма метко обозначает близость и скорость оказанной разумом помощи». Обеспечивается присутствие духа «особым складом ума и общей уравновешенностью»¹.

В бою огромное значение имеет еще одна интеллектуальная способность – интуиция. Она представляет не только природный талант, но главным образом является в результате практики, знакомящей с явлениями и почти обращающей в привычку открытие истины, то есть правильность суждения.

Таким образом, боевой интеллект – это разум, который характеризуется устойчивостью в критических условиях; его моральной основой служит «чувство человеческого достоинства и глубочайшая душевная потребность действовать всегда и всюду как существо, одаренное прозорливостью и разумом»².

Общей чертой большинства боевых качеств является их коммуникативная природа. Они предназначены для боевой деятельности, которая всегда является борьбой с противником. Следовательно, значение имеют не сами по себе боевые качества, а превосходство над противником в этих качествах. «...Что чрезвычайно важно – это не *уступать* противнику в мужестве и умственных силах, особенно в первом». При превосходстве в смелости над противником «дополнительные проценты» всегда будут добыты за счет упущений противной стороны»³.

Психологическая готовность – комплексная стрессоустойчивость воина

Если рассмотреть боевые качества на основе теории стресса, то они будут представлены как совокупная стрессоустойчивость, включающая умение воина противостоять различным стрессорам войны и боя (рис. 6).

Обобщенным источником боевого стресса выступает противник, его оружие и его действия. Противник – это, прежде всего, опасность. Ей противостоит мужество и смелость воина. Чтобы

---

¹ Клаузевиц К. фон. О войне. Т. 1. С. 82.

² Там же. С. 86.

³ Там же. С. 204.

справиться со всем тем, что исходит от противника, воин должен выработать стрессоустойчивость относительно дефицита, неопределенности и противоречивости информации, внезапности, ограниченности времени, повышенной ответственности, ситуаций риска, возможности ранения и гибели. Кроме того, нужна боевая устойчивость относительно таких факторов, как вид поля боя и его звуки, идеологические атаки противника, экстремальная температура, недостаток воды и пищи, неуверенность в боевой поддержке соседей или приданных сил и др.

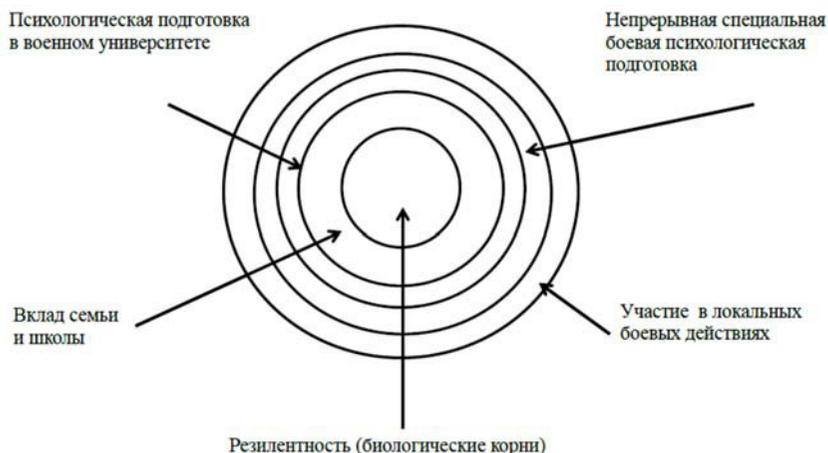
Рис. 6. Источники боевого стресса

Психологическая готовность как комплексная боевая стрессоустойчивость имеет в каждом конкретном случае свой индивидуальный профиль, характеризующий уровень зрелости всех необходимых для данной воинской специальности компонентов. Индивидуальные профили можно оценивать, сравнивать, ранжировать и делать выводы о сильных и слабых сторонах и о том, на чем следует сосредоточиться в последующих тренировках. Например, воин может быть

смелым перед лицом противника, но в то же время не переносящим холодовой стресс или теряющим сознание от сознания повышенной ответственности. Все психологические факторы современного боя должны быть тщательно исследованы и проработаны до высокой степени сформированности конкретных видов стрессоустойчивости.

Вся жизнь – психологическая подготовка

Психологическая подготовка – это процесс, который продолжается всю жизнь (рис. 7). Начало этого процесса обуславливается биологией, особенностями тела и нервной системы прежде всего.

Рис. 7. Процесс жизненного развития психологической готовности

Первоначально для психологической характеристики этого биологического ядра где-то в середине прошлого века американские психологи использовали понятие «резилентность» (упругость, устойчивость). История этого понятия такова. Психологи изучили биографии молодых людей, которые оказались успешными, несмотря на то, что выросли в трудных условиях (нищета, нездоровая семья, криминальное социальное окружение и т. д.). Исследователи искали факторы, которые уже в раннем детстве защищают человека от стрессоров, выявляли различия между теми, кто смог выстоять в

невыносимых условиях, и теми, кого жизненные трудности сломили. Они пришли к выводу о том, все это – результат природного фактора, который они и назвали резилентностью. В последующем это понятие перешло в область военной психологии и стало обозначать более широкое явление – психологическую упругость воина как его способность противостоять военным и боевым трудностям.

Если придерживаться первоначального смысла резилентности, то следует придать психологическому отбору более серьезное теоретическое, методическое и организационное значения во всем комплексе психологической подготовки.

Биологические основы жизненной стойкости нуждаются, естественно, в раннем, всестороннем и последовательном развитии. Считается, что в рыцарские времена подготовка воина начиналась с 7–8-летнего возраста...

Семья и школа располагают для этого большими возможностями. Впервые эти возможности оценил и проанализировал отечественный психолог П. Ф. Каптерев. Две его работы непосредственно посвящены этой теме: «О нравственном закаливании (1899)» и «О страхе и мужестве в первоначальном воспитании» (1901).

Он рекомендовал «нравственное закалывание» в детском и юношеском возрасте, полагая, что «закалывание при воспитании есть некоторый дополнительный плюс к воспитанию вообще. Человек в достаточной мере воспитанный, но нравственно не закаленный, будет пригоден к деятельности только в тепличных условиях. Он будет не в состоянии бороться с препятствиями и окажется не в силах совершить требуемую работу. Во избежание этого нужно человека закалить, то есть воспитать его в такой простоте и даже некоторой суровости обстановки, чтобы изменение условий в неблагоприятном смысле не могло оказать на него подавляющего действия, чтобы человек не только сохранял силы к борьбе, но от борьбы с препятствиями увеличивал бы их. К такой цели должна стремиться система закалывания как физического, так и нравственного»¹.

---

¹ Каптерев П. Ф. О страхе и мужестве в первоначальном воспитании. СПб., 1901. С. 149.

В то же время Каптерев предостерегал от негативных последствий «воспитания страхом». «На духовную деятельность страх оказывает не менее неблагоприятное влияние, чем на физическую. Прежде всего и непосредственное всего влияние страха оказывается помехой нравственному развитию, укреплению благородства, возвышенного настроения и чувствований. Испытывать часто страх, значит трепетать за благополучие собственной личности, жить, выражаясь грубо, «шкурным» интересом»¹.

Серьезной школой психологической закалки является получение военно-профессионального образования в высшей военной школе. Его особенность заключается в том, что здесь, по существу, продолжается отбор по критериям психологической готовности, то есть по боевым качествам, и закладывается общая (первичная) база личности воина.

Очередной этап – служба в офицерской должности – это непрерывная специальная боевая психологическая подготовка. Уровень психологической готовности должен быть таким, чтобы в любой момент вступить в бой и успешно выполнить боевую задачу.

Высший уровень развития боевых качеств достигается участием в реальных боевых действиях. Только этот опыт дает возможность носить звание «боевого офицера». Как писал тот же Клаузевиц, «дух отваги может войти в плоть и кровь армии ... потому, что он порожден счастливой войной под водительством смелых полководцев ... Почти нет другой возможности воспитать его, как при помощи войны, и притом при помощи отважного ее ведения»².

Сегодня кристаллизуются некоторые принципы развития боевых качеств воина, то есть его психологической подготовки.

Во-первых, проработка каждого боевого стрессора в целях достижения всесторонности в боевой психологической готовности. Стрессоустойчивость должна быть широкой, чтобы противостоять всем видам угроз, которые несет в себе обстановка войны и боя.

---

¹ *Каптерев П. Ф.* О страхе и мужестве в первоначальном воспитании. С. 20.

² *Клаузевиц К. фон.* О войне. М., 1936. Т. 1. С. 209.

Во-вторых, исходя из того, что боевые качества являются коммуникативными (конфликтными), необходимо боевую учебу вести в форме конфликта, моделирующего конкретную разновидность боя или отдельные его этапы. Ведь боевые качества формируются только в ситуациях противоборства, позволяющих лучше узнать противника, научиться ему противостоять, и получить уверенность в превосходстве своей подготовленности.

В-третьих, отдавая должное ситуациям боевого противоборства, следует помнить, что многие боевые стрессоры имеют природно-предметный характер. Высота, экстремальная температура, водные преграды, горы и болота, ночь и многое другое – это не дело рук противника, но создает подчас большие физические и психологические нагрузки. Значит, необходимо вырабатывать способность преодолевать и эти природно-предметные препятствия. Кстати, полоса препятствий позволяет осваивать преимущественно эту категорию трудностей.

В-четвертых, боевые качества могут развиваться при определенной природной предрасположенности, следовательно, психологической подготовке должен сопутствовать военно-профессиональный отбор. Еще более необходима специальная психологическая диагностика, выявляющая исходный уровень готовности к развитию конкретных боевых качеств у каждого воина.

Таковы ступени последовательного восхождения ко все более высоким уровням психологической готовности. На каждом этапе решаются свои задачи. Происходит прогрессивное наращивание боевых возможностей воина. Пропуск или неучет одной из этих ступеней создает разрыв, который не всегда можно преодолеть на следующем этапе военной службы. Во всяком случае, наличие такого разрыва следует установить.

Таким образом, сегодня в деле боевой психологической подготовки мы стоим перед необходимостью иметь дело с конкретными боевыми качествами всех категорий военнослужащих. Следует, используя современный теоретический и методический арсенал военной психологии, уточнить их строение и способы развития на основе учета индивидуальной предрасположенности и предшествующего жизненного и служебного опыта. Необходи-

димо расширить комплекс форм и методов обучения с тем, чтобы охватить более широкий объем задач формирования боевой стрессоустойчивости, учитывая изменения условий, в которых ведутся сегодня боевые действия.

3.4. Военно-профессиональная идентичность на начальном этапе службы

Теоретические основы

Становление и развитие личности воина – «человека военного», профессионала, офицера – важнейшая цель высшего военного образования и военной службы в целом. Вся образовательная среда университета, служба, общение, быт должны строиться так, чтобы эта цель была четко сформулирована, запрограммирована и принята всеми, кто учится, учит и организует учебный процесс.

Естественно, что при самых благоприятных организационно-служебных и дидактических условиях нужный результат достигается усилиями каждого курсанта. Стать военным, офицером, профессионалом – это личный проект самого курсанта. Реализуя этот проект, он все глубже познает себя, ставит перед собой цели восхождения на более высокие уровни развития и отслеживает получаемые результаты, отмечая неудачи и трудности. И все это часто именуют идентичностью.

Сегодня уже не считают, как во времена Декарта, что человек может не знать, что происходит вокруг, но то, что творится в его душе, ему известно заведомо. Большинство людей убеждены в том, что их внутренний мир является предметом познания не менее сложным, чем мир внешний, так что для самосознания работы более чем достаточно. К. Роджерс утверждал: «Мне кажется, что в глубине души каждый человек спрашивает: «Кто я на самом деле? Как я могу соприкоснуться со своим подлинным "Я", которое лежит в основе моего поверхностного поведения? Как мне стать самим собой?»¹.

---

¹ Роджерс К. Взгляд на психотерапию. Становление человека. М., 1994. С. 154.

Как видно, идентичность человека не является только сомнительным теоретическим конструктом. Она осознается и переживается, то есть имеет свой когнитивно-эмоциональный референт. Он, например, присутствует в восклицании «Ай да, Пушкин, ай да, сукин сын!»; в самокритической реакции человека, который заметил ошибку в своих действиях; в удовлетворении, которым отмечается положительный рост в каком-либо отношении. Другими словами, люди обычно контролируют свою идентичность, чтобы не сделать или не сказать чего-нибудь, что давало бы повод сожалеть: «Я не мог «это» сделать...» Проблема идентичности выходит на первый план и в тот момент, когда человек ощущает, что какие-то части его тела или мысли не подчиняются его воле, или, как говорит ребенок у Г. С. Салливана, – «Это не я, это моя рука»¹.

Переживание идентичности – это, во-первых, переживание связи с собой самим, и во-вторых, переживание своей связи с другими людьми, то есть, осознание своей социальности, своего места в мире военнослужащих. Но достижение идентичности – это задача. Есть обстоятельства, при которых сознание себя самого не является вполне развитым, и из-за своей узости не охватывает своей властью важные стороны жизни человека. «Узость сознания или его односторонняя – внешняя – направленность приводит к слабости, а то и утрате контакта с самим собой, что затрудняет или делает невозможным эффективное влияние на себя, мешает управлять собственной жизнью»².

Ряд психологов давно уже обратили внимание на разнообразные проявления идентичности и ее нарушения. Прежде всего, это З. Фрейд с его концепцией бессознательного, неуправляемая активность которого приводит к поведенческим ошибкам и болезням. Это далее, Г. С. Салливан, который развивал понятие о «трех первичных персонификациях»: «Я-хороший», «Я-плохой» и «не-Я». В этом комплексе «Не-Я» – это «область личности», формирующаяся в раннем детстве под влиянием сильной интерперсональной

---

¹ Салливан Г. С. Интерперсональная теория в психиатрии. СПб., 1999, С. 194.

² Mellibruda J. Poszukiwanie samego siebie. Warszawa, 1980. S. 9.

тревоги и приводящая к нарушению и утрате самоидентификации. «Множество людей, – пишет Салливан, – упорно демонстрируют расщепленное поведение, говоря и делая то, о чем они не имеют и не могут иметь никакого представления, что может очень много значить для других, но совершенно бессмысленно для них самих»¹.

Идентичность не замыкается во внутренней рефлексивно-психологической системе индивида. Если идентичность служит во благо, то имеется «правильная» внешняя референтная точка, или позиция соотнесения. Она может иметь вид конкретного человека (героя), персонажа, социальной теории, совокупности профессиональных или иных ценностей. Для нормального функционирования индивидуальной идентичности необходимо, чтобы позиция соотнесения соответствовала базовым социальным ценностям, не была бы ни антиобщественной, ни асоциальной, потому что и сам человек изначально и не антиобщественен, и не асоциален. «Все люди рождаются принцами и принцессами, и только обстоятельства превращают их в лягушек»².

Таким образом, во всех идентификационных переживаниях важную роль играет желаемое чувство внутренней и внешней ясности, интегрированности и целостности.

Для уяснения психологической природы идентичности полезно иметь некоторый контекст. Например, соотнести данное понятие с другими понятиями и теориями, которые решают сходные задачи. Необходимость этого тем более существенна, так как понятие «эгоидентичность», как его представил Эриксон, нередко и справедливо обесценивается. Э. Гидденс (социолог), например, пишет: «Наименее интересные области работы Эриксона прославили его больше всего – речь идет об исследованиях формирования «эго-идентичности» и стадий развития личности от рождения до подросткового возраста и далее»³.

---

¹ Салливан Г. С. Интерперсональная теория в психиатрии. СПб., 1999. С. 164–165.

² Штайнер К. Сценарии жизни людей. Школа Эрика Берна, СПб., 2003. С. 20.

³ Гидденс Э. Устроение общества. М., 2005. С. 109.

И далее: «...сам термин «эгоидентичность» не вполне удовлетворителен. Мы уже говорили о том, что понятие «Эго» порождает в психоаналитической теории довольно много концептуальных проблем. Поэтому введение понятия «эгоидентичность» может лишь увеличить существующую путаницу. Сам Эриксон признает, что здесь возможны как минимум четыре коннотации: «осознанное восприятие собственного Я», «бессознательное стремление к личностной целостности», «критерий скрытых действий эго-синтеза» и «поддержание внутренней солидарности и идентичности с идеалами группы». На наш взгляд, ни одно из этих значений не выглядит достаточно вразумительным; оставим же в покое понятие, включающее их все!»¹.

Кроме того, после Эриксона предпринимались многочисленные попытки усилить обоснованность его теории, развивать ее в том или ином направлении, а то и просто – понять ее существо. Похоже, что значительных успехов эти попытки не принесли. Более того, появилось разочарование. В частности, Э. Бернс заметил: «проведенные на основе теории Эриксона исследования показали, что нет данных о том, что кризис идентичности носит нормативный характер. Кроме того, складывается впечатление, что не юность, а ранний подростковый возраст и начало пубертата являются той стадией, на которой проблема идентичности стоит особенно остро»².

Представляется, что во всей этой понятийной сложности два понятия все же близки к «идентичности»: самосознание и Я-концепция. Самосознание – это атрибут традиционной психологии, а «Я-концепция» – порождение когнитивно-гуманистического направления в психологии. Я-концепция – теория, хорошо структурированная, теоретически и методически обеспеченная. Можно предположить, что Я-концепция – понятие, более широкое по сравнению с идентичностью. И тогда не будет большой ошибки, если включить идентичность в Я-концепцию. Функция идентичности при этом будет заключаться в сознательной или бессознательной

---

¹ Гидденс Э. Устроение общества. М., 2005. С. 110.

² Бернс Э. Развитие я-концепции и воспитание. М., 1986. С. 204.

проверке (контроле, мониторинге) собственной подлинности, или «самости», как предпочитал говорить К. Г. Юнг.

Самопознание не очень простое дело. Человек может не понимать, какое чувство он переживает. Множество людей не знают своих способностей. Уже одно это оправдывает определение Э. Эриксона – «спутанная идентичность». Если мы находимся, например, в чрезмерно возбужденном состоянии, то можем принять решение, которое не соответствует подлинным ценностям и даже самой нашей природе. Функция здоровой идентичности – предотвратить это решение или хотя бы отметить факт проявления неидентичности в поведении.

Подход к профессиональной идентичности

Учитывая сложность человеческой личности и ее развития, в том числе динамику психических состояний, можно допустить некоторое множество идентичностей (иногда их называют ролями). Какая-то из этих идентичностей (ролей) будет ключевой, центральной; вокруг нее группируются (интегрируются) остальные (см. рис. 8). Принято считать, что на центральное положение претендует профессиональная идентичность, так, по крайней мере, было раньше. Да и сегодня для того, чтобы быть «всесторонним» индивидом, человек должен иметь средства для существования, то есть, быть профессионалом.

По мере того, как мир профессий утрачивает свою стабильность, а человек становится все более активным и «субъектным», он получает возможность более свободно принимать свои профессиональные решения, а, значит, и корректировать свою профессиональную идентичность.

Несмотря на нечеткость концепции идентичности, и на то, что Э. Эриксон специально профессиональным развитием не занимался, есть возможность прояснить некоторые особенности профессионального развития молодых людей. Согласно Эриксону, «профессиональная идентичность» – это аспект эгоидентичности, и достижение профессиональной идентичности является трудной задачей. «...Более всего беспокоит молодых людей неспособность установить профессиональную идентичность. Чтобы сохранить свою

общность, они временно начинают идентифицироваться с героями своих групп, клик, толп, вплоть до возможной полной потери своей индивидуальности»¹.

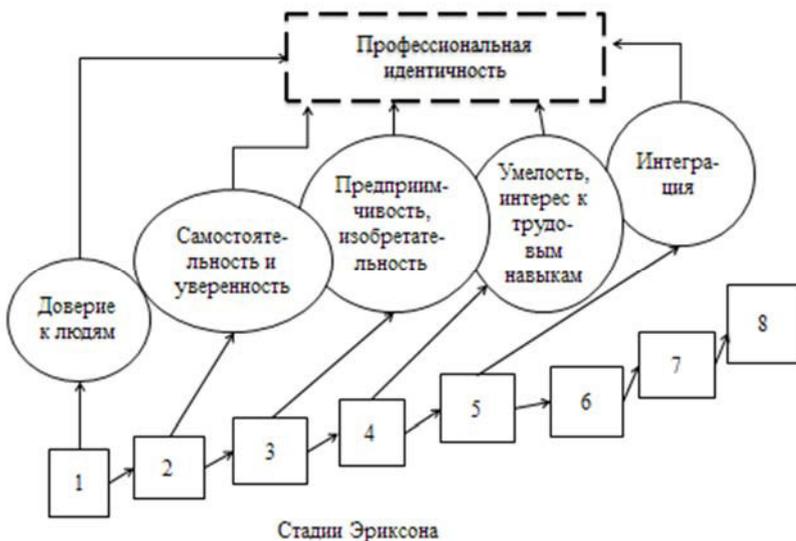

Рис. 8. Структура индивидуальной идентичности

К «установлению профессиональной идентичности» молодой человек готовится, накапливая опыт на предшествующих стадиях своего жизненного цикла (см. рис. 9).

Трудно решать свою профессиональную проблему, не обретя «доверия к людям» (положительный результат первой стадии развития), не будучи самостоятельным и уверенным в себе (2 стадия), не имея «предприимчивости и изобретательности» (3 стадия), без «умелости и интереса к трудовым навыкам» (4 стадия) и, наконец, без способности интегрировать в себе свои различные достижения, ценности, цели и побуждения.

¹ Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 2006. С. 143.

Рис. 9. Путь к профессиональной идентичности

Эриксон более тесно связывает профессиональную идентичность преимущественно с двумя (из восьми) стадиями жизненного цикла – четвертой и пятой. Из его теории следует, что особенно значимые компоненты профессиональной идентичности развиваются на четвертой стадии жизненного цикла, именуемой как «трудолюбие против чувства неполноценности». Здесь намного раньше того возраста, в котором выбор профессии и укоренение в ней становится безотлагательными, решаются задачи, имеющие непосредственное отношение к профессиональным формам поведения, и, следовательно, должны решаться правильно, то есть с перспективой.

Ребенок «охотно соглашается приложить себя к освоению трудовых навыков и решению задач, которые заходят гораздо дальше простого игрового выражения модусов органа или получения удовольствия от функционирования конечностей. У него развиваются усердие, трудолюбие, – то есть он приспособливается к неоргани-

ческим законам орудийного мира. Он способен стать крайне прилежной и абсорбированной единицей производительного труда. Довести производственную ситуацию до завершения – вот цель, которая постепенно вытесняет прихоти и желания игры. Эго ребенка включает в свои границы его рабочие инструменты и навыки: принцип работы приучает его получать удовольствие от завершения работы благодаря устойчивому вниманию и упорному старанию»¹. Здесь уже могут проявиться трудности, связанные с переоценкой личностной значимости профессии. Если, – пишет, Эриксон, – «ребенок воспринимает работу как единственный критерий собственной ценности, с излишним рвением жертвуя ради этого воображением и игрой, он может ... стать рабом своей технологии. Здесь мы уже вплотную приближаемся к проблеме идентичности, поскольку с установлением твердых исходных связей ребенка с миром орудий, умений и навыков и с теми, кто ими делится и им обучает, непосредственный вклад школьного возраста в становление чувства идентичности может быть выражен словами «Я есть то, что я могу научиться делать». Очевидно, что для подавляющего большинства мужчин во все времена этим не только начиналась, но и ограничивалась их идентичность; или, лучше сказать, большинство мужчин всегда стягивали потребности в идентичности вокруг своих способностей к техническим и другим профессиональным занятиям, оставляя специальным группам людей (отмеченным происхождением, призванием, одаренностью, собственным или общественным выбором) или устанавливая прерогативу, или оберегать «высшие» образования, без которых дневная работа мужчины всегда представлялась каким-то неадекватным самовыражением или просто однообразным и скучным времяпрепровождением, если не своеобразным проклятием»².

На пятой стадии («идентичность против смешения ролей»), согласно Эриксону, молодых людей «более всего беспокоит неспособность установить профессиональную идентичность», связать

---

¹ Эриксон Э. Детство и общество. СПб., 1996. С. 114–115.

² Эриксон Э. Идентичность: юность и кризис. М., 2006. С. 138–139.

роли и навыки, развитые и ценимые ранее, с профессиональными прототипами дня сегодняшнего».

Неудачи интеграции профессиональных задач в динамику эго-идентичности порождают странные формы молодежного поведения, которые должны бы компенсировать эти неудачи: временная сверхидентификация (до внешне полной утраты идентичности) с героями клик и компаний; юношеская любовь как попытка добиться четкого определения собственной идентичности, обособление в своем кругу и отвержение всех «чужаков», отличающихся от них происхождением, уровнем культуры, вкусами и дарованиями. Все это – защита против «помрачения» сознания идентичности.

Таким образом, развитие профессиональной идентичности – это успешное переструктурирование эго-идентичности под влиянием освоения профессии и продвижения в ней. И тогда профессиональная идентичность – это гармоничное вхождение в профессиональный образ жизни или, с другой стороны, успешное разрешение проблемы включения профессии в структуру личности, как она складывалась на предшествующих стадиях жизненного цикла. Освоение профессии, благоприятствующее сохранению и прогрессу эго-идентичности, означает также исправление тех погрешностей и не вполне преодоленных кризисов при прохождении более ранних стадий развития.

Случается, что некоторые исследователи переносят на профессиональную идентичность то, что характерно для «эгоидентичности». Ее формированию приписывают без должных оснований те же стадии, которые характерны для личностной идентичности. Л. Б. Шнейдер утверждает: «По Э. Эриксону, при становлении профессиональной идентичности человек проходит те же этапы, что и при социализации – доверие, автономию, инициативность, достижение, идентичность, интимность, творчество, интеграцию»¹. Это, как показано выше, не совсем так.

---

¹ Шнейдер Л. Б. Профессиональная идентичность: структура, генезис и условия становления : дис. ... докт. психол. наук. М., 2001. С. 157.

Особенности формирования профессиональной идентичности курсантов

Формирование профессиональной идентичности курсантов специфично в нескольких отношениях. Прежде всего для многих – это исходное формирование «военной идентичности», осознание себя в качестве человека военного, военнослужащего, то есть, решение задачи более сложной, чем, например, овладение профессиями, знакомыми с детства, то есть, в известной степени персонафицированными. Во-вторых, этот процесс осуществляется вне привычного круга общения – семейного, школьного, территориального. В-третьих, – это формирование готовности к войне, к выполнению боевых задач, к вооруженной защите Отечества. Следовательно, речь идет о радикальной перемене жизненной идентичности.

Разумеется, профессиональная идентичность курсантов, овладевающих воинскими профессиями на базе психологии служебной деятельности, формируется очень индивидуально. В одном случае ее истоки теряются где-то в детстве, в другом – в школьные годы, а в третьем – после 1–2 лет военной службы.

Рассмотрим ряд эмпирических данных, характеризующих начальные этапы военно-профессиональной идентичности (табл. 6). Эти данные получены путем обобщения материалов пилотного исследования на основе метода незавершенных предложений. Курсанты 1-го и 2-го курсов говорили о том, когда они впервые ощутили себя военнослужащим (военным человеком), с какими переживаниями связано у них осознание себя военным, как они видят перспективы своей военной карьеры и пр.

Как видно, курсанты называют и важные причины, побудившие их принять профессиональное решение, и поверхностные. Они не упоминают о межличностных влияниях, о роли примера сослуживцев, друзей, должностных лиц.

Внешний персональный фактор военной идентичности указывается только в виде поддержки принятого решения родными и близкими. Это можно рассматривать как проявление тяги к самостоятельности, независимости в своих решениях, что характерно для современной молодежи (табл. 7).

**Факторы начала становления
военно-профессиональной идентичности**

Факторы	Количество %		
	1-й курс	2-й курс	Всего
Опыт военной службы, в том числе срочной	40	40	40
Отдельные воинские атрибуты (форма, погоны, оружие)	27	26	26
Военная присяга	20	18	18
Контракт, «курс молодого бойца» (рота молодого пополнения)	13	16	15

Нет явных указаний на самооценку своих способностей; по-видимому, этот вопрос считается решенным, поскольку пройден соответствующий отбор. Представляется, что невыраженность темы способностей в самооценках молодых курсантов имеет несколько причин. Первая – поверхностное видение будущей военной профессии. Это не позволяет ни соотнести самооценку своих способностей с требованиями профессии. Вторая причина – недостаточное развитие рефлексии, внутренней оценки своих возможностей в разных сферах деятельности. Нельзя не учитывать также интеллектуальную атмосферу в курсантских коллективах, особенности взаимной оценки курсантами друг друга.

Таблица 7

**Чувства, связанные с текущим этапом
формирования военно-профессиональной идентичности**

Содержание переживаний	Количество %		
	1-й курс	2-й курс	Всего
Гордость	47	30	33
Ответственность	13	21	19
Осознание верности сделанного выбора: понял, для чего я предназначен; буду нести достойно службу; понял, что я имею право называть себя защитником родины; стал развивать военное мышление и др.	20	16	16

Содержание переживаний	Количество %		
	1-й курс	2-й курс	Всего
Положительные изменения в себе и своем поведении: стал серьезнее, более организованным, появилось деловое отношение к службе, больше интереса к армии, стал увереннее (5 человек), понял, для чего предназначен, стал внимательнее к товарищам, принял тяготы службы, служить стало легче, появилось чувство взрослости и др.	20	21	21
Отрицательные и противоречивые переживания: «все пропало»; смирился со своей участью, приуныл на ближайшие 20 лет; захотел обратно в часть; расстроился и... принял как должное; растерялся, но стал гордиться.	13	12	11

Рассматривая данные табл. 8, можно сделать вывод о серьезной внутренней работе, которая идет в душах курсантов по поводу своей профессии и места ее в структуре личности. Они и заявляют об успешности и удовлетворенности, и видят необходимость значительных психологических перемен, и убеждают себя в правильности выбора своего жизненного пути.

Таблица 8

Субъективная оценка профессиональных перспектив (%)

Положительные чувства и мысли		Чувства неопределенности (всего – 8)	Негативные реакции (всего – 6)
Эмоции (всего – 65)	Деловой, трезвый подход (всего – 21)		
Думаю о моей семье (2). Радуюсь (4). Спокоен. Чувствую силу. Отношусь к этому с пониманием. Доволен. Вдохновляюсь. Гордость – (9). Ответственность – (9). Вновь настраиваю себя на положительный лад.	Ставлю перед собой цели, которые нужно выполнить в первую очередь. Ставлю цели на будущее. Смотрю на плюсы. Задумываюсь о защите и будущем моей страны. Осознаю, что мне много чего нельзя. Принимаю это.	Испытываю смешанные чувства. Сомневаюсь в правильности выбора. Задумываюсь. Немного расстраиваюсь, что потрачу молодость на службу. Не верю в это, и др.	Хочу плакать. Огорчаюсь. Стараюсь не думать об этом. Боюсь. Думаю об одиночестве и др.

Положительные чувства и мысли		Чувства неопределенности (всего – 8)	Негативные реакции (всего – 6)
Эмоции (всего – 65)	Деловой, трезвый подход (всего – 21)		
Понимаю, что моя жизнь – это риск. Представляю себя полковником. Испытываю чувство удовлетворения. Чувствую нужность своей родине. Уверен в себе, в будущем (5). Становлюсь патриотичней. Настроение стало бодрым. Целеустремлен. Счастлив, что мне представилась такая возможность. Предвкушаю ее непредсказуемость. Горжусь своим выбором, советую друзьям и др.	Понимаю, что защита страны на мне. Осознаю, что служба не будет простой, но результат будет достойным. Убеждаюсь, что выбор правильный. Более ответственно принимаю решения. Знаю, что должен отдать долг Родине и преодолевать трудности храбро. Понимаю, какие ограничения и ответственность лежат на мне. Осознаю, что это мой выбор и др.		

Содержание таблицы 9 вполне адекватно отражает проблему личных и профессиональных перспектив, которая представляет собой сложное переплетение планов и неопределенности, надежд и сомнений.

В целом суждения курсантов отличаются уверенностью, что в известной степени согласуется с оценками В. А. Пономаренко, согласно которым для военного человека «профессионализм начинается до овладения профессией. «Он рождается с формирования потребности человека в добровольном, свободном выборе своей судьбы – преодолеть себя, пойти на риск в интересах других. Развиваемые совесть, свобода, дисциплинированность и самодисциплина, жизнелюбие и воля – вот первые нравственные ступени восхождения к вершинам нравственных ценностей – защищать чужую

жизнь. Таким образом, личность профессионала созревает внутри себя и лишь затем ее разумное и чувственное содержание обретает социально значимую и профессиональную мотивацию»¹. Другими словами, «солдатами, все же рождаются...»

Таблица 9

Мысли, высказывания, свидетельствующие об устойчивости профессионального выбора (%)

Варианты воображаемого выбора профессиональной карьеры				
Ничего, кроме военной службы (всего – 18)	Работа, близкая к военной службе (всего – 15)	Работа в качестве психолога (всего – 7)	«Где угодно, не пропал бы» (всего – 28)	Прочее (всего – 18)
Разочаровался. Смог бы это сделать, но жизнь была бы совсем другой. Строил бы ее на основе знаний, полученных в военной среде. Исключил бы эти обстоятельства. Не пережил такое. Огорчился. Постарался вернуться бы на военную службу и др.	Отдал бы долг отечеству другому. Попробовал бы себя в полиции или МЧС (2). Начал бы построение карьеры с открытия охранного предприятия. Устроился бы в органы ГАИ и служил бы инспектором. Я бы строил карьеру, связанную с лишениями и др.		Был бы: спортсменом, режиссером, инженером, преподавателем физкультуры, водителем, агроном, юристом, актером, программистом, строителем, врачом, тренером, работал бы в деревообрабатывающей промышленности. Ушел бы в творчество. Бизнес (4) и др.	Старался бы найти свое место. Нашел бы себе дело. Был бы очень этому рад. Занялся тем, что умею. Был бы не против. Преуспел бы и был бы счастлив. Я нашел бы себе не менее достойную профессию и добился бы не меньших высот. Нашел бы себя в другой сфере и др.

Таблица 9 в общем подтверждает эмпирические данные, содержащиеся в двух предшествующих таблицах. Кроме того, она позволяет несколько расширить представления об особенностях военной идентичности курсантов. Здесь намечаются типологиче-

¹ Пономаренко В. А. *Авиация. Человек. Дух. М., 1998. С. 96.*

ские элементы идентичности. Так, в первой колонке указанной таблицы сосредоточены признаки, которые объединяются понятием «*монопрофессиональной*» идентичности, которая на данном этапе своего развития не предполагает иных вариантов профессионального выбора. Вторая колонка – это указание на то, что фактически имеет место в карьере военного человека, – переход в иные силовые структуры. Этот вид идентичности можно предварительно назвать «*полипрофессиональным*». Третья колонка, несмотря на небольшое число высказываний, тоже свидетельствует о «*полипрофессиональности*», только не по организационному основанию, а по содержательному: психологи, как известно, работают в различных сферах, включая и силовые структуры.

И наконец, четвертая и пятая колонки, если исключить легкомыслие и поверхностное отношение к выполнению исследовательского задания, могут свидетельствовать об идентичности, которая не привязана к конкретной профессии и которая может быть названа *профессионально-мобильной*, что в условиях современных и будущих преобразований в мире профессий является уместным.

Таким образом, анализ литературы, посвященной вопросам идентичности, показывает наличие разброса в толковании понятия и феномена идентичности, неявного сведения к другим психологическим категориям, раскрытия при помощи таких понятий, как, например, ценности и компетенции, которые самодостаточны и ничего не добавляют к идентичности. Все это свидетельствует о затянувшейся моде на идентичность и не относится к науке. Приходится надеяться на то, что глубокие исследования в этой области еще в будущем.

Наблюдая за тем, как складывается профессиональная идентичность курсантов, можно сделать вывод о необходимости учитывать вклад в этот процесс предшествующих стадий жизненного цикла, что, впрочем, не просто. У каждого курсанта своя биография, свои условия и результаты прохождения ранних стадий, включая и накопленные нерешенные проблемы. Поэтому были бы полезны дополнительные меры профессионального и личностного самопознания и коррекции. Нужна практика индивидуального

военно-профессионального психологического консультирования, ориентированная специально для курсантов.

Целесообразно повысить профессиональную определенность в области военно-психологического образования, например, готовить военных практических психологов различных специализаций: в областях боевой и психологической подготовки, военно-организационного консультирования, психологии воинского воспитания, психологии боя, психологии воинской дисциплины и др.

3.5. Личностный подход к уставным отношениям и боевому взаимодействию

Темы, вынесенные в заголовок данного раздела, не часто связываются и не часто рассматриваются как единое целое. Например, в Уставе внутренней службы говорится преимущественно об уставных отношениях военнослужащих, а в боевых уставах – о боевом взаимодействии... Если в первом из этих источников личностный фактор оценивается должным образом, то об иных источниках этого сказать нельзя.

В военно-теоретических работах также редко можно встретить понимание связи боевого взаимодействия и человеческих взаимоотношений. Тем более ценной является статья одного из военных теоретиков, в которой в частности отмечено: «Поскольку взаимодействие в военном деле более всего относится к области взаимоотношений между людьми, управляющими простыми и сложными организационными системами и оружием, постольку повышение эффективности форм и способов взаимодействия следует искать в раскрытии механизма этих взаимоотношений, имеющих иерархическую структуру, чрезвычайно сложный и часто противоречивый характер»¹.

Между тем, в социальной психологии давно уже стало общим местом положение о том, что взаимодействия (общение, коммуникация) людей и их отношения (взаимоотношения) взаимосвязаны.

---

¹ *Лебедько В. Г.* Взаимодействие в операциях: вопросы организации // Военная мысль. 2003. № 12. С. 8.

Реальные взаимодействия являются источником человеческих отношений, а складывающиеся отношения обуславливают качество взаимодействия людей. Чтобы получить надлежащие взаимоотношения в коллективе, надо налаживать совместную деятельность, то есть общение, коммуникации, взаимодействия.

Но все это мало принимается во внимание там, где практически решаются вопросы взаимоотношений в воинских коллективах и организации боевого взаимодействия.

Устав внутренней службы «определяет права и обязанности военнослужащих и взаимоотношения между ними», устанавливает правила взаимоотношений, которые включаются в состав общих обязанностей военнослужащих. Взаимоотношения регулируются принципом единоначалия и «строятся на основе взаимного уважения» (пункт 67). Устав указывает на необходимость создания условий для психологической совместимости в целях предупреждения нарушений уставных правил взаимоотношений между военнослужащими.

Командирам подразделений и лицам суточного наряда предписывается принимать неотложные меры к наведению порядка в случае нарушения уставных правил взаимоотношений между военнослужащими.

И наконец, в уставе записано: «За нарушение уставных правил взаимоотношений между военнослужащими, связанное с унижением чести и достоинства, издевательством или сопряженное с насилием, а также за оскорбление одним военнослужащим другого виновные привлекаются к дисциплинарной ответственности, а при установлении в их действиях состава преступления – к уголовной ответственности».

В боевых уставах вопросы взаимодействия чаще всего не связываются с взаимоотношениями, то есть с взаимопониманием, доверием, стремлением к объединению усилий. Задачи взаимодействия возлагаются в основном на командира. Именно командир организует взаимодействие по этапам выполнения полученной задачи, направлениям действий, рубежам и времени. Именно командир доводит до подчиненных сигналы взаимодействия и порядок действий по

ним. Именно он при наличии времени практически отрабатывает с подразделениями (личным составом) порядок и способы совместных действий. Это командир в результате организации взаимодействия должен добиться единого понимания командирами штатных и приданных подразделений (огневых средств) полученной задачи и способов ее выполнения, знания всем личным составом сигналов взаимодействия и порядка действий по ним.

И еще много других сложных вопросов боевого взаимодействия решает командир. Но если подчиненные не воспитаны в духе войскового товарищества и не обучены взаимодействовать, то им будет трудно воспринять весь тот объем задач, который связан с взаимодействием.

Военная печать и теория военного искусства неизменно проявляют озабоченность отставанием теории боевого взаимодействия от потребностей войск. Тема боевого взаимодействия является актуальной, например, в связи нерешенностью проблемы взаимодействия соединений и частей Сухопутных войск с авиацией, из-за чего в ходе боевых действий имели место случаи нанесения авиационных ударов по своим войскам, поражения своих вертолетов и самолетов огневыми средствами танковых и мотострелковых частей, отклонения в точности выполнения авиацией огневых задач (удары по другим целям). Опыт локальных войн и вооруженных конфликтов имеет немало тому примеров. В ходе боя и общевойсковой командир, и командиры приданных и поддерживающих подразделений остро ощущают дефицит времени, необходимого для организации и сохранения взаимодействия¹.

Военные специалисты обоснованно утверждают: «Взаимодействие как основной принцип военного искусства сейчас становится не только стержневым элементом решения, но и самым главным, коренным вопросом подготовки всей операции. В решении необходимо четко распределять задачи между взаимодействующими войсками, согласовывать способы и сроки их выполнения по объектам,

---

¹ *Кашицын Е. Н., Харитонов В. А.* К вопросу о взаимодействии соединений и частей Сухопутных войск с авиацией в общевойсковом бою // *Военная мысль.* 1996. № 4. С. 21.

рубежам и при совместном уничтожении отдельных группировок противника, определять в интересах какого объединения, соединения организуется взаимодействие и кто несет ответственность за выполнение той или иной задачи, порядок управления разнородными силами и средствами на период объединенных действий. От того, насколько тщательно и всесторонне все это будет продумано, спланировано и отработано при подготовке и с какой эффективностью реализовано в ходе операции, зависит ее успех»¹.

Наряду с этим в военной печати встречается указание и на «отсутствие глубоких разработок теоретических основ взаимодействия, что отрицательно сказывается на боевой эффективности войск»². Автор названной работы, как и многие другие, не относит к теории взаимодействия войск психологические разработки по теме взаимодействия. Похоже, что идея органической связи военной психологии и тактики отошла на второй план, а ведь было время, когда военная психология являлась частью тактики. Например, А. Н. Суворов, автор книги «Тактика» включил военную психологию в группу «военных предметов»: военная психология «...входит в тактику в виде изучения влияния нравственного элемента на подготовку и деятельность войск»³.

Повседневные факты боевой учебы подтверждают необходимость органического соединения в теории и практике боевого взаимодействия военно-психологических и тактических знаний.

Пример

... На тактическом учении мотострелковая рота с артиллерийской батареей и танковым взводом отработывала задачу: наступление с ходу на подготовленную оборону «противника». Командир роты тщательно провел рекогносцировку, уточнил в ходе ее все вопросы взаимодействия с приданными и поддерживающими подразделениями.

---

¹ Сапрыкин А. П. Некоторые вопросы повышения эффективности взаимодействия войск в операциях // Военная мысль 1986. № 9. С. 17.

² Микрюков В. Ю. Теория взаимодействия войск. М., 2002. С. 5.

³ Суворов А. Н. Тактика. Часть 1. Подготовка войск. М., 1920. Вып. 1. С. 38.

Однако своевременно выйти на рубеж развертывания во взводные колонны не удалось. Мотострелкам пришлось ждать танкистов.

Дальше – хуже. Когда передний край обороны остался позади, правый фланг наступающих контратаковала пехота «противника» со взводом танков. Мотострелки залегли. Из приданных роте танков в строю остался один. Обстановка требовала немедленного использования имеющейся артиллерии для отражения контратаки. Однако командир роты будто забыл о ней. Не напомнил о себе и командир батареи.

Как видно, взаимодействие фактически отсутствовало. В данном случае это явилось следствием того, что боевая подготовка осуществлялась без учета взаимодействия. Мотострелки проводили тактические занятия на одном учебном поле, артиллеристы – на другом, танкисты – на третьем. Боевая выучка каждого из этих подразделений была неплохой, но они не смогли действовать слаженно, решать одну и ту же задачу своими, разумеется, средствами и способами.

Совместные полевые занятия воинов различных родов оружия, отработка на них взаимодействия в бою – органическая часть боевой подготовки. Ясно, что без надлежащей подготовки добиться взаимодействия в бою трудно или невозможно. Взаимодействию надо обучаться специально и целенаправленно.

Но подготовка к взаимодействию выходит за рамки учебно-боевых мероприятий. Боевое взаимодействие предполагает серьезные социально-психологические основы. Это прежде всего войсковое товарищество и боевая дружба, это надлежащее воинское воспитание, это традиция¹.

Наш противник в Великой отечественной войне Г. Гудериан так осмысливал свои победы и поражения: «Если стрелковые части объединены с танками в одно постоянное формирование, то еще в мирное время образуется армейское товарищество – товарищество, которое бесценно, если мы хотим добиться победы на

---

¹ См.: *Барабанищikov А. В.* Воспитание советских воинов в духе войскового товарищества и дружбы : дис. ... канд. пед. наук. Л., 1954.

поле битвы. Его моральные составляющие так же значительны, как и тактические»¹.

Командир, организующий боевое взаимодействие, должен понимать социально-психологические механизмы общения и взаимодействия людей вообще² и особенности взаимодействия их на поле боя.

О том, как умело соединялось обучение и воспитание в духе боевого взаимодействия с практикой его организации можно прочитать в воспоминаниях А. В. Горбатова: «Помнится, однажды вечером, вернее ночью, в землянке, скудно освещенной коптилкой, разговор о значении взаимодействия и о взаимной выручке затянулся до двух часов. Мы подробно разбирали, кем, чем и как обеспечивается продвижение стрелковых и танковых частей, какова роль саперов, артиллеристов, авиации, связистов, службы тыла. Обсуждали реальные случаи взаимной выручки: как пулеметчик может помогать стрелку, стрелок – пулеметчику, артиллерист танкисту. После горячих споров пришли к единому мнению: успех в любом бою достигается общими усилиями, и чем согласованнее действия всех родов войск, тем быстрее и с меньшими потерями добывается победа. Сплоченность, крепкая дисциплина, решительность и согласованность в действиях удесятят силы коллектива»³.

Многие военачальники отдавали отчет о влиянии межличностных отношений должностных лиц на качество взаимодействия управляемых ими войск. В мемуарах генерала И. С. Стрельбицкого, командующего артиллерией армии, описан следующий эпизод.

«Командир корпуса генерал П. Г. Чанчибадзе хорошо отзывался о командирах дивизий, но ни единым словом не обмолвился о командующем артиллерией. Это настораживало.

– Как работает ваш артиллерист?

– Беда! Беда! – с жаром воскликнул Чанчибадзе, махнув рукой.

---

¹ Гудериан Г. Внимание, танки! История создания танковых войск. М., 2005. С. 333.

² См.: Агеев В. С. Межгрупповое взаимодействие: социально-психологические проблемы. М., 2003. С. 7.

³ Горбатов А. В. Годы и войны. М., 1989. С. 212.

– Что же он, плохо подготовлен или ленится?

– Да нет! Подготовлен-то он хорошо, и все ваши артиллерийские премудрости знает. И в лености его не упрекнешь – все время в войсках сидит. Но только, понимаешь тихий он, смиренный – курицу не обидит. Никогда не кричит и даже не ругается. Разве так можно? Почему тихий? Командующий артиллерией корпуса должен кричать громче всех. Тогда его все будут бояться.

...Во время доклада командующего артиллерией корпуса полковника Горбунова Чанчибадзе два-три раза нервно перебивал его, называя другие цифры обеспеченности. Горбунов тактично поправлял, пытаясь доказать командиру корпуса необходимость одновременно с пехотой пополнять людьми дивизионную и особенно противотанковую артиллерию. Чанчибадзе не давал ему договорить. Подчеркнутое пренебрежение генерала к командующему артиллерией испортило мне настроение. Пришлось вмешаться.

Но взаимоотношения между Чанчибадзе и Горбуновым оставались напряженными. Я решил откровенно поговорить с каждым из них в отдельности. И тот, и другой обещали сработаться. Обещали, но найти общего языка не смогли...»¹.

Как видно, взаимоотношения и «общий язык» – необходимые психологические предпосылки боевого взаимодействия.

Организация взаимодействия и его поддержание в ходе выполнения боевой задачи – дела, требующие знания и внимательного учета многих психологических факторов, включая индивидуальные особенности командиров взаимодействующих подразделений, их слабости, например, индивидуализм, неумение работать согласованно, иногда бессознательное нежелание подчиняться тому, кто почему-либо воспринимается как менее компетентный, склонность к соперничеству.

Таким образом, личностные истоки боевого взаимодействия коренятся в войсковом товариществе. Принцип войскового товарищества возвел в высшую степень М. И. Драгомиров, справедливо видя в нем залог духовных сил и организационной крепости русской армии².

---

¹ *Стрельбицкий И. С.* Штурм. М., 1965. С. 25.

² Подробнее об этом в разделе 2.3. «М. И. Драгомиров: личность воина самоотверженного».

Обычно считается, что формирование товарищества требует продолжительного времени, но нередко это условие отсутствует. Исходя из того, что боевые группы часто создаются оперативно из подразделений и частей, незнакомых друг другу по предшествующим действиям, то задача налаживания доверия и взаимопонимания приобретает особую остроту. Она может быть решена успешно при условии, что подразделения воспитаны в духе боевого взаимодействия. Боевое слаживание подразделений – это формирование навыков взаимодействия, и то подразделение, воины которого этими навыками владеют в полной мере, не только готово использовать возможности каждого солдата наилучшим образом, но и действовать согласованно с другими подразделениями.

Задача организации взаимодействия всегда стоит перед командиром, потому что боевые действия – это совместная (коллективная) деятельность.

В несколько упрощенном виде это:

- сосредоточение огня разных видов оружия по одной цели (группе целей) или распределение целей (задач) между воинами и подразделениями;
- согласование действий по времени: маневра в целях выхода на указанные рубежи (в районы); обхода или окружения противника; открытия, переноса и прекращения огня;
- использование боевого результата, достигнутого одним из взаимодействующих субъектов, развитие успеха (суворовское «равнение по первым»);
- оказание помощи нуждающемуся огнем, маневром, специальными действиями (минированием, разминированием, созданием дымовых защит и т. д.);
- соблюдение очередности движения по маршрутам, прохождения узких участков местности, использования переправ через водные и иные преграды;
- эвакуация раненых с поля боя, подбитых боевых машин, орудий и иной техники;
- своевременная доставка боеприпасов, питания, горючего и других средств, расходуемых в бою.

Как видно, задача взаимодействия – это дело каждого воина и каждого подразделения. Хорошо и правильно обученные воины и подразделения способны в динамике боя действовать согласованно и без дополнительных команд и распоряжений.

Пример

«В бою такое ощущение, словно каждый расчет – это уже не отдельное орудие и люди. Это ты сам, твои собственные органы. Не глядя, знаешь, чувствуешь, что они делают. Они бежали по улице, не замечая друг друга. Не было возможности в эти секунды повернуть голову. Но каждый был уверен: товарищи рядом. И когда они «бросили» свою пушку на перекресток, знали, что в то же мгновение к ним подбежит рядовой Чередниченко со снарядом в руках. А как только прогремит их первый выстрел, рядом окажется еще одна пушка – сержанта Коваля. Так оно и было»¹.

Анализ прошедших войн говорит: успех сопутствовал в операции или в бою там, где командир грамотно выстраивал взаимодействие между воинами и подразделениями, включая приданные и поддерживающие подразделения других видов и родов войск. Благодаря четкому взаимодействию в общевойсковом бою достигается разгром противника даже меньшими силами и средствами. Посредством взаимодействия увеличиваются преимущества и сглаживаются слабые стороны.

Организация взаимодействия – важная часть управленческой работы командира, в ходе которой проявляются характерные черты социального интеллекта командира.

Прежде всего, надо знать и учитывать боевые возможности и особенности боевого предназначения приданных и поддерживающих сил, но не менее важно понимать уровень готовности командиров к согласованию своих действий с действиями и планами соседей, подчиненных и начальников. Тактическое мышление² командира должно включать также и навыки оперирования пси-

---

¹ Скурятник В. Семь секунд мужества // Красная звезда. 1975, 18 марта.

² Сигида Н. А., Добряков Е. И. Военное мышление и коллективистическое общество // Сибирский журнал науки и технологий. 2006. № 12. С. 78–86.

хологическими фактами, чтобы можно было опереться на тех военнослужащих, которые более предрасположены к боевому взаимодействию, и предусмотреть негативные тенденции, возможные в этом деле. Предвидение командира целиком и полностью распространяется и на взаимодействие своих подчиненных.

3.6. Адаптация к оружию

Адаптацией, или приспособлением называют улучшение отношений между человеком и средой путем обучения, то есть изменения образа ситуации, привычек и навыков, режима жизни и поведения. Об адаптации чаще говорят там, где человек может лишь в минимальной степени преобразовать окружающие условия, и чтобы справиться с ситуацией, вынужден перестроиться внутренне.

Работа, семейная жизнь, дружеские отношения начинаются, как правило, с адаптации. Необходимость в ней возникает всякий раз, когда меняются обязанности, нормы поведения, характер и условия деятельности, обстановка в целом. Адаптироваться приходится и к тем вещам, которые попадают нам в руки. Естественно, что адаптация существует и в отношениях между человеком и оружием. Особенно актуальна задача адаптации на стадии овладения оружием и соответствующим видом воинской деятельности.

В зависимости от того, к чему и как человек адаптируется, различают несколько разновидностей этого процесса. Привыкание к климатическим условиям выражается в перестройке функций организма (акклиматизация); к физической нагрузке – в приросте тренированности и приобретении навыков, позволяющих лучше справиться с новыми нагрузками. Адаптация к пространственным, цветовым, шумовым и другим факторам обстановки требует определенных перестроек в органах чувств. Адаптация к задаче заключается в том, чтобы внутренне принять эту задачу, преодолеть негативные эмоции, страх, нежелание ее решать. Это – эмоционально-мотивационная адаптация. Есть еще и социально-психологическая адаптация к изменившейся социальной среде, к новым людям и нормам поведения.

Адаптированность к природным, производственным и социальным условиям обеспечивает здоровье, хорошее самочувствие, высокую работоспособность, максимальную продолжительность жизни. Незавершенная, затрудненная адаптация держит человека в состоянии перенапряжения, не позволяет ему расти и развиваться, вызывает различные болезни. От адаптации стрелка зависит, сработают ли ранее сформированные навыки, будет ли иметь место решимость и готовность защитить себя и других при помощи оружия.

Согласно принципу, который утвердился благодаря Ч. Дарвину, большая или меньшая приспособляемость является врожденной, но, как и всякая способность, поддается тренировке и нуждается в тренировке. Живой организм, как правило, достаточно адаптирован к «своим» условиям жизни. Приспособление к периодическим колебаниям этих условий осуществляется с помощью готовых механизмов почти автоматически за счет адаптационных резервов личности. Проблема появляется при значительных переменах среды. К некоторым из них человек адаптируется полностью, к другим только частично. А к экстремальным условиям многие адаптироваться вообще не могут: по своей приспособляемости люди существенно различны.

Адаптация является одним из нескольких возможных типов реакции на новые условия. Не всякое изменение человека адаптивно, то есть адекватно новой обстановке. Иногда, не справляясь с ситуацией, мы бессознательно формируем искаженное представление об этой ситуации и своем положении. Это *защитное поведение*, или ложная адаптация, которые ограждают сознание (только сознание!) от неблагоприятных влияний. Бессознательная деформация картины реальности позволяет человеку некоторое время сохранять удовлетворительную самооценку и самочувствие. Острота проблемы снимается, но дезадаптированное состояние остается, и положение человека только усложняется.

Не является адаптацией «мятеж» – дерзкое неприятие новых условий, стремление во что бы то ни стало изменить их. Человек проявляет агрессивность, вступает в конфликт, сопротивляется, отказывается следовать нормам поведения.

В трудных случаях бывает уклонение от адаптации посредством «внутренней эмиграции». Люди уходят внутрь себя, в искусственный мир мечты, увлечений, мистики, музыки, литературы. Наркомания, пьянство, суицид также могут быть формами бегства от реальности дезадаптации.

Иногда адаптация принимает избирательный характер. Из всей совокупности объектов ситуации выбираются один или несколько и к ним формируется особое отношение. Это проявляется, например, повышенным интересом к определенным сферам деятельности и жизни. Это – частичная адаптация, или компенсация.

Не является хорошим вариантом и «гиперадаптация», то есть чрезмерная привязанность, необратимое «срачивание» человека с вещами, людьми, местами обитания, видами деятельности и т. д. Гиперадаптация – это утрата независимости, способности повторных адаптаций к вновь меняющимся условиям.

Подлинная адаптация имеет три основные стадии.

Первая стадия – неспецифическая часть приспособительного процесса. Столкнувшись с новыми условиями, человек пускает в ход силу, знания и умения, которые он накопил в других условиях. Происходит мобилизация общих ресурсов личности, использование прежнего опыта. Впервые взяв в руки оружие, человек обращается с ним так, как привык обращаться с инструментами вообще. Благодаря этому поведение может быть внешне удовлетворительным, но его психологическое обеспечение еще не адекватно задаче, волевое напряжение слишком велико. Отсутствие адаптации маскируется обаянием новизны ситуации, повышенной агрессивностью и другими факторами.

Этой стадии нередко сопутствует состояние первичной тревоги, неопределенности и неуверенности, нервное ожидание неудач и, как следствие, дезорганизация поведения, неточное восприятие и оценка ситуации, неловкие движения, дрожание (тремор) в самое неподходящее время и связанные с этим профессиональные ошибки.

Затем, возможно, последует *вторая стадия* – наступит усталость, разочарование, безразличие, раздражительность или иные последствия истощения ресурсов. Это следствие перерасхода жиз-

ненных сил, потому что новые проблемы решались недостаточно умело, «методом лома». Это – кризис, состояние дезадаптации.

И наконец, когда начинают работать новые, более эффективные в данных условиях навыки, эмоции и привычки, адаптация вступает в *третью стадию*. Здесь имеет место эмоциональное приспособление: объекты адаптации становятся эмоционально привлекательными, уменьшается стресс. Адаптация поднимается на личностный уровень: достигается совместимость между ситуацией и качествами личности. Теперь можно считать, что для данных условий адаптационный период завершен.

Если адаптивная задача достаточно сложна, то эти стадии могут повторяться. До тех пор, пока адаптация не состоялась, человек пребывает в стрессе.

Особенности «оружейной» адаптации

Оружие помогает лучше приспособиться к суровым условиям жизни, которые создаются несовершенной природой человека и общества. Вместе с тем оно вносит в наш образ жизни существенные перемены и поэтому требует, чтобы мы адаптировались к нему. Несмотря на то, что оружие в процессе производства постепенно подгоняется к человеческим потребностям и возможностям (предметная адаптация), профессиональное общение с ним предполагает встречную, субъектную адаптацию. Ко всякой новой вещи приходится привыкать, но адаптация к оружию сильно отличается от адаптации к стиральной машине или смартфону. Оружие действует там, где ставка – жизнь, и адаптация к нему – это реализация принципиальной совместимости характера и оружия.

Адаптация к оружию состоит *из двух процессов*: (а) к оружию непосредственно и (б) с оружием вместе к среде деятельности. Адаптируясь к оружию, мы одновременно вырабатываем новое отношение к людям и входим в контакт с вооруженными людьми. Значит, адаптация к боевому оружию является не только «оружейной», но и социально-психологической: по «ту сторону» оружия находится потенциальный противник. Адаптация воина – это вместе с тем и внесение в среду военной службы самого себя, качеств своей личности и своего опыта. Это своего

рода отдача, и чем она продуктивнее и благотворнее, тем успешнее адаптация в целом.

Боевое оружие – это центр адаптивной ситуации, но не единственный ее объект. Оно представляет собой инструмент, которым надо уметь пользоваться, метко и быстро стрелять. Оно более или менее удобно в обращении. Оно, конечно же, имеет специфические формы, цвет, запах, тяжесть, температуру и другие свойства. Ему нужно свое место, условия для ухода и хранения. Оружие далее – это стрельба, ее результаты и последствия, и те ситуации, в которых стрельба становится необходимостью.

Особенность боевой оружейной адаптивной ситуации состоит в том, что не ко всем ее элементам можно привыкнуть путем практических упражнений. Поскольку многие обстоятельства деятельности человека с оружием невоспроизводимы в учебной обстановке из-за своей необратимости или непредсказуемости, то процесс адаптации не является завершенным. Выход – развитие гибкости, быстроты ориентировки в новых условиях и требованиях, умения эффективно осваиваться в них. В таких случаях приходится полагаться на воображение, мысль, предвидение, интуицию. Полезным является принцип, сформулированный Наполеоном. «Если кажется, что я всегда ко всему подготовлен, то это объясняется тем, что раньше, чем что-либо предпринять, я долго размышлял прежде; я предвидел то, что может произойти».

Конструктивное адаптивное поведение обеспечивается соблюдением следующих правил.

1. *Принцип частоты и разнообразия контактов с оружием.* Ружейные строевые приемы или «киношные» фокусы вращения револьвера пальцами одной руки не игра; это средство адаптации, выведенное из опыта. Чем богаче и разнообразнее опыт обращения с оружием, тем быстрее идет адаптация. Хороший адаптивный эффект дает как предметная, так и идеомоторная практика.

2. *Принцип любви.* Следует ценить то, что нравится в оружии, что привлекает, и распространять это чувство на другие стороны оружия и боевой деятельности. Не стоит «злиться» на оружие при неудачах. Всякая неудача – основание для роста.

3. *Правило «доверия телу»*. Когда оружие в руках, полезно концентрировать внимание на телесных ощущениях, добиваясь максимального комфорта. М. Эриксон, психотерапевт, в бытность свою тренером американской сборной команды по стрельбе, советовал своим подопечным: «Прочно поставьте стопы на землю – так, чтобы им было удобно. После этого встаньте так, чтобы было удобно вашим лодыжкам, икрам, коленям, туловищу и левой руке; положите палец на курок; уприте приклад в плечо. Нужно, чтобы вы почувствовали, что стоите совершенно правильно. А теперь ведите прицел – вверх-вниз, вправо-влево, наискосок – и в нужный момент нажимайте спуск».

4. *Правило подготовленности*, согласно которому легкость адаптации зависит от подготовленности к ней. Это совет – заботиться о надлежащей физической закалке, совершенствовании стрелкового искусства, автоматизации навыков, создании возможно более обширного репертуара решений и специальных действий.

5. *Правило прогрессирующей совместимости*. Состоявшаяся адаптация – это хорошая совместимость той части личности, которая обращена к оружию, с требованиями боевой деятельности. Если точно отслеживать меру и динамику этой совместимости, можно быстро и уверенно пройти период адаптации.

Руководствуясь названными правилами, повышая культуру своего духа и тела, можно успешно преодолеть трудный адаптационный период в общении с оружием.

* * *

Теоретические основы боевых качеств человека базируются на восприятии жизни как борьбы за существование в широком смысле слова. Эта борьба охватывает отношения человека к враждебным силам природы, включая и хищных животных, с которыми люди в прошлом сталкивались намного чаще, чем сегодня, и тех безвредных микроорганизмов, надежной защиты от которых не найдено и сегодня.

Испокон веков люди вели борьбу между собой за территорию и другие ресурсы. Престиж, честь, месть за обиды и прочие кате-

гории также причастны к причинам и источникам борьбы. Человек как участник неизбежных конфликтных отношений имеет соответствующие предпосылки (задатки) и развивает в себе качества борца, соперника, защитника, воина.

Историческая реальность войн сформировала представление о боевых качествах как социальной ценности. Сложилась непростая ценностная структура общества, которая поддерживает, культивирует, приобщает людей к поведению, развивающему боевые качества.

Психологической базой, из которой вырастают боевые качества, является способность человека преодолевать трудности, то есть, действовать на пределе своих возможностей. Для описания этой способности служит слово «воля». С волей тесно связано «мужество». Высшая степень трудностей – это, конечно, опасность для жизни. Трудности и опасности жизни – и природные, и культурные – основные источники боевых качеств людей.

Идеи, мысли, предложения о боевых качествах, накопленные за многие тысячелетия существования общества, являются, в сущности, повторением одного и того же. Конечно, при этом имеет место осмысление новых социальных условий и новых форм, которые должны принимать боевые качества. Это, конечно, необходимо, потому что это является важным звеном военной культуры, условием ее существования и развития.

Социальным носителем боевых качеств являются вооруженные силы. Именно они реализуют основные функции сохранения и развития боевых качеств, как важнейшей социально-психологической составляющей военной культуры общества.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

В психологической персонологии важное место занимает теория личности военного человека. Военная практика, сопутствуя истории человечества, произвела своеобразный «естественный отбор», образовав, как это зафиксировано в Библии, одно из трех базовых занятий людей: один трудится за всех, один молится за всех, один воюет за всех. Военная профессия, в отличие от множества других, представляет, по существу, множество профессий, специфическим свойством которых является непосредственная ориентация на защиту интересов народа и государства. Военная профессия имеет выраженные психологические особенности, над выявлением которых работали военные психологи прошлого и работают современные психологи.

Анализ различных взглядов, сложившихся в отечественной психологии, позволяет сделать вывод о том, что личности военного человека на разных этапах своей эволюции была свойственна такая черта, как высшая степень социальности, выраженная в форме самопожертвования, то есть готовности защищать других людей даже ценою своей жизни. По своему происхождению – это одна из лидерских функций. В глубокой древности только способность защитить других членов своего племени и организовать коллективную защиту могла служить основанием для исполнения лидерской роли. Затем, когда потребность в защите значительно возросла, вокруг лидера собиралась его боевая дружина, куда входили люди, которые так же, как их вождь, были готовы жертвовать своей жизнью ради других людей.

С самопожертвованием органически связана храбрость, которая имеет множество форм, в том числе храбрость как структура личности, адекватная ситуации боя и войне в целом. Н. Д. Бутовский выдвинул положение о том, что глубинную природу воина составляет именно такая храбрость, одним из признаков которой является ориентация человека на опасные жизненные ситуации. Она является также неотъемлемым компонентом «военного гения».

Третьим характерным звеном личности военного человека является специфический интеллект, ориентированный на противо-

действие, на ситуации борьбы, конфронтации и представляющий собой способность проникновения в замыслы противника в целях нейтрализации исходящей от него опасности.

И, наконец, четвертым компонентом личности военного человека является известное наполеоновское мужество – стойкое перенесение трудностей и лишений войны, отличающееся от храбрости.

Выполненное исследование личности воина показывает, что нынешнее состояние военно-психологической персонологии не отвечает еще на многие теоретические вопросы и на запросы практики, включая области военно-профессионального отбора и боевой подготовки, то есть формирования личности воина.

Анализ взглядов на личность воина выявил их разноречивость и даже взаимоисключающие положения; в трактовке боевых качеств много субъективизма и мало конкретных исследовательских данных. В современных (достаточно редких) публикациях по теме психологии личности воина мало новизны, например использования современных психологических теорий.

Давно уже отмечена слабая связь между военной персонологией (как и военной психологией в целом) и военной наукой (теорией военного искусства). Медленно осуществляется процесс внедрения психологических идей, методов и рекомендаций в теорию и практику боевой подготовки, воинского воспитания, в частности в дисциплинарную деятельность. Нуждается в значительном расширении дело изучения военной психологии в военно-учебных заведениях, а также в повседневной службе офицеров и сержантов (старшин).

Важной задачей военно-психологической персонологии является поиск новых теоретических подходов и существенное повышение практической значимости проводимых и планируемых исследований.

Существует острая необходимость более глубокого изучения зарубежных подходов к познанию личности воина, более пристального внимания к теоретическим основам, на которые опираются исследования в зарубежных армиях

ЛИТЕРАТУРА

1. *Аболин, Л. М.* Психологические механизмы эмоциональной устойчивости человека. – Казань, 1987.
2. *Автономов, В. С.* Человек в зеркале экономической теории. – М., 1993.
3. *Айзенк, Г.* Структура личности : пер. с англ. – СПб. ; М., 1999.
4. *Аквинский, Фома.* Сумма теологии. – Киев, 2008. – Ч. II–I. Вопросы 49–89.
5. *Александр, Ф., Селесник, Ш.* Человек и его душа: Познание и врачевание от древности и до наших дней. – М., 1995.
6. *Амвросий.* Об обязанностях священнослужителей. Творение Св. Амвросия, епископа Медиоланского. – Казань, 1908.
7. *Антипенко, Н. А.* На главном направлении (Воспоминания заместителя командующего фронтом). – М., 1967.
8. *Аристотель.* Риторика, Поэтика. – М., 2000.
9. *Арсеньев, А. С.* Философские основания понимания личности. – М. : Академия, 2001.
10. *Баррон, Ф.* Личность как функция проектирования человеком самого себя // Вопросы психологии. – 1990. – № 2.
11. *Барабанщиков, А. В.* Воспитание советских воинов в духе войскового товарищества и дружбы : дис. ... канд. пед. наук. – Л., 1954.
12. *Баширов, И. Ф.* Социальный интеллект как фактор успешности профессиональной деятельности военного психолога : дис. ... канд. психол. наук. М. : ВУ, 2006.
13. *Бернс, Э.* Развитие я-концепции и воспитание. – М., 1986.
14. *Блейк, Р. Р., Мутон, Дж. С.* Научные методы управления. – Киев, 1992.
15. *Блументаль, Ф.* Наш социальный заказ: чего ждет политработа от научной психологии // Военный вестник. – 1930. – № 4.
16. *Богоявленская, Д. Б.* Интеллектуальная активность как проблема творчества. – Ростов н/Д, 1983.
17. Боевой устав по подготовке и ведению общевойскового боя. – Ч. 3. Взвод, отделение, танк. – М., 2005.
18. *Бутовский, Н. Д.* О способах обучения и воспитания современного солдата. – СПб., 1908. – Т. 1.
19. *Бутовский, Н. Д.* Прежняя служба и настоящая: Очерк развития солдатской школы. – СПб., 1890.

20. *Варваров, В. И.* Психология личности советского воина. – М. : ВПА, 1974.
21. *Вейде, А.* Воинский устав, составленный и посвященный Петру Великому генералом Вейде в 1698 г. – СПб., 1841.
22. *Викторов, П. П.* Учение о личности и настроениях. – М., 1904.
23. Военная педагогика и психология / А. В. Барабанщиков, В. П. Давыдов, Э. А. Утлик, Н. Ф. Феденко. – М., 1986.
24. Военно-профессиональная идентичность: актуальные направления исследования // Материалы межрегиональной научно-практической конференции психологов силовых структур / под ред. С. И. Данилова, Л. П. Казаковой. – М. : ВУ, 2018.
25. *Войтинский, В. С.* 1917-й. Год побед и поражений. – М., 1999.
26. *Выготский, Л. С.* Проблемы развития психики // Собр. соч. – М., 1983. – Т. 3.
27. *Герасимов, Е. М.* Опыт военной психологии : руководство для военного училища и офицерской школы. – Новочеркасск, 1918.
28. *Гератеволь, З. Й.* Психология человека в самолете. – М. : Изд-во иностр. л-ры, 1956.
29. *Гидденс, Э.* Устроение общества. – М., 2005.
30. *Голованов, А. Е.* Дальняя бомбардировочная. – М., 2004.
31. *Головин, Н. Н.* Исследование боя. Исследование деятельности и свойств человека как бойца. – СПб., 1907.
32. *Гудериан, Г.* Внимание, танки! История создания танковых войск. – М., 2005.
33. *Дарвин, Ч.* Происхождение человека и половой подбор / перевод проф. И. М. Сеченова. – СПб., 1986.
34. *Деминг, Э.* Выход из кризиса: Новая парадигма управления людьми, системами и процессами. – М., 2007.
35. *Джеймс, В.* Научные основы психологии. – СПб., 1902.
36. *Джонсон, С. М.* Психотерапия характера : практическое руководство. – М., 2001.
37. *Добролюбов, Н. А.* Луч света в темном царстве // Собр. соч. : в 9 т. – М., 1963.
38. *Доналдсон, М.* Мыслительная деятельность детей : пер. с англ. – М., 1985.
39. *Достоевский, Ф. М.* Собр. соч. : в 15 т. – М., 1988. – Т. 2.
40. *Драгомиров, М. И.* Избранные труды. – М., 1956.
41. *Драгомиров, М. И.* Одиннадцать лет. 1895–1905 гг. – СПб., 1905. – Кн. II.

42. Драгомиров, М. И. Очерки. Разбор «Войны и мира». – Киев, 1898.
43. Драгомиров, М. И. Сборник оригинальных и переводных статей 1858–1880. – СПб., 1881.
44. Дьяченко, М. И. Психологическая подготовка советских воинов к боевым действиям в условиях современной войны. – М. : ВПА, 1966.
45. Железняк, Л. Ф. Военно-профессиональная направленность личности советского офицера. – М. : ВПА, 1979.
46. Ильин, Е. П. Психология воли. – СПб., 2009.
47. Кавелин, К. Д. Наш умственный строй. – М., 1989.
48. Казакова, Л. П., Маклакова, Т. Ю. Психологические проблемы становления военно-профессиональной идентичности курсантов, обучающихся по специальности «Психология служебной деятельности // Военно-профессиональная идентичность: актуальные направления исследования. – М., 2017.
49. Карамзин, Н. М. История государства Российского : в 12 т. – М., 1989. – Т. 1.
50. Караяни, А. Г. Психологическое обеспечение боевых действий личного состава частей сухопутных войск в локальных военных конфликтах : дис. ... докт. психол. наук. – М. : ВУ, 1998.
51. Караяни, А. Г., Корчемный, П. А., Марченков, В. И. Психологическая подготовка боевых действий войск. – М. : ВУ, 2011.
52. Караяни, А. Г. Военная психология. – М., 1916. – Ч. 1.
53. Каптерев, П. Ф. О страхе и мужестве в первоначальном воспитании. – СПб., 1901.
54. Карпов, А. В. Психология менеджмента. – М., 1999.
55. Каширин, В. П. Психология самоутверждения личности в военноморском курсантском коллективе. – М. : ВПА, 1979.
56. Кашицын, Е. Н., Харитонов, В. А. К вопросу о взаимодействии соединений и частей Сухопутных войск с авиацией в общевойсковом бою // Военная мысль. – 1996. – № 4.
57. Клаузевиц, К. О войне : в 2 т. – М., 1936.
58. Клемтьев, Д. С., Маслова, А. Т. Социология личности. – М., 2017.
59. Коменский, Я. А. Избранные педагогические сочинения : в 2 т. – М., 1982. – Т. 1.
60. Крегер, О., Тьюсон, Дж. М. Типы людей. 16 типов личности, определяющих, как мы живем, работаем и любим. – М., 1995.
61. Коупленд, Н. Психология и солдат. – М., 1959.
62. Крижанич, Ю. Политика. – М., 1997.

63. *Лебедько, В. Г.* Взаимодействие в операциях: вопросы организации // Военная мысль. – 2003. – № 12.
64. *Кули, Ч. Х.* Человеческая природа и социальный порядок. – М., 2000.
65. *Лазурский, А. Ф.* Психология общая и экспериментальная. – Л., 1925.
66. *Лангер, В.* Мышление Адольфа Гитлера. – М., 2006.
67. *Лебедева, Н. М.* Введение в этническую и кросскультурную психологию. – М., 1999.
68. *Лебедева, Н. М.* Очерк психологии личности. – М., 1993.
69. *Ленин, В. И.* Полн. собр. соч. – Т. 36.
70. *Ливий, Т.* История Рима от основания города. – М., 1989. – Т. I.
71. *Лефевр, В. А.* Конфликтующие структуры. – М., 1973.
72. *Локк, Дж.* Соч : в 3 т. – М., 1985. – Т. 1.
73. *Маклаков, А. Г.* Основы психологического обеспечения профессионального здоровья военнослужащих : дис. ... докт. психол. наук. – СПб, 1996.
74. *Маслов, И. П.* Научные исследования по тактике. – Вып. 1. Предварительные понятия о тактике как науке. Элементарные силы бойца; вып. 2. Анализ нравственных сил бойца. – СПб., 1896.
75. *Маслоу, А.* Мотивация и личность. – СПб., 1999.
76. *Маслоу, А.* Дальние пределы человеческой психики. – СПб., 1997.
77. *Мейли, Р.* Структура личности // Экспериментальная психология : в 6 т. / под ред. П. Фресса и Ж. Пиаже. – М., 1975. – Т. 5.
78. *Москвитин, В. С.* О смелости и ее воспитании : дис. ... канд. пед. наук (по психологии). – М., 1950.
79. *Микрюков, В. Ю.* Теория взаимодействия войск. – М., 2002.
80. *Найтцель, З., Вельцер, Х.* Солдаты Вермахта. Подлинное свидетельство боев, страданий и смерти : пер. с англ. – М., 2013.
81. *Огородников, Ф. Е.* Методика подготовки Красной армии. – Смоленск, 1921.
82. *Огородников, Ф.* Красноармеец в отзывах комсостава // Революция и война. – 1921. – № 8.
83. Основы военного профессионального психологического отбора : учеб. пособие. – М., 2005.
84. *Парчевский, Ф.* Храбрость и мужество. Психологический этюд. – Гельсингфорс, 1916.
85. *Парский, Д. П.* Что нужно нашей армии? Современное ее состояние и необходимые в ней реформы. – СПб., 1908.

86. *Первин, Л., Джон, О.* Психология личности: Теория и исследования. – М., 2000.
87. *Петражицкий, Л. И.* Введение в изучение права и нравственности. – СПб., 1908.
88. *Пиаже, Ж.* Моральное суждение ребенка. – М., 2006.
89. *Писарев, Д. И.* Сочинения. – М., 1955. – Т. 2.
90. *Платон.* Государство // Собр. соч. в 4 т. – М., 1994. – Т. 3.
91. *Платон.* Диалоги. – М. 1986.
92. *Платонов, К. К.* Структура и развитие личности. – М., 1986.
93. *Плутарх.* Наставления о государственных делах // Сочинения. – М., 1983.
94. *Пономаренко, В. А.* Психология жизни и труда летчика. – М., 1992.
95. *Пономаренко, В. А.* Авиация. Человек. Дух. – М., 1998.
96. *Радищев, Н. А.* О человеке, его смертности и бессмертии // Полн. собр. соч. – М., 1941. – Т. 2.
97. *Ракитянский, Н. М.* Личность политика: теория и методология психологического портретирования. – 2-е изд., перераб. и доп. – М., 2011.
98. *Рендулич, Л.* Управление войсками. – М., 1974.
99. *Ригг, Р. Б.* Боевая подготовка войск. Организация и проведение подготовки войск в условиях, приближенных к боевой действительности. – М., 1956.
100. *Роджерс, К.* Взгляд на психотерапию. Становление человека. – М., 1994.
101. *Рубинштейн, С. Л.* Бытие и сознание. – М., 1957.
102. *Рубинштейн, С. Л.* Принципы и пути развития психологии. – М., 1959.
103. *Сапрыкин, А. П.* Некоторые вопросы повышения эффективности взаимодействия войск в операциях // Военная мысль. – 1986. – № 9.
104. Свод военных постановлений 1859 г. – СПб., 1859. – Книга 1.
105. *Сигида, Н. А., Добряков, Е. И.* Военное мышление и коллективистическое общество // Сибирский журнал науки и технологий. – 2006. – № 12.
106. Современная буржуазная военная психология / сост. М. С. Роговин; под ред. А. В. Барабанщикова и Н. Ф. Феденко. – М., 1965.
107. Соловьев, С. М. Сочинения : в 18 кн. – Кн. 1. История России с древнейших времен. – М., 1993. – Т. 1–2.
108. *Стиноза, Б.* Этика. М., 2001.
109. *Стиноза, Б.* Богословско-политический трактат // Избр. произв. : в 2 т. – М., 1957. – Т. 1.

110. *Столяренко, А. М. и др.* Введение в военно-морскую психологию. – М., 1970.
111. Стратегия духа: Основы воспитания войск по взглядам А. В. Суворова и М. И. Драгомирова. – М., 2000.
112. *Суворов, А. В.* Документы. – М., 1952. – Т. 3.
113. *Суворов, А. В.* Наука побеждать. – М., 1980.
114. *Суворов, А. В.* Письма. – М., 1986.
115. *Суворов, А. В.* Полковое учреждение. – М., 1949.
116. *Суворов, А. Н.* Тактика. – Ч. 1. Подготовка войск. – М., 1920. – Вып. 1.
117. *Таланкин, А. А.* Военная психология и вопросы военно-политического воспитания в РККА. – М.; Л., 1929.
118. *Теплов, Б. М.* Ум полководца. – М., 1975.
119. Устав внутренней службы ВС РФ.
120. *Уарте, Х.* Исследование способностей к наукам. – М., 1960.
121. *Утлик, Э. П.* Учет психологических факторов в руководстве личным составом воинского подразделения. – М., 1975.
122. *Утлик, Э. П.* Психология личности: личность в общей и военной психологии. – М., 2006.
123. *Ушинский, К. Д.* Собр. соч. : в 11 т. – М.; Л., 1948–1952. – Т. 8.
124. *Ушинский, К. Д.* Личность. Очерк из «феноменологии» // Собр. соч. – М., 1950. – Т. 10.
125. *Феденко, Н. Ф.* Некоторые пути повышения эффективности психологической подготовки личного состава к активным боевым действиям в условиях современной войны. – М., 1984.
126. *Феденко, Н. Ф.* Современная буржуазная военная психология. – М., 1964.
127. *Феденко, Н. Ф.* Очерки по психологии личности советского воина. – М., 1965.
128. *Феденко, Н. Ф., Луганский, Н. И.* О некоторых национально-психологических особенностях населения и личного состава армий империалистических государств. – М., 1966.
129. *Флейвелл, Дж.* Генетическая психология Жана Пиаже. – М., 1967.
130. *Франкл, В.* Человек в поисках смысла. – М., 1990.
131. *Хаханьян, Г.* Основы военной психологии. – М., 1929.
132. *Хорни, К.* Невротическая личность нашего времени. – М., 1993.
133. *Хьелл, Л., Зиглер, Д.* Теории личности. – СПб., 1997.
134. *Шадриков, В. Д.* Проблемы системогенеза профессиональной деятельности. – М., 1982.

135. Шиллер, Ф. Собр. соч. : в 7 т. – М., 1957. – Т. 6.
136. Шнейдер, Л. Б. Профессиональная идентичность: структура, генезис и условия становления : дис. ... докт. психол. наук. – М., 2001.
137. Шпрангер, Э. Основные идеальные типы индивидуальности // Психология личности. Тексты. – М., 1982.
138. Штейнметц, Р. Философия войны. – Пг., 1915.
139. Шумков, Г. Е. Психика бойцов во время сражений // Общество ревнителей военных знаний. – 1908. – Кн. 3.
140. Чумичев, Н. Г. Критический анализ системы подготовки офицерского состава вооруженных сил США : дис. ... канд. пед. наук. – М., 1980.
141. Щепаньский, Я. Элементарные понятия социологии. – М., 1969.
142. Элиас, Н. Общество индивидов. – М., 2001.
143. Эрикссон, Э. Детство и общество. – СПб., 1996.
144. Эрикссон, Э. Идентичность: юность и кризис. – М., 2006.
145. Юнг, К. Психологические типы. – СПб., 1995.
146. Юнг, К. Г. Аналитическая психология: прошлое и настоящее. – М., 1995.
147. Blake, R. R., Mouton, J. S., Bryson, E. D. The Military Leadership Grid // Military Review. – 1980. – № 7.
148. Hoffman, Louise E. American Psychologists and Wartime Research on Germany, 1941–1945 // American Psychologist. – 1992. – February.
149. Janowitz, M. The Professional Soldier. A social and Political portrait. Free Press, USA, 1961.
150. Mellibruda, J. Poszukiwanie samego siebie. – Warszawa, 1980,
151. Moskos, Ch. The American Enlisted Man. – New York : Russell Sage Foundation, 1974.
152. Stouffer, S. et al. The American Soldier. Studies in Social Psychology of World War II. V. I. & 2. V. 1. Adjustment during Army Life. V 2. Combat and Aftermath. – Princeton : Princeton Univ. Press, 1949.
153. Tomas, W. J., Znaniecki, F. Polish Peasant in Europe and America: in 5 vols. – Boston, 1918. – Vol. 1.

**КРАТКАЯ ХРЕСТОМАТИЯ
ПО ПСИХОЛОГИИ ЛИЧНОСТИ ВОИНА**

**Платон
Государство²**

(...)

– Это совершенно неизбежно, Сократ.

– В результате мы будем воевать, Главкон, или как с этим будет?

– Да, придется воевать.

– Пока мы еще ничего не станем говорить о том, влечет ли за собой война зло или благо, скажем только, что мы открыли происхождение войны – главный источник частных и общественных бед, когда она ведется.

– Конечно.

– Вдобавок, друг мой, придется увеличить наше государство не на какой-то пустяк, а на целое войско: оно выступит на защиту всего достояния, на защиту того, о чем мы теперь говорили, и будет отражать нападение.

– Как так? Разве мы сами к этому не способны?

– Не способны, если ты и все мы правильно решили этот вопрос, когда строили наше воображаемое государство. Решили же мы, если ты помнишь, что невозможно одному человеку с успехом владеть многими искусствами.

– Ты прав.

– Что же? Разве, по-твоему, военные действия не требуют искусства?

– И даже очень.

– Разве надо больше беспокоиться о сапожном, чем о военном, искусстве?

– Ни в коем случае.

– Чтобы у нас успешно шло сапожное дело, мы запретили сапожнику даже пытаться стать земледельцем или ткачом, или домостроителем; так же точно и всякому другому мы поручили только одно дело, к которому он годится по своим природным задаткам: этим он и будет заниматься всю жизнь, не отвлекаясь ни на что другое, и достигнет успеха, если не

---

¹ Пунктуация авт.

² Платон. Государство. Собр. соч. в 4 т. М., 1994. Т. 3. Кн. 2-я. С. 135–139.

упустит время. А разве не важно хорошее выполнение всего, что относится к военному делу? Или оно настолько легко, что земледелец, сапожник, любой другой ремесленник может быть вместе с тем и воином? Прилично играть в шашки или в кости никто не научится, если не занимался этим с детства, а играл так, между прочим. Неужели же стоит только взять щит или другое оружие и запастись военным снаряжением – и сразу станешь способен сражаться, будь то в битве тяжело вооруженных или в какой-либо иной? Никакое орудие только оттого, что оно очутилось в чьих-либо руках, никого не делает сразу мастером или атлетом и будет бесполезно, если человек не умеет с ним обращаться и недостаточно упражнялся.

– Иначе этим орудиям и цены бы не было!

Роль сословия стражей в идеальном государстве

– Значит, чем более важно дело стражей, тем более оно несовместимо с другими занятиями, – ведь оно требует мастерства и величайшего старания.

– Думаю, что это так.

– Для этого занятия требуется иметь соответствующие природные задатки.

– Конечно.

– Пожалуй, если только мы в состоянии, нашим делом было бы отобрать тех, кто по своим природным свойствам годен для охраны государства.

– Конечно, это наше дело.

– Клянусь Зевсом, нелегкий предмет мы себе облюбовали! Все же, насколько хватит сил, не надо поддаваться робости.

– Разумеется, не надо.

– Как, по-твоему, в деле охраны есть ли разница между природными свойствами породистого щенка и юноши хорошего происхождения?

– О каких свойствах ты говоришь?

– И тот, и другой должны остро воспринимать, живо преследовать то, что заметят, и, если достигнут, с силой сражаться.

– Все это действительно нужно.

– И чтобы хорошо сражаться, надо быть мужественным.

– Как же иначе?

– А захочет ли быть мужественным тот, в ком нет яростного духа – будь то конь, собака или другое какое животное? Разве ты не заметил,

как неодолим и непобедим яростный дух: когда он есть, любая душа ничего не страшится и ни перед чем не отступает?

– Заметил.

– Итак, ясно, какими должны быть телесные свойства такого стража.

– Да.

– Тоже и душевные свойства, то есть яростный дух.

– И это ясно.

– Однако, Главкон, если стражи таковы по своей природе, не будут ли они свирепыми и друг с другом, и с остальными согражданами?

– Клянусь Зевсом, на это нелегко ответить.

– А между тем, они должны быть кроткими к своим людям и грозными для неприятеля. В противном случае им не придется ждать, чтобы их истребил кто-нибудь другой: они сами это сделают и погубят себя.

– Правда.

– Как же нам быть? Где мы найдем нрав и кроткий, и вместе с тем отважный? Ведь кроткий нрав противоположен ярости духа.

– Это очевидно.

– Если же у кого-нибудь нет ни того ни другого, он не может стать хорошим стражем. Похоже, что это требование невыполнимо, и, таким образом, выходит, что хорошим стражем стать невозможно.

– Пожалуй, что так, – сказал Главкон.

– Я находился в затруднении и мысленно перебирал сказанное ранее.

– Мы, друг мой, – заметил я, – справедливо недоумеваем, потому что мы отклонились от того образа, который сами предложили.

– Что ты имеешь в виду?

– Мы не сообразили, что бывают характеры, о которых мы и не подумали, а между тем в них имеются эти противоположные свойства.

– В каких же характерах?

– Это замечается и в других животных, но всего лучше в том из них, которое мы сравнили с нашим стражем. Ты ведь знаешь насчет породистых собак, что их свойство – быть как нельзя более кроткими с теми, к кому они привыкли и кого знают, но с незнакомыми – как раз наоборот.

– Знаю, конечно.

– Стало быть, это возможно, и поиски таких свойств в страже не противоречат природе.

– По-видимому, нет.

– Не кажется ли тебе, что будущий страж нуждается еще вот в чем: мало того, что он яростен – он должен по своей природе еще и стремиться к мудрости.

- Как это? Мне непонятно.
- И эту черту ты тоже заметишь в собаках, что очень удивительно в животном.
- Что именно?
- Увидав незнакомого, собака злится, хотя он ее ничем еще не обидел, а увидав знакомого – ласкается, хотя он никогда не сделал ей ничего хорошего. Тебя это не поражало?
- Я до сих пор не слишком обращал на это внимание, но ясно, что собака ведет себя именно так.
- Это свойство ее природы представляется замечательным и даже подлинно философским.
- Как так?
- Да так, что о дружественности или враждебности человека, которого она видит, собака заключает по тому, знает ли она его или нет. Разве в этом нет стремления познавать, когда определение близкого или, напротив, чужого делается на основе понимания либо, наоборот, непонимания?
- Этого нельзя отрицать.
- А ведь стремление познавать и стремление к мудрости – это одно и то же.
- Да, одно и то же.
- Значит, мы смело можем допустить то же самое и у человека: если он будет кротким со своими близкими и знакомыми, значит, он по своей природе должен иметь стремление к мудрости и познанию.
- Допустим это.
- Итак, безупречный страж государства будет у нас по своей природе обладать и стремлением к мудрости, и стремлением познавать, а также будет проворным и сильным.
- Совершенно верно.
- Таким пусть и будет. Но как нам выращивать и воспитывать стражей? Рассмотрение этого будет ли у нас способствовать тому, ради чего мы все и рассматриваем, то есть заметим ли мы, каким образом возникают в обществе справедливость и несправедливость? Как бы нам не упустить цели нашей беседы и не сделать ее слишком пространной.
- На это брат Главкона сказал:
- Я по крайней мере ожидаю, что это рассмотрение будет очень кстати для нашей задачи.
- Клянусь Зевсом, милый Адимант, – сказал я, – значит, не стоит бросать это рассмотрение, даже если оно окажется длинным.
- Да, не стоит.

- Так давай, не торопясь, как делают это повествователи, займемся – пусть на словах – воспитанием этих людей.
- Это необходимо сделать.

Аристотель о мужестве¹

«**Мужество**» (αὐθραία) – середина между страхом (φόβος) и беззаветною отвагой (τῆραρρη). Страхом вообще называется ожидание зла, напр., стыда, бедности, болезни, недостатка в друзьях, смерти. Однако, если (как напр., в данном случае) имеется в виду мужество, то не всякий вообще страх будет сказываться по отношению к нему, как одна из крайностей пороков, между которыми оно имеет место; напротив, некоторых объектов, напр. стыда, даже должно бояться, так что сообразующийся с этим в своей деятельности человек обыкновенно характеризуется чертами человека нравственно-хорошего (в указанном случае – стыдливом) и наоборот, хотя, впрочем, и последнего рода человек («бесстыдный») иногда в переносном смысле может быть назван также мужественным, как презирующий все без исключения страшное. Не делает человека мужественным хладнокровное отношение его и к тем объектам, источником которых является не «порочность» его, которые, словом, не зависят от него, каковы напр. бедность, болезнь, ожидание телесного наказания (это для грека – величайший стыд), а лишь только похожим на мужественного... – равно как не делает его трусом и страх пред бесчестьем своих детей или жены. Мужественным делает человека совершенно спокойное отношение его к объекту, более всех других могущему возбудить в ком бы то ни было чувство страха, чем является «смерть».

4) Впрочем не ко всякому виду смерти хладнокровное отношение характеризует того или другого человека – как в собственном смысле мужественного, а только к прекраснейшему из них, каким, по общему признанию, сказывается смерть на войне, смерть за свое отечество, хотя впрочем в известном смысле мужественным можно назвать также и встречающих смерть на одре болезни, в море при кораблекрушении, но, как мы и сказали, только в известном и далеко не в собственном смысле, потому что в том и другом случаях – при смерти на одре болезни и утопии в море не имеет никакого смысла мысль о противодействии со стороны умирающего, а между тем добродетель (в данном случае «му-

---

¹ *Бронзов А. А.* Аристотель и Фома Аквинат в отношении их к учению о нравственности. СПб., 1884. С. 141–144.

жество») есть поступок, а не пассивное только состояние. С понятием о мужестве однако вовсе не соединяется понятие о безусловной неустрашимости: требовать последней от мужественного значило бы требовать от него совершенно невозможного, преобладающего его силы, как человека, а лишь только понятие здорового мужества, мужества, проявляемого в такой степени и смысле, как вообще человека уполномочивает его разум. Мужество перестает быть мужеством, становясь или беззаветною отвагою в том случае, если владеющий ею человек перестает бояться всего, что бы то ни было (впрочем, иногда имеет место и хвастовство, то есть иногда такая безумная отвага остается такою только на словах, а далеко не на деле), или трусостью, если упомянутый человек простирает свою боязнь уже слишком далеко, дальше чем следовало бы. Безумно отважный, следовательно, переступает ту область, в пределах которой для мужественного вообще ничего не должно быть страшного, между тем как трус, наоборот, остается позади границ указанного рода. При этом беззаветная отвага несколько более аналогична с мужеством, чем трусость; мужество поэтому имеет дело больше с тем, что возбуждает в ком бы то ни было страх, чем мужество. Человек спокойный пред тем, что способно в ком бы то ни было возбудить чувство страха, храбр в более истинном смысле, чем человек, подобным образом ведущий себя под влиянием возвышающих, возбуждающих дух объектов: в строгом смысле храбр, противостоящий чему-либо печальному, тягостному, так что храбрость, мужество, поэтому, есть нечто тесно связанное с печалью и потому трудное и, как такое, оно справедливо заслуживает похвалы и прославления, потому что устоять против печального, тягостного труднее, чем воздерживаться от приятного. Впрочем, цель и мужества может также характеризоваться как нечто приятное: смерть и раны, которые мужественный получает на войне, для него, очевидно, суть нечто неприятное и не гармонирующее с его расположением: однако он охотно принимает их ввиду того, что такой образ его действий сказывается как нечто прекрасное по противоположности с обратным родом действий. Даже можно сказать: чем больше кто-либо владеет всякого рода добродетелью и чем счастливее его внешнее положение, тем труднее, тяжелее для него встречать смерть, так как чрез смерть он также тем больших благ будет лишен. Но он, поэтому, не только не менее, но даже более характеризуется как мужественный, свою обязанность на поле чести предпочитая тем благам. Следовательно, осуществление далеко не всех добродетелей связано с приятными именно чувствованиями, если только не принимать во внимание удовольствия, возникающего по достижении

той или другой цели. Наемные солдаты могут быть также храбрыми, браться на большие опасности, но вовсе не потому, чтоб проявление храбрости для них было само по себе чем-то приятным, а потому что они имеют в виду из этого извлечь для себя известную выгоду.

Характеризуясь указанного рода чертами, понятие мужества вовсе не приложимо к самоубийству – из-за бедности ли то, или из-за любви (несчастной) одного лица к другому и проч., потому что последнее характеризует собою скорее труса, чем в собственном смысле мужественного: избегать трудного – черта человека изнеженного – последний решается на самоубийство вовсе не потому, что смерть в таком случае является сама по себе чем-то прекрасным, а потому, что он чрез это думает избежать зла.

В известной степени аналогичны с мужеством, так называемая «гражданская» храбрость, как имеющая в виду чувство чести, стремление к прекрасному, однако, не тождественная с тем, что мы называем храбростью в собственном смысле слова, так как мотивом ее является главным образом боязнь – в противном случае подвергнуться позору, посрамлению.

Стойкость, основывающаяся на искусстве, опытности и знании обстоятельств, опасностей (имеющая место по большей части у воинов), вследствие чего Сократ полагал, что мужество есть знание, – стойкость, однако, различающаяся от истинного мужества большею боязнью пред смертью, чем – стыдом; поступок, совершаемый кем-либо в состоянии аффектов, напр., гнева, он хотя и причисляется некоторыми к добродетели на том основании, что, во-первых, как храбрые, так и объятае чувством гнева одинаково бросаются на что-либо, как дикие звери на ранивших их охотников, и что, во-вторых, истинно храбрые также непременно бывают в известной степени и смысле объятае чувством гнева. однако ж не тождествен с истинным мужеством, как находящий себе место и у зверей и, следовательно, имеющий смысл в противоположность истинному мужеству, при неблагородных мотивах и проч.; смелый поступок, совершаемый кем-либо под непосредственным воздействием твердой надежды на благополучный исход дела, тем не менее не характеризующийся чертами истинного мужества, как имеющего место не столько в таких случаях, сколько в противоположных им при совершенном отсутствии твердой надежды на благополучный исход дела, при внезапно, неожиданно возникающих опасностях и проч. и проч. и, наконец, поступок, совершаемый человеком при совершенном незнании опасности, весьма близко подходящий по своему характеру к только что упомянутому нами, но тем не менее стоящий по своему достоинству ниже его, как совершаемый, так сказать, с завязанными глазами и поэтому тотчас

переходящий в другой, характеризующийся чертами трусости, лишь только совершающие его заметят, что дело идет иначе, чем как они предполагали, поступок, следовательно, еще менее, чем тот, могущий претендовать на свое тождество с истинно-мужественным поступком.

Джон Локк о мужестве¹

§ 115. Трусость и храбрость так тесно связаны с упомянутыми чертами характера, что нельзя здесь не остановиться на них. Страх – это чувство, которое, если им надлежащим образом управлять, имеет свою полезную сторону. И хотя редко бывает, чтобы себялюбие не поддерживало в нас это чувство бдительным и на достаточной высоте, однако возможен и избыток отваги. Безрассудная смелость и нечувствительность к опасности так же мало разумны, как и трепет и испуг в случае приближения малейшей беды. Страх дан нам как предостережение, побуждающее нас напрягать наши способности и остерегаться грозящего зла; поэтому не бояться вовсе наступающей беды, не пытаться точно оценить опасность, а бросаться в нее очертя голову, не думая, какая от этого будет польза или что из этого выйдет, – это не решительность разумного существа, а ярость зверя. Тем, чьи дети обнаруживают такой темперамент, остается только пробудить в них разум, к голосу которого быстро заставит их прислушаться чувство самосохранения, если только (как это обычно бывает) какая-либо другая страсть не заставит их действовать очертя голову, без смысла и соображения. Нежелание испытать несчастье настолько естественно, что, я думаю, нет человека, который не боялся бы его; ведь страх есть не что иное, как беспокойное состояние ожидания, что с нами случится что-то неприятное. Следовательно, если кто-либо идет навстречу опасности, мы можем сказать, что его толкает на это или незнание, или веление какого-либо более властного чувства, ибо никто не враг себе настолько, чтобы идти на страдание добровольно и искать опасность ради опасности. Поэтому, если гордость, тщеславие или бешенство заглушают в ребенке страх или мешают ему последовать указанию этого чувства, нужно соответствующими мерами побороть указанные мотивы, чтобы небольшое рассуждение могло охладить его пыл и заставить его сообразить, стоит ли попытка риска. Но так как среди детей этот недостаток не так уж часто встречается, то я не буду подробно останавливаться на средствах его исправления. Гораздо более распространен-

---

¹ Локк Дж. Мысли о воспитании // Соч. : в 3 т. М., 1985. Т. 3. С. 510–517.

ным недостатком является малодушие, которое требует поэтому большего внимания.

Мужество является стражем и опорой всех других добродетелей, и без него человек навряд ли будет тверд в исполнении своего долга и навряд ли проявит характер истинно достойного человека.

Мужество, помогающее нам бороться с опасностями, внушающими нам страх, и с бедствиями, которые мы переживаем, очень полезно в том положении, в котором мы находимся в этой жизни, где нападения возможны со всех сторон. Поэтому весьма благоразумно снабжать детей указанным оружием возможно раньше. Правда, природный характер играет здесь большую роль; но даже в том случае, когда характер неполноценен и сердце само по себе слабо и робко, правильное воспитание может сделать его более решительным. Я уже указал, что нужно делать для того, чтобы предупредить расслабление детской души страхами, внедренными в нас с детства, или хныканьем при каждом незначительном страдании. Теперь нам нужно рассмотреть, как закалить их характер и укрепить в них мужество, когда мы обнаруживаем, что они слишком подвержены страху.

Истинное мужество человека заключается, по моему мнению, в спокойном самообладании и в невозмутимом выполнении своего долга, какие бы бедствия его ни постигали и какие бы опасности ни лежали на его пути. Людей, обладающих этим качеством, так мало среди взрослых, что мы не можем ожидать его от детей. Однако кое-что сделать можно, а именно разумным руководством, незаметными переходами привести их к гораздо большим достижениям, чем мы ожидаем.

Невнимание к этой важной задаче в годы детства является, возможно, причиной того, что так мало людей обладает в полной мере этой добродетелью, уже будучи взрослыми. Я бы не сказал этого о нации, обладающей такой природной храбростью, как наша, если бы я считал, что истинное мужество требует лишь храбрости в бою и пренебрежения жизнью перед лицом врага. Конечно, эти качества являются немаловажными элементами мужества, и нельзя отрицать, что лавров и почестей достойны те доблестные люди, которые рискуют жизнью ради своего отечества. Однако это еще не все. Опасности угрожают нам и в других местах, не только на поле битвы: хотя смерть — царь ужасов, однако страшные лики физического страдания, бесчестья и нищеты также способны расстроить большинство людей, на которых они грозят обрушиться; и есть люди, которые, не робея перед одними опасностями, испытывают смертельный ужас перед другими. Истинное мужество готово

встретиться с любой опасностью и остается непоколебимым, какое бы бедствие ни угрожало. Я не хочу этим сказать, что оно недоступно никакому страху вообще. Где опасность налицо, там не может не возникнуть чувство страха, если только мы не имеем дело с человеком тупоумным; где есть опасность, должно быть и сознание опасности, а также такая мера страха, которая держала бы нас настороже и заставила бы напрячь внимание, активность и энергию, не нарушая в то же время нашей способности спокойно думать и не мешая нам следовать указаниям разума.

Первый шаг к приобретению этой благородной и мужественной твердости заключается, как я уже упоминал, в том, чтобы тщательно оберегать детей, пока они малы, от всякого рода страхов. Не допускать, чтобы детям рассказывали о разных ужасах и пугали их страшными предметами. Это часто настолько потрясает и расстраивает душу, что она уже никогда больше не может оправиться, и человек в течение всей своей жизни при первом намеке, при первом же возникновении какого-либо страшного представления теряется и смущается: тело расслабляется, душа в смятении, человек перестает быть самим собою и теряет способность к спокойному и разумному действию. Вызывается ли это привычным движением животных духов, проникших в организм при первом сильном впечатлении, или каким-либо изменением конституции, которое произошло менее понятным путем, но факт остается верным сам по себе. Примеры людей, которые на всю жизнь сохранили в своей слабой и робкой душе впечатление ужаса, пережитого в детстве, мы можем встретить повсюду; поэтому подобные впечатления нужно всячески предупреждать.

Затем следует постепенно и осторожно приучать детей к тем предметам, в отношении которых у них существует преувеличенный страх. Но здесь требуется большая осмотрительность: не следует проявлять чрезмерную торопливость и начинать это лечение слишком рано, иначе вы можете усилить зло, вместо того чтобы его устранить. От маленьких детей, которых еще носят на руках, нетрудно устранять пугающие их предметы; а пока они еще не умеют говорить и не способны понимать то, что им говорят, они едва ли воспримут рассуждения и доказательства, которыми приходится пользоваться, чтобы убедить их, что ничего опасного нет в тех страшных предметах, с которыми мы хотим их познакомить, приводя их постепенно в более близкое соприкосновение с ними. Поэтому редко приходится по отношению к детям применять этот прием раньше, чем они научатся ходить и говорить. Но если бы случилось, что ребенок испугался какого-либо предмета, который нелегко устранить из его обстановки, и если каждый раз, когда этот предмет бросается ему в глаза, ребенок обна-

руживает признаки испуга, то следует применять всяческие способы успокоения его страха, пока этот предмет не станет для него привычным и безобидным, отвлекая мысль ребенка к другому или соединяя с данным предметом какие-либо занимательные и приятные впечатления.

Нетрудно, мне думается, заметить, что дети в первое время после рождения реагируют одинаково на все предметы, попадающие в поле их зрения, если только последние не действуют болезненно на их зрение, что они не больше пугаются черного негра или льва, чем своей кормилицы или кошки. Что же в таком случае вызывает у них впоследствии чувство страха в известных сочетаниях форм и красок? Не что иное, как опасение вреда, ассоциирующегося с этими вещами. Я думаю, что если бы дитя каждый день сосало грудь другой кормилицы, оно бы в своем шестимесячном возрасте меньше пугалось перемены лиц, чем люди в возрасте шестидесяти лет. Причина, по которой ребенок не идет к постороннему человеку, заключается в том, что, привыкнув получать пищу и ласку от одного или двух лиц, постоянно находящихся при нем, ребенок боится, как бы, перейдя на руки к чужому человеку, он не лишился того, кто ласкает и кормит его и постоянно удовлетворяет его нужды, столь часто испытываемые; отсюда тот страх, который овладевает ребенком, когда его кормилица куда-нибудь уходит.

Единственное, что вызывает у нас естественный страх, – это страдание или утрата удовольствия. И так как эти чувства не связаны с формой, цветом или размером видимых предметов, то ни один предмет не возбуждает в них страха до тех пор, пока он не причинил им страдания или пока им не указали, что он может причинить вред. Веселый блеск и яркость огня и пламени так привлекают детей, что в первое время они всегда стремятся схватить огонь руками; лишь после того, как постоянный опыт, сопровождающийся мучительной болью, покажет им, как огонь жесток и безжалостен, они начинают бояться дотронуться до него и тщательно его избегают. Когда источник страха таков, нетрудно найти, откуда он возникает и как исцелить от него в тех случаях, когда страх, внушаемый предметом, основан на ошибке. Когда же душа окрепнет и научится владеть собою и преодолевать свои обычные страхи в мало-важных случаях, она будет хорошо подготовлена к тому, чтобы встретиться с более реальными опасностями. Ваш ребенок поднимает крик и пускается бежать при виде лягушки – пусть другой поймает ее и положит на значительном расстоянии от него. Раньше всего приучите его спокойно наблюдать за этой лягушкой, а когда он к этому привыкнет – подходить к ней ближе и спокойно смотреть на ее прыжки; затем слегка дотра-

гиваться до нее, когда другой крепко держит ее в руке, и так далее, пока ребенок не научится обращаться с ней так же доверчиво, как с бабочкой или воробьем. Таким же путем могут быть устранены и другие неосновательные страхи; нужно только стараться делать это не торопясь и не тянуть ребенка на следующую ступень уверенности, пока он крепко не утвердился на предыдущей. Так следует готовить юного воина к житейским битвам; при этом не надо рисовать опасность большей, чем она встречается в действительности; и каждый раз, когда вы заметите в нем преувеличенный страх, следует вести его вперед нечувствительными переходами, пока наконец, освободившись от своих страхов, он не справится с затруднением и не выйдет из него с честью. Если такие успехи будут повторяться часто, они заставят его убедиться в том, что опасности вовсе не всегда столь несомненны и велики, как рисуют нам наши страхи, и, чтобы избежать их, вовсе не следует обращаться в бегство или поддаваться дезорганизующему, подавляющему и обессиливающему действию страха там, где наша честь или долг велят нам идти вперед.

Но поскольку главной основой страха у детей является боль, закаливать и вооружать их против страха и опасности можно, приучая их переносить ее. Вероятно, нежные родители сочтут это противоестественным по отношению к своим детям; а большинство родителей признает неразумным пытаться приучить кого-либо к боли, причиняя ее. Скажут, что это может внушить ребенку отвращение к человеку, который причиняет ему страдание, но никогда не сделает для него приемлемым самое страдание. Станный, скажут, метод! «Вы не хотите, чтобы детей секли и наказывали за проступки, и в то же время идете на то, чтобы мучить их, когда они ведут себя хорошо, ради самого мучения». Я не сомневаюсь, что такие возражения мне будут сделаны и что меня признают непослдовательным или фантазером за это предложение. Я признаю, что проводить это следует с большой осторожностью, и поэтому совсем неплохо, если это будет принято и одобрено лишь теми, кто правильно мыслит и вникает в суть дела. Я не хочу, чтобы детей часто били за их проступки, так как не хочу, чтобы они считали телесную боль величайшим наказанием. Но на этом же основании я хотел бы, чтобы им иногда причиняли боль при хорошем поведении с их стороны с той именно целью, чтобы они могли научиться переносить ее, не видя в боли величайшего из зол.

Насколько путем воспитания можно приучить молодежь переносить боль и страдания, достаточно показывает пример Спарты; и те, которые пришли к убеждению, что телесное страдание вовсе не самое большое зло и вовсе не то, чего нужно больше всего бояться, сделали немалый шаг на

пути к добродетели. Я не настолько неразумен, чтобы предлагать спартанскую дисциплину в наш век и при нашей конституции. Тем не менее я утверждаю, что, осторожно приучая детей переносить не морщась не столь уж сильную боль, мы можем внушить им твердость духа и заложить в них основы мужества и решительности на всю последующую жизнь.

Первый и необходимый шаг к этому – не хныкать над ними и не позволять им самим хныкать по поводу всякой незначительной боли, которую они испытывают. Но об этом я уже говорил в другом месте.

Кроме того, следует иногда умышленно причинять им боль, но делать это нужно в такое время, когда ребенок находится в хорошем настроении и уверен, что человек, причиняющий ему боль, именно в данный момент сердечно к нему расположен. Затем, это не должно сопровождаться никакими проявлениями ни гнева или неудовольствия, с одной стороны, ни сочувствия или раскаяния – с другой; необходимо также, чтобы причиняемая боль не была больше той, которую ребенок способен вынести без ропота и не принимая это ошибочно за наказание. Я видел, как при таких обстоятельствах и при соблюдении указанной меры ребенок, получивши несколько крепких ударов по спине, убежал со смехом; между тем, этот самый ребенок заплакал бы от одного неласкового слова и очень чувствительно реагировал бы на наказание со стороны того же человека, хотя бы оно выразилось только в суровом взгляде. Убедите ребенка постоянным проявлением вашей заботы и лаской в полной вашей любви к нему, и вы сможете постепенно приучить его покорно и без жалоб переносить очень мучительное и суровое обращение с вашей стороны; аналогичное мы можем ежедневно наблюдать во взаимоотношениях детей при играх. Чем нежнее, по вашему мнению, ребенок, тем больше вы должны искать подходящих возможностей закалить его. Главное искусство заключается здесь в том, чтобы начинать с самого незначительного страдания, постепенно и незаметно затем усиливая его, и притом делать это в такие моменты, когда вы играете и забавляетесь с ним или хвалите его. И если вы добьетесь того, что в похвале, получаемой за мужество, он находит компенсацию за испытанное страдание, что он гордится этими проявлениями своего мужества, что он предпочитает пользоваться репутацией смелого и стойкого юноши, а не уклоняться от незначительной боли или малодушно на нее реагировать, то вы можете надеяться, что со временем, опираясь на поддержку со стороны его растущего разума, вы одолеете в нем робость и исправите слабость его конституции. Когда он подрастет, нужно подвигать его на более смелые действия, чем те, на которые он способен в силу своего природного характера; если вы видите, что он отступает перед чем-либо та-

ким, с чем, по вашему основательному предположению, вполне бы справился, если бы только имел смелость взяться за это, то сначала поддержите его, затем постарайтесь постепенно подвинуть его вперед, пользуясь приущим детям чувством стыда, пока наконец он не обретет уверенности в себе, а вместе с нею и власти над собою; в награду за свое достижение он должен получить похвалу и одобрение других. Когда же он таким образом постепенно приобретет достаточную решительность, чтобы не уклоняться из страха перед опасностью от исполнения своего долга, когда страх не будет в неожиданных или опасных случаях расстраивать его душу и приводить в дрожь его тело, лишая его способности к действию и побуждать уклониться от него – тогда можно будет сказать, что он обладает мужеством разумного существа. Таковую именно закалку мы должны путем привычки и упражнений давать детям, используя для этой цели каждый подходящий случай.

В. С. Москвитин

Смелость – отношение к трудности, опасности, риску¹

Как бы ни были разнообразны мнения различных людей о конкретном содержании понятий «смелость», «мужество» и т. п., большинство сойдется на том бесспорном факте, что все эти понятия выражают собой прежде всего особые типичные формы отношения человека к опасности, риску. Все сойдется на том, что понятия «смелость» и «мужество», как более широкие из всех остальных, выражают также определенное отношение человека к трудности.

Остановимся несколько на категориях «трудность», «опасность», «риск». Что понимается обычно под этими словами? Если бы пришлось изобразить их взаимное отношение, мы представили бы их в виде трех концентрических кругов, из которых самое широкое – трудность, уже – опасность, самое узкое – риск.

Трудность – это препятствие на пути к цели; это то, что мешает, осложняет, создает дополнительные заботы, вызывает излишние хлопоты; это то, что требует для своего устранения напряженного усилия, труда. Трудности многообразны, как сама жизнь. Существование их может корениться в задаче, подлежащей разрешению (трудная – большая, сложная, запутанная), во внешних условиях существования (всякого рода неудобства, лишения,

---

¹ Москвитин В. С. О смелости и ее воспитании : дис. ... канд. пед. наук (по психологии). М., 1950. С. 7–23.

помехи, и в самом субъекте (слабость физическая, интеллектуальная, моральная, неподготовленность, усталость и проч.). Поскольку трудности мешают, – они неприятны; поскольку угрожают неудачей, срывом наших планов, они заставляют себя опасаться. Таким образом, трудность в известных условиях превращается в опасность.

Опасность – жизненная ситуация, ставящая под вопрос коренные интересы человека и даже само его существование. В последнем случае говорят о смертельной опасности. Опасность может быть большей и меньшей, кратковременной и длительной, ожидаемой и внезапной, возможной и наличной, мнимой и реальной. Опасность – процесс, она развивается во времени, она движется. Говорят: «опасность приближается», «она наступила», «она миновала». Опасность, которая еще не наступила, но возможно наступит, называется нередко риском.

Существует предположение, что слово это происходит от испанского «*gísco*», что значит «скала» и получило такое значение у мореплавателей, которым приходилось водить корабли в опасных местах, изобилующих мелями и подводными скалами. Выражение *arrisgar* (рисковать) первоначально означало «идти на скалу», то есть подвергаться возможной опасности разбиться и затонуть.

Позже это выражение распространилось и в других областях общественной практики – в торговле, страховом, биржевом, банковском и военном деле. Оно стало международным. «Рисковать» в современном обычном смысле этого слова означает: а) подвергаться вообще опасности, или б) идти навстречу возможной опасности (браться за дело, успех которого недостаточно обеспечен; действовать наудачу). Мы будем придерживаться второго значения этого слова.

Подобно трудности и опасности, риск может быть самого разнообразного характера. Врачи говорят о врачебном риске, инженеры о техническом, руководители предприятий о производственном, торговые работники – о торговом, работники искусств – о творческом, спортсмены – о спортивном и т. п. Подробная классификация всех видов риска крайне затруднительна. Но с некоторой уверенностью можно говорить, по крайней мере, о трех основных видах его: материальном, моральном и физическом.

Материальный риск связан с возможностью потери какой-либо ценности, с экономическим ущербом, с ухудшением материального положения, с материальными лишениями.

Моральный риск связан с ответственностью перед самим собой, перед своей совестью, перед общественным мнением, перед государственной властью; риск потерять доверие, уважение, любовь, авторитет и т. п.

Физический риск связан с физическими трудностями, с возможностью увечья или гибели. (Конечно, все эти виды риска нередко переплетаются и переходят друг в друга).

Поскольку смелость и робость суть особого рода отношения, в первую очередь, к опасности и риску, а сами опасность, риск могут быть различного свойства, можно говорить о разных видах смелости в зависимости от того, в какой области она проявляется. Важно установить, что смелость, проявляемая в одной обстановке, по отношению к одному виду риска, вовсе не обязательно будет проявляться во всякой иной обстановке, по отношению к любому виду риска. Смелый мыслитель – не обязательно смелый практик, а смелый делец необязательно окажется смелым воином. Другими словами: смелость и робость не универсальные качества. Это очень важное обстоятельство, подтверждение которого находим на каждом шагу.

Мы ограничили свою задачу рассмотрением, главным образом, того вида смелости, который ближе всего стоит к физической опасности, к физическому риску. Из всех видов опасности, этот вид будет наиболее древним по своему происхождению и едва ли не самым важным по своему значению.

Нигде в общественной жизни люди так часто, так полно и в таком массовом масштабе не рискуют быть убитыми или искалеченными, как на войне. Нигде атмосфера так не насыщена непосредственной опасностью, как там. Поэтому при изучении смелости следует пристальной присмотреться к условиям войны, к деятельности человека на войне, к требованиям, которые предъявляет война своим участникам.

Для примера возьмем самую обычную массовую фигуру армии – нашего простого солдата – пехотинца и последуем за ним на войну.

Деятельность его на войне многообразна, Солдат марширует, копает, строит, носит тяжести, ходит в разведку и «за языком», налаживает связь, охраняет, стреляет, отражает атаки и сам ходит в атаку Он должен быть в состоянии сражаться в любое время, в любых условиях: в горах, на равнине, в лесу, и на болоте, в пустыне, в городе, на улицах и внутри здания. Добавим, что деятельность солдата не прекращается ни днем, ни ночью, ни в какую погоду.

Человек на войне устает физически от походов и работы, мало спит, подчас недостаточно и нерегулярно питается. То он стынет на ветру и на морозе, то страдает от жары и жажды, то мокнет под дождем и вязнет в грязи. И при всем этом всюду, на каждом шагу и в любой момент его может подстеречь опасность. Бой – это ярчайшее проявление войны – тре-

бует напряжения всех физических и моральных сил. Он ставит человека в исключительно острые, сложные, подчас противоречивые положения.

Человеку свойственно дорожить своим существованием, здоровьем и благополучием, а на войне он должен быть готовым идти навстречу лишениям, страданиям, ранам и смерти. Но от него не требуют ненужных жертв, напрасной гибели.

Человек – боец, советский солдат – не «серая скотина» и не пушечное мясо, он представляет собой общественную ценность; будет лучше, если он выполнит поставленную перед ним задачу и сохранится сам. От него требуют не только разумного, целенаправленного, необходимого, оправданного риска, но также известной осторожности, то есть стремления избегать ненужного риска.

От солдата требуется беззаветная самоотверженность, презрение к опасности. Во весь рост, с ружьем наперевес, под огнем врага он штурмует его позиции. «Порыв не терпит перерыва» – говорил Суворов. «В атаке – равнение только по передним», нельзя ни останавливаться, ни замедлять движения. Но солдата учат также окапываться, ползать, маскироваться, менять огневую позицию, иногда отходить.

Итак, с одной стороны, готовность к жертвам, беззаветная самоотверженность, с другой – осторожность, бдительность, предусмотрительность, тщательная подготовка. Противоречие этого решается конкретными условиями в рамках выполнения боевой задачи, в рамках дисциплины.

Солдат должен быть дисциплинирован, исполнительен. «Приказ командира – закон». Действия солдата строго регламентированы уставом, приказом, распоряжениями начальника; без приказа командира он не имеет права покидать своей позиции и т. д.; инициатива в этом отношении сурово карается. Но обстановка на войне меняется иногда очень быстро и радикально, связь с командиром бывает затруднена или вовсе нарушена (командир убит) – тогда боец имеет право проявить инициативу, даже принять на себя командование товарищами и действовать самостоятельно. С одной стороны, беспрекословное повиновение, с другой – инициатива. Это противоречие также разрешается в рамках выполнения боевой задачи. В практике войны это называется: «действовать согласно остановке».

Воин по-разному сталкивается с опасностью. То она возникает внезапно, буквально сваливается на голову: неожиданное нападение, засада, выстрелы из-за угла, артиллерийский налет, бомбежка с воздуха. То она увеличивается постепенно, по мере приближения к ее источнику. Так, например, всякий, кто бывал на войне, знает, как нарастает опасность при подходе из тыловых позиций к переднему краю обороны («к передо-

вой») и как наоборот, опасность эта уменьшается при удалении от переднего края. Солдаты, сменяющиеся на отдых и отходящие вглубь расположения своих частей всего на несколько километров, считают себя почти в полной безопасности.

Опасность может быть строго локализованной, заранее известной, определенной (когда знают о расположении неприятеля и его силах, вооружении и ближайших намерениях, или когда знают о существовании минных и проволочных заграждений и о местах для прохода в них).

Но опасность может быть также рассеянной повсюду, незнакомой, неопределенной. Такой она представляется бойцу, который действует за расположением противника, в незнакомой быстро меняющейся обстановке, бойцу во время наступления, когда он движется по пространству, обильно усеянному минами, огневыми точками. Такой она представляется новичку, впервые попадающему на передовую позицию.

Опасность на войне, в отдельных случаях быстро достигает своего высшего напряжения и относительно быстро спадает. В рукопашной схватке бывают моменты такой остроты и напряженности, когда по выражению Героя Советского Союза Борзенко, – «человек, уже убитый, бывает пронзен еще несколькими пулями в упор, пока он падает на землю». Это скоротечная опасность. Часто она проявляется подобно вспышке молнии и бывает одновременно и скоротечной, и внезапной (несчастный случай, авария, взрыв и т. п.). Но более всего и чаще всего солдату на войне приходится иметь дело с опасностью длительной, от которой нельзя сразу отделаться, которую приходится поневоле терпеть, принимать как неприятное и неизбежное зло. Именно этот вид опасности и характеризует собою солдатские фронтовые будни, когда ожесточенные бои сменяются относительно затишьем. Шальная или, наоборот, снайперская пуля, бомба с самолета, артснаряд или мина, то здесь, то там выхватывают свою жертву, как бы напоминая людям о постоянно висящей над ними смертельной угрозе.

Война – нелегкое и опасное дело. На войне убивают и погибают, наносят удары противнику и подвергаются ударам со стороны противника. Ближайшая, непосредственная цель войны – победа над врагом, разгром противника, лишение его средств и возможности оказывать сопротивление.

Но враг также стремится к победе и делает все возможное для ее достижения. В исходе этого ожесточенного столкновения двух противоположно направленных сил, существенную роль играет не только количество живой силы и техники, но и моральный дух воюющих армий, их

воля к борьбе, их моральная выносливость, их готовность драться, их устойчивость под ударами: эта моральная боеспособность войск и есть храбрость в широком смысле этого слова.

Другими словами, военная храбрость есть способность и готовность сражаться, наносить и отражать удары, истреблять врагов, а в случае необходимости «стоять на смерть»; жертвовать собой.

Попутно отметим отношение понятия «храбрость» и понятия «смелость» и «мужество».

Слово «храбрость» по смыслу уже, чем слово «мужество». Храбрость – это частный вид мужества, а именно, мужество человека, идущего навстречу личной физической опасности, мужество воина, с достоинством и честью дерущегося с оружием в руках.

С другой стороны, слово «храбрость» уже по смыслу, чем слово «смелость». Оно выражает отношение только к одному виду риска, а именно к физическому риску, и физической опасности. Поэтому можно сказать «храбрый воин», но нельзя сказать «храбрый оратор», если только не употреблять этого выражения в ироническом смысле; можно сказать «он проявил храбрость в бою», но нельзя сказать «ему принадлежит эта храбрая идея. Храбрость – это частный вид смелости, а именно, смелость перед лицом физического риска, в обстановке физической опасности.

Но на войне возможен не один только физический риск, нужна не только одна физическая смелость и личная храбрость.

Армия состоит из отдельных людей – солдат, сержантов, офицеров и генералов. Роль, место в бою, ответственность (моральный риск) всех этих категорий людей не являются одинаковыми. Солдат в бою несет ответственность, прежде всего за себя, рискует собой, своей кровью и жизнью. Младший командир рискует не только собой, но и жизнью группы солдат, которые непосредственно ему подчинены, он отвечает перед начальством за их поведение. Командир части рискует жизнями сотен людей, большими материальными средствами, успехом выполнения большой практической задачи. Командующий армией меньше всех подвергается личному физическому риску, но он несет огромный груз ответственности перед государством за судьбу сотен тысяч людей, за судьбу огромных ценностей, доверенных ему народом, за успех или неудачу дела исключительной важности, быть может за исход великой битвы, решающей судьбу войны.

Следовательно, характер смелости рядового бойца и военачальника будет заметно отличным. Военные специалисты давно заметили, что люди, проявляющие незаурядную личную храбрость на низших ступенях служебной лестницы, нередко теряли смелость своих действий, как только им

приходилось командовать крупными соединениями: у них не было недостатка в личной храбрости, они охотно рисковали собой, но им не хватало смелости другого порядка, а именно, чтобы принять на себя ответственность за крупное решение, затрагивающее судьбу многих .

После некоторого знакомства с конкретными условиями войны можно проследить основные требования морально-психологического порядка, которые предъявляет человеку общение с трудностями, опасностями, риском. Для того чтобы успешно действовать в указанной обстановке, человек должен обнаружить прежде всего:

1. Способность и готовность рисковать, то есть браться за трудные и опасные дела; сознательно и намеренно идти навстречу опасности и трудностям; ввязываться в борьбу с ними.

2. Способность и готовность преодолевать трудности и опасности, т. е. активно бороться с причинами их вызывающими, и активно устранять эти причины.

3. Способность и готовность переносить трудности и опасности там, где нет прямой возможности ни отвести их от себя, ни активно преодолеть.

Каждое из этих качеств (или состояний) может быть выражено в большей или меньшей степени. Высокая и низкая степень проявления каждого из них в отдельности или в их совокупности и составляет то, что называется мужеством и малодушием, смелостью и робостью.

Ближе всего понятие «смелость» стоит к способности и готовности рисковать, относительно дальше к способности и готовности переносить опасности. О мужестве можно сказать обратное. Способность и готовность преодолевать опасность в одинаковой мере может быть отнесена и к области «мужества», и к области «смелости», если брать оба эти понятия в их расширенном толковании.

Способность рисковать особенно необходима в любом новом деле, в новой, незнакомой, неизведанной обстановке, когда время и другие обстоятельства не ждут, а требует определенных быстрых решений и активных действий. На войне эта способность особенно применима в разведке, в борьбе пехотинца один на один с танком, в любой атаке, при выполнении любых особо опасных и ответственных предприятий. Эта способность характеризуется, главным образом, решительностью (то есть тенденцией быстро и радикально справляться с сомнениями и колебаниями, выбирать пути и способ действия, энергично приступать к реализации задуманного (а также), но в меньшей степени и не всегда, (находчивость) то есть быстротой и верностью соображения в затруднительных случаях) и инициативностью (то есть умением действовать са-

мостоятельно, а не только по указке). Тот, кто охотно, с готовностью, по своему почину или по предложению со стороны берется за выполнение рискованного дела, кто «отваживается» на него, тот заслуженно называется отважным. Отвага – это один из характерных видов смелости, это – смелость в узком смысле этого слова. Самая основная капитальная черта этого свойства или состояния – решительность. Без решительности нет и не может быть отваги.

Но одной способности рисковать мало. С отвагой все можно начать, но не всего добиться. Чтобы достигнуть цели необходимо бывает проявить и другие дополнительные, но не менее важные качества – способности преодолевать или, во всяком случае, переносить опасности. Когда употребляют эти выражения, то имеют в виду не какие-то волшебные свойства, делающие человека всемогущим и неуязвимым. Человек смертен. Силы человеческие ограничены, но использование их может быть полное и частичное, рациональное и хаотическое. Именно, о характере использования наличных сил человека и реальных возможностей внешней обстановки и идет здесь речь.

Способность переносить опасность особенно необходима на войне при различного рода действиях на виду у неприятеля и под его огнем (оборонительные работы, переправы через водные рубежи; при бомбежке расположения части; при артобстреле). Бомбежка и артобстрел могут быть такой силы, что ничего другого не остается, как прижаться к земле и выжидать. Способность переносить опасность характеризует моральной стойкостью, своего рода моральной выносливостью, терпеливостью в опасности, выдержкой, самообладанием, хладнокровием, присутствием духа, способностью долго сохранять и быстро восстанавливать боевой дух.

Близко к этому стоит способность переносить последствия опасности, когда то, чего раньше опасались – всякого рода неудачи, лишения, страдания и т. п., – все это осуществилось, стало неприятным фактом. Исход боя (равно как и всякого предприятия, связанного с риском) может быть отрицательным: приходится отступать, нести потери, терпеть частичное поражение. Крайне важно в это время не поддаваться деморализации, унынию и сохранять в своих рядах порядок, заряд бодрости и энергии для того, чтобы перегруппировавшись, снова пойти в бой и добиваться победы.

Тот, кто хорошо переносит опасности (и последствия всякого рода неудач, страдания и лишения) называется обычно мужественным. А качество, которое он обнаруживает при этом – мужеством, ибо мужеству прежде всего свойственна стойкость – моральная выносливость в беде.

Замечено, что люди, которые охотно рискуют, то есть рискуют не по принуждению, даже не всегда по необходимости, – эти люди далеко не всегда хорошо переносят опасности. Некоторые из отважных людей быстро устают морально, теряют свой пыл, охоту, инициативу, когда опасность принимает длительный, затяжной характер или когда они терпят неудачу. Короче, часто им недостает выдержки, терпения, моральной стойкости.

Наблюдается также и то, что люди мужественные, стойкие в беде бывают лишены самостоятельности, инициативности, решительности, расторопности в своих действиях. Они «терпят» опасность, хорошо ее переносят, даже жертвует собой, но им не достает активности, духа наступательности – стремления не только отразить удар, но и самому нанести его с предельной силой и быстротой.

Люди, которые в какой-то мере сочетают в себе наиболее характерные особенности отваги и мужества, (то есть в первую очередь, решительность и стойкость) больше всего заслуживают наименования храбрых. Если вдуматься в значение слова «храбрый», то можно уловить в нем и некоторый специфически-характерный оттенок смысла.

Н. А. Каиров в своей статье «Мужество и его воспитание» (Сов. педка № 8 и 9, 1942) приводит очень удачное толкование этого слова. Он считает, что оно произошло из соединения двух других слов, а именно: «хорошо» «бороться». Храбрый тот, кто хорошо борется¹.

---

¹ Вполне возможно, что Н. А. Каиров заимствовал свое толкование понятия «храбрость» из книги Ф. Парчевского «Храбрость и мужество. Психологический этюд», изданной в Гельсингфорсе в 1916 г.. Здесь, на 4-й странице можно прочесть следующее (*Примечание мое – Э. У.*) «Нужно, впрочем, несколько пояснить слово храбрость. К сожалению, полного разбора этого слова нигде нет. Даль в своем словаре дает толкование, состоящее из одного перечня слов: храбор (как было раньше), храборство, храборствовати и просто – борствовати (бороться). Но перевода на современный русский язык нет; а в пояснение – ряд синонимов: мужественный, смелый, отважный, неустрашимый среди боя, доблестный в воинстве. Однако, мне кажется, можно это слово до конца расшифровать, и вот как: мы имеем чредование (альтернацию) – хра – хоро – напр., храм – хоромы; вполне возможна такая же альтернация и здесь: храбрый – хоробрый. Тогда первая половина слова становится более ясной – тот же смысл, что в образованиях: хорошо, хорохориться. Не настаивая на абсолютной точности такого филологического изыскания, я все же нахожу, что мое объяснение очень близко подходит по смыслу к идее разбираемого понятия. *Храбрость хорошо бороться, т. е. хорошо защищать себя*».

Но, что значит «хорошо бороться» Это, если иметь в виду не техническую сторону дела, а морально-психологическую, означает прежде всего – бороться настойчиво, упорно. Упорство в действиях, направленных на исполнение приказа, воинского долга, связанного с риском для жизни, – вот сердцевина, основной признак воинской храбрости.

Храбрость в тесном смысле этого слова, есть упорство, настойчивость в преодолении препятствий, связанных с физическим риском.

Упорство в наступательном бою, в атаке выражается в непреклонном стремлении пробиться (через заградительный огонь, проволоку, ямы, минные заграждения и т. д.) к неприятелю с тем, чтобы уничтожить его в рукопашной схватке. Упорство в обороне, перед лицом наступающего врага выражается в стремлении отстоять свой рубеж, расстрелять врага на подступах к своей позиции, измотать его силы, чтобы контратакой опять-таки смять, раздавить, уничтожить врага.

Таковы основные черты отваги, храбрости, мужества. Мы убедились в близости и родстве этих качеств, хотя все эти три боевых качества могут проявиться и пригодиться в любой момент боя и при наступлении, и при обороне, можно сказать, что мужество больше всего соответствует духу обороны, а отвага – духу наступления. Если рассматривать бой, как единый процесс, то отвага больше всего соответствует завязке его, храбрость – разгару, мужество – концу. Отвага помогает начать дело, храбрость – бороться, мужество – продержаться под ударами и при неудачах.

Наряду с отмеченными здесь тремя основными положительными качествами (или состояниями) могут наблюдаться и отрицательные.

Кроме решительности, направленной в сторону риска, наблюдается также стремление действовать в обратном направлении. Иногда оно проявляется сознательно, обдуманно, чаще же всего – бессознательно, импульсивно. Свое наибольшее выражение это отрицательное стремление получает в картине панического бегства.

Паника – явление, в известном смысле, противоположное отваге. Паникер – тот, кто сразу отказывается от борьбы, кто стремительно капитулирует или бежит, там и тогда, где он мог бы и обязан вести борьбу или, во всяком случае, оставаться на своем месте. Если отвага характеризуется беззаветным стремлением рисковать, то паника – не менее беззаветным стремлением спастись.

Кроме упорства в бою (вообще в преодолении всякого рода опасности), наблюдается также упорство в избегании опасности, даже там и тогда, где борьба является необходимым делом, людей, которые под любым (обычно вполне благовидным) предлогом уклоняются от риска, да-

же необходимого, связанного с выполнением служебного, морального долга, которые прячутся за чужие спины и склонны отыгрываться за чужой счет, таких людей называют трусами, а их поведение – трусостью.

Трусость – явление и качество соотносительно противоположные храбрости. Это – храбрость наизнанку: храбрый идет навстречу опасности и упорно дерется, трусливый упорно прячется, избегая риска, борьбы.

Людей, которые, как правило, плохо, с трудом переносят опасности и отличаются моральной неустойчивостью, безынициативностью, нерешительностью принято называть малодушными, а поведение их (равно, как и черту характера) малодушием.

То, что малодушие характеризуется нерешительностью перед лицом возможной и в обстановке непосредственной опасности, дает право рассматривать это качество как противоположное отваге. То, что малодушному недостает упорства в преодолении опасности, дает основание считать малодушие качеством противоположным храбрости. Но будет правильным рассматривать его как противоположность мужеству, поскольку оба они выражают отношение не только к опасности, риску, но и к трудностям вообще.

Поставляя эти три понятия с тремя ранее разобранными (отвага, храбрость, мужество), мы получаем три пары противоположных понятий, охватывающих приблизительно основные типы реакции человека на возможную и действительную опасность.

И. С. Конев о командире полка и других военачальниках¹

Свои соображения о наших командных кадрах на войне я хотел бы начать с командира полка.

Я не показывал в этой книге действий полков, но и при подготовке, и в ходе операций всегда отдавал себе отчет в том, что командир полка – основная фигура в армии и в мирное, и в военное время, основной организатор боя. Нет таких всеобъемлющих начальников, как командир полка. Он командир-единоначальник, в его руках собрано буквально все, что относится непосредственно к бою и военному быту, к обучению и воспитанию людей, к поддержанию дисциплины. Если командир полка не на высоте, то сколько бы ты ни давал туда, вниз, мощных средств борьбы, боевой техники, все равно проку не будет – по-настоящему они не используются.

---

¹ *Конев И. С.* Сорок пятый. 2-е, изд. испр. и доп. М., 1970. С. 274–281.

Взять, к примеру, полковые артиллерийские группы поддержки. Чем дальше шла война, тем мы все чаще имели возможность делать их крупными и мощными. Но они действительно становились такими, если попадали в руки толкового командира полка. Когда же такой командир не понимал характера и роли артиллерии в войне, то и не мог эффективно использовать артиллерийскую мощь.

То же самое и с танками. Мы давали танки поддержки в полки и батальоны. Бесспорно, их место в боевых порядках батальонов. Но и тут роль командира полка была велика. Если в бою он правильно использовал танки, то они воевали хорошо, вводились в бой не вслепую, а с учетом местности и характера обороны противника. Имея в своих руках артиллерию поддержки, командир полка прокладывал танкам путь, давил немецкую противотанковую систему, организовывал взаимодействие пехоты и танков с артиллерией, заботился об эвакуации поврежденных машин с поля боя.

Словом, командир полка был на войне тем мастером, без которого не обойтись в любом деле, в любом цехе, тем более в цехе войны. Без мастера – знатока всех элементов данного производства – дело так же не пойдет, как на войне без командира полка – знатока всех элементов организации общевойскового боя. Командиров таких надо беречь и следить за их судьбой. В меру сил мы старались это делать. Именно из командиров полков в ходе войны вырастали командиры дивизий, корпусов и другие крупные военачальники.

Роль командира полка я хорошо понял в мирное время, когда сам пять лет командовал полком. Командовал по-настоящему, не стремясь поскорее уйти ни вверх, ни в сторону, наоборот, стараясь именно там, в полку, постигнуть все премудрости войсковой службы и жизни. С чувством удовлетворения вспоминаю, как много дала мне эта работа.

Потом я прошел через все должности, начиная с командира дивизии, на которой тоже пробыл шесть лет. И каждая должность меня чему-то учила. Учила меня и Академия имени Фрунзе. Но все-таки самой главной для меня академией был полк. Полк сделал меня человеком поля. Именно в полку я страстно полюбил поле, учения, проводимые с максимальным приближением к боевой обстановке. Я относился к учениям со страстью и считал тогда так же, как считаю сейчас, что без вдохновения нет учений. И это пригодилось мне на войне.

Не знаю, сумел ли я передать это, но мне хотелось показать, что руководство боевыми действиями – это прежде всего вдохновение, и именно оно, кроме всего прочего, требуется командиру перед принятием самых сложных решений.

А что касается слов Суворова «Тяжело в учении – легко в бою», то для меня они всегда были основой жизни и деятельности. Особенно запомнились мне те счастливые минуты, когда на учениях в Московском военном округе я со своим полком, смешав во встречном бою все карты «противника», вышел прямо на командный пункт командира «Синей дивизии» и Борис Михайлович Шапошников, командовавший тогда Московским округом, похвалил меня за удачный бой. Казалось бы, столько огромных событий произошло после того, позади осталась такая война, а я все еще по сей день с волнением вспоминаю похвалу Б. М. Шапошникова, высказанную мне, командиру полка, почти сорок лет назад.

Не могу не привести одно принципиально важное соображение маршала Шапошникова относительно роли командира полка. Он считал, что уважающий себя и своих подчиненных начальник, заботясь об авторитете командира полка, никогда не станет проверять полк в отсутствие его командира. Этого он сам неукоснительно придерживался и постоянно внушал другим.

Однажды Б. М. Шапошников прибыл в мой полк. Я находился на стрельбище. Борис Михайлович явился на наш правый фланг. Когда дежурный отрапортовал ему о состоянии полка и о том, где командир, Шапошников остался ждать меня и ждал, пока я не прибыл по его вызову. Он не считал возможным смотреть полк без его командира.

Мне долгое время пришлось командовать полком и дивизией, находясь под начальством Иеронима Петровича Уборевича. Из всех своих учителей я с наибольшей благодарностью вспоминаю именно его. Он сыграл в моем росте, как и в росте других моих сослуживцев, большую роль.

Уборевич был не только выдающимся военачальником Гражданской войны. Находясь в последующие годы на посту командующего округом, он пристально, умело, я бы сказал, умно занимался боевой и оперативной подготовкой и воспитанием кадров. Иероним Петрович умел смотреть далеко вперед. В наибольшей степени именно у него многие командиры учились и перенимали богатый современный опыт, которым обладал этот незаурядный военачальник. Особенно сведущим он был в вопросах организации и обучения войск, командования и штабов, оперативно-тактической подготовки.

Несколько слов мне хочется сказать и о роли командира дивизии. Так же, как и командир полка, он – основная организующая фигура общевойскового боя. Командир дивизии не отвечает своему назначению, если не способен в бою правильно использовать все рода войск, входящие в состав соединения и приданные ему. Важно, чтобы он умел пра-

вильно понимать и оценивать общую оперативную обстановку, в которой происходят действия его частей. Командир дивизии располагает в своем штабе группой специалистов, и если не опирается на них, не использует их знания, то и сам не сможет быть на высоте предъявляемых к нему требований. Не отвечает он своему назначению и в том случае, когда не опирается как единоначальник на своего заместителя, начальника политотдела дивизии и не умеет правильно использовать в бою такую огромную силу, как политработники.

И уж, конечно, на войне обязанности командира дивизии вовсе не сводились к тому, чтобы, как это делали некоторые, уйти на так называемые «глаза» – на передовой наблюдательный пункт – и забыть об управлении дивизией, возложив все заботы целиком на штаб. Эта грубая ошибка порой дорого обходилась нам. Командир дивизии должен быть на наблюдательном пункте лишь в те моменты, когда решаются главные или, во всяком случае, важные задачи. Например, в период начала боя, во время прорыва или при каких-то существенных изменениях в обстановке.

Надо признать, что некоторые командиры дивизий даже в конце войны не полностью это понимали. Бывало, заедешь в дивизию: «Где командир дивизии? Пусть лично доложит обстановку». Отвечают: «Командир дивизии ушел «на глаза». А «глаза» у него в этот момент ничего не видят: уже темно. Под вечер и ночью место командира дивизии, разумеется, не «на глазах», а в штабе, где он должен готовить дивизию к следующему дню. Как правило, на войне дивизия управлялась боевыми приказами на одни сутки, и, ставя с вечера задачу, организуя будущий бой, командир дивизии никому не вправе передоверять эту работу. Он вместе со штабом – штаб под его руководством, а не наоборот – должен готовить будущий бой.

Я всегда считал слабостью, недостатком командира дивизии, если он устранился от организации разведки, целиком полагаясь при этом на начальника разведки дивизии и штаб. Горький опыт войны учил на многих примерах, что если командир дивизии не вникает по-настоящему в дела разведки, не ставит ей ясные задачи, то потом сам оказывается в трудном положении – не в состоянии оценить, что, собственно, происходит перед его участком. И когда требуешь доклада от такого командира дивизии, то слышишь в ответ стереотипную фразу: «Разрешите доложить, товарищ командующий? Противник оказывает сильное сопротивление». На такой ответ большого ума не требуется. Мало доложить об этом факте, надо еще разобраться в нем, проанализировать и использовать все свои средства для борьбы с тем, что тебе противостоит, что тебя держит. Уровень докладов о противнике, анализ его сил и возможного

противодействия для меня всегда был одним из самых важных критериев в оценке того или иного командира дивизии и определении степени его соответствия своей должности.

Вспоминаю такой случай в 5-й гвардейской армии. Одна ее дивизия никак не могла продвинуться на главном направлении. Командир дивизии находился где-то на НП и несколько раз подряд доносил оттуда, что дивизия не может поднять головы из-за немецкого огня. Мне надоели эти однообразные доклады. И, находясь в расположении армии, как раз неподалеку, я сам заехал на эти «глаза».

Донесения командира дивизии оказались одновременно и правдой, и неправдой. Он действительно с утра сидел на НП, на чердаке крайнего дома поселка, и по нему лупили немецкие самоходки. Находясь там, он не мог поднять головы. Но если бы он, не поддаваясь личным впечатлениям, разобрался и оценил обстановку в целом, то понял, что его дивизия уже давно могла бы опрокинуть слабые силы немцев, которые ей противостояли. Это и было сделано через два часа, после того как я выгасил командира дивизии в поле, на высоту, и заставил посмотреть на обстановку по-настоящему, своими глазами, заставил организовать бой в масштабах всей дивизии.

Я привел этот случай еще и потому, что вопрос о личной храбрости командира на войне не столь прост, как его иногда пытаются представить. Что произошло в данном случае? Командиру дивизии как будто и нельзя было отказать в личной храбрости, а дивизия по его вине действовала в этот день робко, нерешительно. Сам он, находясь весь день под отчаянным огнем, считал, очевидно, что ведет себя геройски. А на самом деле, распространяя свое личное ощущение боя, сложившееся на том участке, где он находился, на весь фронт дивизии и соответственно докладывая в вышние инстанции, он робко управлял своей дивизией, обманывал нас, не зная истинного положения дел. Спрашивается, кому нужна такая храбрость?

В другой период войны мне пришлось иметь дело с одним из командующих армией, у которого тоже была страсть садиться как можно ближе к переднему краю, в крайнюю хату деревни. Он всегда находился под огнем противника. Да еще и штаб с собой брал. Располагал его по соседству, тоже в крайних хатах, и нес потерю за потерей, не говоря уже о том, что всем этим нарушалось нормальное управление войсками и исключалась возможность трезвых, правильных оценок общей обстановки.

Добавлю, что вопрос о храбрости человека – вещь тонкая, требующая внимания. В данном случае командарм, о котором я упоминал, был человеком исключительной храбрости. Он выбрасывал свои командные и

наблюдательные пункты бог знает куда, и мне пришлось с ним довольно долго бороться. Но смелость была сильной стороной этого человека, и я не считал для себя возможным посмеяться над ним или резко одернуть его. Это бы его подкосило, обескрылило. Обладая на войне немалой властью, командующему фронтом очень легко подорвать авторитет подчиненного, а потом поди восстанови его!

Подлинная храбрость очень ценна на войне. Ценна и в высших начальниках, если, конечно, она не единственное их достоинство.

Однако, когда мы говорим о тех качествах, которые требовались от военачальников на войне, то как бы храбрость ни была важна, не она в первую очередь определяла боевые качества людей, руководивших войсками. Смелость, храбрость, личное мужество были характерны для наших командных кадров, в том числе и высших, с самого начала войны. Главные боевые качества военачальника – это умение управлять войсками, постоянная готовность принять на себя ответственность и за то, что ты уже сделал, и за то, что собираешься сделать. Решимость нести ответственность за все действия войск, за все последствия отданных тобою приказов – чем бы это ни грозило и чем бы ни кончилось – вот первый и главный признак волевого начала в командире. Командующим армиями, фронтами в ходе войны приходилось брать на себя ответственность такого рода, причем в начале войны брать в самых тяжелых условиях. И это было одним из самых важных факторов их роста как военачальников.

Война постепенно отодвигала от командных постов тех, кто односторонне, механически понимал ответственность за порученное дело, порой примитивно выполнял приказы и потому терпел неудачи.

Постепенно в ходе войны изживали себя начальники, считавшие, что, чем больше пошлешь в бой пехоты, тем больше она сможет взять. Война обнаружила их несостоятельность. Они не понимали, что в бою решает огонь, что надо прежде всего продвигать вперед огонь, а уже за ним пехоту. Конечно, число – важная вещь, но за числом всегда, как говорит старая истина, должно стоять и умение, искусство вождения войск, танков, пехоты, артиллерии. И этому мы тоже учились в ходе войны. Учились на тяжелых ошибках, просчетах, неудачах. Учились на первых дорогих давшихся успехах. Учились на первых победах, которые поначалу не всегда умели реализовать до конца.

Я пытался обрисовать боевые качества и нравственный облик ряда военачальников, которые оказались на высших командных должностях к исходу войны. Если в какой-то мере обобщить те весьма крупные качественные перемены к лучшему, которые произошли в ходе войны у

наших военных кадров в уровне их военного искусства, то коротко это можно выразить так: война сама выявляет и отбирает кадры. Обстановка войны лучше всяких кадровых органов исправляет те ошибки, которые до нее были допущены и кадровыми органами, и высшим командованием в выдвижении на те или иные посты тех или иных людей.

И если перед войной при расстановке кадров в армии было допущено немало ошибок и эти ошибки сказались буквально в первые же месяцы войны, то постепенно война отодвинула в сторону эти кадры, не справившиеся со всей сложностью обстановки. И прежде всего таких людей, которые оказались неспособными совершить перелом в своей собственной психике и начать выполнять свои обязанности командующих фронтами и армиями так, как этого требовало ведение современной войны.

Достаточен в этом смысле хотя бы пример командующих фронтами. Фронтами командовали не те, кто был предназначен к этому в мирное время, и кто оказался на этих постах в первые дни войны. Все командующие фронтами выявились в ходе войны; и может быть, эта формулировка покажется не совсем удачной, но я скажу, что они были порождены войной. Большинство людей, завершавших войну в качестве командующих фронтами и армиями, пришли к этому не в результате стечения случайностей, а в результате своих действий, благодаря своим способностям, знаниям, воле, в результате проявления всего того, что наиболее отчетливо обнаруживается именно на войне.

Так сложилась группа высших командиров, которая несла на себе тяжесть войны. Зная многих из них близко по войне и сталкиваясь с ними в мирное время, анализируя их дела, я прихожу к выводу, что в основе тех качеств, которые сделали их способными к вождению войск на поле боя в условиях современной войны, лежали большие и всесторонние знания, опыт долгой службы в армии – последовательно, ступенька за ступенькой, без перепрыгивания через несколько ступенек. Эти люди знали войска, знали природу солдата. Они еще в мирное время упорно учили войска тому, что потребует на войне. Сами учились вместе с войсками и, добавлю, учились у войск. Все лучшее, передовое, что давал тогдашний опыт, они брали от войск и аккумулировали в себе. И среди людей, выдвинувшихся во время войны в военачальники, я, как правило, в котором почти нет исключений, вижу тех, кто с большой любовью, самозабвенно работал в войсках еще в мирное время, кто, не почивая на лаврах былых заслуг, постоянно готовил себя к войне, не жил старым, не смотрел назад, а смотрел вперед, в будущее.

П. Уотсон
Солдат как личность¹
Отбор и обучение

Систематические психологические исследования солдат в бою впервые начались в период Второй мировой войны. В своей книге «Американский солдат» С. Стауфер характеризует отношение солдат ко многим аспектам военной жизни, например, их отношение к своим подразделениям, обмундированию и оружию. Стауфер также рассматривал специфические расовые различия в установках и опасениях военнослужащих.

В своей книге «Солдаты против огня» С. Л. А. Маршалл описал результаты изучения поведения солдат на поле боя во время Второй мировой войны. Маршалл отметил, например, что в целом лишь около 15% солдат действительно стреляли по врагу в каждой компании в период войны. Даже в элитных подразделениях эта цифра увеличивалась, в соответствии с данными Маршалла, лишь от 25 до 30%.

С этим заявлением, кстати, Маршалл не связывал какой-либо моральной оценки: те, кто никогда не стрелял мимо, это были, конечно, не бездельники и не трусы, и Маршалл отметил, что «стреляющие мимо солдаты» подвергают себя часто такой же и даже большей опасности, как их стреляющие товарищи. Это привело Маршалла к выводу, что должны существовать психологические различия между типами «воина» и «не воина» («стрелка» и «не стрелка»; «бойца» и «не бойца»). Выяснилось, например, что численное отношение между «стрелками» и «не стрелками» совершенно не зависит от вида боя и его продолжительности, и остается всегда неизменным. Маршалл пришел к выводу, что типы «воин» с самого начала активны в каждом бою и выдерживают эту позицию до конца боя, и что в основном это всегда те самые люди, которые начинают стрелять и продолжают стрелять до конца боевых действий.

Только в очень редких случаях солдаты, которые вели себя сначала неактивно в течение боев, однако, становились активными в ходе борьбы. Британские исследования о Второй мировой войне занимались скорее психиатрическими, чем психологическими проблемами. Характерно, что R. A. C. Ahrenfeldt в своей официальной истории этих аспектов войны занимается, к примеру, более подробно персональными потерями из-

---

¹ *Watson P. War on the Mind. London, 1978. P. 50–70.*

за психических нервных срывов, чем отличительными признаками между эффективными и неэффективными солдатами.

Вследствие этого книга Маршалла оспаривалась и не принималась другими армейскими специалистами. Тем не менее нельзя было просто не учитывать сведения Маршалла, и после начала войны в Корее его снова просили, чтобы он провел здесь похожее исследование. На этот раз Маршалл установил, что процент «не стрелков» явно сократился. Выяснилось, что в Корее приблизительно половина солдат постоянно участвовала в борьбе (в стрельбе), в определенных крайних случаях – например, в оборонительном бою на ближнем расстоянии – почти все солдаты не только «просто стреляли», но и стреляли целенаправленно. Уже тогда установили, что можно было значительно увеличить «эффективность поражающей стрельбы» армейских объединений, чем можно об этом когда-либо мечтать. Нуждались в лучшем понимании психологических различий между типами воина и «не воина» среди солдат. Соответствующими изменениями в методах отбора и методах обучения можно было достичь более благоприятного отношения между бойцами и «не бойцами» в войсках. По этой причине с начала войны в Корее стараются проводить более основательные исследования признаков личности хорошего фронтовика.

В конце 40-х гг. XX в. в этой связи возвратившимся ветеранам американской армии задали несколько вопросов. Но обширные исследования проводились только в Корее, одно – «Personnel Research Branch» (PRB), отделением исследования персонала американской армии, непосредственно на фронте, второе исследование провело «Human Resources Research Office» (HumRRO), формально независимое, однако, финансируемое из средств американской армии исследовательским институтом, в близком к фронту тылу. Первое исследование встретилось с определенными трудностями, оно опиралось на результаты опроса только 57 фронтовиков. Большую достоверность имеет по этой причине, вероятно, исследование «HumRRO».

Команда «HumRRO» опросила солдат трех американских пехотных дивизий (все мужчины), которые до времени опроса приняли участие в одном или нескольких боевых действиях (штурм, боевое патрулирование, оборонительный бой против враждебных атак, бой под массивным враждебным артиллерийским или минометным огнем). Команда исследователей «HumRRO» хотела отделить хороших фронтовиков от плохих и делала заключение, опираясь на наблюдения и высказывания товарищей обсуждаемых солдат. Солдат считался хорошим фронтовиком, если:

а) два или несколько солдат могли назвать конкретные примеры безупречного поведения в бою или

б) только один солдат мог назвать особое участие опрашиваемого, и ему была вручена «бронзовая звезда» или он был представлен для этой или для более высокой награды.

Солдат классифицировался как «не воин», если два или более его приятелей могли сообщить о его отказе в определенной ситуации, о котором говорил и сам солдат, что он недостаточно старался; или также только один из солдат сообщал о недостаточных усилиях упомянутого лица. Но все это, принималось во внимание только при условии, что информант был объективным и компетентным наблюдателем и что не было других очевидцев отказа.

Как примеры отличного поведения на фронте ценили обдуманное действие во время враждебного огня и индивидуальные показатели, которые требовали особенного мужества или смелости. Выделили тип «хладнокровного солдата». Критериями такого решения служили конкретные показатели боевой эффективности (по сообщениям других солдат). Например, следующее сообщение считалось примером хорошего поведения в бою: «Ночью 6 июля 1953 китайцы атаковали 1 роту 17-го пехотного полка и захватили часть ее позиции. Рядовой первого класса (обер-ефрейтор) зашел вместе с другим солдатом в тыл противнику и блокировал его колючим проволочным ограждением. Следующим утром он вместе с двумя другими солдатами при помощи ракетной пусковой установки уничтожил 3 занятых врагами бункера».

Обобщив исследовательские материалы подобного типа, сотрудники «HumRRO» определили «хорошее боевое поведение» следующим образом:

Хороший воин подвергает себя огневому воздействию противника чаще чем другие. Он делает это, (1) чтобы дать пример другим; (3) потому что смелости требует полученное солдатом тактическое задание; (3) солдат действует в качестве командира или старшего группы; (4) проявляет инициативу, например обеспечивая, поддерживая боевые действия своего подразделения или отдельных солдат.

Опрошенные группой «HumRRO» солдаты описывали также ряд происшествий, которые они определяли как случаи уклонения от выполнения боевой задачи. Эти «показатели неудачника» включали видение и слышание не существующих вещей и шумов, явное бегство в случае вражеского нападения. Вот пример наблюдения, которое дает основание, чтобы характеризовать кого-то «не бойцом»: «Солдат Б. вел себя очень

нервно. Едва поднималась сигнальная ракета, он вскакивал и начинал стрелять в воздух. Во время патруля у него был ручной пулемет, но командир с трудом мог удерживать его на боевой позиции. Он был возбужден и стрелял в воображаемые цели».

Изучение подобных эпизодов позволило дать следующее определение неудовлетворительного боевого поведения.

Солдат признается «не воином», если он, находясь под вражеским огнем в тех же условиях, что и другие солдаты его части, умышленно прячется от огня, психологически дистанцируется (замирает, реагируют безрассудно, повинуются командам только при угрозе применения оружия), притворяется больным, проявляет гиперактивность, галлюцинирует, вследствие истерических реакций полностью выходит из строя – дрожит, плачет и т. д.).

310 американских солдат подверглись не менее, чем 86 различным психологическим тестам и считались после окончания этих исследований, пожалуй, самыми протестированным людьми в истории. Оценочные результаты оставались неожиданно постоянными.

Как правило, констатируется, что «воины» занимали существенно более высокие военные должности, чем «не воины»; дольше служили в армии или были на фронте. Профессиональные солдаты показывали лучшие боевые качества, чем военнообязанные солдаты (см. табл. 1).

Таблица 1

Процентное участие добровольных и военнообязанных солдат по типам «бойца» и «не-бойца»

военная служба	боец	не боец
Профессиональные солдаты	30	23
военнообязанные солдаты	69	75
другие категории	1	2

Относительно оценки интеллекта получены весьма интересные результаты. Интеллектуальный коэффициент бойцов составлял в среднем 91, а «не бойцов» – 78. Для всех протестированных фронтовиков коэффициент умственного развития составил 85 пунктов, то есть, на 15 пунктов ниже общего среднего значения.

Также значительно различаются характерные для бойцов и «не бойцов» черты личности. Выделили 5 основных факторов. Самый важный из этих факторов («фактор командира») включил следующие качества лич-

ности: сбалансированность психических процессов, самостоятельность, экстраверсия, бесстрашие и независимость.

На втором месте оказался «фактор мужественности», который метафорически можно определить как «менталитет следопыта».

На третьем месте был фактор «интеллекта», о котором сказано ранее.

Интересен четвертый фактор – «чувство юмора». Хорошие фронтовики ценят остроумные беседы и едкий сарказм больше, чем низкопробные формы юмора или простое рассказывание шуток.

Пятый фактор, согласно тестам, является «эмоциональная стабильность»: хороший фронтовик более «крепкий», менее боязлив и менее подвержен депрессивным расстройствам, чем тип «не бойца».

Выявлены также иные систематические различия между «бойцами» и «не бойцами». Очень много «бойцов» происходили из самостоятельно трудящихся семей, в то время как значительная часть «не бойцов» были вынуждены досрочно оставить школы и зарабатывать. «Не бойцы» в течение своей военной службы получали поддержку большего числа людей, чем «бойцы». «Бойцы» описывали свою семейную жизнь чаще как «гармоничную», чем «не-бойцы». Примерно в 40% случаев отец «не-бойца» умер уже до восемнадцатого года жизни солдата. В семьях бойцов этот показатель в два раза ниже.

«HumRRO»-исследователи пишут:

«Если отсутствует отец, то отсутствует у испытываемого лица мужской образ или модель, с которой они идентифицировали бы себя и, таким образом, он не может интегрировать мужскую роль. Самые отчетливые различия между «бойцами» и «не бойцами» выявлены по фактору маскулинности. Результаты испытания «не бойцов», как правило, ниже по характеристикам маскулинности.

Важно также телосложение. Тип бойца скорее мезоморфный и реже эктоморфный по своему телосложению, чем тип «не бойца». «Бойцы» в среднем выше на 2–3 см и тяжелее почти на 4 кг, чем их менее воинственные приятели. Ясно, что для некоторых родов войск, например для морской пехоты телосложение играет большую роль.

Исследованием «HumRRO» также установлено, что «бойцы» чаще принимали участие в школьном спорте, чем «не бойцы»; «бойцы», как правило, предпочитали виды спорта с физическим контактом (например, футбол, хоккей на траве или бокс) таким видам спорта как теннис или легкоатлетические дисциплины. «Не бойцы» начинают встречаться с девочками в раннем и среднем возрасте (подростками) более часто, чем «бойцы»; «не бойцы» получают (по статистике) первый сексуаль-

ный опыт более чем на один год (в 14 лет и 3 месяца) раньше, чем «бойцы» (в 15 лет и 8 месяцев). Однако «не бойцы» сочетаются браком (в среднем) на год позже, чем «бойцы»; это, вероятно, потому что финансовые соображения препятствуют ранней женитьбе. «Не бойцы» придерживаются, по собственному мнению, более либеральных позиций, чем «бойцы».

В ряде других исследований предметом явилось влияние феномена последовательности рождения и наличия в семье братьев и сестер на боевые качества военнослужащих. Получили известность результаты исследования израильских психологов Йехуда Амира и Шломо Шарон. Эти ученые опубликовали в 1968 г. обзорное исследование приблизительно 5 000 мужчин, которые записались в период между 1961 и 1966 г. в израильские вооруженные силы как претенденты на звание офицера.

Амир и Шарон, опираясь на многочисленные исследования о значении (очередности) иерархии братьев и сестер для развития личности, сформулировали предположения следующего порядка. Родившиеся первыми имеют более выраженную предрасположенность к нерешительности, чем рожденные позже. Это объясняется тем, что первенцы растут в качестве единственного ребенка более или менее долго. Исследователи сделали вывод, что первенцы предпочли бы военную карьеру, которая дает меньше поводов для столкновения с врагом. Хотя эта теория не казалась сначала не очень обоснованной, Амир и Шарон действительно смогли установить, что в израильских вооруженных силах первенцы проявляли меньше инициативы в боевых действиях; например, патрули, составленные из первенцев, реже сталкивались с террористами, чем другие боевые группы.

За десять лет до этого П. Торренц получил похожие результаты, исследуя эффективность пилотов-истребителей в корейской войне: Первенцы реже атаковали своих противников в воздушном бою, чем рожденные позже, и сообщали о более сильных чувствах страха при полете.

Эта картина подтверждается также исследованиями Р. Хелмрайха, который в течение долгих лет изучал поведение водолазов в «Sealab» — психологической лаборатории американского военно-морского флота. Он установил, что первенцы чувствуют больший страх перед пребыванием под водой и выполняют боевые задания — закладку мин, установку сетей или устройств гидролокации более медленно и менее удовлетворительно, чем водолазы, не рожденные первыми.

Не все приведенные исследовательские данные говорят что-то новое, однако, интересно то, что они стабильны. По достоинству оценен

тот факт, что эти данные могут выявляться прежде, чем солдаты окажутся на фронте.

Начиная с середины пятидесятых годов (прошлого века) исследовательские усилия стали приносить практические плоды. Теперь можно было применять полученные данные при военно-профессиональном отборе. Столь же важным была возможность узнавать этих «скрытых героев» и переводить их теперь туда, где в них нуждались.

Например, выборочное исследование показало, что группе из 1 000 американских военнослужащих в Корее 184 человека имели все признаки типы «бойца», 753 были признаны вполне пригодными фронтовиками, и 81 человек оказался потенциально «не-бойцом». Отсюда следует, как важно знать, сколько потенциальных «бойцов» несут службу в тыловых частях и не могут реализовать свой боевой потенциал.

М. И. Дьяченко **Психологическая готовность¹**

От особенностей психического состояния зависят уровень и эффективность боевой деятельности. Проследим это на двух особо важных состояниях – уверенности в своих силах и готовности к активным действиям.

Уверенность в своих силах есть у того воина, который хорошо знает устройство и правила эксплуатации боевой техники, оружия, причины их отказов, поломок, пути устранения возникающих неисправностей, имеет достаточный опыт боевой работы, выполнения обязанностей в сложной обстановке. Уверенность порождается правильными действиями и положительными состояниями других воинов, особенно командира. Отрицательное влияние на уверенность воина оказывают незнание обстановки, пережитые ранее потрясения, нарушение режима отдыха, питания, плохие бытовые или погодные условия.

Состояние уверенности воина как нельзя лучше способствует мобилизации сил, предупреждает появление растерянности при неожиданной встрече с опасностью, способствует самоотверженному выполнению приказа. У некоторых воинов перед выполнением боевой задачи появляется и остается чувство неуверенности. В результате воин не мобилизует свои силы должным образом, всесторонне не готовится к предстоящим

---

¹ Дьяченко М. И. Психологический анализ боевой деятельности советских воинов. М., 1974. С. 38–40; 79–84.

действиям, не учитывает все то, что имеет значение для выполнения боевой задачи. Такое состояние снижает активность психических процессов, отрицательно сказывается на использовании воином своих знаний, умений и навыков и может привести к неправильным действиям даже в условиях, в которых можно было действовать вполне успешно.

Психологическая готовность – это внутренняя настроенность на самоотверженное поведение, мобилизованность всех сил на активные и целесообразные действия. Возникновение ее определяется пониманием задачи, осознанием ответственности, желанием добиться успеха, определением порядка и приемов работы и т. д. Психологическая готовность помогает воинам успешно приступить к практической реализации поставленной цели, эффективно проявлять свои знания, опыт, личные качества, сохранять самоконтроль и перестраивать свою деятельность при появлении непредвиденных препятствий. При этом происходит улучшение в функционировании психических процессов, скорости реакций и др.

Возникновение психологической готовности затрудняется пассивным отношением к задаче, беспечностью, безразличием, отсутствием плана действий и намерения полностью использовать свои силы. Недостаточность психологической готовности приводит к неадекватным реакциям, ошибкам, к несогласованности между требованиями ситуации и функционированием психических процессов, к понижению возможностей преодолевать трудности и успешно выполнять задачу.

Необходимо подчеркнуть, что психологическая готовность к активным действиям в бою обеспечивается как непосредственной (к выполнению конкретной задачи), так и заблаговременной морально-политической, боевой и психологической подготовкой к войне. Дело в том, что психическое состояние, испытываемое человеком в данное время и в данных конкретных обстоятельствах, определяется прежде всего его прошлым опытом, свойствами личности, всеми уже сформированными до этого качествами. И. М. Сеченов отмечал, что «всякое душевное движение, как бы просто оно ни было, представляет собой результат всего предшествующего и настоящего развития человека»¹.

Устойчивость готовности воинов к активным действиям в бою определяется коммунистической направленностью их личности, ясным осознанием ими справедливости войны, возвышенности цели своих дей-

---

¹ Сеченов И. М. Избранные философские и психологические произведения. М., 1947. С. 311.

ствий, преданностью Родине, ненавистью к врагу, чувством пролетарского интернационализма, уверенностью в победе дела коммунизма.

Опыт Великой Отечественной войны показал, что слабость характера, недостаток нравственных качеств, а тем более индивидуализм, эгоизм, пренебрежительное отношение к гражданскому и воинскому долгу являются причинами пассивности, страха и панического состояния того или иного солдата в опасной для его жизни обстановке. Вот почему формирование у воинов сознательного отношения к боевой деятельности, мировоззрения и идейной убежденности, марксистско-ленинских взглядов по вопросам войны и мира имеет решающее значение для настройки их на самоотверженное ведение боя, для правильной регуляции деятельности и возникновения положительных психических состояний в обстановке современной войны.

***

Поскольку мотивация, состояние и готовность каждого воина и всего воинского коллектива должны соответствовать требованиям задачи и обстановки, возможным их изменениям, необходимо проводить непосредственную подготовку, в том числе и психологическую, к выполнению каждой боевой задачи.

Формирование готовности к бою. Одним из желательных итогов подготовительной работы является психологическая готовность воинов к умелому и самоотверженному выполнению боевой задачи. Эта готовность, будучи целостным образованием, включает различные компоненты:

- познавательные – понимание задачи, оценка ее значимости, знание средств достижения цели, предвидение вероятных изменений обстановки;
- эмоциональные – чувство ответственности, уверенность в успехе, боевое возбуждение и воодушевление;
- мотивационные – потребность успешно выполнить поставленную задачу, интерес к ней, стремление добиться успеха и показать себя с лучшей стороны;
- волевые – управление собой, сосредоточение на задаче, отвлечение от мешающих воздействий, преодоление сомнения, боязни.

Содержание и структура психологической готовности зависят от задачи, конкретных функциональных обязанностей и специальности военнослужащего. Одно дело – готовность солдата, другое – командира. Имеются особенности готовности у локаторщика, мотострелка и т. д., поскольку у них разные задачи и условия предстоящей деятельности.

Наряду с этим содержание и структура готовности обуславливаются и свойствами личности воина, его мотивацией, характером, темпераментом, способностями, опытом, навыками, физическими и другими качествами.

Отсюда следует, что формированию психологической готовности могут препятствовать не только неблагоприятные внешние условия, ошибки руководства, но и эмоционально-волевая неустойчивость, слабость навыков, отрицательные черты темперамента и т. д. И наоборот, идейность, мастерство, опыт, боевой настрой коллектива, личный пример командира, политработника содействуют появлению и упрочению психологической готовности.

Среди множества объективных и субъективных причин, от которых зависит становление и уровень готовности, прежде всего следует выделить мотив выполнить данную боевую задачу, поскольку он побуждает воина проявлять активность, воспринимать, отбирать и запоминать нужную информацию.

Командиру и политработнику необходимо оценивать степень готовности коллектива подразделения и отдельных подчиненных, организовывать и проводить работу по непосредственной психологической подготовке к выполнению поставленной задачи, необходимо мобилизовать личные усилия подчиненных на самостоятельное проведение такой подготовки.

На формирование у воинов психологической готовности влияют настроение коллектива и поведение товарищей. Если в подразделении доминирует боевое настроение, уверенность и решимость любой ценой выполнить поставленную задачу, то это мобилизует каждого в отдельности, заставляет самоорганизоваться. Точно так же спокойное, деловое поведение товарищей, их уверенность в успехе, готовность помочь, прийти на выручку помогают преодолеть колебания, сомнения, боязнь у тех воинов, у которых эти состояния возникли.

Применяя приемы самовоспитания и самовнушения, о которых говорилось выше, воин может самостоятельно готовить себя к активным действиям. Каждый может заставить себя сосредоточиться на стоящей задаче, брать пример с храброго человека, отвлекаться от того, что расслабляет, вспомнить опыт мобилизации своих сил в острых ситуациях, обратиться к своему идеалу и т. д.

Ярким фактом, свидетельствующим о значении психологической подготовки к боевым действиям, является опыт партийно-политической работы в 3-й ударной армии перед решающим наступлением на Берлин. Личному составу сообщались данные о силах и замыслах врага, было организовано изучение его оружия. В частях проводилась партийно-по-

литическая работа по активизации чувства патриотизма, преданности Родине, бдительности, разъяснялись цели Советского государства, подчеркивалось, что хотя победа и близка, но сама она не придет, что фашистское командование стянуло к Берлину много войск и рассматривает битву за Берлин как решающую битву на Восточном фронте. Была организована боевая подготовка войск с использованием опыта прежних боев и с учетом особенностей предстоящего сражения (военные игры, показательные учения и т. д.). В подразделениях пропагандировались и проверялись знания, необходимые воинам в боевой обстановке. Между командирами взаимодействующих частей устанавливались личные контакты, проводилась работа с активом, коммунистами и комсомольцами и т. д. Все эти мероприятия оказали большое влияние на последующий ход боевых действий¹.

При руководстве личным составом важно обеспечивать непрерывность его активной деятельности перед выполнением задачи, ибо, когда воины активно действуют, готовят технику, тренируются, продумывают способы своих действий, у них повышается возможность владеть собой, преодолевать напряженность. Наоборот, пассивное ожидание в условиях опасности может ослабить психологическую готовность.

При подготовке к выполнению сложной задачи у некоторых воинов отмечается излишнее эмоциональное возбуждение, которое ослабляет их контроль за своей деятельностью, ведет к нерациональной трате сил. Чтобы предотвратить отрицательные последствия подобного состояния, таким воинам полезно разъяснить порядок их предстоящей работы, привести пример успешных боевых действий, указать на меры, принимаемые для достижения успеха. Кроме того, в таких случаях командиры дают подчиненным небольшие задания – подготовить или проверить готовность оружия, техники к бою, провести тренировки, настраивающие на предстоящую деятельность, и таким путем снимают излишнее возбуждение. Воину, который проявляет неорганизованность, пассивность, нужно напомнить о сложности обстановки и ответственности за выполнение приказа.

Активная работа по подготовке и выполнению боевой задачи не должна вести к переутомлению и перенапряжению личного состава. Как уже отмечалось, сильное физическое и особенно умственное утомление ухудшает восприятие, память, мышление, а это может вызвать ошибки в действиях воинов, в частности стать причиной неправильного использования ими техники. Поэтому забота об отдыхе и восстановлении

---

¹ См. *Едемский П. П.* На решающем направлении. М., 1961. С. 14–57.

физических и умственных сил воинов помогает им сохранить психологическую готовность, выработанные положительные личностные и ситуативные установки.

Современное оружие не только усилило опасность боя, но и увеличило число форм внезапности и неожиданности. Поэтому в целях предохранения подчиненных от внезапности и неожиданности следует ознакомить их с обстановкой и особенностями предстоящей деятельности. При этом не следует подчеркивать сложность препятствий, размер опасности, так как это может вызвать нежелательные мысли о необходимости самосохранения. Более того, если информация о предстоящем бое высказывается не в обычной манере, а эмоционально, то в условиях реальной обстановки у воинов могут возникнуть даже более сильные отрицательные реакции, нежели при отсутствии каких бы то ни было предварительных сведений.

Военная история знает много примеров, когда успех боя определяется возможно более полным ознакомлением войск с обстановкой их предстоящих действий. Перед штурмом русскими войсками турецкой крепости Измаил Суворов приказал воспроизвести подходы к крепости, ее основные части и тренировал войска в преодолении препятствий, аналогичных тем, которые могут встретиться непосредственно при ее взятии.

В период Великой Отечественной войны советские войска часто прибегали к аналогичному приему и подробно знакомились с местностью, расположением сил врага и укреплениями, находящимися на линии фронта и в ближайшем тылу у врага. Это помогало нашим войскам увереннее и смелее вести бой. Герой Советского Союза А. А. Свиридов пишет: «В тылу мы построили рубеж обороны, похожий на вражеский, и усиленно тренировали на нем штурмовые отряды»¹.

Психологическую основу эффективности ознакомления личного состава с обстановкой предстоящих боевых действий и свойствами современного оружия, боевой техники противника составляют представления и знания, полученные воинами в процессе боевой подготовки. Их надо оживить, проверить, нацелить на использование в процессе выполнения конкретной боевой задачи. Не менее важно создать у воинов новые представления и образы воображения, необходимые для предстоящей деятельности. Представления и прежние впечатления постоянно включаются в практические и умственные действия воина. Это приводит к тому,

---

¹ Свиридов А. А. Батальоны вступают в бой. М., 1967. С. 140.

что воин лучше ориентируется, оценивает предстоящую обстановку, безошибочно принимает решения в процессе деятельности. Например, чтобы уверенно вести танк на незнакомой местности, механику-водителю нужно хорошо изучить и представить маршрут движения. С этой целью проводятся рекогносцировки. На них командиры машин и механики-водители оценивают состояние грунта, глубину водных преград или снежного покрова, характерные препятствия на пути движения. Рекогносцировка, однако, не дает полных представлений обо всем маршруте. Остается неизвестным, что делается у «противника». Использование карты, активизация воссоздающего и творческого воображения позволяют механику-водителю лучше ориентироваться на незнакомой местности.

В боевой обстановке, с учетом бдительности и сохранения военной тайны, важно постоянно информировать личный состав о противнике, его силах, местности, поддерживающих и приданных средствах, о положении дел на фронте, особенно на участке части. Такая информация вносит ясность в обстановку, уменьшает неопределенность в предстоящей деятельности, что положительно сказывается на инициативе и решимости воинов самоотверженно вести боевые действия. Повышению психологической готовности способствует популяризация примеров героизма, взаимовыручки, поддержание дисциплины, бдительности, правильная расстановка боевого актива, а также решительная борьба с проявлениями трусости и малодушия.

В современной войне предъявляются особые требования к боевой слаженности подразделений, взаимозаменяемости, коллективным навыкам боевой работы. Поэтому перед выполнением задачи, наряду с разъяснением соответствующих разделов и статей уставов и наставлений, полезно провести групповые упражнения, отработать внутреннюю и внешнюю координацию групповых действий. Изображение возможных вариантов развертывания будущих боевых действий, а также умственное их проигрывание помогают выработать оптимальные программы согласованной коллективной деятельности личного состава подразделения, части.

Таким образом, формирование психологической готовности к выполнению конкретной задачи направляется на глубокое ее уяснение, активизацию сознательности и общественных мотивов поведения, морально-политических чувств, боевого мастерства, познавательных процессов, а также на обеспечение информацией относительно будущей деятельности как отдельных воинов, так и воинского коллектива.

Л. Ф. Железняк¹

Психологические особенности личности офицера-политработника

Под личностью офицера-политработника понимается конкретный человек, занимающийся общественно значимой деятельностью по организации и проведению политической работы с личным составом и обладающий системой необходимых для этого психологических свойств и качеств, профессиональной подготовленностью.

Ведущим, системообразующим психологическим свойством выступает направленность личности, которая у политработника носит военно-профессиональный характер и представляет собой его глубоко мотивированную устремленность к деятельности по организации и проведению политической работы.

Основу военно-профессиональной направленности составляют потребности и мировоззрение, под влиянием которого формируется профессиональная убежденность, то есть глубоко обоснованная уверенность в высокой общественной и личной значимости профессии военного политработника, своей пригодности к ней, найденном призвании. Такая убежденность является внутренней опорой преодоления трудностей служебной деятельности, достижения успехов в ней.

На основе профессиональной убежденности у офицера-политработника складывается и закрепляется интерес к своей профессии, то есть положительное сознательно-эмоциональное отношение к ней.

Устойчивый профессиональный интерес перерастает в склонность – стремление заниматься организацией и проведением политической работы. Кроме интереса, склонность предполагает также наличие способностей к служебной деятельности военного политработника, позволяющих добиваться успехов в ней.

В процессе деятельности по избранной специальности формируются профессиональные идеалы, в роли которых могут быть высокие нравственные качества или конкретный человек, носитель этих качеств.

Профессиональным убеждениям, интересам, склонностям и идеалам офицера-политработника соответствуют и его цели, установки и перспективы. Все структурные элементы военно-профессиональной направленности личности выступают в неразрывном единстве и функционируют как целостная динамическая система.

---

¹ Железняк Л. Ф. Психологические особенности личности офицера-политработника : учебное пособие / под ред. Ю. Г. Сулимова. М., 1988. С. 201–208.

Одним из психологических свойств личности офицера-политработника является характер. Преодоление объективных и субъективных трудностей при проведении политической работы обуславливает необходимость, чтобы офицер-политработник обладал идейным, убежденным, принципиальным, деятельным, общительным, коллективистским характером, проявлял активность, инициативу, организованность в работе, настойчивость и силу воли для достижения общественно значимых целей.

С характером тесно связан темперамент как психологическое свойство, выражающее динамику протекания психических процессов и проявления других свойств личности. Любому виду темперамента – меланхолическому, сангвиническому, холерическому, флегматическому – присущи определенные положительные и отрицательные особенности. Поэтому офицеру-политработнику необходимо знать эти особенности, развивать у себя положительные и устранять отрицательные черты.

Исключительно важное значение для служебной деятельности военного политработника имеют способности, определяющие его возможности по успешному овладению своей профессией, качественному выполнению функциональных обязанностей, эффективной организации политической работы. Ведущими среди них являются организаторские, военно-педагогические и агитационно-пропагандистские способности.

Организаторские способности офицера-политработника включают в себя:

а) специфическое организаторское мышление, позволяющее охватить всю совокупность целей и задач, стоящих перед воинской частью, выделить из них главные, от решения которых зависит общее состояние дел, быстро разобраться в сложившейся обстановке, принять наиболее целесообразное решение в области политической работы, предвидеть трудности в мобилизации личного состава и возможные способы их преодоления;

б) способность понимать людей, знать их психологию, уметь пользоваться этой информацией при принятии решений и выполнении организаторских действий;

в) способность воздействовать на психологию и поведение людей, что достигается высокой требовательностью, умением добиваться выполнения планов и поручений, даваемых подчиненным, авторитетностью, влиятельностью политработника.

Военно-педагогические способности предполагают способность передавать знания, глубоко изучать подчиненных, педагогическую наблюдательность, педагогический такт, педагогическое воображение.

Агитационно-пропагандистские способности политработника – это способность вооружать личный состав знанием теории марксизма-ленинизма, убедительно, доходчиво излагать материал, мобилизовать подчиненных на решение стоящих задач, высокая культура и эмоциональность речи и т. д.

Содержание личности офицера-политработника составляет совокупность присущих ему качеств, характеризующих его идейно-политический, нравственный и профессиональный облик. Необходимость этих качеств определяется прежде всего содержанием и особенностями деятельности военного политработника, выполняемыми им функциями.

Ведущей из них выступает функция политического руководителя. Офицеры-политработники являются активными проводниками политики в вооруженных силах. В любом акте деятельности, в любом проводимом ими мероприятии главным должно быть политическое содержание, политическая направленность.

Важное значение имеет и воспитательная функция офицера-политработника, который организует всю воспитательную работу в части и принимает в ней непосредственное участие. Поэтому политработник должен быть хорошим психологом и педагогом. «Политработник, – говорил М. И. Калинин, – это воспитатель, учитель, педагог, духовный отец красноармейцев и краснофлотцев»¹.

Обучающая функция офицера-политработника проявляется в том, что он обучает политический аппарат и актив, командиров практике организации и проведения политработы. Здесь он выступает в качестве учителя, проводит инструктажи, совещания, занятия.

Деятельность военного политработника немислима без осуществления им организаторской функции. Умение использовать наилучшим образом силы, знания и способности людей, слить их в один поток, направленный к поставленной цели, – вот то самое важное, что характеризует, по мнению М. И. Калинина, человека как организатора. Для этого он должен быть душой коллектива, уметь оказать доверие людям, поддержать их и развить их инициативу.

Офицер-политработник выполняет также функцию пропагандиста и агитатора. Он пропагандирует идеи марксизма-ленинизма, выступает перед личным составом с лекциями и докладами.

---

¹ Калинин М. И. О коммунистическом воспитании и воинском долге. М., 1977. С. 413.

Одной из функций военного политработника является административная. Он обладает определенными дисциплинарными правами и может в полном объеме ими пользоваться. Однако главным в деятельности офицера-политработника является не администрирование, а убеждение подчиненных, разъяснение.

Функция военного специалиста также присуща офицеру-политработнику. Он организует политическую работу по повышению качества овладения воинами оружием и боевой техникой, грамотной ее эксплуатации, поддержанию высокой боевой готовности личного состава. И поэтому ему приходится решать ряд проблем в качестве военного специалиста.

Из содержания деятельности офицера-политработника, которое отражено в его функциях, вытекают и требования, предъявляемые к его личностным качествам, обеспечивающим успешное решение задач политической работы.

Ведущую роль играют идейно-политические качества: политическая зрелость, убежденность, преданность ленинским идеям, готовность и способность до конца бороться за их осуществление. Важное значение имеют нравственные качества офицера-политработника: честность, правдивость, дисциплинированность, скромность, коллективизм, близость к людям и другие. Эти качества особенно важны для военного политработника потому, что главную роль в его деятельности играет метод убеждения. А успешно убеждать других может тот, кто сам служит примером добросовестного выполнения воинского долга, у кого слова не расходятся с делами.

Офицеру-политработнику необходимы также морально-боевые качества, позволяющие ему эффективно действовать в боевой обстановке, организовать и проводить политическую работу, направленную на обеспечение успешного выполнения личным составом полученной боевой задачи. К этим качествам относятся: целеустремленность, мужество, смелость, решительность, способность к преодолению трудностей, самообладание, бесстрашие и другие.

Успехи в служебной деятельности офицера-политработника немыслимы без высокоразвитых организаторских качеств, которые включают прежде всего умение найти основное звено в работе, организовать и мобилизовать воинов на выполнение задач. В комплексе организаторских качеств опорным является деловитость.

Деловитость как качество личности организатора неразрывно связана с коммуникативными качествами, отражающими его отношение к людям: простотой, чуткостью, восприимчивостью, общительностью, влиятельно-

стью, а также с исполнительскими: исполнительностью, настойчивостью, энергичностью, систематичностью в работе. Эти качества, обогащая конкретным содержанием деловитость политработника как организатора воспитания, обеспечивают эффективное, деловое решение задач подбора, расстановки актива, формирования коллективных органов, способствуют сплочению коллектива.

Среди организаторских качеств офицера-политработника важное место занимают чувство нового, творческий подход к делу, гибкость, оперативность, инициативность, умение видеть перспективу. Одно из требований к политработникам – умение сочетать решение перспективных задач с текущими.

Серьезные требования предъявляются и к компетентности офицера-политработника, его профессиональной подготовленности, позволяющей эффективно проводить политическую работу.

Фундаментом, основой компетентности военного политработника является глубокое знание и владение марксистско-ленинской теорией, понимание законов развития общества и армии, умение применять революционную теорию на практике. Только на основе глубокого знания и понимания задач в области обороны страны, умения анализировать международную обстановку, развитие военного дела, процессы, происходящие в воинских коллективах, можно успешно воспитывать идейно зрелых воинов, мужественных и умелых, готовых в любую минуту выступить на защиту Родины.

Компетентность офицера-политработника предполагает также знание теории и практики политической работы, организационной и идеологической работы, научных основ ее организации. В наше время, как никогда прежде, решение любой из проблем деятельности заместителя командира по политчасти в любой области политической работы требует не эмпирического, субъективного, а глубоко научного подхода, всестороннего учета объективных законов и закономерностей, процессов и тенденций общественного развития, знания и соблюдения основополагающих принципов организации идеологической работы, морально-политической и психологической подготовки войск и т. д.

К компетентности военного политработника относится и его психолого-педагогическая подготовленность, то есть глубокое знание и умелое применение на практике военной психологии и военной педагогики. Военно-психологические знания позволяют политработнику всесторонне

изучать объект своей деятельности – личный состав подразделения, части, индивидуально-психологические особенности воинов, а также социально-психологические явления, возникающие и функционирующие в воинских коллективах, кроме того, знание и учет психологических аспектов в деятельности по обучению и воспитанию личного состава, по укреплению воинской дисциплины, политико-морального состояния, повышению боевой готовности, а также психологических особенностей боевой деятельности в различных условиях боевой обстановки – неперемное условие эффективности политической работы. То же самое следует сказать и о закономерностях военно-педагогического процесса в части, принципах и методах обучения и воспитания личного состава, то есть о военно-педагогических знаниях.

Очень важной составляющей компетентности политработника является хорошее знание им военного дела, природы современного боя, новейших способов применения оружия и техники, умение политическим влиянием оказывать действенную помощь командирам в подготовке высококвалифицированных специалистов, в решении всех задач, выполняемых в ходе повседневной жизни и деятельности личного состава, а также на учениях, полетах, боевом дежурстве, в морских походах. Не будет авторитетным слово политработника, который произносит призывы, но сам не умеет метко стрелять, уверенно водить танк или БМП, в случае необходимости принять на себя обязанность командира.

Время настоятельно диктует политработникам задачу непрерывно повышать свою общую культуру, иметь ясные представления о достижениях в области науки, литературы, искусства, овладевать ораторским мастерством. А для этого необходимо много читать, быть в курсе дел во всех этих сферах. Ибо каждая беседа, лекция политработника должны быть примером высокой эрудиции, вызывать у людей интерес к личности воспитателя, побуждать их расширять диапазон своих интересов, знаний.

Таким образом, личность офицера-политработника является важнейшим фактором эффективности проводимой с личным составом политической работы. Важнейшим психологическим свойством его личности является военно-профессиональная направленность, а личностными качествами – идейно-политические, нравственные, морально-боевые, организаторские и компетентность.

Э. Тоффлер¹ Война и антивойна

Новой армии нужны солдаты, которые работают мозгами, могут взаимодействовать с различными народами и культурами, быть толерантными к другим, брать на себя инициативу и задавать вопросы вплоть до того, чтобы ставить под сомнение власти. «Лозунг шестидесятых «власти – к ответу» укоренился в самом неправдоподобном из всех мест», – пишет Стивен Д. Старк в «Лос-Анджелес таймс», описывая изменение духа американской армии. Тяга задавать вопросы и думать в вооруженных силах США куда сильнее, быть может, чем на многих предприятиях.

И действительно, передовое образование сегодня куда чаще встречается в армии, чем на высших уровнях бизнеса. Недавний обзор Каролинского центра творческого руководства показал, что только 19% американских руководителей высшего звена получили какую-либо степень после диплома колледжа, а 88% (примечательная цифра) бригадных генералов получали дополнительное образование.

Среди пилотов уровень обучения сейчас куда выше, чем когда-либо раньше. Во время Второй мировой войны молодых летчиков могли бросить в бой после всего нескольких часов за штурвалом самолета. Сейчас за спиной пилота F-15 – обучение ценой в миллионы долларов. И на него уходят годы, а не дни или месяцы подготовки.

Говоря словами одного офицера ВВС США: «Оружие не умнее людей, которые его используют». Сегодня пилот никогда не бывает solitary исполнителем в своей кабине. Он является элементом обширной и сложной интерактивной системы, поддержанной операторами радаров на самолетах АВАКС, которые выдают раннее предупреждение о приближении противника, специалистами по военной и противовоенной электронике на земле и в воздухе, офицерами планирования и разведки, аналитиками данных и связистами. Летчик в своей кабине должен обрабатывать огромные объемы данных и четко осознавать свое место в этой большой системе в любое мгновение ее постоянных изменений.

Как говорят два полковника ВВС, Розанна Бэйли и Томас Керни: «Критическим фактором, который ведет к успеху в применении техники, оста-

---

¹ Тоффлер Э. Война и антивойна. Что такое война и как с ней бороться. Как выжить на рассвете XXI века. М., 2005. С. 412.

ется человеческий элемент, который символизировали во время «Бури в пустыне» пилоты истребителей, применявшие ракеты класса «воздух – воздух» AIM-7. Эффективность по сравнению с вьетнамской войной возросла более чем в пять раз... прямой результат резко улучшенного обучения, в котором упор делался на такие специализированные виды, как упражнения «Ред флэг» и «Топ ган», где использовались ультрареалистические имитации, основанные на компьютерной технологии, и что важнее всего – назначения нужных людей на нужные места».

Повышение уровня образования проявляется и среди нижних чинов. Более 98% полностью добровольных сил армии составляли во время войны в Заливе выпускники средних школ – самый высокий процент в истории. У многих было еще более высокое образование. Разница между призывником вьетнамской войны и добровольцем «Бури в пустыне» для нас стала ясна, когда мы увидели, как телерепортер тычет микрофон в лицо чернокожего сержанта, стоящего перед танком. Репортер говорил: «Похоже, будто начнется наземная война, солдат. Вы не боитесь?»

Молодой подтянутый сержант посмотрел на него задумчиво, потом ответил:

Боюсь? Нет, вряд ли. Скорее, немного волнуюсь.

Это тонкое различие и сам лексикон стоит целых томов, написанных о качестве войск. Говоря словами полковника морской пехоты У. К. Грегсона, члена совета по международным отношениям, солдат линейных войск «не просто мул для перевозки патронов и держатель ствола для поливания пулями. Он понимает тактику и механизированных войск, и пехоты. Он разбирается в оперативных качествах вертолетов и самолетов, потому что чаще всего ему их и контролировать. Чтобы направлять самолеты, надо знать оружие ПВО. Он знает геометрию и навигацию, чтобы корректировать минометчиков и артиллеристов... Танки и противотанковое оружие, материальная часть и тактика мин и контрмин, применение подрывных зарядов и компьютеров, боевых машин, лазерных дезинтеграторов, приборов ночного видения, аппаратуры спутниковой связи, организация снабжения – все эти знания и умения входят в набор». Войны Третьей волны требуют куда большего, чем умение спустить курок.

Рабочая сила производства и живая сила войны меняются параллельно. Безмозглые вояки для войн Третьей волны – то же самое, что неквалифицированные чернорабочие для предприятий Третьей волны: вымирающий вид.

Мы видели, что по мере развития экономики меняется отношение «основного» и «вспомогательного» труда. Аналогичная тенденция наблюдается в военном деле.

Военная терминология несколько отлична от гражданской. Солдаты говорят не об «основном» и «вспомогательном» труде, но о «зубе» и «хвосте». В армиях Третьей волны хвост куда длиннее, чем был раньше. Генерал Пьер Галуа отмечает: «Соединенные Штаты послали к Заливу 500 000 человек, и было еще от 200 000 до 300 000 войск резерва и обеспечения. Но на самом деле войну выиграли всего две тысячи человек. Хвост вырос до невероятных пропорций». В этот хвост попали даже программисты – как мужчины, так и женщины, – оставшиеся в США, и некоторые из них работали на своих ПК, находясь дома.

Опять-таки: что происходит в экономике, повторяется в армии.

Научное издание

Утлик Эрнст Платонович

ВОИН РОССИИ:
ВОЕННО-ПСИХОЛОГИЧЕСКОЕ ИССЛЕДОВАНИЕ

Монография

Публикуется в авторской редакции
Компьютерный макет подготовлен К. А. Юрасовой

Изд. Подписано в печать
Бумага офсетная № 1. Формат бумаги 60×84 1/16. Гарнитура «Таймс». Печать офсетная.
Объем – 25 п. л. Уч.-изд. л. – 23,9. Тираж экз. Зак. №

РИО Военного университета. 123001, г. Москва, ул. Б. Садовая, 14.
Типография Военного университета

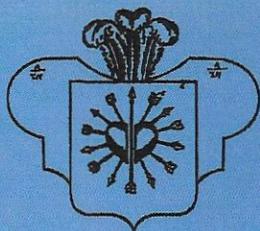
ЭРНСТ ПЛАТОНОВИЧ УТЛИК

Заслуженный работник высшей школы РФ, доктор психологических наук, профессор, действительный член Академии военных наук РФ. Профессор кафедры психологии Военного университета с 1992 г. На военной службе 38 лет – с 1954 г. по 1992 г. Полковник (в отставке).

Под его руководством подготовлено и защищено 24 кандидатских диссертации. Автор 180 научных и учебных трудов общим объемом более 400 печатных листов.

Основные работы: «Психология дисциплины», «Личность в общей и военной психологии» (2006), «Психология личности» (2008, 2013), «Личность в психологии и менеджменте» (2003, 2007), «Психология управления: нормативный подход» (2003, 2009).

В должности начальника исследовательской группы Главного политического управления СА и ВМФ принимал участие в мероприятиях по ликвидации последствий катастрофы на Чернобыльской АЭС в 1987 году. Награжден орденом «За службу Родине в Вооруженных Силах СССР» 3-й степени и медалью «За спасение погибавших».

С.Р.О.Д. **Бородухъ**